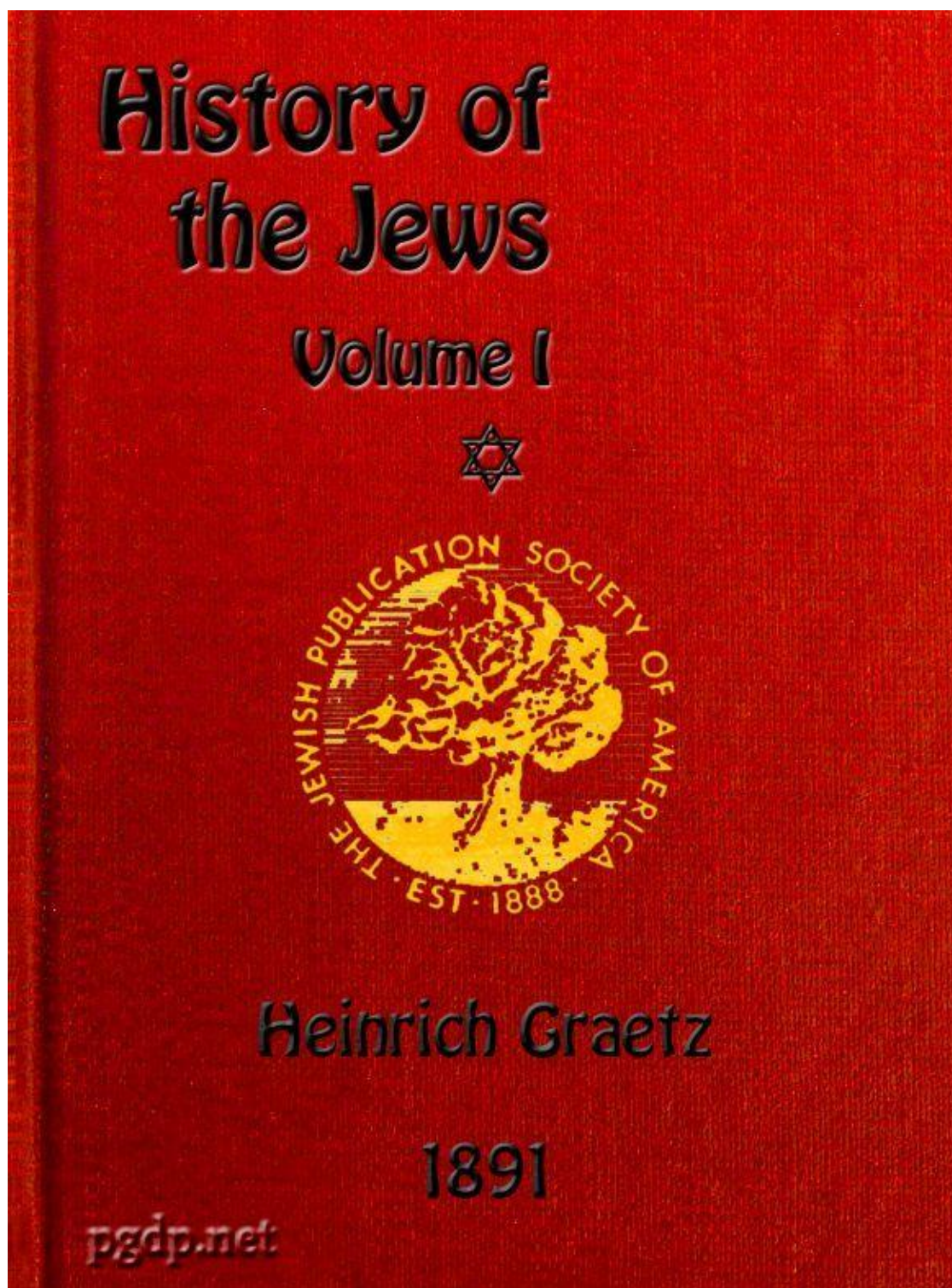

История евреев, Том 1 (из 6)

Генрих Грец

Электронная книга проекта "Гутенберг" по истории евреев, том 1 (из 6)

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: История евреев, Том 1 (из 6)

Author: Генрих Грец

Дата выхода: 29 июня 2013 г. [Электронная книга № 43056]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Титры: Продюсерами выступили Дэвид Эдвардс, Чарли Ховард и команда онлайн-корректоров на <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных Интернет-архивом)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВ", ТОМ 1 (ИЗ 6) ***

ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВ

ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВ

ВУ ГЕНРИХ ГРЕЦ

ТОМ I

С древнейших времен до смерти Симона Маккавея (135 г. до н. э.)

ФИЛАДЕЛЬФИЯ

Еврейское издательское общество Америки

5717-1956

Авторское право, 1891,

ЕВРЕЙСКИМ ИЗДАТЕЛЬСКИМ ОБЩЕСТВОМ АМЕРИКИ

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой-либо форме без разрешения writing from the publisher: except by a reviewer письменной форме: за исключением рецензента, который может процитировать краткие отрывки из рецензии, которая будет напечатана в журнале или газете.....

НАПЕЧАТАНО В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Я испытываю особое удовлетворение от того, что моя работа "История евреев с древнейших времен до наших дней" стала доступной англоязычной публике в компактной форме и посредством адекватного перевода; ибо в странах, где говорят по-английски, книги не только покупают, переплетают и помещают в библиотеки, но и читают, принимают близко к сердцу и действуют в соответствии с ними. Поэтому следует ожидать, что англоговорящий народ, который никогда не игнорировал, а всегда признавал и ценил особый характер еврейской расы, почувствует к ней возрастающую симпатию, прочитав чередование ее возвышенной и трагической истории.

Английские читатели, которым предки современных евреев - патриархи, герои и служители Божьи - знакомы, тем лучше поймут чудо, которое являлось в истории евреев на протяжении трех тысяч лет. Сохранение еврейской расы до наших дней - это чудо, которое не следует упускать из виду даже тем, кто отрицает существование чудес и кто видит только в самых поразительных событиях, как естественных, так и сверхъестественных, логические следствия причины и следствия. Здесь мы наблюдаем явление, которое развилось и утвердилось вопреки всем законам природы, и мы видим культуру, которая, несмотря на невыразимую враждебность по отношению к ее представителям, тем не менее глубоко изменила организм наций.

Автор искренне желает, чтобы этот исторический труд в его английском обличье достиг своей цели, положив конец враждебному отношению к еврейской расе, чтобы ей больше не завидовали в той особой сфере, куда она была предназначена событиями и горестями тысячелетий, и чтобы ей было позволено выполнять назначенную миссию без посягательств.

Этот перевод в пяти томах является не просто выдержкой из моего "[Немецкого: Geschichte der Juden]" (как и мой "[Немецкий: Volksthümliche Geschichte der Juden]"), а сокращенным воспроизведением всех одиннадцати томов. Но примечания были опущены, чтобы сделать

настоящую работу менее объемной для широкого читателя. Студенты-историки обычно знакомы с немецким языком и могут читать заметки в оригинале.

В этом английском издании "История наших дней" сведена к 1870 году, в то время как в оригинале речь идет только о памятных событиях 1848 года. Последний том будет содержать обзор всей истории еврейского народа вместе со всеобъемлющим указателем имен и событий.

В заключение я не могу удержаться от выражения благодарности тому, чья жизненная задача - с редкой щедростью продвигать все человеческие и интеллектуальные интересы, и благодаря кому был сделан и опубликован этот перевод. Рискую уязвить его скромность, я должен упомянуть в качестве мецената этой работы мистера Фредерика Д. Мокатту, чье имя нарицательно в каждом еврейском кругу.

H. GRAETZ.

Бреслау, январь 1891 г..

К предыдущим словам автора я просто хочу добавить, что, хотя первый том, касающийся периода хасмонеев, был переведен мной, остальные тома по большей части "были переведены на английский разными руками" и впоследствии были переработаны и отредактированы мной.

Я выражаю сердечную благодарность мистеру Израэлю Абрахамсу, чье научное сотрудничество позволило мне справиться с трудностями, связанными с ивритом, еврейскими именами и техническими нюансами.

BELLA LÖWY.

Лондон, январь 1891 года.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ ОБЩЕСТВА.

Из-за необходимой доработки, проведенной американскими редакторами, публикация этой работы была отложена сверх заявленных сроков ее выхода.

Есть надежда, что в будущем такой задержки удастся избежать.

Комитет по публикации.

Июнь 1891 года.

Содержание.

ГЛАВА I.

САМЫЙ РАННИЙ ПЕРИОД.

страница

Исконные жители Ханаана—Гигантские Анаким и Рефаим—Финикийцы—
Притязания Израиля на Ханаан—Патриархи—Наследственный закон—Эмиграция в
Египет—Союз племен—Светлые и темные стороны египтян—Моисей, Аарон и
Мириам—Пророческий Мудрец—Призыв Моисея как Освободителя—Оппозиция—
Исход из Египта—Переход через Красное море—Скитания по пустыне—Откровение
на горе Синай—Декалог—Рецидив—Уступки—Кризис—Обходные скитания—
Победы над населением Ханаана на Трансиорданская сторона-Зарождение
еврейской поэзии—Смерть Моисея

ГЛАВА II.

ОККУПАЦИЯ ЗЕМЛИ ХАНААНСКОЙ.

Преемственность Иисуса Навина—Переход Иордана—Завоевание Иерихона—
Гаваонитяне—Коалиция ханаанских городов против израильтян—Заселение
Земли—Изоляция племен—Наделы—Колено Левия—Ковчег Завета в Силоме—
Состояние Ханаана на момент завоевания—Климат и плодородие—
Интеллектуальная деятельность—Поэзия природы—Остатки древних цивилизаций.
Ханаанское население —Смерть Иисуса Навина

ГЛАВА III.

СОСЕДНИЕ НАРОДЫ.

Финикийцы, арамеи, филистимляне, идумеи — Их обычаи и мифология—Моавитяне
и аммонитяне—Общение израильтян со своими соседями и заимствование их
нравов—Распад племен —Вытекающая из этого слабость —Временные
освободители

ГЛАВА IV.

СУДЬИ.

Вражда идумеян—Отниэль, Избавитель—Эглон, царь Моава—Ханаанский царь
Иавин—Сисара, его военачальник—Пророчица и поэтесса Дебора—Барак—
Победа близ Фавора—Ранняя еврейская поэзия—Страдания от кочевников—Герой
Гидеон Иеровбаал—Победа на равнине Изреель—Начало процветания—
Абимелех—Вражда с шехемитами—Иаир Галаадитянин—Вражда амаликитян и
Филистимляне—Иеффай—Самсон—Судьи-Завулониты

ГЛАВА V.

ИЛИЙ И САМУИЛ.

Важность судей—Общественное мнение—Святилище в Силоме—Эли и его
сыновья—Поражение от филистимлян—Захват Ковчега—Разрушение Силома и
Святилища—Бегство Аронитов и левитов—Смерть Эли—Ковчег в Филистии и в
Кириаф—Иариме-Пророчество вновь пробудилось—Самуил в Раме—Орден
Пророков или Певцов—Народное отвращение—Колено Иудино—Неоднократные
нападения филистимлян—Собрание в Массифе—Деятельность Самуила—Ноб как
место поклонения Богослужение—Усиление могущества филистимлян и
аммонитян—Племена желают иметь царя—План действий Самуила

1100?-1067 гг. до н. э.

ГЛАВА VI.

АПОГЕЙ.

Установление царства—Саул—Его положение и характер—Его тайное избрание в Массифе—Унизительное положение нации под властью филистимлян—
Объявление войны—Собрание в Галгале—Битва при Михмаше—Поражение филистимлян—Суровость Саула—Победа над аммонитянами—Подтверждено избрание Саула царем—Его двор и приближенные—Его офицеры и Постоянная армия—Победа над Амаликитянами—Споры между Саулом и Самуилом—
Нападения Саула на соседний народ—Война с аммонитянами Гаваонитяне—Место поклонения в Гаваоне—Война против филистимлян в долине Тамаринф—Голиаф и Давид—Встреча Саула и Давида—Ревность Саула превращается в безумие—
Преследование Давида—Последняя битва Саула с филистимлянами—Поражение и смерть

1067-1055 гг. до н.э.

ГЛАВА VII.

ДАВИД И ИЕВОСФЕЙ.

Сожжение Циклага—Поражение амаликитян—Иуда избирает Давида царем—
Авенир и Иевосфей—Война между домами Саула и Давида—Убийство Авенира—
Смерть Иевосфея—Давид признан единственным царем—Взятие Сиона—
Укрепление Иерусалима—Война с филистимлянами—Победа Давида—Герои—
Союз с Хирамом—Перенос Ковчега Святилища в Иерусалим—Первосвященник—
Хоровые службы Храма—Внутреннее управление Израиля—Гаваонитяне и Рицпа Мемфивосфей

1055-1035 гг. до н. э.

ГЛАВА VIII.

ДАВИД.

Война с моавитянами—Оскорбление, нанесенное царем аммонитян—Война с аммонитянами—Их поражение—Битва при Хеламе—Нападение Хададезера—
Поражение арамейцев—Взятие Дамаска—Война с идумеями—Завоевание города Равва—Поражение идумеев—Покоренные народы, обязанные платить дань—
Вирсавия—Смерть Урии Хеттеянина—Притча о Нафане—Рождение Соломона (1033)—Несчастья Давида—Авессалом—Мудрая женщина из Текоаха—
Примирение Давида и Авессалом—Численность войск—В Израиле вспыхивает эпидемия—Восстание Авессалома—Убийство Амасы—Восстание Савы—Давид и Натан—Адония

1035-1015 гг. до н. э.

ГЛАВА IX.

СОЛОМОН.

Правление нового царя—Выбор Соломона—Поэтическая аллегория—Убийство Адонии и Иоава—Двор—Союз с Египтом—Тир—Постройки Соломона—План Храма—Рабочие—Материалы—Описание храма—Церемония освящения—
Реорганизация священства—Царский дворец—Трон—Увеличение национального богатства—Флот—Семена разобщенности—Иеровоам—Разрешено идолопоклонство—Отчуждение от Египта—Рост окружающих царств—Слава

Соломона—Его смерть

1015-977 гг. до н. э.

ГЛАВА X.

ОТДЕЛЕНИЕ ПЛЕМЕН.

Восшествие на престол Ровоама—Возвращение Иеровоама—Царь в Сихеме—
Отделение десяти колен—Избрание Иеровоама—Новые союзы—Резон и Сишак—
Укрепление Сихема—Идолопоклонство Иеровоама—Порицание Ахии—Религия в
Иудее—Авийам—Аса—Надав—Вааса—Войны между Асой и Ваасой—Поражение
Зары—Бенхадад—Ила—Зимри—Омри—Гражданская война—Построена
Самария—Политика Омри—Союзы с Эфбаалом и Тиром—Ахав: его характер—
Иезавель—Священники Ваала—Илия—Виноградник Навуфея—Илия на Кармиле—
Война с Бенададом—Смерть Ахава и Иосафата—Восшествие на престол Охозии—
Иорам—Илия и Елисей—Ииуй—Смерть Иезавели

179

977-887 гг. до н.э.

ГЛАВА XI.

ДОМ ДАВИДА И ИЕГУДЕИ.

Правление Гофолии—Ранние годы Иоаса—Провозглашение Иоаса Иодаем—
Убитая Гофолия—Религиозное возрождение—Елисей—Ремонт храма—Смерть
Иодая и его сына—Вторжение в Израиль Азаила—Иоахаз—Убийство Иоаша, царя
Иудеи—Иоас, царь Израиля—Поражение арамейцев—Амасия—Завоевание Эдома—
Смерть Елисея—Амасия побежден Иоасом—Иеровоам II.—Смерть Амасии

213

887-805 гг. до н. э.

ГЛАВА XII.

КОНЕЦ ДОМА ИИУЕВА И ВРЕМЯ ОЗИИ.

Состояние Иудеи—Землетрясение и голод—Правление Озии—Свержение
соседних держав—Укрепление Иерусалима—Плавание по Красному морю—
Процветание Иеровоама—Сыновья пророков—Амос—Пророческое красноречие—
Пророчества Иоили—Осия предсказывает Окончательный мир—Осуждение
Озии—Захария, Шаллум, Менахем—Последние годы правления Озии—
Соперничество между царем и первосвященником—Озия узурпирует
священнические функции—Болезнь Озии

228

805-758 гг. до н. э.

ГЛАВА XIII.

ПАДЕНИЕ ЦАРСТВА ДЕСЯТИ КОЛЕН; ДОМ ДАВИДА И ВМЕШАТЕЛЬСТВО АССИРИЙЦЕВ.

Царь Менахем —Вавилоняне и ассирийцы—Факей—правление Иоафама—Исайя
Иерусалимский—Его стиль и влияние—Его первое публичное выступление—Более
поздние речи—Их немедленный и постоянный эффект—Его ученики—Их
характеристики—Захария—Его пророчества

246

758-740 гг. до н. э.

ГЛАВА XIV.

КОНЕЦ ЦАРСТВА ДЕСЯТИ КОЛЕН И ДОМА ДАВИДОВА.

Правление Ахаза—Его характер—Союз между Факой и Рецином—Тиглатпаласар и Ассирия—Ахаз ищет ассирийской помощи—Оппозиция Исайи—Поражение Факея и Рецина—Введение ассирийского богослужения—Человеческие жертвоприношения—Второй Михей—Самария после смерти Факея—Ассирия и Египет—Осия—Самария захвачена Салманасаром—Изгнание—Езекия—Его ранние меры—Его слабость характера—Усилия Исайи удержать Езекию от войны с Ассирией—Меры по обороне—Изменение политики—Исайя предсказывает избавление—Михей—Посольство Рабсаки—Неповиновение Езекии—Его болезнь и выздоровление—Разгром армии Сеннахериба—Меродах—баладан—Правление Езекии—Псалмопевцы—Смерть Езекии

739-696 гг. до н. э.

ГЛАВА XV.

ПОСЛЕДНИЕ ЦАРИ ИУДЕИ.

Манассия —Фанатичная ненависть к политике Езекии—Введено ассирийское богослужение—Анавим—Преследование пророков—Эсархаддон—Колонизация Самарии—Амон—Иосия—Хульда и Софония—Дела в Ассирии—Возрождение Иудеи при Иосии—Ремонт Храма—Иеремия—Книга Второзакония—Пасха Иосии—Битва при Мегиддо

695-608 гг. до н.э.

ГЛАВА XVI.

КОНЕЦ ИУДЕЙСКОГО ЦАРСТВА.

Последствия внешней политики Иосии—Иоахаз—Иоаким—Введение египетского идолопоклонства—Пророки—Урия, Сын Шемаии—Возобновление трудов Иеремии—Падение Ассирии—Навуходоносор—Барух читает Свиток Иеремии—Подчинение Иоакима—Его восстание и смерть—Иоахим—Седекия—Осада Иерусалима Навуходоносором—Осада, снятая из—за вмешательства Египта—Поражение египтян—Возобновление осады—Взятие Иерусалима —Седекия в Вавилоне—Разрушение столицы—Плач Иеремии

608-586 гг. до н. э.

ГЛАВА XVII.

ПОСЛЕДСТВИЯ РАЗРУШЕНИЯ.

Национальный упадок—Беглецы—Вражда идумеян—Иоханан, Сын Карей—Плач—Навуходоносор назначает Годалию губернатором—Иеремия ободряет народ—Массифа—Измаил убивает Годалию—Бегство в Египет—Совет Иеремии проигнорирован—Сокращение населения Иудеи—Идумеи основывают поселения в Стране—Обадия—Положение иудеев в Египте—Поражение Хофры—Египет при Амасисе—Иеремия Последние дни

586-572 гг. до н. э.

ГЛАВА XVIII.

БАВИЛОНСКОЕ ИЗГНАНИЕ.

Обращение Навуходоносора с изгнанниками —Изгнанники получают земельные наделы—Зло-Меродах благоволит Иоахиму—Число иудейских изгнанников—Пленение Иезекииля в первый период Изгнания—Моральное изменение народа—Барух собирает пророчества Иеремии и составляет исторические хроники—Скорбящие Сиона—Прозелиты—Благочестивые и мирские—Поэзия того времени—Псалмы и Книга Иова—Книга Набонада Гонения—Мученики и пророки изгнания—Вавилонянин Исая—Кир захватывает Вавилон—Возвращение при Зоровавеле

572-537 гг. до н. э.

ГЛАВА XIX.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ВАВИЛОНА, НОВАЯ ОБЩИНА В ИУДЕЕ, ЕЗДРА И НЕЕМИЯ.

Путешествие в Иерусалим—Самаряне—Начало восстановления Храма—Прерывание работ—Дарий—Аггей и Захария—Завершение строительства Храма—Борьба между Зоровавелем и Иисусом Навином—Смешанные браки с язычниками—Иудеи в Вавилонии—Посещение Ездрой Иерусалима—Расторжение языческих браков—Книга Руфь—Нападения Санбаллата—Неемия—Его прибытие в Иерусалим—Укрепление столицы—Интриги Санбаллата против Неемии—Порабощение бедных—Протест Неемии—Повторное заселение столицы—Генеалогии—Чтение Закона—Праздник Кущей—Великое Собрание—Посвящение—Отъезд Неемии—Действия Элиашива—Удержание десятины—Малахия, Последний из Пророков—Второй визит Неемии в Иерусалим—Его меры

537-420 гг. до н. э.

ГЛАВА XX.

СОФЕРИАНСКИЙ ВЕК.

Вражда самаритян к иудеям—Храм на горе Гаризим—Первосвященник Манассия—Смешанный язык самаритян—Их почитание Закона Моисея—Иудаизм теряет свое национальное значение—Юбилейный год и Субботний день—Раздача милостыни—Совет семидесяти—Ассирийские персонажи—Школы и Соферим—Соблюдение церемоний—Молитвы—Будущая жизнь—Иудеи при Артаксерксах II и III—Их изгнание в Египет Каспийское море—Иоханан и Иисус Навин борются за пост первосвященника—Багоас—Писания того периода—Греки и македоняне—Александр Македонский и иудеи—Иудея считалась провинцией Клесирия—Борьба между преемниками Александра—Захват Иерусалима Птолемеем—Иудея присоединена к Лагидско—Египетскому царству —Иудейские колонии в Египте и Сирии и греческие колонии в Палестине

420-300 гг. до н.э.

ГЛАВА XXI.

СИМОН СПРАВЕДЛИВЫЙ И ЕГО ПОТОМКИ.

Положение иудеев при Птолемеях—Симон добивается улучшений—Сирах поет Ему дифирамбы—Его доктрины—Хасиды и назореи—Дети Симона—Ония II. и восстание против Египта—Иосиф, Сын Товии—Его посольство в Александрию—Он назначен сборщиком налогов—Война между Антиохом Великим и Египтом—Поражение Антиоха—Распространение греческих нравов в Иудее—Гиркан—Песнь

Песней—Симон II.—Скопас грабит Иерусалим—Борьба между Антиохом Великим и Египтом—Поражение Антиоха—Распространение греческих нравов в Иудее—Гиркан—Песнь Песней—Симон II.-Скопас грабит Иерусалим-Борьба между Антиох и Рим -Продолжающаяся эллинизация иудеев-Хасиды и эллинисты-Хосе бен Джозер и Хосе бен Йоханан-Ониас III. и Книга Притчей Симона—Илиодора—Сираха против ошибок его Времени

300-175 гг. до н. э.

ГЛАВА XXII.

ОБРАЩЕНИЕ ТИРАНОВ В ЭЛЛИНИЗМ И ВОЗВЫШЕНИЕ МАККАВЕЕВ.

Антиох Епифан—Его характер—Его войны с Римом—Он назначает Ясона Первосвященником-Введение Греческих игр—Ясон отправляет послов в Тир для участия в Олимпийских играх—Дела в Иерусалиме—Антиох вторгается в Египет—Сообщение о его смерти в Иерусалиме—Антиох нападает на город и оскверняет Храм—Его замыслы против иудаизма—Его второе вторжение в Египет—Преследование иудеев—Мученики—Маттафия и его пятеро сыновей—Апеллес появляется в Модиине—Хасиды—Смерть Иисуса Христа Маттафия и назначение Иуды Маккавея лидером — Его добродетели—Битвы против Аполлония и Героны—Антиох решает истребить иудейский народ—Состав и цель Книги Даниила—Победа Иуды над Лисием

442

175-166 гг. до н. э.

ГЛАВА XXIII.

ПОБЕДЫ И СМЕРТЬ ИУДЫ МАККАВЕЯ; ИОНАФАН ХАСМОНЕЯНИН.

Возвращение Иуды в Иерусалим—Восстановление Храма—Праздник огней—Укрепление храма Столица—Идумеи и аммонитяне побеждены Иудой—Жестокое обращение с иудеями Галилеи—Меры против Тимофея-Смерть Антиоха—Посольство эллинистов к Антиоху V.—Битва при Вефцуре—Отступление Иуды—Дела в Иерусалиме—Алким—Вмешательство римлян—Беседа Никанора с Иудой—Битва при Адарсе—Смерть Иуды—Результаты его карьеры—Состояние народа после смерти Иуды—Хасиды, эллинисты и хасмонеи —Ионафан—Его партизанская война против Вакхида—Смерть первосвященника Алкима—Перемирие между Ионафаном и Вакхидом—Ионафан как первосвященник-Его дальновидная политика—Его пленение и смерть

471

165-143 гг. до н. э.

ГЛАВА XXIV.

ИУДЕИ В АЛЕКСАНДРИИ И ПРАВИТЕЛЬСТВО СИМОНА.

Иудейские колонии в Египте и Кирене—Внутренние дела александрийской общины—Царь Филометор благоволит иудеям—Ония и Досифей—Храм Онии—Перевод Пятикнижия на греческий—Борьба между иудеями и самаритянами в Александрии—Дела в Иудее—Независимость Иудеи—Союз Симона с римлянами—Свержение Акры и эллинистов—Чеканка монет Симона—Ссора между Симоном и сирийским царем—Вторжение Кендевея—Убийство Симона

503

160-135 гг. до н. э.

ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВ

ГЛАВА I. САМЫЙ РАННИЙ ПЕРИОД.

Исконные жители Ханаана—Гигантские Анаким и Рефаим—Финикийцы—Претензии Израиля на Ханаан—Патриархи—Наследственный закон—Эмиграция в Египет—Союз племен—Светлые и темные стороны египтян—Моисей, Аарон и Мириам—Пророческий мудрец—Призыв Моисея как Избавителя—Противостояние—Исход из Египта—Переход через Красное море—Скитания по пустыне—Откровение на горе Синай—Декалог—Рецидив—Уступки—Кризис—Обходные скитания—Победы над населением Ханаана со стороны Трансиордании—Начало еврейской поэзии—Смерть Моисея.

Было это весенним днем, когда несколько скотоводческих племен перешли Иордан и оказались на полосе земли, которую можно рассматривать только как протяженную береговую линию Средиземного моря. Это была земля *Ханаан*, впоследствии названная *Палестиной*. Переходу через Иордан и вступлению на эту территорию было суждено приобрести первостепенное значение для человечества. Земля, которой владели сами пастушьи племена, стала ареной великих событий, настолько длительных и важных по своим результатам, что страна, в которой они происходили, стала известна как *Святая Земля*. Далекие народы и понятия не имели, что вступление *еврейских* или *израильских* племен в землю Ханаанскую будет иметь такие важные последствия. Даже жители Палестины были далеки от того, чтобы признать в этом вторжении событие, имеющее жизненно важное значение для них самих.

В то время, когда евреи оккупировали эту территорию, она была населена племенами и народами, непохожими по происхождению и занятиям. Первостепенное место занимали аборигены, *анакимы* и *Рефаимы*, могущественная раса гигантов. Традиция представляет их как потомков той неуправляемой и властной расы, которая в первобытные времена пыталась штурмовать небеса. За эту мятежную попытку они были обречены на позорное уничтожение.

Их предполагаемые потомки, могущественные уроженцы страны, которых некоторые древние народы называли *эмим*, "ужасные люди", не смогли прокормить себя; несмотря на их внушительные фигуры, они были уничтожены расами более низкого роста. Остальные были вынуждены мигрировать в восточно-иорданские земли, на юг, а также на юго-запад Западно-Иорданского региона. Эти остатки *анакимов* наполнили израильских шпионов таким ужасом, что заставили весь народ отчаяться когда-либо завладеть страной. Это дало начало пословице: "Кто может устоять перед детьми Анака?" "Мы были, - сказали шпионы, - в наших собственных глазах как кузнечики, и такими мы казались им". Эти гиганты в конце концов были побеждены израильскими карликами.

Другой группой жителей, поселившихся на землях между Средиземным морем и Иорданом, были *хананеи*, которых греки называли финикийцами. Эти финикийцы, по-видимому, занимались в своей новой стране тем же делом, что и на берегах Красного моря или Персидского залива. Их главными занятиями были мореплавание и торговля. Позиция, которую они выбрали, была в высшей степени благоприятной для их смелых экспедиций. Великий океан, образующий пролив у Геркулесовых столбов и отделяющий Европу от Африки, как Средиземное

море, имеет здесь свой крайний предел. У подножия заснеженного Ливана и его отрогов просторные заливы образовывали естественные гавани, которые почти не требовали улучшения со стороны человека. На этом побережье хананеи построили город Сидон, расположенный на выступающей над морем скале. Впоследствии они построили на небольшом скалистом острове порт Тир (Тор, который впоследствии стал знаменитым); они также построили Арадус к северу от Сидона и Акко (Акко) к югу от Тира. Соседние леса Ливана и Антиливана поставляли им высокие кедры и крепкие кипарисы для кораблей. Хананеи, ставшие первой торговой нацией в мире, во многом были обязаны своим успехом находке на своем побережье различных видов мурекса (*Толаат шани*), из жидкости которого получали самый яркий и широко известный фиолетовый краситель. Прекрасный белый песок реки Бел, недалеко от Акко, давал тонкое стекло - изделие, которое также пользовалось большим спросом в Старом Свете. Богатство страны заключалось в песках морского побережья. Хананеи, из-за своей обширной торговли, в ранний период нуждались в удобной форме письма и внедрили ее, а их финикийский алфавит стал образцом для алфавитов древних и современных народов. Одним словом, узкая полоса суши между Средиземным морем и горой Ливан с ее отрогами стала одной из самых важных точек на поверхности земного шара. Благодаря мирным занятиям торговлей хананеи вступили в контакт с отдаленными народами, которые постепенно выходили из состояния бездействия. Они разделились на небольшие народности амореев, хеттов, евеев и ферезеев. Иевусеи, населявшие этот район, имели второстепенное значение; они жили на участке земли, который впоследствии стал местом основания города Иерусалима. Еще менее значимыми были гиргашиты, у которых не было определенного места жительства. Все эти имена остались бы неизвестными, если бы израильтяне не вошли в эту землю.

Но этот народ обосновался в стране не только с целью найти пастбища для своих стад; их притязания были гораздо шире. Прежде всего, они претендовали как на свое достояние на землю, где находились могилы их предков. Первый патриарх Авраам, эмигрировавший из Арама, расположенного на берегах Евфрата, после долгих скитаний по стране приобрел в Хевроне в качестве наследственного места захоронения пещеру Махпела, или "Двойную пещеру", вместе с прилегающим полем и деревьями. Там была похоронена его жена Сарра, затем он сам, а после него его сын, патриарх Исаак.

Третий патриарх, Иаков, после многих превратностей судьбы и странствий купил участок земли недалеко от Сихема и взял этот важный город "своим мечом и своим луком". Город находился в самом сердце территории евеев, и его захват произошел в результате нарушения мира в результате похищения и бесчестия дочери Иакова. Отныне земля считалась собственностью патриарха, и он лишь неохотно покинул ее во время начавшегося голода, чтобы отправиться в Египет, где было в изобилии кукурузы. На смертном одре Иаков внушил своим сыновьям, что они должны поместить его останки в семейную усыпальницу "Двойная пещера". В Ханаане были не только могилы трех патриархов, но и алтари, которые они воздвигли и называли в различных местах в честь Божества, которому они поклонялись. Поэтому израильтяне были твердо убеждены, что у них есть право на исключительное владение этой землей.

Эти утверждения черпали дополнительную силу в традиции, оставленной патриархами своим потомкам в качестве священного завещания, согласно которому Божество, которого они узнали первыми, неоднократно и несомненно, хотя и только в видениях, обещало им эту землю в качестве их владения, не просто ради того, чтобы оказать им благосклонность, но и как средство достижения более высокого уровня культуры. Эта культура в основном состояла бы в

доктрине Авраама о более чистой вере в *Единого Бога*, природа которого существенно отличалась от природы богов, которых различные народы представляли в виде идолов и посредством других бессмысленных представлений. Более высокое признание Божества было призвано привести потомство Авраама к практике справедливости по отношению ко всем людям, в противовес несправедливости, повсеместно господствовавшей в те дни. Утверждалось, что эта высшая культура была предопределена Всевышним как "путь Божий" и что как таковая она должна быть передана патриархами своим семьям в качестве завещания и предмета наследственного обучения. Они также получили обещание, что через их потомство, как верных хранителей этого учения, все народы земли будут благословлены и будут участвовать в интеллектуальном развитии Израиля; и что с той же целью Израилю была выделена земля Ханаан, как специально приспособленная для целей наследственного закона. Поэтому израильтяне, находясь в чужой стране, испытывали неудержимую тоску по земле своих предков. Их предки внушили им надежду на то, что, хотя некоторые из их поколений будут жить на земле, которая им не принадлежит, обязательно придет время, когда Израиль вернется на ту землю, которая была местом упокоения их патриархов и где были воздвигнуты и освящены патриаршие алтари. Это обещание стало отождествляться со всеми их позитивными ожиданиями и с их убежденностью в том, что приобретение Ханаана было им обеспечено при условии, что они будут выполнять обязанности поклонения Богу своих отцов и соблюдать пути справедливости. Природа этого культа и "пути справедливости" не были четко определены, да они и не нуждались в таком определении. Жизнь патриархов, увековеченная потомками, служила достаточной иллюстрацией семейного закона. Авраам особенно ценился как образец человеческого совершенства. В отличие от других народов, которые *поклонялись* своим первобытным предкам, его потомки не почитали его ни как исполнителя чудесных деяний, ни как человека, возвышенного до выдающейся степени бога или полубога. Не как воин и завоеватель он остался в памяти своих потомков, а как самоотверженный, богобоязненный человек, соединивший истинную простоту и веру с благородством в мыслях и действиях. Согласно их концепции, Авраам Еврей, хотя и родился от родителей-идолопоклонников в Араме, по другую сторону Евфрата, и хотя воспитывался среди идолопоклоннических сообществ, послушался голоса, который открыл ему высшего Бога, и отделил себя от окружающих. Когда возникали споры, он не настаивал упрямо на своих притязаниях, а отказывался от своих прав ради того, чтобы жить в мире со своими братьями. Он был так гостеприимен, что выходил вперед, чтобы пригласить проходящих путников, и с удовольствием развлекал их. Он ходатайствовал за грешников Содомы и соседних городов, когда их жестокие и бесчеловечные поступки навлекли на них Небесное наказание; и он молился, чтобы они были пощажены ради нескольких праведников среди них.

Эти и другие воспоминания о его миролюбивом и великодушном нраве, о его самоотречении и покорности Богу были бережно хранимы его потомками вместе с убеждением, что такая линия поведения угодна Богу их отцов; что ради этих добродетелей Бог защитил Авраама, а также его сына и внука, потому что двое последних последовали примеру своего предшественника. Эта вера в то, что Бог особенно защищает добродетельных, справедливых и добродетельных, была полностью подтверждена при жизни патриарха Иакова, которому было дано дополнительное имя Израиль. Его жизнь была короткой и трудной, но Бог его отцов избавил его от всех печалей. Такие воспоминания о благочестии предков сохранялись сынами Израиля, и такие семейные традиции дополняли и иллюстрировали их наследственный закон.

Рост Израиля как отдельной расы начался при чрезвычайных обстоятельствах. Происхождение этого народа имело лишь очень слабое сходство с происхождением других народов. Израиль как народ возник в своеобразных условиях в земле Гесем, территории, расположенной на крайнем севере Египта, недалеко от границ Палестины. Израильтяне не сразу сформировались в нацию, а состояли из двенадцати слабо связанных пастушеских племен.

Эти племена вели простую жизнь в земле Гесем. Со старейшинами (*зекеним*) семей, которые выступали в качестве их вождей, советовались по всем важным поводам. У них не было верховного вождя, и они не были обязаны хранить верность египетским царям; и таким образом, они обычно пользовались свободой республики, в которой каждая племенная часть могла сохранять свою независимость, не впадая в подчинение или рабство. Хотя они не смешались с древними египтянами, которые на самом деле испытывали отвращение к пастухам — возможно, из-за притеснения, которое они в прежние века терпели от таких пастухов (гиксосов), — все же нельзя было упускать возможности для контактов и взаимного общения. Некоторые семьи Израиля отказались от своих пастырских занятий и посвятили себя сельскому хозяйству или промышленным занятиям, и поэтому были связаны с жителями городов. Похоже, что члены колена Ефремова поддерживали более тесные социальные контакты с исконными жителями. Это общение оказало благоприятное влияние на израильтян.

Египтяне уже прошли тысячелетнюю историю и достигли высокого уровня культуры. Их цари, или фараоны, уже построили густонаселенные города и возвели колоссальные сооружения, храмы, пирамиды и мавзолеи. Их священники достигли определенной степени совершенства в таких искусствах и технических достижениях, которые соответствовали потребностям страны, как, например, архитектура и гидротехнические сооружения, родственная наука геометрия, искусство медицины и тайна бальзамирования для вечного сохранения останков усопших; также художественная обработка предметов из золота, серебра и драгоценных камней для удовлетворения потребностей королей в роскоши. Они также владели искусством скульптуры и использованием пигментов. Они изучали хронологию вместе с астрономией, на что указывали периодические разливы Нила. Важнейшее искусство письма было изобретено и доведено до совершенства египетскими жрецами. Сначала они использовали камни и металлы, чтобы увековечить славу своих монархов; а затем они использовали волокна кустарника папируса, которые первоначально были помечены неуклюжими фигурами, а впоследствии искусно нарисованными символами. Об этих нескольких достижениях израильтяне, по-видимому, приобрели некоторое представление. В частности, члены обездоленного колена Леви, не обремененные пастырским служением или земельными владениями, по-видимому, научились у египетских жрецов искусству письма. Из-за их превосходных знаний другие племена относились к ним как к жреческому сословию, и, следовательно, они даже в Египте обладали привилегированным положением жреца.

Пребывание израильтян в Египте было для них большим преимуществом. Это подняло их, или, по крайней мере, часть из них, из грубого состояния природы на более высокий уровень культуры. Но то, что они приобрели, с одной стороны, они потеряли, с другой; и, несмотря на свое искусство и достижения, со временем они оказались бы в еще более жалком положении. Ни у одного народа, продвинувшегося дальше первой стадии поклонения фетишам, идолопоклонство не принимало такого отвратительного развития и не искажало привычки так пагубно, как это было в случае с египтянами. Объединяя и перемешивая богов различных районов, они создали законченную систему политеизма. Как само собой разумеющееся, они

поклонялись не только богам, но и богиням. Что делало мифологию египтян особенно отталкивающей, так это тот факт, что они ставили обожествленных существ, которым они поклонялись, от которых ожидали помощи, намного ниже уровня человеческих существ.

Они придавали своим богам облик животных и поклонялись низшим созданиям как божественным силам. Амон, их главный бог, был представлен с бараньими рогами, богиня Пехт (Пахт) - с кошачьей головой, а Хатхор (Атир), богиня распущенности, - с головой коровы. Осирис, которому поклонялись по всему Египту, был представлен в самом отвратительном образе, а повсеместно почитаемая Исида часто изображалась с головой коровы. Животные были редкостью в районе Нила, поэтому их сохранению придавалось большое значение, и они получали божественное почитание. Такие почести воздавались черному быку *Апису* (*Абиру*) в Мемфисе, белому быку *Мневису* в Гелиополисе, похотливым козам, собакам и особенно кошкам; также птицам, змеям и даже мышам. Убийство священного быка или кошки каралось более сурово, чем убийство человека.

Израильтяне ежедневно становились свидетелями этого отвратительного идолопоклонства. Последствия таких извращений были достаточно плачевными. Люди, облакавшие своих богов в облик животных, опустились до уровня зверей, и с ними обращались как с таковыми цари и представители высших каст — жрецы и солдаты. Человечество было презираемо; не обращалось никакого внимания на свободу подданных, а тем более на свободу чужаков. Фараоны утверждали, что произошли от богов, и им поклонялись как таковым даже при их жизни. Вся земля с ее населением принадлежала им. С их стороны было просто актом милосердия, что они предоставили часть территории земледельцам.

На самом деле Египет был населен не независимой нацией, а рабами. Сотни тысяч были вынуждены участвовать в принудительных работах по возведению колоссальных храмов и пирамид. Египетские жрецы были достойны таких царей и богов. В то время как фараоны жестоко изводили своих подданных тяжелым трудом, жрецы продолжали заявлять, что цари были полубогами. Под тяжестью этого угнетения люди были лишены всякого человеческого достоинства и подчинились самому ужасному рабству, даже не пытаясь освободиться от этого унижительного ярма. Отвратительное идолопоклонство, господствовавшее тогда в Египте, имело еще более пагубные последствия. Люди утратили представление о целомудрии после того, как они поставили грубое создание на одну доску со своими божествами. Неопишуемые проступки при использовании животных стали обычным явлением и не влекли за собой ни наказания, ни позора. Поскольку боги изображались в нецеломудренных позах, казалось, что людям нет необходимости быть лучше богов. Нет примера более заразительного и соблазнительного, чем глупость и грех. Израильтяне, особенно те, кто вступил в более тесный контакт с египтянами, постепенно переняли идолопоклоннические извращения и предались необузданной распущенности. Такое положение вещей усугублялось новой системой преследований. В течение длительного периода израильтяне, проживавшие в Земле Гесем, оставались в покое, на них смотрели как на бродячих пастухов, которые не собирались постоянно селиться в Египте. Но когда прошли десятилетия и даже столетие, а они все еще оставались на земле и продолжали увеличиваться в численности, совет царя выразил недовольство состоянием свободы, в котором было отказано самим египтянам. Теперь двор опасался, что эти пастушеские племена, которые стали так многочисленны в Гесеме, могут занять воинственную позицию по отношению к Египту. Чтобы избежать этой опасности, израильтяне были объявлены рабами и вынуждены выполнять принудительные работы. Чтобы

добиться быстрого уменьшения их численности, царь приказал утопить младенцев мужского пола израильтян в Ниле или в некоторых каналах и пощадить только младенцев женского пола. Израильтяне, прежде свободные в земле Гесем, теперь содержались "в доме рабства", "в железной печи"; здесь предстояло доказать, будут ли они подчиняться своему наследственному закону или последуют чужим богам.

Большая часть племен не выдержала этого испытания. У них было смутное представление о том, что Бог их отцов был существом, сильно отличающимся от египетских идолов; но даже это знание, казалось, уменьшалось день ото дня. Любовь к подражанию, жестокое угнетение и ежедневные невзгоды сделали их тупыми и заслонили слабый свет их наследственного закона. Порабощенные рабочие не знали, что и думать о невидимом Боге, который жил только в их воспоминаниях. Подобно своим хозяевам, египтянам, они теперь подняли глаза на видимых богов, которые проявили себя такими милосердными и благосклонными к мучителям Израиля. Они обращали свои молитвы к бычьему богу Апису, которого они называли *Абир*,¹ а также приносили жертвы козлам.² Дочь Израиля, повзрослев, пожертвовала своей добродетелью и отдалась египтянам.³ Вероятно, считалось, что в изображениях травоядного животного воздавались почести богу патриархов. Когда интеллект находится на ложном пути, где пределы для его воображения? Израильтяне поддались бы грубому чувственному идолопоклонству и египетскому пороку, как и многие другие народы, попавшие под влияние народа земли Хам, если бы два брата и их сестра — орудия высшего Духа — не пробудили их и не вывели из летаргии. Это были Моисей, Аарон и Мариам.⁴ В чем заключалось величие этой триады? Какие интеллектуальные способности побудили их взяться за дело искупления, возвышающий и освобождающий эффект которого должен был распространиться далеко за пределы их собственного времени? Прошедшие века оставили лишь несколько характерных черт Моисея и едва ли что-либо от его брата и сестры, которые могли бы позволить нам понять с человеческой точки зрения, как их видение шаг за шагом поднималось от слабого рассвета примитивных идей к яркому солнечному свету пророческого предвидения, и какими средствами они оказывались достойными своей возвышенной миссии. Пророческая троица принадлежала к тому племени, которое благодаря своим высшим знаниям считалось жреческим племенем, а именно к колену Левия. Это племя или, по крайней мере, одна семья, несомненно, сохранили память о патриархах и веру в Бога своих отцов и, соответственно, держались в стороне от египетского идолопоклонства и его мерзостей.

Таким образом, Аарон, старший брат, а также Моисей и Мириам выросли в атмосфере большей моральной и религиозной чистоты. Исторические записи повествуют о Моисее, что после его рождения мать скрывала его в течение трех месяцев, чтобы уклониться от королевского приказа и защитить его от смерти в водах Нила. Нет сомнений в том, что юный Моисей был хорошо знаком с двором фараона в Мемфисе или Танисе (Зоан). Одаренный активным интеллектом, он имел возможность приобрести знания, которым предстояло научиться в Египте, и своими личными и интеллектуальными качествами завоевал расположение всех сердец. Но еще больше, чем этими качествами, он отличался мягкостью и скромностью. "Моисей был кротчайшим из людей" - вот единственная похвала, которой удостоили его исторические записи. Его хвалят не за героизм или воинские подвиги, а за бескорыстие и самоотречение.

Находясь под влиянием древнего учения о том, что Бог Авраама любил праведность, он, должно быть, испытывал отвращение к необоснованному идолопоклонству, поклонению животным, а также к социальным и моральным несправедливостям, которые тогда были широко

распространены. Бесстыдный порок, порабощение целого народа королями и священниками, неравенство каст, обращение с людьми как со зверями или ниже зверей, дух рабства — все эти пороки он распознал во всей их разрушительной силе и понял, что преобладающее унижение осквернило его братьев. Моисей был открытым противником несправедливости. Его очень огорчало, что сыновья Израиля попали в рабство и ежедневно подвергались жестокому обращению со стороны самых низких египтян. Однажды, когда он увидел, как египтянин несправедливо избивает еврея, его страсть пересилила самообладание, и он наказал обидчика. Опасаясь разоблачения, он бежал из Египта в пустыню и остановился в оазисе неподалеку от горы Синай, где жили кениты, ответвление колена мадианитян. Здесь, как и в Египте, он был свидетелем угнетения и беззакония, и здесь он также с рвением противостоял им. Он оказывал помощь немощным пастушкам. Таким образом, он вступил в контакт с их благодарным отцом, священником или старейшиной колена Мадианитян, и женился на Сепфоре, дочери этого священника.

Он работал в Мадiane пастухом. Он выбрал плодородные пастбища для стад Рагуила, своего тестя, между Красным морем и горными землями. В этом уединении на него снизошел пророческий дух.

В чем смысл этого пророческого духа? Даже те, кто исследовал тайны мира или тайны души в ее познании вселенной, могут дать лишь слабое представление и никакого внятного отчета о ее природе. Внутренняя жизнь человека обладает глубинами, которые остались непостижимыми для самого проникательного исследователя. Однако нельзя отрицать, что человеческий разум может без помощи органов чувств бросить дальновидный взгляд на загадочное переплетение событий и сложную игру сил. Посредством нераскрытой способности души человек открыл истины, недоступные чувствам. Органы чувств могут только подтвердить или исправить уже выявленные истины. Они не могут обнаружить их. Посредством истин, выявленных этой необъяснимой силой души, человек научился познавать природу и подчинять ее силы своей воле. Эти факты свидетельствуют о том, что сила души обладает свойствами, выходящими за пределы восприятия органов чувств и превосходящими искусные способности человеческого разума. Такие свойства приподнимают завесу туманного будущего и ведут к открытию высших истин, касающихся нравственного поведения человека; они даже способны увидеть нечто от того таинственного Существа, которое сформировало и поддерживает вселенную и совместное действие всех ее сил. Душа, преданная мирским делам и эгоизму, никогда не сможет достичь такой степени совершенства. Но разве душа, не затронутая эгоизмом, не потревоженная низменными желаниями и страстями, не запятнанная сквернословием и пятнами повседневной жизни, - душа, которая полностью растворена в Божестве и в стремлении к моральному превосходству, — разве такая душа не должна быть способна узреть откровение религиозных и нравственных истин?

В течение последовательных веков истории Израиля появлялись люди с чистыми помыслами, которые, несомненно, могли заглядывать далеко в будущее и которые получали и передавали откровения о Боге и святости жизни. Это исторический факт, который выдержит любые испытания. Черета пророков предсказывала будущую судьбу израильтян и других народов, и эти предсказания были подтверждены исполнением. Эти пророки поставили сына Амрама первым в списке людей, которым было даровано откровение, и выше их самих, потому что его предсказания были более ясными и позитивными. Они признавали в Моисее не только первого, но и величайшего из пророков; и они считали свой собственный пророческий дух простым

отражением его ума. Если когда-либо душа смертного была наделена светлым пророческим предвидением, то это был случай с чистой, бескорыстной и возвышенной душой Моисея. В Синайской пустыне, говорится в древней летописи, у подножия горы Хорив, где паслось стадо его тестя, он получил первое божественное откровение, которое взволновало все его существо. Тронутый и окрыленный — смиренный, но уверенный в себе, Моисей вернулся после этого видения к своей пастве и своему дому. Он превратился в другое существо; он чувствовал, что дух Божий побуждает его освободить своих братьев по племени из рабства и воспитать их для более высокой нравственной жизни.

Аарон, оставшийся в Египте, также получил откровение встретиться со своим братом на горе Хорив и вместе с ним подготовиться к делу искупления. Задача воспитать в рабском духе народа стремление к свободе казалась им гораздо более трудной, чем задача заставить фараона ослабить свою строгость. Поэтому оба брата ожидали столкнуться с препятствиями и упорным сопротивлением. Хотя оба человека были уже преклонных лет, они не испугались масштаба начинания, но вооружились пророческим мужеством и положились на поддержку Бога своих отцов. Сначала они обратились к представителям семей и колен, к старейшинам народа и провозгласили свое послание о том, что Бог сжалится над страданиями Израиля, что Он обещал им свободу и что Он приведет их обратно в землю их отцов. Старейшины охотно выслушали радостную весть; но массы, привыкшие к рабству, выслушали эти слова с холодным безразличием. Тяжелый труд сделал их трусливыми и недоверчивыми. Они даже не желали воздерживаться от поклонения египетским идолам. Их тупые умы не обращали внимания ни на один аргумент. "Для нас лучше оставаться рабами египтян, чем умереть в пустыне". Таков был, по-видимому, рациональный ответ народа.

Братья мужественно предстали перед египетским царем и потребовали от имени пославшего их Бога, чтобы их народ был освобожден из рабства, ибо они пришли в страну по собственной воле и сохранили свое неотъемлемое право на свободу. Если израильтяне поначалу не хотели покидать страну и боролись с неопределенностью будущего, фараон был еще менее склонен позволять им уехать. Простое требование, чтобы он освободил сотни тысяч рабов, которые работали на его полях и постройках, и чтобы он сделал это во имя Бога, которого он не знал, или ради дела, которое он не уважал, побудило его удвоить труд еврейских рабов, чтобы лишить их досуга для мыслей о свободе. Вместо радостного приема Моисей и Аарон оказались завалены упреками в том, что по их вине страдания несчастных увеличились. Король решил уступить только после того, как он и его страна стали свидетелями многих ужасающих и экстраординарных явлений и эпидемий, и когда он больше не мог освободиться от мысли, что неизвестный Бог наказывает его за упрямство. Вследствие последовавших друг за другом бедствий египетский царь убеждал израильтян поторопиться и уйти, опасаясь, что любое промедление может навлечь гибель на него и его страну. У израильтян едва хватало времени, чтобы запастись провизией, необходимой для их долгого и изнурительного путешествия. Памятным был рассвет пятнадцатого числа Нисана (марта), когда поработенный народ вернул себе свободу, не пролив ни капли крови. Они были первыми, кому открылась великая ценность свободы, и с тех пор это бесценное сокровище, основа человеческого достоинства, охранялось ими как зеница ока.

Тысячи израильтян с препоясанными чреслами, посохами в руках, с детьми верхом на ослах и стадами, следовавшими за ними, покинули свои деревни и шатры и собрались близ города Рамсес. Чужие племена, жившие бок о бок с ними, пастушеские племена, родственные им по

расе и языку, присоединились к ним в их переселении. Все они сплотились вокруг пророка Моисея, повинаясь его словам. Он был их королем, хотя и был свободен от честолюбия, и его вполне можно назвать первым проповедником доктрины равенства между людьми. Долг, возложенный на него во время этого исхода, было выполнить труднее, чем его послание царю и народу Израиля. Лишь немногие из этих тысяч недавно освобожденных рабов могли понять великую миссию, возложенную на них. Но массы флегматично следовали за ним. Из этой орды дикарей он должен был сформировать нацию; для них он должен был завоевать дом и установить кодекс законов, который сделал бы их способными вести праведную жизнь. В этом трудном деле он мог с уверенностью рассчитывать только на колено Левия, которое разделяло его чувства и помогало ему в его нелегких обязанностях учителя.

Пока египтяне хоронили мертвых, внезапно пораженных чумой, израильтяне, четвертое поколение первых иммигрантов, покинули Египет после нескольких столетий пребывания. Они направились к пустыне, отделяющей Египет от Ханаана, тем же путем, которым последний патриарх прибыл в страну Нила. Но Моисей не разрешил им идти этим коротким путем, потому что боялся, что жители Ханаана, расположенного на побережье Средиземного моря, будут препятствовать их вторжению вооруженными силами; он также опасался, что племена, которых долгое рабство сделало робкими, обратятся в бегство при первом приближении опасности.

Их первым пунктом назначения была гора Синай, где они должны были получить те законы и заповеди, для исполнения которых они были освобождены. Фараон, однако, решил вернуть рабов, которые были вырваны из его рук, когда в минуту слабости он позволил им уйти. Когда израильтяне издали увидели приближающихся египтян, они впали в отчаяние, ибо оказались отрезанными от всех средств к бегству. Перед ними было море, а позади них враг, который скоро настигнет их и, несомненно, снова обратит в рабство. Плача и причитая, некоторые из них спросили Моисея: "Неужели в Египте нет могил, из-за которых ты вывел нас умирать в пустыню?" Однако неожиданно представился способ побега, который они могли рассматривать только как чудо. Ураган, дувший с северо-востока, за ночь отогнал морскую воду на юг, так что дно по большей части стало сухим. Их предводитель быстро ухватился за это средство спасения и призвал перепуганных людей поспешить к противоположному берегу. Его пророческий дух показал ему, что они никогда больше не увидят египтян. Они быстро преодолели небольшое расстояние по сухому дну моря, по более глубоким участкам воды, взбудораженным штормом, образующим две стены справа и слева. В это время египтяне по горячим следам преследовали израильтян в надежде вернуть их в рабство. На рассвете они достигли западного побережья моря и, увидев израильтян на другом берегу, поспешили за ними по сухой тропе, когда буря внезапно прекратилась. Похожие на горы волны, которые стеной вздымались с обеих сторон, теперь обрушились на сушу и похоронили людей, лошадей и колесницы в водной пучине. Море выбросило несколько трупов на берег, где израильтяне отдыхали в безопасности. Здесь они стали свидетелями чудесного избавления. На самых черствых это зрелище произвело глубокое впечатление, и они с уверенностью смотрели в будущее. В тот день они твердо уповали на Бога и на Моисея, Его посланника. Громкими голосами они пели хвалу своему чудесному избавлению. Хором они пели —

"Я буду славить Господа,
Ибо Он вечно славен.

Коня и его всадника Он бросил в море".

Освобождение из Египта, переход через море и внезапное уничтожение их яростного врага были тремя событиями, свидетелями которых были израильтяне и которые никогда не изгладились из их памяти. Во времена величайшей опасности и бедствия воспоминание об этой сцене вселяло в них мужество и уверенность в том, что Бог, который избавил их от Египта, который превратил воду в сушу и уничтожил их жестокого врага, никогда не оставит их, но "всегда будет царствовать над ними". Хотя толпа недолго сохраняла это доверчивое и благочестивое расположение духа, а впадала в уныние при каждой новой трудности, разумная часть израильтян была, в последующих испытаниях, поддержана своим опытом на Красном море.

Племена, освобожденные от уз рабства и от ужасов длительного угнетения, могли теперь мирно продолжать свой путь. Им предстояло еще много дней пути до Синая, временной цели их странствий. Хотя страна, по которой они путешествовали, была песчаной пустыней, здесь не было недостатка ни в воде, ни в пастбищах для пастухов. Эта территория не была неизвестна Моисею, их вождю, который раньше пас здесь стада своего тестя. В высоких горах Синая и его отрогах вода весной обильно бьет из скал, образует ручейки и устремляется вниз по склонам к Красному морю. Израильтяне также не страдали от недостатка хлеба, ибо вместо него они вкушали манну. Обнаружив это вещество в больших количествах и питаясь им в течение длительного времени, они стали считать его наличие чудом. Только на этом полуострове с высоких тамарисков, которые в изобилии растут в этом регионе, стекают сладкие, как мед, капли. Эти капли выступают рано утром и имеют форму шариков размером с горошину или семена кориандра; но под палящим солнцем они тают. Воодушевленные своим чудесным опытом, племена теперь, казалось, были готовы получить свое самое святое сокровище, ради которого они совершили долгое круговое путешествие через Синайскую пустыню. Из Рефидима, расположенного на значительной высоте, их повели вверх, к самому высокому горному хребту, вершина которого, кажется, касается облаков.⁵ К этому месту Моисей привел израильтян в третий месяц после исхода из Египта и назначил место их стоянки. Затем он подготовил их к поразительному явлению, которое привлекло внимание как глаза, так и слуха. Молитвой и воздержанием им было предложено стать пригодными для возвышенных впечатлений и достойными своей возвышенной миссии. С горячим ожиданием и тревожными сердцами они ожидали третьего дня. Стена, окружающая ближайшую горную вершину, не позволяла людям подойти слишком близко. Утром третьего дня тяжелая туча закрыла горную вершину; сверкнула молния и окутала гору огненным пламенем. Раскаты грома сотрясали окружающие горы и будили эхо. Вся природа была в смятении, и казалось, что конец света близок. С трепетом и содроганием старые и молодые созерцали это ужасающее зрелище. Но его ужас не превосходил ужаса слов, услышанных перепуганными людьми. Клубы дыма, молнии, пламя и раскаты грома послужили лишь прелюдией к этим зловещим словам.

Находясь под сильным впечатлением от вида пылающей горы, люди ясно слышали заповеди, которые, простые по своему смыслу и понятные каждому человеку, составляют элементы любой культуры. Десять слов прозвучали с вершины горы. Люди были твердо убеждены, что эти слова были ниспосланы Богом. Воровство и лжесвидетельство считались преступлениями. Голос Синая осуждал злые мысли не меньше, чем злые поступки; отсюда и запрет: "Не желай жены ближнего твоего... и никакой собственности ближнего твоего". Индийцы, египтяне и другие

народы, известные своими колоссальными сооружениями, за более чем две тысячи лет пережили множество исторических событий, которые кажутся совершенно незначительными по сравнению с этим одним знаменательным событием.

Работа, совершенная на Синае мгновенным актом, оставалась применимой во все времена, утверждая превосходство этической жизни и достоинство человека. Это обнародование Закона ознаменовало рождение "особого народа", подобного которому никогда не существовало. Возвышенные и вечные законы Синая, исходящие от Божества, которого не могут постичь чувства, от Искупителя, освобождающего поработанных и угнетенных, были ниспосланными истинами о сыновнем долге, о незапятнанном целомудрии, о нерушимой безопасности человеческой жизни и собственности, о социальной целостности и чистоте чувств.

Израильтян привели на гору Синай как дрожащих рабов; теперь они вернулись в свои шатры как Божий народ священников, как праведный народ (*Иешурун*). Практически показав, что Десять Заповедей применимы ко всем жизненным проблемам, израильтяне были провозглашены учителями человеческого рода, и через них все семьи земли должны были получить благословение. Никто из остальных не мог тогда предположить, что даже ради собственного благополучия изолированной и ничтожно маленькой нации была поручена трудная задача управления наставлениями.

Синаитские учения не были эфемерными по своей природе, даже в том, что касалось их формы. Будучи выгравированными на каменных скрижалях, они могли легко запоминаться последующими поколениями. В течение длительного периода эти плиты с надписями оставались на хранении у израильтян и назывались "Скрижалями свидетельства" или "Скрижалями Закона". Будучи помещенными в ковчег, который стал объединяющим центром, вокруг которого Моисей обычно собирал старейшин семей, эти скрижали служили знаком Синайского завета. Они служили связующим звеном между Богом и народом, который раньше был растоптан ногами и которому теперь было приказано не иметь никакого другого Господина, кроме Того, от кого исходил Закон. Именно по этой причине ковчег, как хранилище таблиц, был назван "Ковчегом Завета". Этические истины Синая стали отныне основой для новой системы морали и для национального устройства израильтян. Эти истины получили дальнейшее развитие в специальных законах, которые имели практическое отношение к общественным и частным делам народа. Среди израильтян больше не было рабовладельцев. Продажа израильтян в рабство и вечное рабство израильтянина стали незаконными. Человек, лишившийся свободы, должен был находиться на службе в течение шести лет, но на седьмой год он вновь обретал свободу. Умышленное убийство и неуважение к родителям карались смертной казнью. Святилище не могло дать защиты преступникам, приговоренным к смерти. Убийство раба-неизраильтянина влекло за собой достойное наказание. Раб-нееврей, с которым жестоко обращался его хозяин, восстановил свободу. Мужчина, посягнувший на добродетель девушки, был обязан взять ее в жены и выплатить штраф отцу пострадавшей женщины. Было обеспечено справедливое и гуманное обращение со вдовой и сиротой; аналогичное положение было предписано в интересах чужеземцев, присоединившихся к одному из племен. Израильтянам, по сути, было велено вспомнить свое прежнее пребывание в чужой стране и воздерживаться от бесчеловечного обращения с чужаками, которому они сами когда-то подвергались.

Этот дух справедливости и братской любви, пронизывающий древний свод законов, не мог сразу изменить привычки людей. Обязанности, связанные с этими законами, были слишком духовными и слишком возвышенными, чтобы возыметь такой эффект. Моисей временно отлучился, чтобы подготовиться к принятию Синайского закона, и тупоумная часть народа вообразила, что их Бог покидает их в пустыне, и они требовали правления видимого Божества. Аарон, взявший на себя инициативу в отсутствие Моисея, робко уступил этому стремительному требованию и одобрил изготовление золотого идола. Это изображение Аписа, или Мневис, получило божественное почитание от бесчувственной толпы, которая танцевала вокруг него. Моисей, спустившись с горы Синай, приказал левитам предать смерти несколько тысяч человек. Ничто, кроме крайней строгости, не могло подавить это поклонение идолам.

С целью защиты людей от рецидива идолопоклонства и поддержки их в период перехода от варварства им было позволено сформировать представление о Божестве — хотя и не с помощью изображения, — с помощью какой-либо материальной помощи, которая была бы приятна для чувств. На Синае они видели вспышки молний с огненным пламенем, и из середины пылающего облака они услышали Десять Заповедей. Теперь была введена эмблема этого явления, чтобы напомнить людям о присутствии Божества, явленном на Синае. Было предписано поддерживать вечный огонь на переносном алтаре и носить его перед племенами во время их переселений. Таким образом, не само Божество, а откровение Божества на Синае должно быть воспринято зрительным чувством. Совершение жертвенных обрядов было еще одной уступкой грубому восприятию людей.

Духовная религия, провозглашенная на Синае, не предполагала жертвоприношений как выражения божественного поклонения, но была призвана прививать нравственную и святую жизнь; люди, однако, еще не доросли до этой концепции и могли продвинуться только посредством образования и культуры. Другие древние народы находили в жертвоприношениях средство умиловления своих божеств, израильтянам было разрешено сохранить тот же способ богослужения, но его форма была упрощена. Алтарь стал неотъемлемой частью святилища, в котором не допускалось никаких изображений. Единственными предметами, находившимися там, были канделябр, стол с двенадцатью хлебами, символизирующими двенадцать колен; а также было углубление для Ковчега Завета. Алтарь, святилище и жертвенные обряды требовали присутствия священства. Этот первобытный институт также был сохранен. На левитов, как на самое преданное и наиболее информированное племя, были возложены жреческие функции, как и во время пребывания в Египте. Священникам Израиля, в отличие от египтян, было запрещено владеть земельной собственностью, поскольку такая собственность могла побудить их злоупотреблять своими прерогативами и пренебрегать своими священными обязанностями. По этой причине было предписано, чтобы их пропитание обеспечивалось за счет приношений, приносимых народом. Параллельно существовал обычай, восходящий к отдаленным патриархальным эпохам, который требовал, чтобы первенец в каждой семье присутствовал при совершении жертвенных обрядов. Эта прерогатива не могла быть внезапно отменена и некоторое время сохранялась наряду с левитским священством, хотя оба они стояли на пути чистого синайского учения. Материализм того времени требовал снисходительных уступок в сочетании с положениями, направленными на совершенствование народных привычек. Только с помощью духовно одаренных могло сохраниться в сознании людей понимание подчиненного характера жертвоприношений.

В течение сорока лет своих скитаний по пустыне израильтяне искали пастбища для своих стад в горном регионе и его окрестностях.

Во время этих переселений Моисей наставлял народ. Старшее поколение постепенно ушло. Их потомки, послушные учению законодателя и его учеников, сформировали послушное, благочестивое и доблестное сообщество и стали опытными в знании своих законов.

Теперь Моисей окружил себя советниками, которые были главами семидесяти семейств. Эта система стала образцом для более поздних форм управления. Совет старейшин участвовал в важных обсуждениях и оказывал помощь в управлении государственными делами. По совету Иофора, своего тестя, Моисей назначил судей низшего и высшего звена, которые соответственно имели под своей юрисдикцией десять, сто и тысячу семей. Народ имел право избирать своих собственных судей, назначение которых они затем рекомендовали Моисею. Этим судьям было поручено сохранять строгую беспристрастность в судебных разбирательствах между членами колен Израилевых или между израильтянами и чужеземцами. Кроме того, судьи не имели права проводить различия между лицами высокого и низкого звания. Им также было приказано держать свои руки чистыми от взяток и выносить свои вердикты в соответствии с принципами справедливости, "ибо правосудие принадлежит Богу" и имеет свой источник в самом Боге. Братская любовь, общность интересов, равенство перед законом, справедливость и милосердие были высокими идеалами, которыми он руководствовался перед поколениями, которых воспитал. Внедрение этих законов и учений ознаменовало богатую событиями эпоху в истории страны. Как таковой он был охарактеризован пророками, которые называли его "временем бракосочетания дочери Израиля" и временем "ее бракосочетания, когда она пошла вслед за своим Богом по земле, которая не была засеяна". Скитания Израиля почти подошли к концу, и молодое поколение было вполне подготовлено для достижения цели его заселения. Дальнейшее пребывание в пустыне приучило бы людей к привычке к беспокойству и могло бы навсегда низвести их до кочевого состояния мадианитян и амаликитян. Похоже, они совершили неудачный набег в северном направлении, вдоль старых караванных дорог. Во время второго поражения некоторые из них были захвачены врагами. Но за это поражение, по-видимому, отомстили воины, принадлежавшие к колену Иудину, которым помогали люди из колена Симеонова и кениты, с помощью которых они захватили несколько городов.

Другие племена были готовы проникнуть в страну кружным путем с восточной стороны. Эта экспедиция могла бы быть сокращена, если бы идумеи, обитавшие на горных хребтах Сеира, позволили израильтянам пройти через свою территорию. Очевидно, идумеи боялись, что вторгшиеся израильтяне лишат их этой земли, и поэтому совершили вылазку, чтобы перекрыть прямой путь. Их сопротивление вынудило колена израилевы сделать большой крюк вокруг страны Идумея и повернуть к востоку от горных хребтов Сеира, чтобы подойти к Ханаану с противоположной стороны. Поскольку им не разрешалось нападать на идумеев и родственные племена аммонитян, израильтянам пришлось пересечь границу восточной пустыни, чтобы достичь населенных районов у истоков реки Арнон, впадающей в Мертвое море.

Теперь Моисей отправил примирительные послания Сигону с просьбой разрешить людям пройти через его территорию по пути к Иордану. Сигон отказался дать свое согласие и повел армию к границам пустыни, чтобы противостоять наступлению захватчиков. Израильтяне

нового поколения, воодушевленные юношеской доблестью, построились в боевой порядок и разгромили вражеские войска, царя которых они убили при Яхазе.

Эта победа имела неисчислимое значение для израильтян; она укрепила их позиции и вселила в них уверенность в себе. Они сразу же вступили во владение завоеванным районом и отныне отказались от своей кочевой жизни. В то время как израильтяне были уверены в успехе завоевания Земли Обетованной, хананеи, с другой стороны, были поражены поражением могущественного Сигона. Теперь израильтяне могли свободно передвигаться, им больше не мешали ни узкая полоса пустыни, ни подозрения недружелюбных племен. Опасности уступили место состоянию безопасности, и эта внезапная перемена обстоятельств пробудила в их сердцах добродетельные эмоции наряду с низменными страстями.

Теперь жители Моава поняли, что их жалкому существованию угрожают новые соседи. Валак, их царь, чувствовал, что ему не справиться с израильтянами на открытом поле битвы, и он предпочел прибегнуть к искусству Валаама, идумейнина или мадианитского мага, чьи проклятия, как предполагалось, обладали силой навлекать бедствия и разрушения на весь народ или на отдельного человека. Валаам был поражен видом лагеря Израиля, и предполагаемые проклятия на его устах превратились в благословения. Он утверждал, что никакие "чары не помогут против Иакова и никакие гадания против Израиля", поскольку этому народу было обеспечено славное будущее. Но он посоветовал царю прибегнуть к другому обаянию, которое могло бы оказать пагубное воздействие на израильтян, а именно склонить их к пороку распутства с помощью развратных храмовых дев.

Балак принял этот совет. Израильтяне во время своих переселений жили в дружеских отношениях со странствующими мадианитянами и не питали никаких подозрений, впуская последних в свои лагеря и шатры. По совету Валаама и подстрекаемые Валаком, многие мадианитяне привели своих жен и дочерей в шатры израильтян, которые затем были приглашены присоединиться к идолопоклонническим празднествам в святилище Ваал-Фегор. В таких случаях у женщин был обычай приносить в жертву свою добродетель в палатках, а затем гердон бесчестия приносили в жертву идолам. Многие израильтяне были вовлечены в распутство этими соблазнами и участвовали в жертвенных пиршествах - двух грехах, которые имели тенденцию подрывать основы учения, открытого на Синае. К несчастью, никто в Израиле, казалось, не был готов подчиниться повелению Моисея и положить конец этой вспышке порока. Финеас, внук Аарона, был единственным человеком, чье сердце восставало против этих излишеств. Увидев, что мадианитянка вошла в шатер с вождем колена Симеонова, он заколол их обоих до смерти; и таким образом свирепствующая чума была отведена от народа.

С другой стороны, сейчас в Израиле произошли значительные перемены. Неожиданные и насыщенные событиями победы пробудили в них мелодичную силу песни, первое проявление того таланта, без которого ни одна нация не может достичь более высокого уровня культуры. Первыми песнями еврейской музы были песни о войне и победе. Авторы (*мошёлим*) воинственных гимнов сразу же завоевали общественное признание, и их произведения были сохранены в специальных сборниках, как, например, в Книге войн Бога.

Еврейской поэзии на ее ранних стадиях не хватало глубины и элегантности, но у нее были две характеристики, которые со временем развились до высшей стадии утонченности. Что касается формы, то она демонстрировала симметрию в составных частях каждого стиха (*parallelismus*

membrorum). Тот же ход мыслей повторялся с соответствующими вариациями в двух или даже трех частях стиха. В трактовке темы муза ранней еврейской поэзии проявляла склонность к иронии, что было результатом двоякой концепции, а именно концепции идеального аспекта рядом с антитетической реальностью.

Израильтяне, стремясь достичь цели своих желаний и завладеть Землей Обетованной, не могли задерживаться в плодородном регионе между Арноном и Иаввоком. Они должны были подготовиться к переходу Иордана. Но теперь стали очевидны злые последствия победы над Сигоном и Огом. Племена Рувима и Гада объявили, что желают остаться на завоеванной земле, потому что ее зеленые пастбища были хорошо приспособлены для их многочисленных стад крупного рогатого скота и верблюдов. Выдвигая такое требование, эти племена, по-видимому, желали отделить свою судьбу от судьбы своих собратьев и жить как независимые кочевники. Подавленный этой причиной беспокойства, Моисей горько упрекал их за дезертирство, но чувствовал себя вынужденным предоставить им завоеванную землю при условии, что часть их бойцов окажет помощь воинам братских племен и последует за ними через Иордан. Это выделение земли двум племенам привело к неожиданному территориальному разделению. Земля, которой владели эти племена, стала известна как трансиорданская территория (*Эбер ха-Джарден* или *Перея*). Со временем эта уступка оказалась скорее вредной, чем полезной.

Остальные племена были накануне перехода через Иордан, когда их великий вождь Моисей был смещен смертью. Тридцать дней, которые израильтяне провели в трауре, не были чрезмерной жертвой. Его потеря была невозполнимой, и они чувствовали себя совершенно опустошенными. Среди всех законодателей, основателей государств и учителей человечества никто не мог сравниться с Моисеем. Он не только при самых неблагоприятных обстоятельствах превратил орду рабов в нацию, но и наложил на нее печать вечного существования: он вдохнул в национальное тело бессмертную душу. Он проповедовал своему народу идеалы, принятие которых было необходимо, поскольку все их благо и горе зависели от реализации или нереализации этих идеалов. Моисей вполне мог заявить, что он нес народ, как отец несет своего ребенка. Его терпение и мужество редко покидали его; его бескорыстие и кротость характера были двумя выдающимися качествами, которые вместе с его ясным пророческим видением в высшей степени подходили ему для того, чтобы быть орудием Божества. Свободный от зависти, он желал, чтобы все израильтяне были пророками, подобными ему, и чтобы Бог наделил их Своим духом. В последующую эпоху Моисей стал недостижимым идеалом пророка. Последующие поколения были в восторге от мысли, что этот блестящий образец человечности наблюдал за младенческим состоянием народа Израиля. Даже смерть Моисея послужила непреходящим уроком. В земле Моав, в долине, обращенной к горе Пеор, которая считалась священной для населения этого района, он был тихо погребен, и по сей день никто не знает места, где он был похоронен. Было задумано, чтобы израильтяне не обожествляли его, но их удерживали от следования идолопоклоннической практике других народов, которые обожествляли своих царей и людей реального или предполагаемого величия, а также основателей своих религий.

Опечаленные смертью своего любимого вождя, которому не было позволено вести их в Землю Обетованную, но утешенные возвышенными воспоминаниями об освобождении из египетского рабства, переходе через море и откровении на Синае, ободренные также победами над Сигоном, Огом и мадианитянами, колена израилювы перешли Иордан ярким весенним днем, и в пути их сопровождал Иисус Навин, верный ученик Моисея.

ГЛАВА II. ЗАХВАТ ЗЕМЛИ ХАНААНСКОЙ.

Преемственность Иисуса Навина—Переход Иордана—Завоевание Иерихона—
Гаваонитяне—Коалиция ханаанских городов против израильтян—Заселение Земли—
Изоляция племен—Наделы—Колено Левия—Ковчег Завета в Силоме—Состояние Ханаана
на момент завоевания—Климат и плодородие—Интеллектуальная деятельность—Поэзия
природы—Остатки ханаанского населения—Смерть Иисуса Навина.

Перейдя Иордан и войдя в Ханаан, израильтяне не встретили сопротивления. Ужас парализовал племена и население, которые тогда владели этой землей. Не были они объединены и какими-либо узами, которые могли бы позволить им противостоять захватчикам. Хотя упоминается тридцать один король, помимо тех, кто правил вблизи береговой линии Средиземного моря, эти правители были мелкими вождями, которые были независимы друг от друга, и каждый из них управлял только одним поселением с прилегающим округом. Они оставались пассивными, пока израильтяне стояли лагерем близ Галгала, между Иорданом и Иерихоном. Крепость Иерихон, подвергшаяся первому удару израильтян, не могла ожидать помощи откуда-либо еще и была полностью предоставлена своим собственным ресурсам. С другой стороны, колена Израилевы возглавлял испытанный вождь; они были сплочены, искусны в военном деле и жаждали завоеваний.

Иисус Навин, сын Навина из колена Ефремова, был признан законным преемником великого Пророка. Моисей, возложив руки на ученика, наделил его своим духом. И все же Иисус Навин был далек от того, чтобы быть пророком. Практичный в своих устремлениях, он больше заботился о делах насущной необходимости и полезности, чем об идеалах будущего. В ранние годы своей жизни, разгромив амаликитян близ Рефидима, он продемонстрировал храбрость и хорошее полководческое мастерство. Его связь с коленом Ефрема, самым выдающимся среди колен, также способствовала его положению командира. В противном случае эфраимиты, с их гордыней и упрямством, могли бы отказаться от присяги. Это племя подчинилось ему, и другие племена с готовностью последовали его примеру.

Первым местом, подвергшимся нападению, был Иерихон. Этот город был расположен в чрезвычайно плодородной горной местности. Здесь росли высокая пальма и драгоценный кустарник бальзамина. Из-за близости Мертвого моря климат Иерихона большую часть года отличается высокой температурой, и полевые плоды созревают здесь раньше, чем в глубине страны. Поэтому завоевание Иерихона имело первостепенное значение; этот город был сильно укреплен, и его жители, робевшие перед открытым нападением, чувствовали себя в безопасности только в пределах своих укреплений. Стены Иерихона, согласно повествованию Священных Писаний, рассыпались на куски от могучих и далеко звучащих криков израильских воинов. Они вошли в город и, не встретив особого сопротивления, перебили население, ослабленное порочными привычками. После этой легкой победы воины Израиля стали порывистыми и вообразили, что небольшой части их сил достаточно, чтобы взять Гай, малонаселенную крепость, которая находилась на расстоянии двух-трех часов пути к северу. Поэтому Иисус Навин послал небольшой отряд своих людей против Гая, но при первом же

натиске они были отбиты, и многие из них были убиты на поле боя. Это поражение посеяло ужас среди израильтян, которые боялись, что Бог оставил их, в то время как хананеям это придало нового мужества. Только благодаря тому, что вся армия собралась и применила военную хитрость, Иисусу Навину удалось взять Гай. Вефиль, расположенный по соседству, также хитростью попал в руки ефремлян. После того как эти две горные твердыни были захвачены, жители прилегающих городов и деревень стали еще более малодушными. Не дожидаясь нападения, они покинули свои дома и бежали на север, запад и юг. Страна, более или менее лишенная своих жителей, теперь была оккупирована завоевателями. Гаваонитяне, или евеи, проживавшие в урочище под названием Гаваон, добровольно подчинились Иисусу Навину и его народу. Они согласились, что израильтяне должны разделить с ними владение их территорией при условии сохранения их жизней. Иисус Навин и старейшины согласились с этими условиями, и соглашение, согласно практике того времени, было скреплено клятвой. Таким образом, израильтяне овладели всем горным районом от границ великой равнины до окрестностей Иерусалима, последующей столицы Палестины. Граница равнины отделяла коренных жителей севера от южан, и ни одно из этих народов не желало оказывать помощь другому. Южные хананеи теперь стали более тесными союзниками. Опасение, что их земля может стать легкой добычей захватчиков, пересилило их взаимную зависть и любовь к вражде; оказавшись таким образом в более тесном союзе друг с другом, они отважились вступить в агрессивную войну. Пять царей, или, скорее, вождей городов Иевуса (Иерусалима), Хеврона, Иармута, Лахиша и Эглона, объединились, чтобы наказать гаваонитян за то, что они подчинились захватчикам, которым они открыли дорогу и которым они помогли в новых завоеваниях. Гаваонитяне, столкнувшись с этой опасностью, взмолились о защите Иисуса Навина, который немедленно повел своих победоносных воинов против союзных войск пяти городов и нанес им сокрушительное поражение близ Гаваона. Разбитая армия бежала на много миль на запад и юг, и во время своего бегства они были сбиты градом. Этот день битвы, по—видимому, считался знаменательным триумфом, о его достижениях помнили даже пятьсот лет спустя и увековечили в боевой песне: -

Иисус Навин сказал:

"О Солнце, остановись у Гаваона,

И ты, о Луна, остановись у долины Аджалон!"

И солнце остановилось,

И луна оставалась в покое,

Пока люди не наказали врагов".⁶

Переход Иордана, оказавшийся сверх всяких ожиданий благоприятным, и быстрая череда побед были новыми чудесами, которые вполне можно было связать с событиями прежних дней. Они давали богатые темы для восхваления, которое было посвящено не великим деяниям народа, а чудесной работе Божества.

Победа при Гаваоне открыла доступ на юг, и израильтяне теперь могли свободно перебрасывать свои силы в этом направлении; но на юге все еще оставались некоторые опорные пункты, которые они не могли ни захватить, ни удержать в подчинении.

Теперь, когда основная работа — подчинение центральной части Ханаана — была завершена, колена Израиля перестали формировать единую объединенную армию, и в этом разделении на

них, вероятно, повлиял пример детей Иосифа. Последние, которые были разделены на колена Ефрема и Манассии, претендовали на первенство в рядах Израиля. Это утверждение можно проследить, как уже было показано, до их пребывания в Египте, а также до того факта, что Иисус Навин, вождь израильтян, происходил от Ефрема. Поэтому дети Иосифа стремились завладеть центральным горным хребтом, который изобилует источниками и имел очень богатую почву. Сихем, древний город евеев, расположенный между горами Гаризим и Гевал, имел хороший запас воды со всех сторон и стал главным городом страны. Но два отряда, Ефрем и Манассия, не желали довольствоваться этим желанным районом (который был назван "Гора Ефрем"). Поскольку Иисус Навин был одним из их собственного племени, они ожидали от него благосклонности сторонника и того, что он уступит всем их требованиям. Поэтому они утверждали, что отведенной им территории было недостаточно для их многочисленных семей. Они желали обладать не только прекрасной и плодородной равниной, простиравшейся на много миль к северу, но и землями, лежащими за ее пределами, вокруг горы Фавор; но они не нашли Иисуса Навина таким урожайным, как ожидали. С легкой иронией он сказал им, что, поскольку их так много, они должны быть в состоянии покорить гору Фавор в земле Ферезеев и рефаитов и вырубить лес. Разочарованные этим ответом, они отказались от участия в экспедициях объединенных племен и удовлетворились теми размерами территории, которые первоначально были им отведены. Вследствие этого отхода от общего дела другие племена были вынуждены последовать аналогичному курсу и приобретать независимо друг от друга землю, необходимую для их соответствующих поселений. Четыре племени сосредоточили свое внимание на севере, а четыре - на юге и западе. Экспедиция, из которой удалились сыновья Иосифа, была предпринята четырьмя коленами Иссахара, Завулону, Ашера и Неффалима. Они спустились на равнину Изреель, где оставили часть своих поселенцев. Другая часть двинулась в северные горные районы, которые касались основания высокого горного хребта. Эти племена были еще менее подготовлены, чем дети Иосифа, к вступлению в войну с жителями равнины, чьим быстро движущимся боевым колесницам они не смогли бы оказать никакого сопротивления. Дети Иссахара были довольны пастбищами на великой равнине, и у них не было желания бросаться в укрепленные города. Мужчины этого племени, по-видимому, подчинили себя господству хананеев, ибо они любили мирную жизнь и, поскольку находили землю плодородной, с готовностью переносили наложение дани. Завулон, племя-близнец Иссахара, было более активным и, по-видимому, завоевало для себя безопасное поселение к северу от горы Фавор. Остальные два племени, Ашер и Неффалим, по-видимому, столкнулись с большими трудностями в обретении твердой опоры среди соседнего ханаанского населения, которое было более воинственным и к тому же более сплоченным. Эти воины сосредоточились в Асоре, где Иавин, местный царь, правил несколькими округами. Этот царь призвал жителей союзных городов взяться за оружие и уничтожить вторгшихся израильтян. Племена Ашера и Неффалима, не в силах справиться с врагом, поспешили призвать на помощь Иисуса Навина. В то время взаимная симпатия между племенами все еще была сильна, и Иисус Навин обнаружил, что они готовы оказать скорейшую помощь своим братьям на севере. С этими вспомогательными войсками, а также с людьми Асира и Неффалима Иисус Навин застал врасплох хананеев, которые были союзниками при царе Иавине, близ озера Мером, разбил их, а остальных обратил в бегство. Это была вторая великая победа, которую он одержал над союзными врагами. В битве при Мероме двум племенам удалось прочно обосноваться в регионе, расположенном на западной стороне верхнего течения Иордана и на восточной стороне Средиземного моря. Ашер и Неффалим, поселившись на крайнем севере, заняли позицию аванпостов, причем первый был расположен на западе, а другой - на востоке плато.

В то же время четыре других племени основали свои поселения на юге; и они полагались на свои собственные усилия без помощи всей армии народа. Маленькому колену Вениамина, более тесно связанному с детьми Иосифа, последние, вероятно, помогли получить узкую и не очень плодородную полосу земли недалеко от южной границы. Это был район гаваонитян, с некоторыми пристройками на востоке и западе.

У хананеев, которые жили на западной равнине по направлению к морскому побережью, также были железные колесницы, из-за чего израильтяне не осмелились напасть на них вскоре после их вторжения. И все же у остальных племен не было иного выхода, кроме как искать свои дома в западном регионе. Иуда был самым многочисленным и могущественным из этих племен, и к нему присоединились дети Симеона, которые подчинились, как вассалы, правящему племени.

На южной оконечности, недалеко от пустыни, кениты, родственники и союзники израильтян, жили со времен скитаний Израиля по пустыне. Благодаря дружеской помощи этого народа иудеи надеялись легче добиться успеха в приобретении новых мест обитания. Они избежали войны с иевусеями, с которыми, возможно, заключили мирный договор, и сохранили территорию, на которой располагался Иерусалим, последующая столица.

Первым местом, которое они захватили, был древний город Хеврон, где Халев отличился своей храбростью. Хеврон стал главным городом колена Иудина. Кириат-Сефер, или Дебир, был взят Отниилом, сводным братом Халева. Другие вожди этого племени продолжили завоевание различных других городов. В прежние времена колено Иудино, по-видимому, жило в дружеских отношениях с исконными жителями этой земли и мирно сосуществовало рядом с ними. Обширное поселение Иудеи больше подходило для пастбищ, чем для сельского хозяйства. Таким образом, у новых поселенцев и старожилов не было никаких стимулов вытеснять друг друга или предаваться смертельной борьбе. Большой участок земли был разделен на небольшие участки, и хананеи и амаликитяне сохранили свои усадьбы.

У колена Симеонова не было самостоятельных владений, даже единого города, на который оно могло бы претендовать как на свою собственность, и оно полностью слилось с коленом Иудиным. Симеониты жили в городах Иудеи, не имея, однако, права голоса в делах племени. Самое скудное обеспечение, по-видимому, было сделано для колена Дана, поскольку число семей, принадлежащих к этому колену, по-видимому, было очень небольшим. Также не похоже, чтобы оно получало такую помощь от братского племени, какая была оказана Иссахару и Симеону. Даниты, по-видимому, были последователями колена Ефрема. Это племя эгоистично позволило данитам приобрести небезопасную часть на юго-западе своей собственной территории, или, скорее, небольшую часть в земле Вениаминов. Теперь данитам предстояло завоевать для себя землю на равнине Сарон, которая простирается до самого моря, и утвердиться там. Однако аморреи помешали им осуществить этот замысел и вынудили их отступить в горы; но здесь сыновья Ефрема и Вениамина отказали им во владении постоянными жилищами. Поэтому даниты долгое время были вынуждены вести походный образ жизни, и в конце концов одной части этого племени пришлось отправиться на поиски поселения далеко на севере.

Завоевание Ханаана происходило с такой быстротой, что у современников и потомков сложилось впечатление, что этот успех был результатом чуда. Не прошло и полувека, как израильтяне были отпугнуты от границ Палестины, после того как шпионы распространили сообщение о том, что жители этой земли слишком сильны, чтобы их можно было победить. Те

же самые жители теперь так боялись израильтян, что бросили свои владения, не пытаясь оказать никакого сопротивления, а если и занимали оборонительную позицию, то были легко разгромлены. По этой причине среди израильтян утвердилось убеждение, что Само Божество вело воинов и привело их противников в полное замешательство. Таким образом, это великое завоевание стало естественной темой одухотворенной поэзии.

Хотя нескольким племенам, таким как симеониты и даниты, были выделены недостаточные участки, они все еще владели некоторыми землями, которые могли обеспечить частичное существование и стать основой для дальнейшего расширения собственности. Только левиты остались совершенно необеспеченными земельными владениями. Это было сделано в строгом соответствии с предписаниями Моисея, чтобы племя священников, злоупотребляя своим правом рождения, не превратилось в богатых земледельцев и не было отвлечено от своих священных занятий желанием обогатиться — подобно египетским жрецам, которые под предлогом защиты интересов религии отняли у народа его собственность и образовали плутократическую касту.

Левиты должны были оставаться бедными и довольствоваться дарованиями, предоставляемыми им владельцами земель и стад, при этом от них требовалось уделять все свое внимание святилищу и божественному закону.

Во время правления Иисуса Навина лагерь Галгал, расположенный между Иорданом и Иерихоном, был центром богослужения и левитского лагеря; здесь также была воздвигнута скиния завета и приносились жертвы. Но Гилгал не мог постоянно служить местом сбора людей, поскольку находился в малопродуктивном и малолюдном районе. Как только дела народа более укрепились и после того, как трансиорданские воины вернулись в свои дома, для святилища пришлось выбрать другое место. Разумеется, было целесообразно, чтобы священное место находилось в пределах Ефрема. Иисус Навин также занимал свое место среди Ефремлян, а именно в Тимнаф-Сере, городе, который это племя с благодарностью выделило ему.

Местом для основания святилища был выбран Силом (Салим). Когда ковчег завета прибыл туда, рядом с ним, как само собой разумеющееся, был воздвигнут алтарь. Здесь проводились публичные собрания, если не всех колен, то уж точно колен Ефрема, Манассии и Вениамина. Финеес, первосвященник дома Ааронова, и священники, сменившие его на этом посту, поселились в Силоме. Весьма вероятно, что многие из левитов проживали в этом городе, в то время как другие были рассеяны по городам нескольких колен; но в целом они вели кочевой образ жизни.

Благодаря иммиграции израильтян земля Ханаанская не только получила новое название, но и приобрела другой характер. Она стала "Святой землей", "Наследием Божиим" и считалась благоприятной для того, чтобы люди могли вести святую жизнь.

Зарубежные страны, в отличие от Палестины, казались им нечестивыми и совершенно непригодными для увековечения благочестивого поклонения Единому Духовному Богу или для обеспечения соблюдения Его закона. Считалось, что Святая Земля остро реагирует на благочестивое или порочное поведение своих жителей. Предполагалось, что земля отвергала три беззакония как самые отвратительные. Это были убийства, распущенность и идолопоклонство. Было всеобщее убеждение, что из-за таких злодеяний земля изгнала своих прежних жителей и что она не удержит израильтян, если они будут потворствовать подобным

преступлениям. Эти идеи пустили глубокие корни среди народа Израиля, и они считали Палестину превосходящей по своим драгоценным качествам любую другую страну. Действительно, неоспоримым фактом было то, что Земля Израиля (так она называлась с того времени, когда этот народ овладел ею) обладала поразительными отличиями, которым не было равных ни в одной другой части земного шара. На небольшом участке территории, сто пятьдесят на шестьдесят миль, если включать Трансиорданский регион, сосредоточены контрастирующие особенности, которые придают этой стране удивительный характер. Вечноснежные вершины Ливана и Хермона на севере возвышаются над горными хребтами и долинами, уходящими далеко в песчаную пустыню на юге, где палящий зной, подобный жаре тропической Африки, сжигает всю растительность. В непосредственной близости друг от друга растут деревья различных видов, которые в других местах разделены большими расстояниями. Здесь есть стройная пальма, которая пускает ростки только при высокой температуре, и там растет дуб, который не выносит такой жары. Если жар юга разжигает кровь и наполняет человека неистовыми страстями, то ветер, проносящийся над заснеженными полями севера, с другой стороны, делает его спокойным, вдумчивым и рассудительным.

С двух сторон Палестина омывается водой. Средиземное море, простирающееся вдоль западной оконечности суши, образует входы для судов. Вдоль восточной границы протекает Иордан, который берет начало на склонах горы Хермон и течет почти по прямой линии с севера на юг. На севере Иордан протекает через "Озеро Арфы" (*Кинерет*, *Генесарет*, или Тивериадское озеро), а на юге эта река теряется в чудесном "Соленом море". Эти два бассейна также образуют странный контраст. В "Озере Арфы" (также "Галилейском озере") пресная вода. В его глубинах резвятся рыбы различных видов. На его плодородных берегах процветают виноградная лоза, пальма, смоковница и другие плодоносящие деревья. В условиях высокой температуры в этом регионе плоды достигают зрелости на месяц раньше, чем в горных районах. Соленое море или "Море Глубокого бассейна" (*арабах*) производит противоположный эффект, и его по праву называют Мертвым морем. В его водах не могут существовать позвоночные животные. Чрезмерное количество соли вместе с магнием и массами асфальта, содержащихся в этом море, убивают все живое. Атмосфера этого региона также пропитана солью, и, поскольку прилегающая земля покрыта известковыми карьерами, она образует унылую пустыню. Овальная граница Мертвого моря поднимается в некоторых местах на высоту более 1300 футов над уровнем воды, и, будучи совершенно голой и бесплодной, весь район представляет собой самый мрачный вид.

Между линией воды и горными стенами есть, однако, несколько оазисов, в которых процветает бальзамический кустарник и которые по плодородию не уступают ни одному месту на земле. Поскольку эта полоса земли расположена недалеко от центра западного побережья, она чрезвычайно плодородна. Но какой бы пышной ни была растительность этого места, она превосходит даже растительность оазиса на юго-восточном берегу Мертвого моря. Когда-то здесь стоял город Зоар, который был известен как город пальм (Тамара). В прежние времена в этой местности также произрастал куст бальзамина. На расстоянии пяти миль к северо-востоку, недалеко от города Бет-Харран, был найден знаменитый Галаадский бальзам; но по берегам Мертвого моря миазматические солончаки простираются на несколько миль. Берега этого моря, а также Галилейского бьют из термальных источников, пропитанных серой, и они служат для лечения различных болезней.

Гористая местность Палестины, по существу, принесла большую пользу израильтянам. Два длинных и внушительных горных хребта, разделенные глубокой долиной, возвышают свои головы на севере, подобно двум заснеженным гигантам. Одним из них является гора Ливан, самая высокая вершина которой имеет высоту более 10 000 футов и называется *Дхор эль-Хедиб*. Другая гора - Хермон (Антиливанская), самая высокая точка которой, *Шейх*, имеет высоту 9300 футов. Ливан никогда не был включен в состав земли Израиля; он оставался во владении финикийцев, арамеев и народа, сменившего последних. Этот горный хребет имел практическое значение для израильтян, которые черпали из его знаменитых кедровых лесов материал для своих построек. Кроме того, ее высокие и благоухающие вершины были излюбленной темой в образах еврейских поэтов. Гора Хермон с ее заснеженной вершиной соприкасается с северной стороной древней территории Израиля. Эта гора, если ее не скрывают окружающие холмы, является очаровательным объектом восхищения даже на расстоянии ста миль.

Отроги этих двух хребтов продолжались в северных горах Израиля (гора Неффалим, впоследствии названная горами Галилеи), самая высокая вершина которых возвышается на 4000 футов. Эти высоты имеют постепенный уклон к большой и плодородной равнине Изреель, которая находится всего в 500 футах над уровнем моря. Несколько горных хребтов пересекают эту равнину и делят ее на равнины поменьше. Гора Фавор (1865 футов высотой) отличается не столько своей высотой, сколько формой купола. Гора Морех (1830 футов), ныне называемая *Эд-Духи*, кажется, опирается на гору Фавор. Недалеко оттуда, несколько восточнее, тянутся вершины холмов Гильбоа (2000 футов). На западной стороне великой равнины раскинулся обширный, поросший деревьями хребет Кармель, который образует стену недалеко от моря. Великая равнина Изреель имеет форму неправильного треугольника длиной двадцать миль с севера на юг и шириной от шести до пятнадцати миль с востока на запад, с одной стороны граничащая с горами Кармель, а с другой - с горами Гильбоа. Эта равнина делит землю на две неравные части. Северная половина, которая меньше, позже получила название Галилеи. На юге этой равнины земля постепенно поднимается и в одном месте достигает высоты 2000 футов. Этот район назывался гора Ефрем. От Иерусалима на юг до Хеврона земля снова поднимается на высоту 3000 футов, образуя землю Иудеи. Здесь наблюдается постепенный спуск, и в старом пограничном городе Вирсавия уровень не поднимается выше 700 футов. В этом месте начинается плоскогорье горы Паран. Этот район не был включен в состав фактической территории Израиля. И гора Ефрем, и гора Иуда имеют уклон с востока на запад. Между горным склоном и Средиземным морем, с севера на юг, то есть от Кармила до южной степи, простирается равнина увеличивающейся ширины, которая называется "Равнина Шарон", или "низменность" (*шефела*). На востоке гора понижается к Иордану. Некоторые вершины этой горы приобрели особое значение. Таковы были два холма рядом с Сихемом, *Гаризим*, "гора благословения" (2650 футов), и *Эбал*, "гора проклятия" (2700 футов); *Вефиль*, на востоке (2400 футов); *Массифа*, в нескольких часах пути от последующей столицы; *гора Сион* (2610 футов); и *Елеонская гора* (2700 футов). Эта своеобразная и весьма разнообразная конфигурация местности оказала свое влияние не только на плодородие почвы, но и на характер людей. С севера на юг Палестина разделена на три пояса. Широкий горный массив занимает центр; низменность (*шефела*) простирается с запада до моря, а луга (*киккар*, *аработ*) - с востока до Иордана. В низменности климат мягкий; в горах он суровый в сезон дождей, но умеренный летом. В районе реки Иордан жара сохраняется большую часть года.

За исключением Иордана, на этой земле нет рек, которые сохраняли бы свои воды в течение всего года; но даже эта река, из-за своего обрывистого течения, не судоходна. Иордан берет

начало из трех источников на склонах Хермона. Сначала он течет медленно, а перед впадением в Меромское озеро разделяется на небольшие ручьи. Выходя из озера, его воды объединяются в узкое базальтовое ложе и впадают в Галилейское озеро. Вытекая оттуда, Иордан расширяется, обрушивается на скалы и, образовав множество порогов на своем быстром течении, впадает в Мертвое море. Весной, когда воды Хермона наполняются тающими снегами, эта река удобряет прилегающие низменные равнины, особенно те, что расположены на ее восточном берегу.

Другие ручьи, включая Джармук и Джаббок, пересыхают в жаркий летний сезон. Такие зимние ручьи (*нехалим*), тем не менее, повышают продуктивность района, через который они протекают, и обрабатываемые земли расположены по берегам этих прерывистых ручьев. Плодородию почвы также способствуют небольшие родники, которые стекают с холмов, не собираясь в ручейки. Районы, лишённые источников, снабжаются питьевой водой за счет дождя, который собирается в цистернах, вырытых в скалах.

Большая часть Палестины благословлена обильным урожаем продуктов. Это связано с характером почвы и обильным дренажем с высокогорья Ливана, Хермона (Антиливан), с их отрогами, а также с дождями, которые выпадают два раза в год. Земля текла "молоком и медом" и сохранила эту характеристику даже по сей день, везде, где действует трудолюбие человека. Это, несомненно, прекрасная земля, "где текут ручьи, фонтаны и глубины, бьющие из долин и холмов; земля пшеницы, и ячменя, и виноградных лоз, и фиговых деревьев, и гранатов; земля масличных культур и меда; земля, где ты будешь есть хлеб без недостатка, ты ни в чем не будешь нуждаться в нем; земля, камни которой железные, а из холмов ты можешь добывать медь".⁷ Равнины особенно плодородны и приносят трудолюбивому земледельцу два урожая в год. . Но и земля, лежащая к северу от равнины Изреель, ни в коем случае не бесплодна. В старину здесь было такое изобилие оливковых деревьев, что возникла поговорка о том, что земледелец "макает ногу в масло".

Центральный район к югу от великой равнины, принадлежавший Ефрему и Манассии, вознаградил своих тружеников богатыми урожаями. Со всех сторон из скалистых расщелин бьют родники; и когда их воды собираются вместе, они достигают достаточной силы, чтобы приводить в движение мельницы, помимо обеспечения почвы достаточным количеством влаги. Земля сыновей Иосифа была благословенна,

"Плодами небес вверху,
И бездны, что лежит внизу;
И драгоценными плодами, приносимыми солнцем,
И драгоценностями, приносимыми луной".⁸

Склоны холмов были украшены цветущими садами и виноградниками, буйно увешанными виноградом. Горы, затененные теребиновыми, дубовыми и тисовыми лесами, способствовали плодородию долин.

В благоприятных ситуациях пальма давала обилие сладких плодов, сочное содержимое которых иногда даже стекало на землю. В южных районах было меньше плодородия из-за многочисленных меловых холмов и небольшого количества долин. Но даже здесь были

найжены хорошие пастбища для стад. Ниже Хеврона крайний юг с его бесплодными скалами и песчаными полосами представляет собой унылый вид. Обжигающий ветер, проносясь над пустыней, высушивает атмосферу, и обедняет почву. Поэтому этот район был справедливо назван *Негебом*, "засушливой землей". Несколько оазисов, встречающихся то тут, то там, были покрыты зеленью благодаря наличию воды, которая нейтрализовывала воздействие палящего зноя. В таких влажных местах растительность стала чрезвычайно пышной под присмотром прилежных земледельцев. Для бездельника эта земля не приносила плодов.

Морской бриз и свободные потоки горного воздуха сделали климат целебным, поэтому жители были крепкого телосложения. Здесь не было миазматических болот, отравляющих атмосферу. Болезни и разрушительные последствия эпидемий по сей день встречаются редко и вызываются только инфекциями, завезенными откуда-то извне. По сравнению с обширными владениями древнего мира Палестина чрезвычайно мала. С некоторых возвышенных центральных точек можно одновременно обозревать восточную и западную границы, волны Средиземного моря и поверхность Мертвого моря вместе с Иорданом и противоположными горами Галаада. Вид с горы Хермон еще более впечатляющий и представляет собой красивые и чрезвычайно разнообразные пейзажи. Большую часть года воздух настолько необычайно чист и прозрачен, что создает иллюзорное представление о расстоянии между глазом и окружающим пейзажем. Кажется, что даже удаленные объекты расположены в непосредственной близости.

Можно с полным основанием сказать, что чувствительные сердца и размышляющие умы ощущают "перст Божий" в этом регионе, где "Фавор и Ермон восхваляют имя Его". Высокие пики и волнистые гребни гор чередуются с зелеными равнинами, и их изображения отражаются на сверкающей поверхности многих вод. Эти высокие высоты не только не перегружают и не угнетают ум, но отвлекают его от шума шумного мира и вызывают ободряющие и возвышающие эмоции.

Если зритель наделен хоть малейшей искрой поэтического чувства, привлекательное зрелище этой панорамы оживит его и приведет в действие. Самые одаренные люди этой страны черпали вдохновение для своей задумчивой поэзии в разнообразии прелестей живописных мест. Ни греки, ни римляне не имели представления об этом виде поэзии, корнящемся в глубоком сознании величия Творца. Народы более поздней эпохи стали адептами этой поэзии только потому, что были учениками Израиля. В то время как глаз обозревал с видимой точки объекты, окруженные обширным горизонтом, душа была поражена возвышенной идеей бесконечности — идеей, которая без такой помощи могла быть лишь косвенно и искусственно передана интеллектуальным способностям. Целеустремленные люди, оказавшиеся в таком окружении, прониклись пониманием величия и бесконечности Божества, руководящую силу которого народ Израиля признавал на ранних этапах своей истории. Они признавали существование той же силы в непрерывном волнении кажущегося безграничным океана; в периодическом возвращении и отходе оплодотворяющих дождей; в росе, которая спускалась с высот в долины; в ежедневных чудесах природы, скрытых от человеческого взора там, где горизонт узок, но вызывающих восхищение и поклонение там, где кругозор широк и открыт.

"Тот, кто образует горы и создает ветры,
Тот, кто превращает утро во тьму,
Кто ступает по высотам земли,

В более поздний период утвердилось религиозное убеждение, что всемогущество Бога в равной степени проявляется как в предопределении событий истории, так и в регулировании последовательности физических явлений; что тот же Бог, который установил неизменные законы природы, проявляет себя в возвышении и падении наций. Это убеждение является специфическим продуктом израильского мышления. Исторические перипетии и природное окружение сговорились обострить его способности ко всему экстраординарному и чудесному в сфере существующих вещей.

Земля Галаад имела те же характеристики, что и регион по другую сторону Иордана. Этот район, первоначально принадлежавший аморреям и царям Сигона и Ога, теперь принадлежал сыновьям Рувима и Гада. С вершин этой территории также были видны огромные участки суши, но ничего, кроме простой голубой полосы далекого океана, видно не было. Таким образом, эта сторона Иордана была в меньшей степени, чем противоположная, наделена поэтической суггестивностью. Земля Галаад не родила ни одного поэта, это был дом только одного пророка, и его нрав был отмечен свирепостью, которая хорошо сочеталась с грубым характером территории, на которой он родился. Река Иордан стала как географическим, так и интеллектуальным ориентиром.

Во времена завоеваний Израиля Ханаан был усеян городами и укрепленными пунктами, в которых захватчики обнаружили некоторые зачатки гражданской культуры. С другой стороны, в Галааде было всего несколько городов, и они располагались далеко друг от друга.

Территории к западу от Иордана были подчинены и распределены лишь частично. Большие и важные участки земли все еще находились во владении первоначальных жителей, но уже невозможно определить, не была ли земля Ханаан полностью завоевана именно по небрежности Иисуса Навина. В свои преклонные годы Иисус Навин не проявлял такой энергии действий, какую продемонстрировал его учитель Моисей. Постепенно он, по-видимому, утратил энергию, необходимую командиру. Его последователи из колен Ефрема и Манассии уже получили наиболее плодородную часть земли; теперь они почивали на лаврах и сдерживали воинственный порыв своих братьев. Волнения ранних войн улеглись, и каждое из племен или групп племен было занято только своими индивидуальными делами. Эта изоляция помешала нескольким племенам округлить свои территории путем завоеваний у исконных жителей Ханаана.

Хананеи еще до вторжения израильтян владели жертвенными алтарями и местами для паломничества, с которыми были связаны мифы, рассчитанные на удовлетворение некультурного ума. Высокие горы, окаймленные живописными долинами, были наделены священными атрибутами. Гора Кармил долгое время считалась святым местом, откуда языческие жрецы провозглашали своих оракулов. Гора Фавор также считалась святой. У подножия Хермона, в прекрасной плодородной долине, стояло святилище, посвященное Баал Гаду или Баал Хермону. После завоевания эти святилища, вероятно, поначалу посещали только чужеземцы, связавшие свою судьбу с израильтянами; но их примеру вскоре последовала невежественная часть их еврейских товарищей. Во внутренних районах страны, где люди не могли отличить язычество от божественного закона Израиля и все еще помнили египетские суеверия, они были склонны участвовать в жертвенных обрядах языческих идолопоклонников.

На севере, за горой Фавор, также проживали группы ханаанского населения. Даниты, пренебрежительное отношение к которым уже было замечено, были размещены в центре амореев. Их землевладение было незначительным по размерам. Колена Иуды и Симеона были полностью отрезаны от других колен. Они были помещены среди язычников, чьи занятия были разделены между пастухами и разбойниками. Иевусеи образовали барьер между двумя южными племенами и их северными братьями. Это разделение между племенами было устранено только после завоевания Иевуса (города, впоследствии названного Иерусалимом). Если Иисус Навин на склоне лет с удовлетворением наблюдал за осуществлением патриархальных обетований, то это удовлетворение было не лишено примеси. Как в жизни отдельных людей, так и в жизни наций практический поворот событий может опровергнуть все ожидания. Это правда, что земля Ханаана теперь принадлежала израильтянам; но их завоевания носили ненадежный характер и могли быть снова отняты у них совместным нападением со стороны обездоленных туземцев. Поэтому последние дни жизни Иисуса Навина были омрачены размышлениями об этом опасном стечении обстоятельств и тем фактом, что у него не было преемника, за которым несколько колен, особенно колено Ефрема, могли бы захотеть последовать. Его смерть повергла народ в состояние глубокой утраты, но, похоже, он даже не смог осознать всю серьезность национальной утраты. Их не охватило такое горе, какое было вызвано смертью их первого лидера. И все же оставался один идеал, который Иисус Навин завещал людям, - перспектива и ожидание того, что когда-нибудь в будущем вся земля станет их безраздельной собственностью. Надежды, за которые народ упорно цепляется, несут в себе шансы на осуществление. Однако их продолжали ждать суровые испытания, прежде чем идеал безраздельного владения Ханааном мог быть полностью реализован.

ГЛАВА III. СОСЕДНИЕ НАРОДЫ.

Финикийцы, арамеи, филистимляне, идумеи —Их обычаи и мифология—Моавитяне и аммонитяне—Общение израильтян со своими соседями и заимствование их нравов—Распад племен —Последующая слабость —Временные освободители.

Сынам Израиля, подвергшимся суровым испытаниям в Египте, казалось, было суждено претерпеть испытания еще более суровые. Их новая арена деятельности была окружена различными народами, и они могли избежать влияния своего окружения, только разрушив дома приграничного населения или защитившись от сильнейших искушений. Соседние финикийцы, хананеи, арамеи, филистимляне, идумеи, моавитяне, аммонитяне, амаликитяне, арабы и полукровки арабов имели свои особые обычаи, манеры и религиозные обряды. Племена вступили в более или менее тесный контакт со своими соседями, и вскоре над ними господствовал тот же закон притяжения и ассимиляции, который ощущается даже в более культурных сферах. Отсюда возникло странное явление, наблюдавшееся в течение длительного периода истории Израиля, когда нация утрачивала все виды самостоятельности, вновь обретала ее, снова впадала в рецидив и, таким образом, переходила от перемены к перемене.

Но эти изменения в конечном итоге придали форму и стойкость характеру людей. Однако тем временем Израиль тесно объединился с финикийцами; северные колена Ашера, Завулону и

Иссахара были особенно тесно связаны с ними. Этот народ уже достиг высокого уровня культуры, особенно в Сидоне, когда израильтяне вошли в Ханаан. Но с этической и религиозной точки зрения они были такими же отсталыми, как и самые некультурные расы людей, за исключением, возможно, египтян, по сравнению с которыми они стояли на более высоком уровне.

Хананеи поклонялись мужскому и женскому божествам, Ваалу и Астарте, которые в некоторых городах носили имена Адониса и Баалтис. Предполагалось, что Ваал будет олицетворением солнца, а Астарта - луны; однако они фигурировали не как светящиеся существа в небесном пространстве, а как созидательные силы природы. Хананеи также поклонялись известным в то время семи планетам, называемым *Кабири*, то есть Могуущественным; в качестве восьмого бога они поклонялись Ашмуну, восстановителю здоровья, который изображался в виде змеи. Обряды, с помощью которых мужчины и женщины посвящали себя мужским и женским божествам, были отвратительного описания. Опустившихся жриц храма называли "посвященными женщинами" (*Кедесхот*).

В честь Астарты обезумевшие юноши и мужчины калечили себя и надевали женские одежды. Затем они бродили как нищие, собирая помощь для своего святилища или, скорее, для своих священников, и их называли "святыми людьми" (*Кедешим*). Подобные действия составляли основную часть религиозной дисциплины финикийцев, и их мерзости постоянно демонстрировались израильтянам.

Южные племена, с другой стороны, поддерживали дружественные отношения с филистимлянами. Этот народ эмигрировал из Кафтора (Сидония), города на острове Крит, и на их территории было три порта — Газа на юге, Ашдод (Азот) на севере и Аскалон, расположенный на полпути между этими двумя городами. В глубине страны филистимляне заняли города Геф и Экрон. Эта группа из пяти городов (Пентаполис) образовывала небольшой район, простиравшийся до границы с Египтом, и его население приобрело большую силу и влияние. По этой причине греки и египтяне называли всю страну Палестиной (*то есть* земель филистимлян). Скорее всего, филистимляне были такими же мореплавателями и торговцами, как финикийцы. Однако с этими занятиями они сочетали жажду завоеваний, в то время как финикийцы, напротив, ограничивались мирными занятиями.

Филистимляне, имевшие узкое морское побережье, были вынуждены стремиться к территориальному расширению на восточной стороне. Религиозная система этого народа была по существу схожа с религиозной системой других хананеев и фактически совпадала с религиозной системой различных народов древности. Они почитали воспроизводящую силу природы под именем Дагона. Это божество было изображено в виде наполовину человека, наполовину рыбы.

У филистимлян было множество прорицателей, волшебников и провидцев облаков (*меоненим*), которые предсказывали будущие события по различным предзнаменованиям.

С идумеянами израильтяне общались меньше. Территория первых простиралась от горы Сеир до залива Красного моря. Считается, что в далекие времена они плавали по этому морю и торговали с Аравией. В их горах были металлы, в том числе золото. Идумеи имели репутацию людей проникательных и практичных. В ранние века ими правили короли, которые, по-видимому, были выборными. На северной стороне Идумеи, к востоку от Мертвого моря,

моавитяне и аммонитяне были соседями колен Рувима и Гада. Их похотливое идолопоклонство также было посвящено Ваалу на горе Пеор. Среди аммонитян Ваала называли Милком или Малком. Помимо этого божества, эти два народа поклонялись богу Чемошу. В таком окружении израильтяне не могли должным образом сохранить свою политическую независимость и, тем более, свою духовную самобытность; они также не могли удержаться на полпути между изоляцией и социальным общением с населением, родственным им по языку и происхождению.

С самого начала у израильтян было столько же противников, сколько соседей. Они, правда, понятия не имели, что доктрины Израиля имели тенденцию приводить к уничтожению их богов, алтарей и священных рощ — фактически к отмене бессмысленного идолопоклонства. Они также не могли отличить свой собственный грубый материализм от возвышенных, скрытых целей вторгшихся израильтян. Старые жители просто ненавидели новоприбывших, которые пришли с обнаженными мечами, чтобы лишить их их территорий. Имея дело с явными или тайными врагами, у израильтян был только выбор между применением истребительной войны или мирными уступками. Крупномасштабная война была даже невозможна; после смерти Иисуса Навина у них не было ни признанного лидера, ни плана согласованных действий. Конечно, они, по-видимому, не желали ничего большего, чем жить по-соседски с соседним населением. Это временное перемирие могло бы легко удовлетворить хананеев и финикийцев, которые были в основном озабочены сохранением больших дорог открытыми для торговых сделок. Идумеи, филистимляне и моавитяне были единственными народами, которые стремились причинить вред израильтянам. Каждое воспоминание о бедах, пережитых в пустыне, усиливало желание израильтян жить в безмятежном спокойствии. По этой причине они проявляли лишь слабый интерес к делам своих соплеменников и позволяли своим сыновьям и дочерям вступать в браки с неизраильтянами. Такие союзы были наиболее частыми среди пограничных племен, которые находили сильный элемент безопасности в этом тесном союзе со своими соседями, тем более что на заре их истории такие смешанные браки еще не были запрещены. Племена во внутренних районах страны — например, племена Ефрема, Манассии и Вениамина — были менее склонны к смешанным бракам; менее всего исключительные левиты одобряли союз с неизраильтянами. От смешанных браков с язычниками до участия в их идолопоклоннических обрядах был всего один шаг.

В сельских районах израильтян можно было легко склонить к участию в языческих обрядах, поскольку их воспоминания все еще были связаны с египетскими суевериями, и они были неспособны отличить языческую дисциплину от божественной доктрины Синая. Постепенно это идолопоклонническое поклонение завоевывало популярность среди большинства израильтян, которые были очарованы искусством и достижениями финикийцев.

Святынище в Силоме, где сыновья Аарона вместе с левитами совершали жреческие обряды, не было расположено в достаточно центральном месте для племен, расселенных на больших расстояниях, и не пользовалось большой популярностью у тех, кто жил в пределах легкой досягаемости. Соседние племена были недовольны высокомерием и эгоизмом сыновей Ефрема. На ранних этапах истории Израиля совершение жертвоприношений считалось неотъемлемой частью богослужения и общения с Божеством. Люди, приверженные соблюдению обрядов жертвоприношения, либо воздвигали домашние алтари, либо связывали себя с храмом по соседству. Эта тенденция оставалась неконтролируемой, поскольку не было вождя, который прививал бы должное поклонение Божеству. Левиты, которые должны были

стать учителями народа, были широко рассеяны по разным племенам и жили в основном в небольших городах. Поскольку у них не было земель и они, как правило, были бедны, они не оказывали большого влияния на людей.

Один бедный левит, внук великого законодателя, принял священническое служение в святилище недавно изготовленного идола, чтобы добыть пищу и одежду. Дальнейшему распространению такого культа среди израильтян способствовала сила чувственности, привычка и любовь к подражанию.

В то время несколько племен все еще живо помнили чудесные события в Египте и пустыне и поддерживали между ними дружеские отношения, несмотря на разлагающее воздействие идолопоклонства. История предков продолжала передаваться от отца к сыну и питала чувство общности нации. Отдельный человек или целая семья, погруженная в скорбь, тогда спрашивали: "Где все его чудеса, о которых рассказывали нам наши отцы, говоря: " Не Господь ли вывел нас из Египта?"¹⁰

События, свидетелями которых стали на горе Синай, запечатлелись в сердцах вдумчивых людей; не было и предостерегающих голосов, желающих вспомнить былые дни божественного милосердия и упрекнуть людей в их идолопоклонстве. Похоже, что слова обличения исходили от левитов. Они, как хранители скрижалей завета и как служители святилища Силом, поднимались во дни национальных бедствий и в других случаях, чтобы разоблачить развращенность своего народа. Иногда им удавалось произвести глубокое впечатление, когда они описывали прошлую славу или нынешние горести; но эффект от таких обращений был лишь мимолетным. Люди всегда были предрасположены к братанию с незнакомцами и подражанию их обычаям. Одно неблагоприятное условие порождало другое. Эгоизм людей Эфраима побудил их братские племена заботиться только о самосохранении. Шансы объединить израильтян под руководством одного командира были упущены. Это снова подтолкнуло разделенные племена к союзу с язычниками, и они стали более тесно связаны с ними семейными узами и суеверным поклонением; отсюда произошла внутренняя разобщенность и национальное вырождение. Коренное население Палестины, как только обнаружило влияние, которое они могли оказывать, сразу же начало относиться к израильтянам как к незванным гостям, которых следует смирить, если не раздавить совсем.

Печальные дни постигли израильтян после того, как Иисус Навин закрыл глаза. Одно племя за другим обращалось в рабство. В конце концов, когда страдания народа стали невыносимыми, на помощь пришли люди с общественным духом и совершили замечательные доблестные поступки. Эти героические освободители были широко известны как "судьи" (*Шофетим*). В чрезвычайной ситуации они могли повести одно или несколько колен на битву; но они были неспособны объединить весь народ Израиля или держать собранные племена под постоянным контролем. Эти освободители были совершенно не в состоянии навести порядок в этой национальной дезорганизации или искоренить злоупотребление идолопоклонством и обеспечить строгое соблюдение религии. Фактически, они разделяли недостатки своего времени и имели лишь слабое представление о синайских доктринах.

ГЛАВА IV. СУДЬИ.

Вражда идумеян—Отниэль, Освободитель—Эглон, царь Моава—Ханаанский царь Иавин—Сисера, его военачальник—Пророчица и поэтесса Дебора—Барак—Победа под Фавором—Ранняя еврейская поэзия—Страдания от кочевников—Герой Гидеон (Иеровбаал)—Победа на равнине Изреель—Начало процветания—Абимелех—Вражда с Сихемитянами—Иаир Галаадитянин—Враждебность Амаликитяне и филистимляне—Судьи Иеффая—Самсона—Завулонянина.

Отниил, сын Кеназа, брат и в то же время зять Халева, был первым воином-судьей. Собрав храбрый отряд воинов, он выступил против царя идумеян¹¹ и освободил южные колена Иуды и Симеона. Но его предприятие не принесло ни малейшей пользы остальным племенам и осталось почти неизвестным по другую сторону горы Ефрем. Дерзкий поступок вениамитянина Эхуда, сына Геры, имел еще большее значение. Поскольку израильтяне были угнетены моавитянами, Эхуд не сразу предложил своим раненым товарищам открыто напасть на врага. Сначала он попытался убрать с дороги враждебного короля Эглона. Однажды он предстал перед королем под предлогом того, что он принес подарок от своего народа в знак их покорности. Оставшись наедине с Эглоном, он вонзил обоюдоострый меч в тело своей жертвы и скрылся, предварительно заперев дверь зала для аудиенций. Затем Он призвал людей Ефрема и Вениамина и занял броды через Иордан, чтобы отрезать отступление моавитянам, которые обосновались на западном берегу этой реки. После этого моавитяне были полностью разбиты. После этой победы жители Моава долгое время не беспокоили западные колена Израиля.

С другой стороны, израильтяне подвергались преследованиям со стороны филистимлян. Шамгар, сын Аната, вероятно, из колена Вениамина, наказал нападавших импровизированным оружием, сделанным из бычьего жала. Такие спорадические акты храбрости, недостаточные для улучшения положения израильтян, имели тенденцию только усугублять их проблемы. Иавин, ханаанский царь, к которому присоединились некоторые из соседних правителей, казалось, был настроен на истребление израильтян. Большие дороги стали ненадежными, и путникам приходилось искать окольные пути. На том этапе у Израиля не было лидера или человека испытанной храбрости. Женщина, поэтесса и пророчица Дебора, жена Лапидота, затем выступила как "мать в Израиле". Своей вдохновляющей речью она воодушевила робких людей и превратила их из трусов в героев. По настоянию Деворы Барак, сын Авиноама, неохотно согласился повести израильтян против врага; и по ее приказу самые доблестные мужчины Израиля вступили в национальную армию. Встретившись близ горы Фавор, они нанесли поражение хананеям, которыми командовал полководец Иавина, до сих пор непобедимый Сисара. Отныне власть Иавина была сломлена. Самому командиру теперь пришлось спасаться бегством, и он был убит Иаэль, женой Хевера, члена племени кенеев, которое поддерживало дружественный союз с израильтянами. В гимне, известном как "Песнь Деворы", воспевалась эта неожиданная победа и милость, которую Бог даровал Своему народу. Но эти военные действия еще не достигли своего конца. Беспокойные народы по соседству продолжали наносить тяжелые удары израильтянам, которые были либо слишком слабы, либо слишком разобщены, чтобы противостоять таким нападениям. Кочующие мадианитяне периодически опустошали Палестину. Во время сбора урожая они переходили Иордан со своими непреодолимыми ордами, приводя с собой свои палатки, верблюдов и стада. Они

пришли "подобно стае саранчи", опустошили амбары, увели стада крупного рогатого скота и ослов, а затем покинули разоренную землю. Богатая и плодородная равнина Изреель с прилегающими северными и южными территориями была особенно подвержена этим вторжениям. Чтобы сохранить свои скудные средства к существованию, владельцы земли прятали свои припасы в пещерах и других тайниках. Незначительные зерна пшеницы приходилось обмолачивать в пещерах, предназначенных для винных прессов. Переживая суровые испытания, племена молились Богу своих отцов и собрались в Силоме, где "человек Божий" — вероятно, левит — упрекнул их в греховности, напомнив им, что их несчастья были следствием их беззаконий. Увещевания такого рода, по-видимому, произвели глубокое впечатление по крайней мере на одного известного человека. Этим человеком был Иеровбаал, также по имени Гедеон, из колена Манассиина. В Офре, на его родине, в роще, посвященной Ваалу или Астарте, был жертвенник, который Иеровбаал разрушил, а затем воздвиг другой в честь Бога Израиля. Жители Офры, разгневанные этим святотатством, собирались побить Иеровбаала камнями, но он собрал вокруг себя соплеменников Манассии, Асира, Завулону и Неффалима и расположился лагерем в Эндоре к северу от горы Море; там он отпустил робких и малодушных, сохранив лишь отборный отряд в 300 воинов. Глубокой ночью он напал на спящего врага, которого напугал пронзительным звуком рогов, размахиванием горящими факелами и боевым кличем "За Бога и за Гедеона". Неподготовленные мадианитяне были наголову разбиты и вынуждены были отступить за Иордан. На протяжении многих веков "день Мадиамский" вспоминался как триумф, которого добилась горстка отважных израильтян.

Затем Гедеон преследовал двух беглых мадианитских царей, Зеву и Залмунну, по другую сторону Иордана, наказал тех израильтян, которые отказали ему и его голодающим воинам в необходимой провизии, и нанес мадианитянам сокрушительное поражение, от которого они так и не оправались. Освобожденный таким образом народ предложил сделать его своим королем, от чести, от которой он отказался, как для себя, так и для своих потомков. Похоже, что он сделал Офру центром паломничества в ущерб менее удобно расположенному святилищу Силом. Это вызвало зависть мужчин из Ефрема, которые после смерти героя были вовлечены в жестокие конфликты с мужчинами из колена Манассии. Гедеон после своих великих побед перенес в страну богатые сокровища побежденных врагов. Города Израиля стали средоточием богатства и роскоши. Отныне финикийские караваны могли безопасно путешествовать по этой земле. Были заключены соглашения с торговцами чужеземцами, которые были переданы под защиту покровителя Баал-Берита (Баал Завета). Ревнивые мужи Ефрема, стремившиеся посеять раздор среди семидесяти сыновей и внуков Гедеона, нашли в Авимелехе, одном из его сыновей, беспринципного союзника. Этот Авимелех, будучи сыном женщины из Сихема, был избран сихемитянами своим вождем. Его первым действием было предать смерти своих братьев. Спасся только Джотам, самый младший из них. На горе Гаризим Иофам произнес свою пронзительную притчу о деревьях, которые в поисках правителя столкнулись с отказом от плодоносящих оливковых, фиговых и виноградных деревьев. Колючая ежевика (Атад) был единственным, кто согласился принять правительство; но он предупредил деревья, что, если они откажутся признать его правителем, он пошлет огонь, который сожжет все деревья Ливана. Притча нашла свое применение в последующих военных действиях между жителями Сихема и Авимелехом, чья жестокость закончилась его смертью от руки его собственного оруженосца.

После падения Авимелеха прииорданские племена, по-видимому, отступили, в то время как жители Манассии, или Галаада, по другую сторону Иордана, вторглись на высокогорье Хауран и овладели шестьюдесятью городами, построенными на скалах. Затем этот район получил

название Хаввоф-Джаир. В то время израильтяне подверглись удару с двух сторон, что вызвало дальнейший распад среди них. С одной стороны на них напали аммонитяне, а с другой - филистимляне. Эти нападения отвлекли их и сделали неспособными к сопротивлению. Аммонитяне, по-видимому, изгнали израильтян с их открытых мест, после чего они напали на крепости. Эти вторжения были успешными против колен Ефрема и Иуды.

С другой стороны, филистимляне напали на соседние колена Израиля и пытались подчинить их. Сначала они напали на колено Дана; не пощадили они и колена Вениамина и Иуды. Даже эти бедствия не побудили племена оказать объединенное сопротивление. Заиорданские племена обратились за помощью к ефремлянам, но последние не принимали участия в борьбе либо из эгоизма, либо потому, что жители Сихема и других ефремитских городов были ослаблены Авимелехом.

В те смутные времена появились два освободителя, которые прогнали врага и принесли временное облегчение. Иеффай и Самсон, два авантюриста, пренебрегая порядком и дисциплиной, применили свои силы как во зло, так и во благо. Они оба проявили необычайную активность; но в то время как Иеффай был воином, побеждавшим своих врагов воинственными мерами, Самсон, хотя и наделенный огромной силой и отвагой, по-видимому, побеждал своих врагов хитростями и неожиданными атаками.

Иеффай, галаадитянин из колена Манассиина, будучи изгнан своими соплеменниками, начал вести жизнь разбойника с большой дороги. Отважные сообщники, которые мало думали о законе и порядке, присоединились к нему и назначили своим лидером. Когда на них напали аммонитяне, жители Галаада вспомнили о своем объявленном вне закона родственнике, о смелых деяниях которого им стало известно. Некоторые из старейшин его племени пришли к нему и убедили его помочь им своими войсками и помочь им изгнать врага со своих территорий. Полный гордого негодования, Иеффай упрекнул их словами: "Вы возненавидели меня и изгнали меня из дома моего отца; зачем вы приходите ко мне теперь, когда вам плохо?"¹² Галаадитские старейшины, однако, умоляли его более настойчиво и обещали, что, если он победит врага, они признают его вождем в Галааде. После этого Иеффай решил вернуться вместе с ними. Затем Он отправил официальное послание аммонитянам, требуя, чтобы они воздержались от своих вторжений на территорию израильтян; и когда они отказались под предлогом древних прав, он объехал районы Галаада и Манассии, чтобы набрать воинов. Иеффай хорошо знал, как собрать вокруг себя много храбрых юношей, и с ними он выступил против аммонитян, разбил их и вырвал из их рук двадцать городов. После того, как Иеффай одержал эти решающие победы, ефремляне затеяли с ним ссору; и, как и ранее, в случае с героическим Гедеоном, они были недовольны тем, что он одерживал победы без их помощи.

Это привело к гражданской войне, поскольку Иеффай не был так покорен гордым ефремитам, как судья Офры. Люди Ефрема перешли Иордан недалеко от города Цафон и заняли воинственную позицию; но Иеффай наказал их за самонадеянность, разбил их и перекрыл им дорогу к отступлению на берегах Иордана. Иеффай мог бы усилить племена за Иорданом, но его правление длилось всего шесть лет, и он не оставил сына, который мог бы стать его преемником. У него была только одна дочь, и о ней сохранилась глубоко трогательная история, в которой описывается, как она стала жертвой опрометчивого обета своего отца.

В то время как герой Галаада силой оружия усмирал аммонитян, Самсон сражался с филистимлянами, которые отняли у племени, к которому принадлежал Самсон, береговую

линию Иоппии, ранее входившую в их владения. Колено Дана страдало под их игом, но не имело сил что-либо изменить. Различные племена не поддерживали Самсона в его начинаниях, как это было с Иеффаем. Они очень боялись филистимлян; поэтому Самсон был вынужден прибегнуть к хитрости и мог нанести вред врагу только неожиданными нападениями. Этот способ ведения войны был осужден словами: "Дан будет судить свой народ, как одно из колен Израилевых. Дан будет как змей на дороге и как гадюка на тропинке, которая кусает коня за пятки, так что всадник его упадет навзничь".¹³

Предполагается, что Самсон двадцать лет сражался за Израиль, не улучшив, однако, положения дел. Долгое время после его смерти филистимляне сохраняли господство над коленами Дана и Вениамина, а также над Иудой и Ефремом. Правление филистимлян все больше давило на Израиль. После Самсона последовательно восстали три других освободителя, двое из колена Завулонова и один из колена Ефремова; но их деяния были настолько незначительного характера, что они не были признаны заслуживающими упоминания. Из двух героев-судей в Завулоне сохранились только имена и территория или город, в котором они были похоронены: Ибзан из Вифлеема в Завулоне и Элон из города Аджалон. Также мало известно о судье-эфраимитянине Абдоне, сыне Гиллея, пирафонитянина. Не указано даже, против каких врагов они вели войну; но тот факт, что люди Завулона, которые сначала жили далеко от моря, впоследствии расширили свои жилища до побережья, заставляет нас предположить, что они вытеснили жителей Ханаана.

ГЛАВА V. ИЛИЙ И САМУИЛ.

Важность судей—Общественное мнение—Святилище в Силоме—Эли и его сыновья—Поражение от филистимлян—Захват Ковчега—Разрушение Силома и Святилища—Бегство Аронитов и левитов—Смерть Эли—Ковчег в Филистии и в Кириаф—Иариме—Пророчество вновь пробудилось—Самуил в Раме—Орден Пророков или Певцов—Народное отвращение—Колено Иудино—Неоднократные нападения филистимлян—Собрание в Массифе—Деятельность Самуила—Ноба как место поклонения—Усиление могущества филистимлян и аммонитян —племена желают иметь царя—План действий Самуила.

1100? -1067 гг. до н. э.

Двенадцать или тринадцать судей-воинов были неспособны сдерживать враждебных соседей Израиля в течение какого-либо длительного времени, не говоря уже о том, чтобы обеспечить постоянную безопасность страны. Даже знаменитый Барак со всем его энтузиазмом, Гедеон и Иеффай с их воинственной отвагой смогли добиться успеха лишь в объединении нескольких племен, но не смогли обеспечить или восстановить союз всего народа. На самом деле воины-судьи имели значение только до тех пор, пока они давали отпор врагу, предотвращали опасность и обеспечивали безопасность в повседневной жизни. Они не обладали никакой реальной властью, даже над племенами, которым их доблесть принесла помощь и свободу; у них также не было никаких прав, с помощью которых они могли бы добиться повиновения. Изоляция каждого племени и раскол между несколькими племенами продолжались, несмотря

на временные победы; действительная слабость страны скорее возросла, чем уменьшилась. "Змееподобные нападения Самсона и укусы гадюки" не мешали филистимлянам рассматривать племена в пределах досягаемости как своих подданных, или, правильнее сказать, как своих рабов, и это не мешало им плохо обращаться с израильтянами. Победы Иеффая над аммонитянами не заставили врага отказаться от своих притязаний на восточные колена Рувима, Гада и половину Манассии.

После смерти Иеффая и Самсона положение дел стало еще более мрачным. Однако именно это чувство крайней слабости привело к постепенному восстановлению сил. Несколько племенных вождей, должно быть, пришли к выводу, что эта связь с соседним населением и принятие идолопоклоннических обычаев привели народ на грань разорения. Воспоминание о Боге их отцов, без сомнения, снова ожило в их сердцах и пробудило их спящую совесть к чувству долга. Люди, которые были таким образом возбуждены, вспомнили о Святилище, посвященном их Богу в Силоме, и направились туда.

Ближе к концу периода судейства Шайло снова стала центром всеобщего внимания. Здесь все еще проживали левиты, блюстители Закона, и они использовали свои возможности, чтобы на собраниях, проводимых в трудные времена, убеждать, что отрицание Бога Израиля и поклонение Ваалу навлекли все эти страдания на народ. В Силоме также жил священник, достойный своих предков Аарона и Финееса. Он был первым ааронитом, спустя значительное время, чье имя было записано для потомков. Его звали просто Эли, без добавления имени его отца, и единственным почетным титулом, который он носил, был титул священника в Силоме. Илий описывается как почтенный старец, с уст которого слетали слова кротости, и который был неспособен высказать суровое порицание даже своим недостойным сыновьям.

Этот пожилой человек не мог не оказывать благотворного влияния и завоевать горячих приверженцев Закона, который он представлял, хотя бы примером своей нравственной ценности и святой жизни, которую он вел. Когда все большее число верующих из колен Ефрема и Вениамина, а также из племен на трансиорданской стороне посещали Силом, одни роптали на перенесенные ими страдания, а другие жаловались на жестокое обращение, которому они подвергались со стороны аммонитян; но Илий призывал их положиться на всегда готовую помощь Бога Израиля и отказаться от поклонения чужим богам.

Такими увещеваниями он мог бы улучшить настроение своих слушателей, если бы уважением, которое испытывали к нему, также пользовались двое его сыновей, Офни и Финеес. Они, однако, не пошли путями своего отца; и когда народ и Илия постигли серьезные несчастья, предполагалось, что это было наказанием небес за грехи сыновей Илия и за слабую снисходительность, проявленную Первосвященником.

Филистимляне все еще сохраняли власть над соседними племенами и совершали неоднократные нападения и набеги на земли Израиля. Подвергшиеся нападению племена настолько поднаторели в военном деле, что больше не стремились противостоять врагу в нерегулярных стычках, а встречали его в открытом бою. Израильтяне расположились лагерем на холме Эбен-га-Эзер, а филистимляне - на равнине близ Афека. Поскольку последние обладали железными боевыми колесницами, они доказали свое превосходство над израильтянами, из которых, как предполагается, четыре тысячи пали в битве. Израильские воины, однако, не обратились в бегство, а остались на своих постах.

В соответствии с советом старейшин Ковчег Завета был привезен из Силома, поскольку считалось, что его присутствие обеспечит победу. Сыновьям Эли было поручено сопровождать его. Тем не менее, вторая битва была еще более катастрофической, чем первая. Израильские войска бежали в полном замешательстве; Ковчег Завета был захвачен филистимлянами, а Офни и Финеас, которые присутствовали при нем, были убиты. Филистимляне преследовали убегающие войска и сеяли ужас во всех направлениях. Затаив дыхание от страха, вестник с дурной вестью прибыл в Силом и принес печальную весть встревоженному народу и первосвященнику Илию, который сидел у ворот.

Известие о том, что Ковчег Завета захвачен, подействовало на престарелого священника даже сильнее, чем известие о смерти его сыновей; он замертво рухнул со своего места. Теперь казалось, что вся слава покинула дом Израиля. Победоносные филистимляне, больше не довольствовавшиеся походами за фуражом по стране, продвигались с запада на восток, пока не достигли района Силом. Они разрушили этот город вместе со Скинией, которая была свидетелем блаженных дней Моисея. Более поздний поэт описывает это время испытаний с тяжелым сердцем.¹⁴

Это поражение полностью лишило силы и мужества людей. Те племена, которые до сих пор были первыми в каждом столкновении, были разгромлены. Племя Ефрема пострадало — хотя и не незаслуженно — сильнее всего из-за разрушения Святынища, которое во времена Илия считалось местом народных собраний. Казалось, что все шансы на объединение, особенно среди северных племен, которые, однако, не были вовлечены в катастрофическую борьбу, были отрезаны.

Филистимляне были поражены идеей, что, захватив Ковчег Завета, который, как они предполагали, был защитой израильтян, и разрушив Святынище, они победили израильский народ. Но они были мучительно обмануты. Как только они перенесли Ковчег Завета в соседний город Ашдод, страну поразили различные бедствия. Охваченные ужасом филистимские князья решили последовать совету своих священников и колдунов и отправить обратно Ковчег с искупительными приношениями после того, как он пробыл у них семь месяцев. Соответственно, он был отправлен за границу и доставлен в город "Кириат Джарим" (Лесной городок), расположенный на холме, где его охраняли левиты округа; но люди так мало скучали по нему, что прошли десятилетия, прежде чем они даже вспомнили о своей потере. В глазах необразованных израильтян ни содержание, ни большой возраст скрижалей Закона, хранившихся в Ковчеге, не имели большого значения. Между тем эти несчастья — разрушение и потеря Святынища в Силоме - пробудили желание улучшить положение вещей. Те, кто не был совершенно равнодушен, могли понять, что истинная причина зла кроется в религиозных и политических разногласиях. Левиты, спасшиеся во время разрушения Силома и поселившиеся в других городах, вероятно, подготовили общественное сознание к возвращению к вере в Бога. Возможно, также возвращение Ковчега Завета из земли Филистимлян оказало оживляющее влияние и вселило надежду на лучшие дни. Тоска по Богу Израиля с каждым днем распространялась все шире, и остро ощущалась нехватка стойкого и энергичного лидера — лидера, который наставил бы заблудших людей на правильный путь и поднял бы тех, кто был согнут горем. И как раз в нужный момент появился человек, который вызвал кризис в истории Израиля.

Самуил, сын Елканы, был человеком, который воссоединил давно разорванные узы общинной жизни среди израильтян и тем самым предотвратил угрожающий упадок и внутреннюю коррупцию. Его величие иллюстрируется тем обстоятельством, что он занимает второе место после Моисея не только в хронологической последовательности, но и по пророческой значимости.¹⁵

Сэмюэль был возвышенным человеком. Он проявлял такую же нескгибаемую добросовестность по отношению к себе, как и по отношению к другим. Живя среди людей, ежедневно соприкасаясь с ними, он превзошел людей своего времени в любви к Богу, чистоте сердца и бескорыстии. В дополнение к этим качествам он отличался даром пророчества. Его духовное око пронзало облака, скрывавшие будущее. Он провозгласил свои пророческие видения, и они сбылись. Самуил происходил из одной из самых выдающихся левитских семей, из того самого Кореи, который в незапамятные времена подстрекал к восстанию против Моисея. Сэмюэль унаследовал силу чувств от своей матери Ханны, чья пылкая, хотя и неслышимая молитва стала образцом для всех возрастов. В нежном возрасте его мать обеспечила ему место одного из сопровождающих левитов в Святилище в Силоме. Ему приходилось ежедневно открывать ее ворота; он принимал участие в жертвоприношении и проводил ночи в пределах скинии.

В раннем возрасте в нем пробудился дар пророчества, неизвестный ему самому. Погруженный в глубокий сон, он слышал, как его окликают из внутренней ниши Святилища, где покоился Ковчег Завета. Это было первое видение Самуила, и произошло оно до поражения израильтян от филистимлян, захвата Ковчега Завета, смерти Илия и двух его сыновей и разрушения Святилища. Служение Самуила прекратилось с последним упомянутым событием, и он вернулся в дом своего отца в Раме в глубокой скорби.

Несчастья, постигшие его народ, и особенно разорение Силома произвели сильное впечатление на Самуила, чей юный ум был полон самых высоких устремлений. В левитском кругу, в котором он вырос, существовало твердое убеждение, что испытания, которым подвергся народ, были результатом его отрицания Бога Израиля. Не иметь Святилища считалось равносильным существованию без Бога.

Священные писания, хранящиеся в Ковчеге, предписывали праведность, правосудие, милосердие и равенство всех израильтян без различия сословий, как повелел Бог; но о жертвоприношениях говорилось мало или вообще ничего. Самуил, который был на много веков ближе к происхождению израильского народа, чем более поздние пророки, был, подобно им, убежден в том факте, что Бог predetermined освобождение Своего народа не только для того, чтобы они могли приносить жертвы только Ему, но и для того, чтобы они могли претворять в жизнь Его законы. Содержание этих записей Закона представляло волю Божью, которой израильтяне должны были следовать с беспрекословным послушанием. Этот Закон был живой силой в сердце Самуила, и он превратился в посредника, с помощью которого он произвел неизгладимое впечатление на людей; претворение в жизнь его учения было задачей его жизни.

Факт отсутствия Святилища, как было показано, считался равнозначным оставлению Богом. Однако постепенно Самуил, похоже, сменил направление мыслей — *Никакого Святилища, никаких всесожжений*. "Является ли жертва абсолютно необходимой для чистого поклонения Богу и для святой жизни на Его путях?" Эта мысль созрела в нем; и позже, при подходящем случае, он проповедовал на эту тему следующим образом: жертвы не имеют большого значения; бараний жир не может заслужить одобрения Бога; в чем же тогда должно

заклучаться служение Богу? "В строгом повиновении всему, что Он повелел". Во время своего пребывания в Силоме Самуил не только ознакомился с содержанием каменных табличек, хранившихся в Ковчеге Святилища, но и познакомился с книгой Закона, исходящей от Моисея, и он был полностью наполнен их духом. Живое слово было средством, которое он использовал для достижения своей цели, поскольку был наделен впечатляющим красноречием. Время от времени ему снились пророческие сны и видения. Это открыло ему, что его убеждения были не просто внушениями его собственного ума или сердца, но были санкционированы или вдохновлены высшим Существом. Пророческие вдохновения состояли из учений или повелений; они сочетались с раскрытием ближайшего будущего и носили характер откровений. Воодушевленный своими пророческими видениями, Самуил поведал о них своим слушателям, вероятно, на своей родине, в Раме, где его репутация предшествовала ему. Эти сообщения, предвещавшие экстраординарные события, выходящие за пределы обычного предвидения, он, по-видимому, выразил в речах и ритмичных высказываниях, изобилующих поэтическими метафорами и сравнениями.

Находясь в Силоме, он неоднократно удостоивался пророческих видений, и они подтверждались. Вскоре в окрестностях Рамы и во все расширяющихся кругах распространился слух о том, что в Израиле появился пророк и что дух Божий, который почил на Моисея и побудил его освободить детей Израиля из Египта, теперь сошел на сына Елканы. За это время, на протяжении долгой череды столетий, не появилось ни одного пророка в полном смысле этого слова. Тот факт, что Бог воздвиг второго Моисея, вселял надежду на то, что близки лучшие времена. Первой попыткой Самуила было избавить нацию от идолопоклоннического поклонения Ваалу и Астарте и от суеверной веры в пророческие силы терафимов.

Желание части людей отказаться от своих дурных привычек существенно помогло Самуилу в его усилиях. Его неотразимое красноречие было сосредоточено на одной теме: языческие боги были ничтожествами, которые не могли ни помочь, ни спасти. Он заявил, что глупо и грешно советоваться с лживыми оракулами и жонглерством прорицателей и что Бог никогда не покинет народ, который Он избрал. Эти слова нашли мощный отклик в сердцах тех, кто их услышал. Самуил не стал ждать, пока люди придут к нему, чтобы обратиться к ним, но сам вышел к ним. Он путешествовал по всей стране, назначал общественные собрания и объявлял множествам уроки, открытые ему духом Божиим; и люди, взволнованные его пророческими высказываниями и пробудившиеся от летаргии, в которую они были погружены с тех пор, как начались их несчастья, теперь начали оживать. Пришел нужный человек, словам которого можно было следовать в дни забот и неприятностей. Взоры нации, естественно, обратились к нему.

Если бы Сэмюэль был один, ему вряд ли удалось бы осуществить столь желанное преобразование. Но у него было несколько помощников, на которых он мог положиться. Левиты, чей дом находился в Силоме, бежали, когда город и Святилище были разрушены. Они привыкли окружать жертвенник и служить в Святилище. Они не знали другого занятия. Что им было делать теперь в своем рассеянии? Еще не было основано другого места поклонения, к которому они могли бы обратиться. Поэтому несколько левитов присоединились к Самуилу. Его величие произвело на них впечатление, когда он жил в Силоме, и теперь он использовал их для осуществления своих планов. Постепенно их число увеличивалось, пока они не сформировали группу единомышленников (*Хебель*), или гильдию левитов (*Кехиллах*). Эти ученики пророчества, возглавляемые Самуилом, внесли существенный вклад в изменение взглядов и нравов среди людей.

Еще одно обстоятельство помогло в то время вывести нацию из состояния апатии. За весь период правления Судей Иудеи не принимали ни малейшего участия в общественных мероприятиях. Живя далеко на своих пастбищах и в пустынях, они, казалось, не принимали никакого участия в жизни других племен. Они называли себя Иаковами. Совершенно изолированные, они вели обособленное существование, не тронутые горестями и радостями, битвами и завоеваниями племен, живущих по обе стороны Иордана. Иевусеи, владевшие территорией между горами Ефремовыми и Иудейскими, образовали барьер между этими племенами и израильтянами, жившими на севере.

Только неоднократные вторжения филистимлян на территорию Израиля, по-видимому, пробудили племя Иудино и вынудили его выйти из своего уединения. Вероятно, именно для того, чтобы укрепиться перед нападениями своего врага, который стремился возложить ярмо крепостничества на их шеи, Иудеи протянули руку помощи соседним племенам. Какие бы обстоятельства ни повлияли на них, несомненно, что во времена Самуила колено Иудино со своим подчинением, коленом Симеона, принимало участие в общем деле. Иаков и Израиль, разделенные на протяжении всех столетий с тех пор, как они впервые вошли в Ханаан, теперь, наконец, объединились. Без сомнения, именно Самуил осуществил этот союз.

Вхождение Иуды или Иакова в историю знаменует приход нового, энергичного и обновляющего элемента. Колена Иудино основало лишь несколько городов и ни в коем случае не вело развитой городской жизни на тех территориях, которые оно приобрело. Единственным городом, достойным упоминания, был Хеврон; остальные места были деревнями скотоводов. Как утонченность, так и порочность, возникшие в результате влияния филистимлян, оставались неизвестными коленам Иуды и Симеона. Поклонение Ваалу и Астарте с его грубыми и чувственными обрядами не прижилось среди них. По большей части они оставались теми, кем были при своем появлении на этой земле — простыми пастухами, любящими мир и отстаивающими свою свободу, без какого-либо стремления к воинской славе или новым завоеваниям. Простые обычаи патриархальной жизни, по-видимому, сохранялись в Иудее дольше, чем где бы то ни было. Этот прилив сил и религиозной активности, безусловно, не стал бы возможным без властного и энергичного вмешательства Самуила. Сын Элканы, хотя и не был воином, считался твердым сторонником, на которого могли опереться оба дома. В течение многих лет Самуил, которому помогал пророческий орден левитов, с рвением и энергией следовал своим активным курсом; народ считал его лидером, и он, фактически, своим вдохновенным рвением вел их к завоеваниям. Победа, одержанная близ Эбен-ха-Эзера, где много лет назад филистимляне разгромили израильские войска и захватили много добычи, теперь произвела огромное впечатление: она возродила мужество израильтян и смирила филистимлян.

В течение следующего десятилетия люди снова наслаждались удобствами мира, и Самуил принял меры, чтобы процветание не перечеркнуло хороших результатов предыдущих несчастий. Это было его искреннее стремление укрепить союз между племенами, который был истинной основой их силы. Год за годом он созывал старейшин народа, объяснял им их обязанности и напоминал им о злых днях, постигших израильтян из-за их безбожия, смешанных браков с чужими народами и излишеств идолопоклонства; он также предостерегал их от возвращения к этим заблуждениям. Такие собрания Самуил проводил по очереди в трех городах, о которых стало известно после разрушения Силома, а именно в Вефиле, Галгале и Массифе, где в ходе предыдущей кампании возносились молитвы о победе над

филистимлянами. В Раме, месте его жительства, происходили частые собрания различных племен; и здесь старейшины обращались к нему за советом по всем важным вопросам. Во время богослужений Самуил не только приносили жертвы, но и с помощью левитов ввел использование струнных инструментов, чтобы пробудить благочестивые чувства людей.

Благодаря ему в богослужение израильтян был введен новый элемент, а именно, песни хвалы. Самуил, предок знаменитых псалмопевцев, сыновей Кореевых, был первым, кто сочинил хвалебные песни для богослужения. Его внук, Хеман, считался главным псалмопевцем и музыкантом, и по известности он сравнивался с Асафом и Джедутуном, которые процветали в последующем поколении. Самуил применил очарование поэзии и музыки к религиозному богослужению, и они произвели неизгладимое и облагораживающее впечатление на умы людей. Использование хоров левитов и певчих придавало обряду жертвоприношения второстепенное значение.

Священники, сыновья Аарона, занимали менее уважаемое положение, и Самуил в определенной степени пренебрегал ими. Ахитуб, внук Илия, спасся после разрушения Силома, укрывшись в маленьком городке Ноб, недалеко от Иерусалима. Он унес с собой одежды первосвященника; и когда там собрались различные члены дома Аарона, Ноб стал священным городом. Здесь, по-видимому, Ахитуб воздвиг жертвенник, а также скинию по образцу той, что была разрушена в Силоме. Кажется, он даже соорудил Ковчег Завета в Нобе вместо того, который унесли филистимляне. Израильтяне, по-видимому, проигнорировали тот факт, что в новом ковчеге отсутствовало главное содержимое - каменные скрижали Завета.

Несмотря на знаменательные перемены, произведенные Самуилом благодаря его великим дарованиям и неутомимой энергии, положение людей было далеко не удовлетворительным. Он уделил особое внимание центральному и южному округам и назначил двух своих сыновей, Иоила и Авиджу, судьями — одного в Вирсавии, другого в Вефиле, — но север остался непредставленным.

С возрастом Сэмюэль уже не мог проявлять ту же активность, что в юности и более зрелой зрелости. Его сыновей не любили, их обвиняли в злоупотреблении властью и получении взяток. Среди последователей Самуила не было энергичных людей, и поэтому узы, объединявшие народ, постепенно ослабевали. Кроме того, следует отметить, что как раз в этот период страна злейших врагов Израиля была преобразована в царство. Филистимляне либо по собственной воле выбрали царя, либо были вынуждены сделать это одним из правителей своих пяти городов. Столицей стал город Геф. Честолюбие филистимского царя обратилось теперь в сторону новых завоеваний; он, по-видимому, совершил успешные нападения на финикийцев и опустошил город Сидон. Вследствие своего поражения сидоняне укрылись на своих кораблях, а на скале, далеко выступавшей в море, они построили город, который называли Зор (Тир), город скалы. Тем временем филистимляне стали обладателями всей территории между Газой и Сидоном, и им казалось легким, с их возросшей мощью, подчинить Израиль; поэтому между ними и израильтянами завязалась ожесточенная война. Также и аммонитяне, которые были унижены Иеффаем, теперь снова восстали под руководством своего воинственного царя Нахаша и начали вторгаться во владения колена Гада и половины Манассии. Бессильные защитить себя, эти племена послали гонцов к Самуилу, умоляя его оказать действенную помощь. В то же время они выразили желание, которое, хотя и разделялось всем народом, было глубоко болезненным для пророка. Они требовали, чтобы во главе израильской общины был поставлен царь, который

мог бы заставить различные племена объединиться для совместных действий и мог бы повести их на битву и к победе. Теперь в Израиле должен был быть царь. Самуил был поражен, когда услышал эти требования. Целый народ должен был зависеть от прихотей или воли одного человека! Равенство всех членов нации перед Богом и законом, полная независимость каждой семейной группы под руководством ее патриархальной главы настолько отождествились с их образом жизни, что любое изменение в их положении казалось непостижимым и чреватое тяжелейшими несчастьями.

Теперь необходимо было придать новое направление судьбам людей. Ясный ум Самуила не одобрял радикальных перемен; однако присущий ему пророческий дар заставил его согласиться. Израильское царство возникло в муках: оно не было порождением любви. Поэтому она никогда не могла найти естественного места в системе организации Израиля, но более проницательные умы всегда рассматривали ее как иностранный элемент.

ГЛАВА VI. АПОГЕЙ.

Установление царства—Саул —Его положение и характер—Его тайное избрание в Массифе—Унизительное положение нации под властью филистимлян—Объявление войны—Собрание в Галгале—Битва при Михмаше—Поражение филистимлян—Суровость Саула—Победа над аммонитянами—Подтверждено избрание Саула царем—Его двор и приближенные—Его офицеры и Постоянная армия—Победа над Амаликитянами—Споры между Саулом и Самуилом—Нападения Саула на соседний народ—Война с гаваонитянами—Место поклонения в Гаваон—Война против филистимлян в долине Тамаринф—Голиаф и Давид—Встреча Саула и Давида—Ревность Саула превращается в Безумие—Преследование Давида - Последняя битва Саула с филистимлянами — Поражение и смерть.

1067-1055 гг. до н. э.

Король, который был поставлен во главе народа по их собственному горячему настоянию и с невольного согласия пророка, доказал более эффективно, чем могли бы сделать любые возражения, насколько монархическая конституция соответствовала основанным на ней ожиданиям; ибо король, до своего восшествия на престол простой и превосходный человек, без мыслей о честолюбии или произвольной власти, не гнушался жестокости и бесчеловечности, чтобы утвердить свое достоинство.

С помощью пророческого руководства была предпринята забота о том, чтобы он не походил на отталкивающий прототип, нарисованный Самуилом, и не стал настолько независимым, чтобы ставить себя выше всех законов и правил, но чтобы он всегда помнил о своем низменном происхождении. Самуил не избрал царя из надменного колена Ефремова, чтобы тот не поступил подобно Авимелеху, который в своей самонадеянности и честолюбии убил своих собственных братьев и опустошил целые области; но царь был избран из самого маленького из колен, колена Вениамина. Его семья, семья Матри, была одной из самых бедных в Бенджамине. Его отец, Киш, ничем не выделялся; он был простым крестьянином, и в похвалу ему нельзя было сказать

ничего, кроме того, что он был честным человеком. Саул был выбран потому, что ему нравилось работать за своим плугом и наблюдать за увеличением стад своего отца. Он не мыслил ничего, кроме деревни, в которой родился, и едва ли имел представление о том, что существуют люди, которых привлекает обладание властью. В своей застенчивости он демонстрировал повадки настоящего крестьянина; эти обстоятельства и личные качества Саула, казалось, были защитой от любой самонадеянности или гордыни со стороны первого царя Израиля.

Обстоятельства, сопутствовавшие выбору короля, оставили глубокое и приятное впечатление. "Смотри, - сказал Самуил, - это человек, которого Бог избрал царем; подобного ему нет во всем Израиле". Большинство прохожих, увлеченных торжественной церемонией и появлением Саула, кричали: "Да здравствует царь!" Затем Самуил помазал новоизбранного короля святым елеем, благодаря которому, как считалось, он стал неприкосновенным. Старейшины радовались, что их искреннее желание иметь царя, который правил бы ими, наконец осуществилось. Они с нетерпением ждали счастливых дней. Этот выбор царя был важной эпохой в истории еврейского народа; он определил все его будущее. Однако во время радостных и торжественных слушаний уже возникли разногласия. Некоторые недовольные люди, вероятно, эфраимиты, которые надеялись, что царя выберут из их собственных рядов, громко выразили свое разочарование. "Как этот человек может нам помочь?" В то время как все остальные старейшины, согласно всеобщему обычаю, принесли царю дары в знак уважения, и несколько самых отважных последовали за ним в Гиву, чтобы помочь ему в борьбе с врагами Израиля, недовольные держались особняком и отказались от своей верности.

Мужество Саула после его восшествия на престол, должно быть, значительно возросло, или же он, должно быть, почувствовал, что его ведет Бог после его неожиданного возвышения. Теперь он смело встал перед задачей противостоять своим могущественным врагам и уладить неорганизованные дела содружества. Положение народа при его восшествии на престол было очень печальным и унижительным, едва ли не хуже, чем во времена Судей. Их оружие, такое как луки и стрелы, мечи и т.д., было унесено победоносными филистимлянами, которые не оставили в стране кузнеца для изготовления нового оружия. У новоизбранного короля не было меча — этого символа королевской власти у всех народов и во все времена. Его избрание, вероятно, проводилось настолько тайно, что филистимляне ничего не знали об этом. Филистимские сборщики налогов истощили силы страны и в то же время подавляли всякую попытку восстания. Израильяне были настолько унижены, что некоторым из них пришлось сопровождать филистимлян в походах против своих собственных братьев. Ничто, кроме чудесного события, не могло спасти их, и такое событие было совершено Саулом со своим сыном и родственниками.

Старший сын Саула, Ионафан, возможно, был более достоин царского сана, чем его отец. Скромный и бескорыстный, возможно, даже в большей степени, чем его отец, мужественный перед лицом смерти, он сочетал с этими качествами почти чрезмерную доброту и мягкость — черту, которая вызывала в нем расположение всех, но которая была бы серьезным недостатком у правителя, вынужденного проявлять определенную твердость и суровость. Кроме того, Джонатан был наделен восторженной натурой, которая нравилась каждому сердцу. Он был правдив и врагом всякого обмана; он свободно высказывал свое мнение, рискуя вызвать неудовольствие или потерять свое положение и даже жизнь, и все эти качества делали его любимцем народа. Абнер, двоюродный брат Саула, был совершенно иного склада; он был нестигаемым воином и обладал значительной степенью хитрости. Неопытному королю и

народу он тоже оказал важную услугу в их бедственном положении. Окруженный этими и другими верными приверженцами своей семьи и колена Вениамина в целом, которые гордились тем, что благодаря ему приобрели известность, Саул вступил в неравную борьбу с филистимлянами. Ионафан начал военные действия. В городе Геба, или Гива Вениамина, жили филистимские сборщики налогов, окруженные множеством воинов. Ионафан напал на этот пост и перебил гарнизон. Это было первое объявление войны; оно было сделано по приказу Саула и с его полного одобрения. Теперь царь приказал, чтобы звук трубы, возвещающий о начале войны с филистимлянами, прозвучал по всей земле Вениамина. Многие услышали эту новость с радостью, другие - с грустью и смятением.

Все, у кого хватило мужества, собрались, чтобы поддержать своего царя, полные решимости помочь ему сбросить позор с Израиля или погибнуть при этой попытке. Те, кто был труслив, бежали на противоположный берег Иордана или прятались в пещерах, в расселинах скал или в подземных ходах. Чувство сильной тревоги наполнило все умы относительно результата состязания. Местом встречи израильтян в то время был Галгал, город, наиболее удаленный от земли филистимлян. Это место встречи было назначено пророком Самуилом. Он велел Саулу отправиться туда и оставаться там семь дней в ожидании его прибытия и дальнейших инструкций. В Галгале, вероятно, находился хор музыкантов и пророков, чьи псалмы и песни должны были вдохновлять израильских воинов воинской отвагой и верой в освобождение их отечества. Тем временем филистимляне готовились к истребительной войне против израильтян. Известие о нападении Джонатана на их аванпосты привело их в ярость; однако они были скорее удивлены, чем напуганы. Как могли трусливые, безоружные, безоружные израильтяне осмелиться напасть на филистимлян, своих хозяев? Многочисленный отряд воинов при поддержке кавалерии прошел по долинам южного горного хребта Ефрем и по всей ширине страны вплоть до Михмаша; из этого места стоянки они распространили свои мародерские банды в трех направлениях, самым унижительным обстоятельством было то, что многие израильтяне были вынуждены помогать филистимлянам в усмирении своих соплеменников.

Это было критическое время для народа Израиля. В то время как филистимляне постепенно продвигались к Михмашу, Саул, окруженный храбрецами своего племени, ожидал в Галгале пророка, который должен был дать воинам свои вдохновенные указания и таким образом наделить их мужеством. Но проходил день за днем, а Сэмюэль не появлялся. Каждый час, проведенный в безделье, казалось, сводил на нет шансы на успешный выпуск. Саул опасался, что враг спустится с гор в долину, нападет на Галгал и уничтожит или обратит в бегство небольшой отряд израильтян. Немало его солдат уже дезертировали, расценив отсутствие Самуила как дурное предзнаменование. Саул, потеряв терпение, решил на седьмой день напасть на врага под свою ответственность. Согласно древнему обычаю, он приносил жертву, чтобы умиловить Божество и обеспечить себе успех в битве. Как раз в тот момент, когда он готовил всесожжение, внезапно появился Самуил и сурово упрекнул царя за то, что тот увлекся нетерпением. Он очень сурово возмущился этой ошибке, покинул Галгал и предоставил Саула самому себе — тяжелый удар для него, поскольку он уверенно рассчитывал на помощь пророка в этот опасный момент. После того, как Самуил ушел из Галгала, Саул счел бесполезным оставаться там. Поэтому он отправился с остатками своего войска в Гиву. Осмотрев здесь своих солдат, он обнаружил, что их насчитывается не более шестисот. Неудивительно, что Саул и Ионафан впали в уныние при виде этого небольшого отряда, который был безоружен и вынужден был сражаться с хорошо оснащенными армиями врага. Мечи были только у Саула и Ионафана. Это был действительно печальный медовый месяц для молодого королевства.

Самым болезненным ударом для Саула было то, что из-за отсутствия Самуила он был лишен средств, с помощью которых народ мог узнать волю Божию.

Ионафан, однако, хорошо начал в Гиве, где Саул и его войска расположились лагерем, всего в часе езды от Михмаша, места расположения лагеря филистимлян. Между двумя армиями лежала долина, но дорога, ведущая из одного места в другое, была непроходимой, так как долина была ограничена крутыми, почти перпендикулярными стенами из скал и пропастей, которые замыкали ее с востока, пока она не превратилась в простое ущелье шириной около десяти футов. На западной стороне, где долина образовывала широкий проход, филистимляне разместили свои аванпосты. Таким образом, филистимляне и израильтяне могли встретиться только на узкой тропинке. Наконец Джонатан решил взобраться на самую крутую часть перевала и в сопровождении своего меченосца на руках и ногах взобрался по крутым выступам скалы на склоне Мичмаша. Один неверный шаг сбросил бы его на глубину, но, к счастью, он и его человек благополучно добрались до самой высокой точки. Когда филистимляне увидели их, они были немало удивлены тем, что на этой каменистой дороге была найдена тропинка к их лагерю. Обманутые этой уловкой и опасаясь, что другие израильтяне последуют за ними, они презрительно крикнули: "Посмотрите на евреев, они выползают из своих укрытий; поднимитесь выше, мы хотим познакомиться с вами поближе".¹⁶ Между Ионафаном и его меченосцем была предварительная договоренность, что, если они получают такой вызов, они продолжат наступление и смело пойдут в атаку. Филистимляне, первыми увидевшие отважных альпинистов, вскоре перестали насмехаться, ибо при первой атаке двадцать человек были убиты обломками скалы и камнями для пращей. Вениамитяне были очень искусны в обращении с пращей, а Ионафан и его меченосец продвинулись дальше и продолжали швырять в филистимлян груды камней. Охваченные ужасом от этой внезапной атаки со стороны, к которой приблизиться казалось невозможным, они могли только представить, что на них напали сверхъестественные существа, и, охваченные страхом, они сражались друг с другом или ломали ряды в диком замешательстве. Саул, наблюдавший за происходящим с высокого возвышения, как только заметил, что враг начинает убегать, поспешил к месту действия в сопровождении своих шестисот воинов и завершил разгром филистимлян. Те израильтяне, которые до тех пор были вынуждены филистимлянами сражаться против своих собственных братьев, обратили свое оружие против своих угнетателей. Другие, которые прятались в расщелинах и гротах гор Ефремовых, набрались храбрости, когда стали свидетелями бегства филистимлян, и пополнили ряды агрессоров. Войско Саула, увеличенное таким образом, насчитывало десять тысяч человек. В каждом городе горы Ефрем, через который филистимляне проходили во время своего бегства, жители нападали на них и истребляли одного за другим. Несмотря на усталость и изнеможение, войска Саула преследовали отступающего врага в течение восьми часов.

Происшествие, имевшее, казалось бы, незначительные последствия, но оказавшееся очень важным, положило конец дальнейшему преследованию. Саул внушил своим солдатам, что уничтожение их врага не должно прерываться даже для еды или освежения, и он произнес проклятие на того, кто примет хоть малейшую пищу. Джонатан, который всегда был впереди всех, ничего не слышал об этом проклятии. Измученный долгой битвой и преследованием, он не смог сдержаться и отведал дикого меда, в который обмакнул свой посох. Когда его внимание было привлечено к безапелляционному приказу отца, он открыто признал свой поступок. Саул,

однако, отнесся к этому серьезно и решил приговорить Ионафана к смерти. Но народ яростно протестовал. "Что? - закричали воины. - Неужели Ионафан, которому народ обязан своей великой победой, будет убит? Нет, ни один волос не упадет с его головы".¹⁷ Народ принес жертву за грех за Ионафана и таким образом спас его от смерти. Благодаря этому эпизоду преследование филистимлян к западу от Аджалона было приостановлено. Велика была радость израильтян от столь неожиданной победы, которую они одержали. Битва при Мичмаше полностью восстановила их репутацию. Они также вернули себе оружие и почувствовали себя достаточно сильными, чтобы сражаться под началом короля, твердость решимости которого они испытали на себе. Но Саул смиренно и скромно вернулся в свое жилище в Гиве и, как и прежде, вспахивал поля своего отца. Он еще не был ослеплен своим новым достоинством. Тем временем враждебные действия аммонитян против племен по ту сторону Иордана усилились. Нахаш, царь аммонитян, осадил крепость Иавис-Галаад. Жители не смогли долго продержаться и вели переговоры с Нахашем о капитуляции. Он предложил тяжелые, нечеловеческие условия галаадитянам из Иависа. В качестве позора для Израиля все мужчины должны были согласиться потерять свой правый глаз. Что оставалось делать галаадитянам? Они просили отсрочки на семь дней, чтобы отправить послания своим соплеменникам. Когда однажды Саул возвращался домой со своей упряжкой тельцов с поля, он встретил жителей Гивы в большом волнении и обливался слезами. Удивленный этим, он спросил о причине их горя, и посланцы из Иависа Галаадского рассказали, что постигло бы их город, если бы не подоспела срочная помощь. Разгневанный позорным положением, навязанным царем аммонитян, Саул немедленно решил оказать помощь галаадитянам из Иависа. Впервые он воспользовался своей царской прерогативой, призвав весь Израиль принять участие в кампании против аммонитян.

Самуил поддержал этот призыв, заявив, что он тоже присоединится к экспедиции. По приказу Саула все воины собрались на месте встречи. Анархия эпохи Судей подошла к концу, и воцарилась суровая воля. Большой отряд израильтян перешел Иордан; аммонитяне, атакованные с юга, севера и запада, бежали во всех направлениях, и ни один из них не остался вдвоем. Жители Иависа были спасены и с тех пор выражали глубочайшую благодарность Саулу и его дому за помощь, оказанную им так быстро и энергично. Когда Саул переправлялся через Иордан после своей второй победы над врагом, его встретили с бурной радостью. Самуил, который был свидетелем этих выражений восторга, счел разумным напомнить царю и его народу, что их триумф не должен превращаться в гордыню и что они должны рассматривать царское достоинство не как цель, а только как средство. Поэтому Он созвал большое собрание израильтян и решил привлечь внимание царя и народа к их обязанностям. Самуил снова помазал Саула на царство; народ возобновил свое почтение и с радостью принес жертвы.

Посреди этого ликования Самуил произнес речь, свидетельствующую о силе его ума и величии как пророка.

Две важные победы Саула и собрание в Галгале, где ему оказали почтение почти все племена, подтвердили его власть, и царское владычество было поставлено на постоянную основу. Хотя Самуил восхвалял дни Судей, все же народ чувствовал, что он мог бы лучше ценить царя, чем героя-судью. Нация охотно обменяла свою республиканскую свободу на приз единства и полученную таким образом власть. Царское сословие привело к различным изменениям. Саулу приходилось нанимать ответственных людей для исполнения своих приказов; ему требовалось некоторое количество офицеров и слуг. Военные офицеры были назначены управлять сотнями и

тысячами человек соответственно, а также советники, которые были допущены к королевскому столу. Специальный отряд людей служил гонцами (*разимы*), вооруженной силой, которая стала послушным орудием воли короля. Они и их начальник составляли царский двор. Начальника стражи Саула звали Доаг, он был идумеянином по происхождению. Благодаря присутствию постоянной армии и слуг, Гива, до тех пор всего лишь небольшой городок, теперь стала столицей. По отношению к Самуилу Саул сначала проявил покорность. Когда пророк именем Бога повелел ему объявить войну не на жизнь, а на смерть амаликитянам, Саул немедленно начал приготовления и созвал своих воинов. Амаликитяне были непримиримыми и наследственными врагами израильтян и проявили величайшую жестокость по отношению к ним во время их скитаний по пустыне и при вступлении в Святую Землю. Эти враги часто присоединялись к другим народам, чтобы сокрушить израильтян. Амаликитский царь Агаг, по-видимому, причинил большие неприятности колену Иудину во дни Саула.

Однако предпринять военные действия против амаликитян было нелегкой задачей. Агаг считался великим героем и внушал всем окружающим страх; но хотя амаликитяне славились своим мужеством и силой, Саул без колебаний подготовился к этому опасному походу. Он, по-видимому, вел борьбу умело и отважно и заманил врага в засаду, благодаря чему ему удалось одержать полную победу. Он захватил столицу (возможно, Кадеш), убил мужчин, женщин и детей и взял в плен страшного царя Агага. Лишь немногие из тех, кому удалось спастись, нашли убежище в огромной соседней пустыне, ведущей в Египет. Израильские воины увезли богатую добычу, в том числе отары овец, стада крупного рогатого скота и верблюдов. Согласно приказу Самуила, эта добыча должна была быть уничтожена, чтобы не осталось и следа памяти об Амалике. Солдаты, однако, не хотели, чтобы эта богатая добыча была предана уничтожению. Саул, обычно столь строгий в своей дисциплине, позволил сохранить добычу и таким образом нарушил указания пророка. Саул очень гордился своей победой над ужасными амаликитянами и приказал привести царя Агага в цепях как живой знак триумфа. Успех в битве опьянил его и заставил забыть о своем прежнем смирении. По возвращении он воздвиг памятник своей победе в оазисе Кармил. Тем временем Самуил в пророческом видении узнал, что царь не выполнил данных ему инструкций и поэтому должен быть наказан.

Самуил должен был объявить об этом царю-победителю; но задача была трудной, и он боролся и молился целую ночь. Наконец он решил отправиться навстречу Саулу. Но, услышав по дороге, что Саул был настолько одержим гордыней, что приказал воздвигнуть памятник, он повернул назад и направился в Галгал. Когда Саул услышал об этом путешествии, он последовал за ним туда. Старейшины Вениамина и соседних племен также отправились в Галгал, чтобы приветствовать победоносного царя. Здесь они были свидетелями распри, которая предвещала недобрые времена.

Как ни в чем не бывало, царь встретил пророка такими словами: "Я исполнил Божьи повеления". На что Самуил сурово ответил ему: "Что означает бление овец, которое я слышу?" "Это был народ, - ответил Саул, - который пощадил лучших овец и волов, чтобы принести их в жертву на жертвеннике в Галгале". При этих словах пророк Самуил больше не мог сдерживать свой гнев и ответил крылатыми словами: "Имеет ли Господь такое же великое удовольствие от всесождений и жертвоприношений, как и от повиновения Его голосу? Вот, повиноваться лучше, чем приносить жертву, и внимать лучше, чем жир баранов. Ибо грех колдовства происходит от бунта, а беззаконие Терафимов - от упрямства. Из-за того, что ты отверг слово Господа, Он также отверг тебя от того, чтобы быть царем".

Саул был так глубоко унижен этими словами и суровым поведением пророка, что признал свою вину и, пытаясь помешать ему уйти, так крепко вцепился в одежду Самуила, что она порвалась. Тогда Самуил сказал: "Это знамение: Бог лишит тебя твоего царского достоинства и отдаст его лучшему человеку, даже если Израиль будет разорван на части при этом". Саул еще раз взмолился к пророку. "По крайней мере, окажи мне честь сейчас перед старейшинами моего племени и Израиля и возвращайся со мной".¹⁸

Вняв этой мольбе, Самуил сопровождал его к алтарю, где царь смирился перед Богом. Затем Самуил приказал вывести связанного царя Агага. Царь амаликитян в страхе воскликнул: "О! как горька, как горька смерть!"¹⁸ На это восклицание Самуил ответил: "Как меч твой лишал женщин детей, так и мать твоя будет бездетной среди женщин", - и Самуил разрубил Агага на куски перед царем в Галгале.¹⁸

После этой сцены в Галгале царь и пророк избегали друг друга. Победа, одержанная Саулом над Амаликом, была для него поражением — его гордыня была сокрушена. Известие о том, что Бог покинул его, бросило мрачную тень на его душу. Его уныние, которое позже переросло в безумие, возникло из-за угрожающих слов Самуила: "Бог отдаст царство Израиля лучшему человеку".¹⁹ Эти ужасные слова постоянно звучали в ушах Саула. Точно так же, как сначала он не решался принять бразды правления, теперь он не хотел выпускать их из своих рук. В то же время он чувствовал себя беспомощным. Что он мог сделать против суровости пророка? Чтобы отвлечься, он ввязался в войну. На границах Израиля было много врагов, которых он хотел подчинить. Он также избрал другой курс, чтобы произвести на людей впечатление своей значимостью.

Среди израильтян все еще жили несколько ханаанских семей и небольших кланов, которые не были изгнаны, когда страна была завоевана, и не могли быть изгнаны сейчас. Это привело израильтян к почитанию ложных богов и идолопоклонническим заблуждениям. Поэтому Саул думал, что он принесет большую пользу народу и послужит закону Израиля, если удалит этих соседей-идолопоклонников и все, что было чуждым. Среди чужеземцев, которым было позволено остаться, были жители Гаваона, добровольно подчинившиеся израильтянам-завоевателям. Саул не уважил клятву, данную гаваонитянам, но приказал устроить среди них массовую резню, от которой спаслись лишь немногие.

Вместе с иностранными ханаанскими народами он также преследовал колдунов, которые принимали участие в идолопоклоннических обрядах. В то время как Саул, с одной стороны, стремился завоевать добрую волю своего народа и показал себя суровым поборником законов, данных Богом, он, с другой стороны, пытался внушить народу покорный страх перед царской властью. На голове у него была золотая корона в знак величия и возвышения над массами. Его современники, которые знали его как пахаря и, возможно, были склонны относиться к нему как к равному себе, должны были забыть его прошлое и привыкнуть смотреть на него с благоговением как на помазанника святой короны. Саул также позволял себе царскую роскошь многоженства. Он брал жен в дополнение к своей первой жене Ахиноаме, на которой женился, когда был еще крестьянином. Среди них была красивая и мужественная Рицпа.

Саул проявлял много энергии в своих набегах на врага и, без сомнения, для того, чтобы рассеять опасения, вызванные резкими словами пророка, демонстрировал большую пышность и показуху, до тех пор чуждые его натуре. Но раньше, чем он ожидал, злой дух его воображения обрел форму в образе юноши, который очаровал его вопреки его желанию.

Случилось так, что во время одной из частых схваток с врагом войска Саула выстроились в боевой порядок против филистимлян, и две армии стояли лицом к лицу, отделенные друг от друга только глубоким оврагом. Оба боялись сделать первый решающий шаг. В конце концов филистимляне предложили разрешить битву единоборством и послали своим защитником гигантского воина Голиафа. Царь Саул был бы рад увидеть, как один из его воинов выйдет на поединок, и он пообещал победителю богатые подарки, освобождение от налогов, от обязательной службы и руку одной из своих дочерей. Но даже такой ценой никто из израильской армии не осмелился выступить против Голиафа. Затем, словно случайно, появился мальчик-пастух из Вифлеема, города недалеко от поля битвы, и привел к решающему результату.

Этот вифлеемский пастух, прямо или косвенно, стал причиной революции в истории Израиля и в истории человечества. Давид, тогда известный только жителям деревни или городка Вифлеем, с тех пор стал знаменитым именем во всем мире. После своего разногласия с Саулом Самуил получил пророческую миссию отправиться в Вифлеем, чтобы помазать будущего царя Израиля из числа восьми сыновей престарелого Иессея в качестве преемника Саула. Самуил отправился в путь тайно, чтобы царь не преследовал его. Пророк избрал Давида будущим царем, избранным Богом, и помазал его на царство Израиля в присутствии его братьев. Это простое, но важное действие, естественно, было совершено в уединении и хранилось в секрете отцом и братьями Давида.

Иессей, отец Давида, не происходил из знатного дома Иуды, но, как и все жители Вифлеема, принадлежал к очень скромной семье. Давиду было около восемнадцати лет, когда он был помазан, и он не отличался ни своим опытом, ни какими-либо делами. Прекрасные пастбища вокруг Вифлеема до тех пор составляли его мир. Но в нем дремали способности, которые нужно было только пробудить, чтобы он превзошел своих современников интеллектуально, как Саул превзошел их физически. Дэвид был в высшей степени одарен поэтическим и музыкальным талантом, и пока он еще ухаживал за своей паствой, его арфа будила эхо в горах. Однако одного обстоятельства было достаточно, чтобы превратить этого юношу в мужчину.

Самуил вернулся в Раму так же тайно, как и ушел; но он не спускал глаз с юноши, которого помазал, и ввел его в круг своих учеников. Здесь развились поэтические таланты Давида. Здесь он смог усовершенствовать себя в использовании музыкальных инструментов. Но в окружении Самуила он научился кое-чему большему; он научился "познавать Бога". Его дух был пронизан Божественным присутствием и проникся тем благочестием, которое все относит к Богу и во всем подчиняется Божественному руководству. Эта вера в Бога была пробуждена и укреплена в нем под влиянием Самуила. Давид часто путешествовал из Вифлеема в Раму и из дома Самуила к стадам своего отца. Благородное мужество, с которым его вдохновило помазание и влияние Самуила, не покинуло его, когда он пас свои стада на лугах Вифлеема. Когда в окрестностях Вифлеема разразилась война с филистимлянами, Давид больше не мог оставаться пастухом своих стад и с радостью взялся передать послание своим братьям, служившим в армии, чтобы иметь предлог для прихода в лагерь. По прибытии туда он робко сказал прохожим, что готов рискнуть встретиться с богохульствующим филистимлянином, который поносил армию живого Бога. Вскоре до ушей царя дошла весть о том, что юноша вызвался на поединок. Наполовину убежденный, наполовину презираемый, Саул разрешил ему участвовать в поединке и предложил ему свои собственные доспехи. Первый камень, брошенный его умелой рукой из пращи, поразил тяжеловооруженного гиганта издали; он упал на землю. Давид бросился на

Голиафа, выхватил меч из ножен и отрубил великану голову. Филистимляне с вершин холмов стали свидетелями падения своего чемпиона, которого они считали непобедимым; они объявили себя побежденными и больше не стремились затягивать войну, а бежали в свои крепости. С другой стороны, израильские войска, увлеченные победой Давида, бросились в погоню по горячим следам за своим врагом.

Держа в руке окровавленную голову, юный победитель предстал перед Саулом, которому он до тех пор был неизвестен. У него не было ни малейшего подозрения, что этот юноша, от которого он не мог скрыть своего восхищения, может стать грозным соперником. Он испытывал огромную радость от знаменательной победы. Его сын Джонатан, у которого было открытое, нежное и бескорыстное сердце, был очарован молодым победителем. Его любовь и привязанность к Дэвиду стали сильнее, чем любовь мужчины к женщине. Слава об имени Давида и победе, одержанной им в Эфес-Дамиме, вскоре разнеслась по всей долине Терebinф и по территориям всех племен. Однако Давид вернулся в дом своего отца как ни в чем не бывало и просто взял с собой щит и доспехи Голиафа в качестве сувениров. Но он недолго оставался дома. Предназначение Саула начало исполняться, и Давид был его избранным орудием. Мрак уныния, омрачавший душу царя с момента его разрыва с пророком, стал еще темнее. Его дурное настроение перерастало в печаль и меланхолию, а иногда им овладевали пароксизмы дикого безумия. "Злой дух вселился в короля", - шептали друг другу его слуги. Одна инструментальная музыка была способна возбудить его; поэтому его верные слуги предложили, чтобы ко двору прибыл искусный музыкант и поэт, и они посоветовали ему выбрать сына Иессея, который был красив, храбр, красноречив и умел играть на арфе. Пришел Давид, и его музыкальный талант, а также манера держаться привели царя в восторг. Всякий раз, когда Саул впадал в меланхолию, Давид прикасался к арфе, и царь выходил из депрессии. Саул чувствовал себя скованным Давидом. Он начал относиться к нему как к сыну и в конце концов упросил отца Давида оставить его навсегда при дворе. Саул назначил его своим оруженосцем, тем самым обеспечив себе ободряющее влияние его присутствия. Это был первый шаг к возвышению Давида. Но он привлек не только царя, Давид имел влияние на весь двор, и все сердца обратились к нему. Джонатан, однако, любил его больше всех. Вторая дочь Саула, Мелхола, также была тайно предана ему. При дворе Давид научился владеть оружием и сменил арфу на меч. Поскольку он был полон мужества, то вскоре отличился в небольших стычках, в которых принимал участие, и вышел победителем. Однажды, когда Давид нанес филистимлянам сокрушительное поражение и когда по всей территории Израиля было великое ликование, женщины и девицы из различных городов, которые он проезжал по возвращении, вышли ему навстречу с песнями, тимпанами и кимвалами, танцевали вокруг него и радостно провозглашали его победителем, говоря: "Саул убил тысячи своих, а Давид - десятки тысяч". Эти почести, единодушно и с энтузиазмом оказанные юному герою, наконец открыли Саулу глаза. Это был "лучший человек", тот, кого Бог избрал царем над Израилем; соперник, которым Самуил угрожал ему, которого он так сильно боялся, но который до сих пор казался ему только призрачным существом, теперь действительно был перед ним в лице его собственного любимца и любимца его народа.

Для Саула это было ужасным разочарованием. "Мне они дают всего лишь тысячи, а ему десятки тысяч - они ставят его выше меня. Кто еще хочет сделать его королем?" Радостные крики поющих и танцующих женских хоров с того времени звучали в его ушах и напомнили слова пророка: "Ты покинут Богом". Любовь Саула к Давиду теперь сменилась горькой ненавистью, которая вскоре переросла в безумие.

В тот самый день, когда Давид вернулся со своего триумфального шествия, Саула охватило бешенство, и он дважды метнул в Давида копье, которое умело уклонялось от ударов. Когда приступ безумия оставил Саула, неудача этой попытки показалась ему доказательством того, что Бог защищает его врага. С того времени он стремился уничтожить своего соперника с помощью военной хитрости. Он притворился, что почитает Давида; сделал его командиром отборного отряда из тысячи человек, приказал ему руководить атаками большой важности и опасности и предложил ему в жены свою старшую дочь Мераб. Саул надеялся погубить человека, которого он ненавидел, этими очевидными знаками расположения. Давид, однако, избежал опасности, отказавшись жениться на Мерабе, и, с другой стороны, ему посчастливилось победить филистимлян. Он должен был выдать замуж вторую дочь царя, если бы представил доказательства того, что убил сотню филистимлян. Он привел доказательства того, что убил вдвое больше людей, и Саул был вынужден сдержать свое обещание и отдать ему свою дочь Мелхол. Она и Ионафан встали на сторону Давида против своего отца, тем самым еще больше разозлив Саула. Он пытался лишить Давида жизни, сначала тайно, а затем открыто, поведя против него свои войска. Дэвид был объявлен вне закона и впал в крайнее отчаяние. Теперь к нему присоединились молодые люди, такие же несчастные, как и он сам, и жаждущие войны. Главным среди них был его родственник Иоав, который вместе со своими двумя братьями составил ядро группы *героических воинов (Гибборим)*, с помощью которых Давиду предстояло шаг за шагом подниматься к трону. К нему также присоединился пророк по имени Гад, принадлежащий к школе Самуила. Последние представители жреческой семьи Илия, первосвященника, были загнаны Саулом в объятия своего предполагаемого врага. Саул, услышав, что священники Нома, родственники и потомки Илия, помогали Давиду, приказал жестоко убить их, а священнический город разрушить. Только одна семья, семья Авиафара, избежала смерти и бежала к Давиду, который принял беглецов с распростертыми объятиями. Ненависть к своему сопернику сделала Саула жестоким и кровожадным. Все попытки Джонатана, желавшего стать посредником между своим отцом и его другом, оказались бесплодными и только расширили брешь. Поскольку Саул был явно неправ, часть народа встала на сторону Давида; но, не имея возможности помочь ему открыто, они оказали ему тайную помощь, благодаря которой он смог спастись от неоднократных преследований. Вызывает сожаление тот факт, что Давид в своих скитаниях и лишениях был вынужден установить дружеские отношения с врагами своей страны — с царем Моава, с аммонитским царем Нахашем и с царем филистимлян Ахишем. Таким образом, он навлек на себя подозрение в том, что стал предателем своей страны, и, по-видимому, оправдывал вражду Саула к нему. Условия союза Давида с Ахишем, который сначала отказал ему в защите, но у которого он во второй раз нашел убежище, казались особенно подходящими для того, чтобы обвинить его. Ахиш предоставил ему защиту при условии, что он полностью порвет с Саулом и его страной, чтобы в случае войны он и его войско, насчитывающее шестьсот человек, могли присоединиться к филистимлянам против его собственного племени, а в мирное время совершать набеги на отдаленные районы Иудеи и отдавать часть добычи своему сеньору. Давид, это правда, по-видимому, решил уклониться от этих условий и в конечном итоге даже присоединиться к своему собственному народу против его союзников. Но таким образом он был вынужден вступить на извилистый путь и отказаться от честности намерений, которая до сих пор отличала его. Вполне вероятно, что дикий вид войск Давида произвел не очень приятное впечатление на жителей Филистии. Филистимские вожди были недовольны тем, что их государь вступил в союз с вождем, который был обязан своей славой победам над их собственным народом. Царь Анхус, однако, так многого ожидал от этого союза, что не обратил внимания на

предупреждение своих советников. Но сам Давид испытывал дискомфорт от жизни среди филистимлян. Поэтому он попросил Ахиша выделить ему и его последователям жилище в одной из его цитаделей. Это предложение понравилось филистимскому царю, и он отдал Давиду город Циклаг. Как только распространилась весть о том, что для занятия Давида был назначен особый город, к нему присоединились воинственные люди, как чужеземцы, так и туземцы, многие из которых впоследствии отличились своим героизмом. Ахиш верил, что в лице Давида он обрел верного союзника, который использовал свои военные знания и мужество против членов своего собственного племени и который, следовательно, никогда больше не сможет заключить мир со своим собственным народом.

Таким ловким образом введенный в заблуждение Давидом, Ахиш считал себя в безопасности при ведении решающей войны против израильтян. Саул погрузился в меланхолию и после ссоры со своим зятем утратил былую энергию в военном деле. Сильная рука, которая сражалась за него, и быстрый ум, который все спланировал для него, теперь обернулись против него. Самые храбрые юноши и мужчины Израиля отдали себя под командование Давида. Ахиш созвал все свои войска, чтобы нанести решающий удар по Израилю. Пройдя маршем по равнине вдоль побережья Средиземного моря (которое принадлежало филистимлянам со времени их победы над финикийцами), он повел свою армию прямо в долину Изреель. Эта территория, помимо политических соображений, представляла собой лучшее поле для применения кавалерии и колесниц, чем горные районы. В соответствии с их договором Ахиш потребовал, чтобы Давид помог ему в этой великой войне против Саула и объединил свои войска с филистимской армией. На сердце Давида, должно быть, действительно было тяжело, когда он вступил в армию, но у него не было выбора; он продался врагам своего народа. Однако филистимская знать избавила его от двусмысленного положения. Они громко и яростно требовали, чтобы царь отослал Давида и его солдат, в верности которых они сомневались. Филистимский царь был вынужден, по их почти мятежному требованию, уволить Давида. Заверив его в своей непоколебимой верности, он отправил его обратно в Циклаг. Это было удачей для Давида, поскольку таким образом он был спасен от дилеммы: либо стать предателем своего собственного народа, либо нарушить доверие своего союзника Ахиша.

Между тем филистимляне числом в тысячи человек выступили вперед и расположились станом близ города Шунема. Саул, получивший известие о приготовлениях филистимлян и об их последнем походе, созвал израильские войска, форсированным маршем двинулся навстречу врагу и сначала расположился лагерем у подножия горы Гелвуа. Затем он обошел противоположные высоты и, двинувшись на север, разбил лагерь у северо-западного подножия горного хребта близ Эндора.

Саул пал духом при виде огромного количества филистимлян, особенно когда увидел их кавалерию; злые дни, которые он сам навлек на себя, лишили его былого мужества. Он чувствовал себя покинутым Богом, поскольку ни священник, ни пророк не дали ответа на его вопрос о результате войны. Тщетно ожидая, что вдохновение придет к нему во сне, он, наконец, в отчаянии отправился к чревоушательнице в Эндоре, которая избежала преследований, и тайно практиковала свое колдовство. Странно, что Саулу пришлось прибегнуть к искусству жонглерства, которое раньше он хотел изгнать из своих владений. Обескураженный зловещими предсказаниями ведьмы, Саул вступил в битву с тяжелым сердцем, и, как будто его страхи заразили его войска, результат оказался катастрофическим. Израильтяне, действительно, сражались храбро, и битва длилась целый день, но они не могли противостоять кавалерии и

боевым колесницам на равнине. Они бежали в горы Гелвуа, но филистимляне преследовали их и разгромили. Трое сыновей Саула, любезный Ионафан, Авинадав и Малхисуа, все пали, и отец внезапно оказался один, сопровождаемый только своим оруженосцем, в то время как филистимские лучники наседали на него. Он не хотел ни бежать, ни быть взятым в плен и подвергнутым презрению филистимлян. Поэтому он умолял своего слугу нанести ему смертельный удар, и когда последний отказался поднять руку на царя, Саулу не оставалось ничего другого, как пасть от своего собственного меча и умереть смертью, достойной царя. Разрушения были ужасающими. Цвет израильских войск был разбросан по горе Гильбоа и равнине Изреель.

Отдохнув ночью после тяжелого трудового дня, филистимляне вновь вернулись на поле битвы и сняли с убитых одежду и украшения. Здесь они нашли трупы Саула и трех его сыновей. Голову царя и его оружие они отправили в качестве трофеев в Филистию; череп они сохранили в храме Дагона, а оружие - в храме Астарты в память о великой победе над Израилем. Затем они ворвались в города на равнине Изреель и в города на северо-восточной территории близ Иордана и заняли их. Жители, услышав о поражении при Гильбоа, бежали на противоположный берег Иордана. Филистимляне, в качестве оскорбления израильтян, повесили обезглавленные тела Саула и его сына Ионафана на стенах Вифшана. Похоже, что филистимляне после своей победы повернули к югу от горы Гелвуа и Вифшана и заняли все важные города. Столица Саула, Гива-Саул, была охвачена ужасом при приближении филистимлян. Жители бежали в горы, и, пытаясь спасти сына Ионафана, Мемфивосфея, которому тогда было пять лет, кормилица уронила его, и он остался калекой на всю жизнь.

После своей смерти Саул оставил страну в плачевном положении, ибо дела обстояли еще хуже, чем при его восшествии на престол. Поражение было настолько полным и неожиданным, что в тот момент не было и мысли о сопротивлении, все мужество исчезло. Было даже сочтено смелым поступком, что некоторые жители Иавис-Галаада (с противоположной стороны Иордана) отважились из благодарности к Саулу, который принес помощь в их город, спасти тело царя от позорного разоблачения. Ночью они перешли Иордан в Вифсане, сняли тела Саула и Ионафана со стен, похоронили их под теребинфом и оплакивали их в течение семи дней. Племена по эту сторону Иордана не были столь же храбры или, возможно, не испытывали благодарности к Саулу, который принес несчастья на землю своими преследованиями Давида. Таков был конец короля, избрание которого нация приветствовала с такой большой надеждой и радостью.

ГЛАВА VII. ДАВИД И ИЕВОСФЕЙ.

Сожжение Циклага—Поражение амаликитян—Иуда избирает Давида царем—Авенир и Иевосфей—Война между домами Саула и Давида—Убийство Авенира—Смерть Иевосфея—Давид признан единственным царем—Взятие Сиона—Укрепление Иерусалима—Война с филистимлянами—Победа Давида—Герои—Союз с Хирамом—Перенос ковчега Святилища в Иерусалим—Первосвященник-Хоровые службы Храма—Внутреннее управление Израиля—Гаваонитяне и Рицпа —Мемфивосфей.

1055-1035 гг. до н. э.

И Давид, на которого народ когда-то возлагал большие надежды, тоже, казалось, был ими забыт. Что он делал, пока его отечество истекало кровью? Независимо от того, было известно о его походе с филистимлянами или нет, всем должно было показаться странным, что в этот печальный кризис он держался в стороне от любой опасности, заботясь только о своей собственной безопасности, и что вместо того, чтобы поспешить на помощь своему угнетенному народу, он придерживался своего договора с филистимлянами. Это правда, в то время он сам был в бедственном положении, но о событиях, которые его касались, стало известно только позже. Между тем, тем, кто заботился о благе царства, должно быть, было обидно, что Давид был в союзе с врагом и что во время отсутствия царя Ахиша в войне против Израиля Давид, казалось, в какой-то мере охранял границы врага. Когда Давида отправили обратно из его предполагаемого похода с филистимлянами из-за подозрений знати, он обнаружил, что его город Циклаг был сожжен дотла, а женщины, дети и все те, кто присоединился к нему, исчезли. Амаликитяне, пострадавшие от набегов Давида, воспользовались его отсутствием, чтобы совершить набег против него. Горе солдат было так велико, когда они обнаружили, что их имущество исчезло, а город разрушен, что они в гневе набросились на Давида и пригрозили ему смертью. Однако они были ободрены пророческими словами священника Авиафара и позволили успокоить себя. Затем Давид и его люди поспешно пустились в погоню. Они обнаружили лагерь амаликитян с помощью египетского раба, которого нашли больным и покинутым на обочине дороги. Они преследовали амаликитян, и разъяренные солдаты Давида разгромили их так наголову, что большинство из них остались мертвыми на поле боя, и лишь немногим удалось спастись бегством на верблюдах. Давид и его войска вернулись в Циклаг, воодушевленные победой. Они начали восстанавливать свой город и обустраиваться. Часть добычи, отнятой у амаликитян, Давид отправил в качестве подарков старейшинам народа и своим друзьям во многие города от Вирсавии до Хеврона, чтобы распространить весть о своей победе и в то же время привлечь к себе сторонников. Едва он восстановил твердую почву под ногами в Циклаге, как до него дошли дурные вести о поражении и смерти Саула.

Вожди колена Иудина, по наущению тех друзей, интерес которых он завоевал своим вниманием, выбрали Давида царем. Затем он вступил в сношения с племенами по ту сторону Иордана, чтобы также завоевать их расположение. К племенам по эту сторону реки он не мог обратиться, поскольку они все еще находились под игом филистимлян. Жителям Иависа Галаадского он выразил свое удовлетворение и благодарность за то, что они проявили свою верность Саулу даже после его смерти и за то, что спасли тело царя от дурного обращения. Он также сообщил им о том факте, что колено Иудино избрало его преемником Саула.

Однако несчастная судьба все еще удерживала его в союзе с филистимлянами, и его благоразумие боролось с патриотизмом. Последний побуждал его рискнуть всем, чтобы освободиться от сковывавших его пут, в то время как первый, с другой стороны, предостерегал его не вызывать гнев своего могущественного соседа. Ахиш дал Давиду полное разрешение считать себя царем Иудеи и совершать набеги на пограничные земли пустыни при условии, что он получит свою долю добычи. Но дальше этого Давиду не было позволено продвинуться ни на шаг. Освобождение страны от филистимлян, которое Давид, у которого были связаны руки, не смог осуществить, было осуществлено Авениром, военачальником Саула. Ему удалось спастись после великого поражения при Гелвуде, и он не потерял мужества, но спас все, что мог, от разорения, постигшего дом Саула. Сопровождаемый несколькими беглецами, он нашел

убежище по другую сторону Иордана (вне досягаемости филистимлян), где многие сердца все еще были верны Саулу и его дому. Абнер проводил выжившего сына Саула, Ишбошета, и остальных членов беспомощной царской семьи в Маханаим и убедил племена, живущие по ту сторону реки, признать Ишбошета преемником Саула. Собрал мощные силы из числа примкнувших к нему племен и вениамитян, он начал свое сражение с филистимлянами. Абнеру удалось вытеснить филистимлян из соседних приграничных городов, но только после четырех или пяти лет борьбы ему удалось освободить всю страну (1055-1051), настолько трудным было сражение. Отвоевать колено Вениамина было труднее всего, поскольку филистимлянам было легче всего ввести свои войска на его территорию. Каждое племя, которое привел Абнер, стремилось засвидетельствовать почтение сыну Саула. Абнер добился больших результатов: он не только восстановил независимость, но даже побудил племена, которые показали себя неуправляемыми при правительстве Саула, присоединиться к содружеству. Он был фактическим основателем царства Десяти колен Израилевых, и он прочно скрепил звенья, которые связывали их друг с другом. Но, несмотря на его победу и его усилия, нация внезапно разделилась на два царства — Израильское и Иудейское, — и ими правили два царя. Колено Иудино, которое благодаря энергии Самуила и Саула вырвалось из своего уединения и воссоединилось с другими племенами, таким образом, снова было отделено от целого.

Победы Абнера не вызвали чувства радости, потому что они привели к разобщению. Перо историка торопливо перечитывает его деяния и лишь слегка касается достижений героя. Положение дел делало невозможным объединение домов Иуды и Израиля. Не только два царя, Давид и Иевосфей, были против воссоединения нескольких колен (поскольку в этом случае одному из них пришлось бы сложить свое царское достоинство), но и их приверженцы, и особенно их соответствующие военачальники, Иоав и Абнер, проявляли большую степень взаимной ревности. Чашу весов переломил тот факт, что дом Иуды возглавлял храбрый и воинственный царь, который был посвящен Самуилом и чья личность поэтому считалась святой, в то время как Иевосфей, царь только номинально, не был утвержден в своем достоинстве голосом Божьим, и к тому же, похоже, ни в коей мере не отличался воинственным нравом. Вся власть находилась в руках его генерала Абнера, в то время как Иевосфей оставался в каком-то отдаленном уголке своих владений, тогда как Давид жил посреди своего племени и, таким образом, мог управлять всем из своей резиденции в Хевроне.

После того, как Авенир победил или отвоевал все племена, за исключением Иуды, между домами Израиля и Иуды, или, правильнее говоря, между домами Саула и Давида, разразилась гражданская война. Эта война длилась два года (1051 - 1049) и была очень ожесточенной. Наконец, Абнер призвал Иоава положить конец массовым убийствам. Он воскликнул: "Меч должен убивать вечно; разве ты не знаешь, что эта война может принести только несчастье? Почему ты не прикажешь своему народу держаться подальше от своих братьев? В конце концов Иоав тоже считал разумным сложить оружие и объявить перемирие. Он и его люди отнесли тело своего брата Асаила, которого Абнер убил против его воли, в Вифлеем, чтобы похоронить в родовой усыпальнице, а оттуда они отправились в Хеврон. Абнер и его последователи перешли Иордан и направились в Маханаим. Но трагическая судьба угрожала дому Саула. Авенир бросал жадные взгляды на Рицпу, прекрасную рабыню Саула, которая жила в Маханаиме со своими двумя сыновьями. Хотя Ишбошет позволял своему генералу много вольностей, он не мог позволить ему поддерживать близкие отношения с вдовой своего отца, что подразумевало намерение предъявить права на трон. Авенир, чувствуя себя оскорбленным полученным упреком, упрекнул этого мнимого царя в неблагодарности и, отвернувшись от него, вступил в

тайные переговоры с Давидом, предлагая обеспечить ему почтение всех колен. В обмен на эту услугу он, вероятно, оговорил, что сохранит за собой пост главнокомандующего израильскими племенами. Давид с радостью принял это предложение, но в качестве предварительной уступки потребовал, чтобы ему вернули его любимую жену Мелхол, которую Саул отнял у него и выдал замуж за вениамитянина. Сам Ишбошет, без сомнения, видел справедливость этого требования и не усматривал в нем никакого злого умысла по отношению к себе. После этого Авенир, оставив царя под предлогом разлучения Мелхолы с ее мужем, вступил на территорию Вениамина, вынудил Фалтиэля, мужа Мелхолы, отказаться от своей жены, за которой он последовал со многими слезами, пока гневные угрозы Авенира не заставили его в печали повернуть назад, и Давид не вернул себе любимую жену своей юности. Затем Авенир бродил по племенам, пытаясь заполучить тайных сторонников для Давида. Многие израильтяне, без сомнения, втайне желали, чтобы неудачная гражданская война закончилась подчинением царю Иудеи; даже некоторые из вениаминов были не прочь заключить союз. Сопровождаемый двадцатью верными последователями, которых он нанял для Давида, Авенир тайно проник в Хеврон; Давиду удалось отослать Иоава и его братьев (недоверчивых и ревнивых сыновей Саруи) в грабительскую экспедицию. Во время их отсутствия Давид лично договорился с Абнером и двадцатью его последователями о том, каким образом старейшины колен должны быть привлечены на его сторону и как затем должно быть осуществлено свержение Иевосфея. Абнер уже покинул Хеврон, чтобы призвать старейшин племен последовать его примеру и засвидетельствовать почтение царю Иудеи. Когда Иоав вернулся из своего похода, он услышал поразительную весть о том, что Авенир, враг дома Давида, был принят и ему было разрешено удалиться с полным благоволением, и что царь заключил тайный договор за его спиной. Поскольку ему казалось неизбежным, что он должен стать жертвой такого соглашения, он быстро принял решение и послал гонцов за Абнером, которые убедили его вернуться. Иоав и Авесса подстерегали его у ворот Хеврона, и Авенир, ничего не подозревавший и не предупрежденный, был повержен на землю их мечами. Дэвид остро переживал смерть Абнера. Человек, который единственный был способен и желал добиться присоединения к себе всех племен мирными мерами, был таким образом подло убит в самый канун осуществления своего плана. Давид оказался в неловком положении. Чтобы рассеять любые подозрения, которые могли возникнуть против него, Давид торжественно выразил свою искреннюю скорбь по поводу потери Абнера. Он распорядился устроить в Хевроне грандиозные похороны павшего героя Израиля, приказал всем своим последователям присутствовать на похоронной процессии и сам сопровождал ее. Он выразил свое слезливое горе в элегическом стихотворении, начало которого сохранилось и которое произвело сильное впечатление на всех слушателей. Все разразились слезами и убедились в искренности его горя по тому, как он произнес свою фразу. С другой стороны, Давид боялся призвать сыновей Саруи к ответу или даже упрекнуть их за их поведение; он не мог обойтись без их помощи. Только в кругу своих близких, высказывая горькие жалобы на них, он сказал: "Знайте, что сегодня пал великий князь Израиля".

Известие об убийстве Абнера произвело глубокое впечатление на Ишбошета. Он ничего не знал о предательском союзе своего павшего полководца с Давидом и поэтому глубоко скорбел о смерти героя, которому, как он полагал, был верен и чья потеря казалась невосполнимой, поскольку он считал Абнера главной опорой своего трона.

После смерти Иевосфея царство десяти колен, естественно, перешло к Давиду. Среди них тоже были у него давние приверженцы, которые помнили его воинские подвиги против филистимлян во времена Саула и которые чтили его как избранника Божьего через его пророка Самуила.

Других Авенир привлек на свою сторону. Даже те, кого оскорблял союз Давида с врагами Израиля, не могли скрыть от самих себя, что у них не оставалось иного выбора, кроме как воздать ему почести. Вениамитяне тоже признали его, но с тайной обидой, которую они с трудом могли скрыть. Самое заветное желание Давида теперь осуществилось; из правителя маленького, незначительного племени он превратился, после многих препятствий и невзгод, в царя всего Израиля. Разрыв между домами Иуды и Израиля, по-видимому, был устранен, и все казалось ему благоприятным. Священство и пророки не заняли враждебной позиции по отношению к нему, как они это сделали по отношению к Саулу, но всем сердцем и душой присоединились к его делу. Потомок дома Илиа по имени Авиафар, разделявший беды Давида, принадлежал к его двору; и пророки приветствовали в нем человека, который был помазан Самуилом и принадлежал к кругу учеников этого великого человека. Пророк Гад также был членом суда; и другой пророк того времени, по имени Нафан, был в определенной степени хранителем совести Давида. Таким образом, духовные наставники поощряли его во всех начинаниях, и все, что касалось внутреннего управления, шло ему навстречу. Но его внешние связи создавали ему большие трудности, которые необходимо было преодолеть, прежде чем он смог править как независимый король.

Во-первых, Давид был вынужден порвать с филистимлянами, если хотел стать независимым и вернуть любовь своего народа. Он должен был подготовиться к жестокой войне со своими бывшими союзниками. Но он не сразу начал военные действия с ними; они были слишком сильны для него. Сначала он хотел освободиться от других уз. Посреди территории Вениамина была ограда, которая осталась во владении иевусеев, потому что израильтяне, войдя в эту землю, не завоевали ее. Высокий холм Сион был недоступен с трех сторон из-за узких долин и искусственных укреплений. Самой неприступной точкой была южная сторона, где скалистая стена холма поднималась почти вертикально из пропасти внизу. Из этой горной крепости иевусеи управляли всей окружающей территорией и чувствовали себя в безопасности от всех незваных гостей. Они, по-видимому, жили в мире с окружавшими их вениамитянами и иудеями, поскольку даже Саул не мешал им владеть их территорией. Однако Давид счел, что в его интересах завладеть этой цитаделью Сиона до начала военных действий с филистимлянами. Поэтому он решил взять цитадель штурмом и подчинить ее защитников. Как только иевусеи убедились, что всякое сопротивление бесполезно, они запросили мира, который был дарован им Давидом. Им было позволено остаться в своем городе, но не в крепости; он разрешил им поселиться на востоке города, на горе Мориа. Этой победе, которая казалась такой трудной, а на самом деле была легко достигнута, предшествовало хвастовство иевусеев о слепых и хромых, которое породило пословицу.

После его завоевания Давид перенес свою столицу из Хеврона на гору Сион, и с тех пор он был известен как город Давида. Сам город утратил свое старое название Иевус и получил новое название Иерусалим (*Джерушалаим*), значение которого неизвестно. Сюда удалился Давид со своими воинами, их семьями и своими придворными. Место, где жили самые храбрые воины, было названо в их честь домом храбрых (*Бет-ха-Гибборим*). Таково было начало места, которое с тех пор и на протяжении веков было известно как "Священный город". Выбор этого места в качестве столицы был удачным ходом, как вскоре показали обстоятельства. Это правда, Сихем стал бы лучшей столицей из-за своего положения среди племен и плодородной территории вокруг него. Но Давид счел невозможным перенести свое жилище в город Ефремлян. Жители были не особенно хорошо расположены к нему и скорее не желали, чтобы полудикий царь, происходивший из Иудеи, устанавливал для них законы. Кроме того, он нуждался в поддержке

своего собственного племени, а ее он мог получить в Иерусалиме, который находился на границе Вениамина и Иудеи и который послужил бы защитой в случае непокорности со стороны других племен. Территория, на которой была возведена новая столица, не была бесплодной, хотя и не выдерживала никакого сравнения с той частью страны, в которой находился Сихем. В долинах текут вечные источники, источники Силоа и Эн-Рогель на юге, Гихон на западе; так что в засушливый сезон город и поля всегда могут быть обеспечены водой. С трех сторон Иерусалим окружен грядой холмов, которые защищают и украшают его. На востоке находится высокий водораздел (2724 фута), гора Елеон, названная так из-за покрывающих ее оливковых деревьев. На юге холмы не такие высокие, а долина, отделяющая их от города, более узкая. Это долина Хны (Ge-henna), которая была названа в честь человека или семьи и которой было суждено приобрести печальную известность и дать другое название аду (*Геенна*). На западе вершины также невысоки, и их с трудом можно назвать холмами. На севере холмы плавно спускаются к равнине. Этими холмами и долинами, образующими естественные стены и рвы, Иерусалим защищен с трех сторон. В пределах Иерусалима, на высоком плато и между тремя долинами на востоке, юге и западе, есть три гряды холмов, возвышающихся над равниной. На западе находится Сион, самая высокая вершина. На севере находится холм небольшой высоты, а напротив третьего - гора Мориа, которая имеет ответвление к югу, называемое "Офель". Мориа, хотя и гораздо менее величественная, чем Сион, была обречена затмить его и величайшие высоты на земле по значимости.

Филистимляне не могли игнорировать тот факт, что выбор Давида царем всего израильского народа не только сильно ослабил узы, соединявшие его с ними, но и что в будущем это должно заставить его занять враждебную позицию по отношению к ним самим. Однако они нехотели порывать с ним. Но когда произошло завоевание Иевуса (Иерусалима), они сочли тот факт, что он перенес туда свое жилище, предзнаменованием. Они поспешили присоединиться к нему в битве, прежде чем он успел вооружить имеющиеся войска из различных племен. Отряд филистимлян двинулся через равнину в горы и приблизился к Иерусалиму. Неизвестно, был ли Давид застигнут врасплох их нападением или же он хотел избежать боевых действий вблизи своей столицы, но он оставил ее со своими войсками и двинулся на юг, к Адулламу. Ободренные этим отступлением, филистимляне двинулись к Вифлеему, месту рождения Давида, где они разбили лагерь и откуда отправляли грабительские экспедиции, чтобы опустошить землю Иудеи. Давид откладывал нападение на филистимлян; его армия, вероятно, была слишком слаба, и он ожидал подкрепления от племен. Чтобы побудить своих воинов испытать себя на прочность во время паузы перед решающим поединком, Давид выразил желание испытать воды из колодца в Вифлееме, находившегося во владении филистимлян. Трое главных воинов, Ишебоам, Елеазар и Шамма, немедленно выступили против филистимлян, смело набрали воды из колодца и принесли ее Давиду в Адуллам. Давид, однако, не захотел пить воду, ради которой его воины рисковали своими жизнями. Он всего лишь подверг их испытанию. Наконец, израильские войска выступили навстречу филистимлянам и наголову разбили их у горы Ваал-Перазим. Эта победа была настолько решающей, что ее сравнивали с победой Иисуса Навина в Гаваоне. В своем поспешном бегстве филистимляне оставили позади себя своих идолов, которые были сожжены израильтянами. Однако враг не отказался от своего намерения подчинить Давида и его народ. Они совершали неоднократные нападения, один раз в долине Рефаим, другой раз близ Эфес-Даммима в Терebinфее; войска и воины Давида проявляли чудеса храбрости, они разбили своих врагов и преследовали их до Газы. Давид не удовлетворился простой обороной, но твердо решил напасть на филистимлян. Если он хотел

защитить свой народ, необходимо было либо постоянно преследовать, либо подчинять себе маленькую, но могущественную нацию, существование которой зависело от вторжений и войн. Поэтому он проследовал со своими воинами до Гефа, бывшей столицы филистимлян, которая была расположена ближе всего к земле Иудеи. Филистимляне оказали очень упорное сопротивление, и возникли ожесточенные конфликты, в которых герои Давида имели достаточно возможностей отличиться. Похоже, что филистимляне предложили, согласно своему обычаю, провести бои с остатками их рефаитских гигантов. Однако времена изменились, и если во времена юности Давида в израильских войсках не было ни одного солдата, который принял бы вызов Голиафа, то теперь их было более тридцати, которые горели желанием принять участие в поединках. По этому случаю воины умоляли царя не подвергать себя опасности в битве и, по сути, не идти на войну самому, чтобы "свет Израиля" не погас.

В конце концов израильтянам удалось наголову разбить филистимлян, так что они были вынуждены сдать свою столицу Гат, его деревни и прилегающую территорию. Город, в котором сын Иессея впервые появился, умоляя о помощи под видом слабоумного, таким образом, пал перед ним. Один из тридцати воинов, Сиббехай из Хушаха, убил великана Сиппая из Гефа; другой человек из Вифлеема по имени Эльханан, убил брата Голиафа по имени Лахми, который выступил на состязание подобно Голиафу, увешанный доспехами. Племянник Давида Ионафан убил великана, у которого было по дополнительному пальцу на каждой руке и по дополнительному пальцу на каждой ноге. Однажды Давиду самому, когда он был измотан долгой борьбой, грозила неминуемая опасность быть побежденным великаном Ишби из Гефа; однако Авесса, брат Иоава, поспешил ему на помощь, победил великана и убил своим копьем триста филистимлян. Свержение филистимлян было событием величайшей важности; оно обеспечило народу прочный мир и свободу действий, поскольку ни один из других врагов Израиля не преследовал его так настойчиво. Давид не стал настаивать на своей победе дальше; он оставил нетронутыми важные города Газу, Аскелон, Ашдод и Экрон, и даже город Геф, который он, как появляется позже, вернул своему царю. Без сомнения, у него были причины не прибегать к крайним мерам по отношению к филистимлянам. Ему казалось, что лучше править ими как даннической державой, чем толкать их на отчаянную войну.

Своей победой над филистимлянами Давид приобрел большое значение и уважение в глазах соседних народов. Хирам, царь, перенесший финикийскую власть из Сидона в Тир, отправил послов к Давиду, предлагая заключить с ним союз. Он также предложил прислать запасы кедрового дерева и строительных материалов для надлежащего украшения новой столицы Иерусалима. Он радовался порабощению филистимлян, вероятно, потому, что они больше не могли бросать жадных взглядов на финикийское побережье. Царь Тира был очень заинтересован в заключении союза с Давидом, чтобы финикийские караваны могли беспрепятственно проходить и находить защиту для своих товаров, когда они перемещались взад и вперед между Финикией и Египтом. Дэвид охотно принял его ухаживания, и таким образом между ним и Хирамом возникло нечто вроде дружбы. Он принял предложение Хирама, чтобы укрепить основанную им столицу и раздобыть материалы для украшения ее архитектурными произведениями, чтобы Иерусалим мог соперничать по внешнему виду с другими столицами того времени. Во-первых, Иерусалим был укреплен, особенно на севере, где он был наиболее подвержен нападению. Сионский холм, или Город Давида, на самом деле был недостаточно обширен, чтобы вместить всех жителей, которые уже поселились там, и стало необходимым принять меры для обеспечения растущего населения. По этой причине холм, который находился к северу от города, был включен в его границы. Между Сионом и этим

холмом лежала узкая долина. Северная возвышенность города называлась *Милло* (граница); она считалась более новым кварталом города по сравнению с более древним городом Давида. Гора Мориа и ее ответвление Офель оставались за пределами города и в те дни не считались принадлежащими Иерусалиму, но были населены уцелевшими остатками иевусеев. Давид также построил дворец из кедра, древесину для которого закупали в Ливане. Иоаву и другим важным особам двора Давида были отведены просторные и хорошо построенные дома, построенные не из кедрового дерева, а из кипариса.

Далее Давид стремился сделать Иерусалим центром религиозной жизни, чтобы взоры всего народа были обращены именно к нему. Поэтому Он принял меры, чтобы вывезти ковчег святилища из дома Авинадава в Кириаф-Иариме, где он оставался с тех пор, как был возвращен из рук филистимлян. Для его приема в городе Давида был построен великолепный шатер. Давид поклялся не оставаться в своем доме, не отдыхать на своей кровати и не закрывать глаза во сне до тех пор, пока не найдет место для упокоения ковчега завета. Сопровождаемый большой толпой, царь отправился в Кириаф-Иарим (который находился примерно в часе пути к северо-западу от Иерусалима), и многие левиты последовали за ним в царской свите. Ковчег святилища был помещен на новую повозку, запряженную тельцами, которых вели два сына Авинадава. Хоры левитов пели гимны и аккомпанировали себе на струнных инструментах, а Давид также помогал им изо всех сил. Однако на дороге произошел несчастный случай. Оза, шедший рядом с колесницей, внезапно упал замертво. Давид был так потрясен этой катастрофой, что не решался нести ковчег завета в Иерусалим. Он боялся, что это может навлечь несчастье на людей, как это было в случае с филистимлянами. Поэтому его поместили в дом на три месяца, и, видя, что из этого не вышло ничего дурного, Давид решил предпринять вторую попытку доставить его на гору Сион. Однако в этот раз его не поместили на колесницу, а несли левиты. Сопровождаемый толпой людей, среди криков радости, трубных звуков и танцев, ковчег был перенесен в предназначенный для него шатер. Сам царь, забыв о своем достоинстве, в ликовании пел и танцевал перед ковчегом. Его поведение вызвало упрек со стороны его жены Михал, которая насмешливо обвинила его в том, что он ведет себя как публичный клоун.

Как и в случае с Силомом, прибытие Ковчега возвысило Иерусалим до достоинства святого города. В таком месте общественного богослужения необходимо было содержать священника, или, скорее, жречество. Авиафар, верный последователь Давида во всех его странствиях, был, как само собой разумеющееся, возведен в сан первосвященника святилища на Сионе. Однако в Гаваоне был еще один первосвященник, которого Саул поместил туда после уничтожения семьи Илия в Номве. Дэвид не мог полностью сместить его, поскольку такой курс привел бы к разногласиям. Поэтому он подтвердил назначение своего предшественника и, таким образом, сохранил на посту двух первосвященников одновременно — Авиафара в Иерусалиме и Садока в Гаваоне. Бывший ученик левитских хоров, сам поэт и музыкант, Давид, естественно, последовал примеру Самуила и ввел хоровое пение в торжественные религиозные службы. Временами он также сочинял хвалебные гимны, когда победа над врагом или какой-нибудь другой успех наполняли его сердце благодарностью и воодушевляли поэтическим пылом. Можно сказать, что его песни стали прототипами этого возвышенного и вдохновляющего стиля стихосложения. Кроме царского псалмопевца, там были и другие поэты и музыканты, такие как Асаф, Еман, внук Самуила, и Джедутун. Их потомками были асафиты и корахиты (Бене Корех), которые названы вместе с Давидом самыми известными составителями псалмов. Давид устроил так, что Асаф и его хор должны были вести хоровое служение в святилище в Иерусалиме, в то время как его

товарищи-музыканты, Еман и Идифун, выполняли те же функции у алтаря в Гаваоне. Таким образом, создание Самуилом духовного богослужения было прочно закреплено Давидом; и хотя он был сторонником жертвенных обрядов, он слишком высоко ценил возвышающее и очищающее влияние псалмопения, чтобы не сделать ее неотъемлемым элементом общественного культа. В то время, когда поэзия как искусство едва пробудилась среди других народов, она уже занимала видное место в богослужении Израиля.

Поскольку Давид был фактическим основателем освящающего богослужения, он также был создателем системы правления, основанной на справедливости. Он председательствовал в трибунале, неустанно выслушивал споры отдельных лиц или племен и вершил правосудие со строгой беспристрастностью. Его трон был не только высшим местом правления и силы, но и местом порядка и справедливости. Последующие поколения провозгласили Давида идеальным царем. На его трон смотрели как на опору справедливости, а на его скипетр - как на знамя гражданского мира. Он превратил Иерусалим в идеальный город, где было установлено чистое поклонение Богу и справедливость в ее самой возвышенной форме обрела свое земное пристанище. Более поздний псалмопевец говорит:

"Иерусалим, который построен как город, расположенный плотно друг к другу,
Куда восходят колена, именно колена Господни;
Во свидетельство Израилю,
Чтобы возносить благодарность имени Господню.
Ибо там установлены престолы для суда,
престолы дома Давидова".

Псалом сxxii. 3-5.

Иерусалим считался "верной цитаделью— полной праведности, где справедливость имела свое пристанище". Эти обстоятельства - освобождение от ига филистимлян, всеобщая безопасность и установление справедливости при правлении Давида - снова сделали его любимцем народа, каким он был в юности. Преобладало чувство преданности ему, которое возникло спонтанно и в котором сила не участвовала.

Давид частично изменил внутреннее устройство страны. Конституция колен осталась нетронутой. Старейшины представляли семьи, и главой старейшей семьи был также принц своего племени (Нази-Бет-Аб). Принцы были представителями племен при царе. Но необходимо было ограничить свободу или, скорее, произвол племен в том, что касалось военных действий. Каждое племя в случае войны было обязано предоставить некоторое количество способных солдат (старше двадцати лет) в качестве своего контингента в национальную армию (*Заба*). Над этим контингентом был назначен специальный офицер, которого называли счетчиком (*Софером*), или хранителем списков. Он записал в список имена мужчин, годных к действительной службе, проследил за их зачислением и обязал явиться всех неплательщиков. Эту обязанность Давид возложил на человека по имени Шавша, от которого она перешла к его наследникам. Как только армия была собрана, ею командовал полевой офицер (*Сар-ха-Заба*), которым в то время был Иоав. Давид также поддерживал отряд наемников, которых он набрал

из языческих солдат, черетитов, пришедших с территории, принадлежащей филистимским владениям, и пелетитов, происхождение которых неизвестно. Ванея, сын Иодая, один из самых храбрых воинов Давида, был их командиром. Давид также назначил специального чиновника, на которого возложил обязанность докладывать царю обо всех важных или кажущихся важными событиях. Его называли записывающим (*Масхир*). Поскольку фаворитизм неотделим от королевской воли, у Дэвида также был фаворит (по имени Хушай Архи), на которого он мог положиться при любых обстоятельствах, особенно в случаях, требующих осмотрительности. Ему также повезло в том, что у него был под рукой советник, который мог дать подходящий совет в различных чрезвычайных ситуациях; его звали Ахитофел, и его родиной был иудейский город Гило. В то время о его советах говорили как о столь же непогрешимых, как оракулы, произносимые устами первосвященника. Этому мудрому советнику Давида было суждено оказывать большое влияние на своего царственного господина. В свое время судебная совесть Давида подверглась суровому испытанию. Продолжительный голод охватил страну из-за двухлетней засухи. Бедственное положение продолжало расти, когда в начале третьего года не выпало ни капли дождя, и народ обратился за помощью к королю. Это несчастье, постигшее всю страну, было истолковано как ниспосланное Богом возмездие за какой-то тайный и неотомщенный грех. Поэтому Давид спросил священника Авиафара, какой грех требует искупления, и последовал ответ: "из-за Саула и его безжалостных преследований гаваонитян". Затем Давид послал к оставшимся гаваонитянам и спросил их, какого искупления они желают. Не удовлетворившись искупительной суммой денег, они потребовали, чтобы семеро потомков Саула были повешены в Гива-Сауле. Требование гаваонитян казалось справедливым, поскольку, согласно взглядам того времени, только кровь могла искупить пролитие крови и нарушение веры. С тяжелым сердцем Давиду пришлось выполнить требование гаваонитян и удовлетворить желание народа. Двое сыновей наложницы Саула Рицпы и его внук, сын его дочери Мерава, были разысканы, переданы гаваонитянам и хладнокровно убиты ими в Гива-Сауле, городе, в котором их отец получил корону.

Давид пощадил только Мемфивосфея, сына Ионафана, потому что помнил клятву, данную своему другу, что он всегда будет защищать своих потомков. Трупы семи жертв должны были оставаться на виселице до тех пор, пока с небес не прольется дождь, но прошло много времени, прежде чем он пошел. Именно в те страшные дни прекрасная Рицпа, ради которой Абнер поссорился с Ишбошетом, показала, на что способна материнская любовь. Чтобы уберечь трупы своих сыновей от орлов и шакалов, она устроила себе ложе на камнях, на которых были разложены тела, и бдительно охраняла их в дневную жару. Ночью она также не ослабляла бдительности, но продолжала свою работу по отпугиванию хищных зверей от мертвецов. Когда, наконец, осенью прошел дождь, семь тел были сняты с земли, и по приказу Давида им были возданы последние почести. Он также воспользовался этой возможностью, чтобы вывезти останки Саула и Ионафана из Иависа Галаадского и похоронить их вместе с останками их родственников в семейной усыпальнице дома Киша в Зеле. Похоже, что в этот раз Давид распорядился воспроизвести свой глубоко трогательный плач о смерти Саула и Ионафана, чтобы публично выразить, насколько глубоко повлияло на него разрушение царского дома Вениамина. Он распорядился, чтобы эта элегия была сохранена в памяти молодежи страны. Оставшийся в живых сын Ионафана, Мемфивосфей (который жил в доме очень уважаемого человека по другую сторону Иордана), был доставлен в Иерусалим, и Давид принял его в своем собственном доме, усадил за свой собственный стол и обращался с ним как с одним из своих собственных сыновей. Давид также вернул ему земли Саула в колене Вениамина и доверил

управление ими одному из рабов Саула по имени Сива. Несмотря на это, вениамитяне обвинили Давида в разрушении дома Саула и в том, что он сохранил Мемфивосфея, потому что тот был хромым и непригодным для правления. Когда состояние Давида пошло на убыль, озлобленные вениамитяне забросали его камнями.

ГЛАВА VIII. ДАВИД.

Война с моавитянами—Оскорбление, нанесенное царем аммонитян—Война с аммонитянами—Их поражение—Битва при Хеламе—Нападение Хададезера—Поражение арамеев—Взятие Дамаска—Война с идумеями—Завоевание города Равва—Поражение идумеев—Покоренные народы, обязанные платить дань—Вирсавия—Смерть Урии Хеттеянина—Притча о Нафане—Рождение Соломона (1033)—Несчастья Давида—Авессалом—Мудрая женщина из Текоаха—Примирение Давид и Авессалом—Численность войск—В Израиле вспыхивает эпидемия—Восстание Авессалома—Убийство Амасы—Восстание Савы—Давид и Нафан—Адония.

1035-1015 гг. до н. э.

Когда Давиду исполнилось два десятилетия его правления, он был вовлечен в несколько войн, которые отвлекли его от мирных занятий регулированием внутренних дел страны и отправлением правосудия. Эти войны с далекими народами, навязанные ему против его воли, дали ему огромную власть и в удивительной степени подняли престиж народа. Сначала Давид начал ожесточенную войну с моавитянами, которые жили на противоположном берегу Мертвого моря. С ними он был в дружеских отношениях во время своих странствий, и среди них он встретил гостеприимный прием. Вполне вероятно, что моавитяне вытеснили из своих владений соседних рувимлян и что Давид поспешил им на помощь. В любом случае это должна была быть война возмездия, поскольку после своей победы Давид обращался с пленными с суровостью, которой он не проявлял ни к одному из других покоренных им народов. Пленных моавитян заковали в цепи и бросили бок о бок на землю, затем измерили веревкой, и два отряда были убиты, в то время как одно подразделение уцелело. Вся земля Моава была покорена, и ежегодная дань должна была отправляться в Иерусалим.

Некоторое время спустя, когда Нахаш, царь аммонитян, умер, Давид, который был с ним в дружеских отношениях, направил посольство к своему сыну Хануну с выражением соболезнования. Эта любезность только возбудила подозрения в Раббат-Аммене, столице аммонитян. Советники нового царя внушили ему мысль, что Давид отправил своих послов в качестве шпионов в Равву, чтобы обнаружить их слабость, победить их и предать той же участи, которая постигла моавитян. Ханун был настолько увлечен своими подозрениями, что нанес оскорбление царю Израиля, которое не могло остаться незамеченным. Он обязал послов, личности которых, согласно законам наций, были неприкосновенны, сбрить бороды с одной стороны, а одежду укоротить покороче, и с таким позором изгнал их из страны. Послам было стыдно появляться в Иерусалиме в таком виде, но они сообщили Давиду об этом происшествии. Он немедленно приготовился к битве, и было созвано ополчение; старые воины препоясали

свои чресла, и наемники-черетиты и пелетиты выступили в вылазку со своим героическим предводителем Ванаией во главе. Ханун, который опасался доблести израильтян, огляделся в поисках помощи и нанял наемные войска из числа арамейев, которые жили в регионах между горами Хермон и берегами Евфрата. Хададезер, царь Сувы на Евфрате, предоставил наибольшее количество войск — 20 000 человек. Давид лично не вел эту войну, но оставил верховное командование осторожному и надежному Иоаву. Переправив израильскую армию через Иордан, Иоав разделил ее на два отряда. С одним он напал на арамейев, другой он оставил под командованием своего брата Авессы. Он возбудил энтузиазм своей армии вдохновляющими словами: "Давайте храбро сражаться за наш народ и город нашего Бога, и пусть Господь Бог делает то, что Ему угодно". Затем Иоав бросился на арамейев и обратил их в бегство. При этих словах аммонитян охватил такой страх, что они отступили с поля боя и укрылись за стенами своей столицы. Это было самое успешное достижение. Иоав поспешил в Иерусалим, чтобы доложить царю и изложить ему план, с помощью которого арамеи могли быть полностью уничтожены и предотвращено любое вмешательство с их стороны в будущем. Победоносная армия, отозванная с территорий Аммонитян, получила подкрепление и с самим царем во главе преследовала врага-арамеев по другую сторону Иордана. Царь Хададезер, со своей стороны, также послал свежие войска на помощь своим разбитым войскам, но в битве при Хеламе арамейская армия снова потерпела поражение, и ее генерал Шобах пал в стычке. Тогда вассалы могущественного Хададезера поспешили заключить мир с Давидом.

Тои (или Тоу), царь Емафа, который воевал с Хададезером, теперь послал своего сына Иорама к Давиду с подарками, поздравляя его с победой над их общим врагом. Давид развивал свои успехи до тех пор, пока не достиг столицы царя Хададезера, расположенной на берегах Евфрата. Затем арамеи потерпели третье поражение; их колесницы и солдаты не смогли противостоять атаке израильской армии. Обширный район Зоба, которому подчинялись различные князья, был разделен на несколько частей.

Царь Дамаска, союзник царя Зовы, также потерпел поражение от Давида, и древний город Дамаск отныне принадлежал царю Израиля. Давид разместил землемеров на всех арамейских территориях от Хермона до Евфрата, чтобы обеспечить выплату дани. Сам Давид и его армия, должно быть, были поражены чудесным результатом, которого они достигли. Это сделало царя и его армию объектами страха повсюду. Тем временем царь аммонитян избежал наказания за свои оскорбления в адрес послов Израиля. В результате кампании против арамейев, которая длилась почти год, израильская армия не смогла возобновить войну против Хануна. Только после великих событий, описанных выше, Давид снова получил возможность направить свои войска под командованием Иоава против Аммона. Еще одна война возникла из-за военных действий против этого народа. Идумеи, жившие к югу от Мертвого моря, также помогли аммонитянам, послав им на помощь войска, и теперь им предстояло потерпеть унижение. Давид поручил своему второму военачальнику, Авессе, брату Иоава, руководить кампанией против идумеев. Иоав тем временем был вовлечен в длительную борьбу с аммонитянами, которые укрылись за мощными стенами своей укрепленной столицы и постоянно совершали набеги на своих врагов. У израильской армии не было ни таранов, ни других осадных орудий. Их единственной альтернативой был штурм городских высот, и в их попытках осуществить этот план они часто сталкивались с лучниками на стенах. Наконец Иоаву удалось, после неоднократных атак, овладеть одной частью города — Городом у Воды; он немедленно сообщил об этой победе Давиду и убедил его вернуться в лагерь, чтобы лично возглавить атаку на другие кварталы, чтобы честь завоевания могла принадлежать исключительно ему. Когда Давид

прибыл в Равву со свежими войсками, ему удалось подчинить весь город и получить богатую добычу. Сам Давид возложил на свою голову золотую диадему, богато украшенную драгоценными камнями, которая до сих пор венчала аммонитского идола Малхома (Milchom). Похоже, что Давид не разрушил город Равва, как он намеревался. Он просто приговорил жителей мужского пола или, возможно, только заключенных выполнять тяжелую работу, такую как полировка камней, молотьба железными катками, рубка дерева топорами и изготовление кирпичей. Аналогичным образом он обращался с другими пленными из разных городов. Ханун, первопричина войны, который так глубоко оскорбил Давида, был либо убит, либо изгнан из царства. Вместо него Давид назначил царем своего брата Шоби. Тем временем Авесса был вовлечен в войну против идумейского царя и наголову разбил его в Соляной долине — вероятно, в окрестностях скалистой соляной горы, недалеко от Мертвого моря. Говорят, что там пало восемнадцать тысяч идумеян. Остальные, вероятно, подчинились; и по этой причине Давид удовлетворился тем, что приставил к ним акцизных чиновников и гарнизон, как он сделал в Дамаске и других арамейских провинциях. Однако позже идумеи, по-видимому, восстали против израильского гарнизона и сборщиков налогов и вырезали их. Поэтому Иоав отправился в Идумею, приказал похоронить убитых израильтян и предать смерти всех идумеян мужского пола. Он был занят этой разрушительной войной в течение полугода, и задача была выполнена так тщательно, что лишь немногие представители мужского пола смогли спастись бегством. Среди них был сын или внук идумейского царя.

Этими решающими победами на западе над филистимлянами, на юге над идумеями, на востоке (на противоположной стороне Иордана) над моавитянами и аммонитянами и на севере над арамеями Давид поднял могущество Израиля на неожиданную высоту. В то время как в начале его правления, когда он был впервые признан царем всего Израиля, границы страны проходили между Даном и Вирсавией, теперь он правил обширной территорией от реки Египет (Риноколура, Эль-Ариш) до Евфрата или от Газы до Тапсака (на Евфрате). Покоренные таким образом народы были обязаны ежегодно оказывать почтение посредством подарков, платить дань и, возможно, также посылать крепостных для помощи в строительстве и других тяжелых работах.

Эти войны и победы были лучше рассчитаны, чем его ранние трудности, чтобы выявить великие качества ума Дэвида. Каким бы сильным и решительным он ни был в каждом начинании, в котором затрагивались честь и безопасность его народа, он оставался скромным и неприязнительным, без искры самонадеянности, после достижения успеха. Он не воздвиг памятника в память о своих победах, как это было сделано Саулом; подобно своему военачальнику Иоаву, он был проникнут мыслью, что победу следует приписывать одному Богу. Веру в Бога, о которой говорил Давид, когда готовился к поединку с Рефаитом Голиафом (I Царств XVII. 47), он сохранял во всех великих состязаниях. Давид развил эту руководящую мысль в псалме, который он, вероятно, распевал перед ковчегом в конце войны и в котором он дает ретроспективный обзор всей своей прошлой жизни.

В результате их великих побед в умах людей запечатлелись два твердых убеждения, которые приводили в действие и владели ими во все грядущие времена. Одна и та же идея встречается в различных формах: "Король не может спастись бегством из-за многочисленности своей армии, а воин - из-за своей силы; тщетен конь в поисках безопасности". Только Бог решает судьбу войны, доводит ее до конца, дарует победу или поражение, и "Ему одинаково легко побеждать немногими или многими". Другая идея, наиболее тесно связанная с ней, заключается в том, что

Бог ведет армии Израиля к победе, если они идут прославлять Его имя или спасти Его народ. Бог Израиля был, в соответствии с этой идеей, обозначен особым именем, которое полностью выражает эту мысль; Он был назван *Богом воинств* (Адонай Зеваоф), Богом, Который дарует победу Израилю в его конфликтах. Царя Зеваофа призывали перед каждой битвой, и израильские войска выступали с твердым убеждением, что они никогда не будут побеждены. Эта уверенность, безусловно, со временем сотворила чудеса.

Хотя Давид сурово обращался с идолами покоренных им народов, к покоренным идолопоклонникам он относился со сравнительной снисходительностью. Только моавитяне были жестоко наказаны, а аммонитяне обращены в рабство, но другие покоренные народы были просто обязаны платить дань. Преступления первого, должно быть, были очень велики, чтобы заслужить столь суровое наказание. Иноземные народы, проживавшие в стране, не подвергались насилию; так, мы находим иевусеев в Иерусалиме, а хананеев и хеттеев - в других частях страны. Следовательно, мы находим много чужеземцев и туземцев не израильского происхождения, зачисленных в его корпус воинов или возглавляющих свои собственные войска на его службе. Хеттеянин Урия, один из тридцати героев Давида, которому было суждено сыграть печальную роль в карьере Давида, был глубоко привязан к израильскому народу.

Однако радость по поводу этих великих достижений оставалась незамутненной, но ненадолго. Счастье государства, как и счастье отдельных людей, лишь изредка бывает продолжительным, и за солнечными днями должны следовать периоды темноты, чтобы предотвратить ослабление национальной энергии. Одним неверным шагом Дэвид потерял не только свое собственное внутреннее удовлетворение и покой, но и пошатнул сами основы того государства, установление которого стоило ему таких усилий. Когда Давид вернулся домой с арамейской войны и отдыхал от утомительных сражений, которые Иоав и его армия все еще вели в земле Аммон, он увидел с крыши своего дворца красивую женщину, которая купалась. Она была женой одного из его самых верных воинов (хеттеянина Урии), и звали ее Вирсавия. Дома воинов были построены на Сионе в непосредственной близости от царского дворца, и таким образом ему случилось увидеть Вирсавию. Увлеченный своей страстью, он послал гонцов приказать ей возвращаться во дворец, и Вирсавия подчинилась. Когда некоторое время спустя Дэвид обнаружил, что это нарушение брачных уз не обошлось без последствий, его единственной мыслью было спасти свою честь, и таким образом он вовлек себя в еще больший грех. Он приказал Урии вернуться в Иерусалим из лагеря в Равве. Он принял его дружелюбно и разрешил отдохнуть и насладиться обществом своей жены. Урия, однако, не воспользовался этим разрешением, но остался со стражниками, которые спали у входа в царский дворец и охраняли его особу. Давид был разочарован. Он искал выхода из дилеммы, и это привело его к отвратительному преступлению. Поскольку он не мог спасти свою честь, он решил, что Урия должен расстаться с жизнью. Поэтому Давид отправил его в лагерь с письмом к Иоаву, в котором говорилось, что податель письма должен быть помещен на крайне опасный пост — более того, на верную смерть — во время одной из вылазок аммонитян. Это повеление было исполнено, и Урия упал, сраженный насмерть стрелой аммонитянина. Вирсавия исполнила обычное время траура по своему мужу, а затем была принята Давидом во дворце как его жена.

В любом другом государстве придворный круг обсуждал бы прихоть короля, затаив дыхание; вряд ли бы его осудили, и, конечно, о нем бы вскоре забыли. Но в Израиле был глаз, который мог пронзить эту искусственную тьму, и совесть, которая громким голосом протестовала против преступлений даже царственного беззаконника. Пророчество обладало этим ясным зрением,

которое никогда не подводило, и этой совестью, которая никогда не спала. Его первостепенной обязанностью было не позволять греху превратиться в привычку, замалчивая его и экранируя, но выставлять его напоказ в ярких красках и клеймить печатью общественного осуждения.

Давид, без сомнения, верил, что только Вирсавия знала о его грехе, а Иоав был единственным соучастником заговора против жизни Урии. Но это заблуждение было внезапно и грубо развеяно. Однажды пророк Нафан пришел к Давиду и попросил разрешения довести до его сведения определенный случай. Затем он рассказал следующую притчу: — В большом городе жил богатый человек, у которого были большие стада крупного рогатого скота; а рядом с ним жил бедняк, у которого был всего один маленький ягненок, которого он вырастил для себя. Однажды, когда к богатому человеку пришел гость, он был слишком скуп, чтобы зарезать одного из своего стада для трапезы, но он взял ягненка бедняка, чтобы угостить своего друга. Услышав эту жалобу, у Дэвида пробудилось чувство справедливости, и он с негодованием сказал, что бессердечный богач заслуживает смерти и должен заплатить бедняку вчетверо больше стоимости ягненка. Тогда пророк ответил: "Ты - тот самый человек!"

Любой другой король наказал бы моралиста, осмелившегося сказать правду коронованной особе, представителю Бога на земле. Однако Давид, ученик пророка Самуила, когда перед ним предстала картина его злодеяний, покаянно ответил: "Да, я согрешил". Он, конечно, не преминул вознести искренние молитвы и совершить искупление, чтобы получить Божье прощение. Родившийся ребенок умер в раннем младенчестве, хотя Давид изнурял себя постом и молитвами за его жизнь. Впоследствии у Вирсавии родился второй сын по имени Иедидия, или Соломон (1033), который стал любимцем своего отца.

Но хотя Бог простил королю его ужасные грехи, человечество не простило их, и они оказались фатальными для внутреннего мира. Вирсавия, жена Урии, была дочерью Элиама (одного из воинов Давида) и внучкой его советника Ахитофела. Отец и дед чувствовали, что их честь была опозорена из-за соращения их дочери, чего они никогда не могли простить, хотя хранили молчание и не выдавали своей ненависти. Ахитофел особенно тайно лелеял свою месть и только ждал возможности обрушить ее на царя. Давид сделал все, что было в его силах, чтобы умиротворить их. Он возвел Вирсавию в ранг первой царицы, тайно пообещал ей, что ее сын станет его преемником, и торжественно поклялся выполнить это обещание. Он хотел любой ценой заключить мир с Ахитофелом, совет которого был для него драгоценен. Ахитофел, однако, оставался непреклонен. Скандальное событие в доме Давида еще больше обострило ситуацию и лишило его спокойствия на оставшиеся годы. Его старший сын Амнон соблазнил его сводную сестру Фамарь и тем самым вызвал яростный гнев ее брата Авессалома, который решил отомстить за нее. Каждый из сыновей царя, шестеро из которых родились в Хевроне, а одиннадцать - в Иерусалиме, по достижении совершеннолетия имел собственный дом, домочадцы и земли. Земли и стада Авессалома находились в Баал-Асоре, недалеко от столицы. Туда он пригласил всех сыновей царя на праздник стрижки овец. Пока они и их гости наслаждались пиршеством и вволю пили, слуги Авессалома по приказу своего господина напали на Амнона и нанесли ему смертельный удар. Этим убийством Авессалом преследовал двойную цель. Он отомстил за оскорбление, нанесенное его сестре, и надеялся обеспечить себе наследование трона, избавившись от своего старшего брата. Сын Авигеи, второй по счету, был уже мертв, и поэтому казалось неизбежным, что он, как третий сын, должен стать преемником. Сын Давида - братоубийца!— Каковы будут последствия этого кровавого поступка? Только вера в Бога спасла его от того, чтобы стать, подобно своему предшественнику, жертвой

безумия, хотя постигшая его ужасная участь была слишком реальной, а не просто плодом недоверчивого воображения.

Первым побуждением Давида было разыскать убийцу, который укрылся у его деда, царя Талмая из Гешура, на юго-западной границе Иудеи, чтобы поступить с ним так, как он того заслуживал, даже рискуя развязать из-за него войну. Но против такой политики выступали различные силы. Фактически, со времени романа с Вирсавией при дворе Давида процветали интриги. Иоав был против наследования последнего из сыновей, Соломона, и, естественно, был на стороне Авессалома, старшего из оставшихся в живых сыновей. Ахитофел, непогрешимый советник Давида, также поддерживал притязания Авессалома на трон, потому что мог использовать его как орудие против своего отца. С другой стороны, Адония, четвертый сын Давида, выступал за применение к Авессалому снисходительного наказания. Адония считал, что его перспективы вытеснить младенца Соломона более справедливы, чем его шансы с безжалостным Авессаломом. Если бы последний был наказан за братоубийство, Адония был бы следующим по счету. Поэтому он и его мать Аггит, возможно, и настроили Давида против Авессалома, но Иоав и Ахитофел были мудрее и знали, как оказать свое влияние, чтобы заставить отказаться от всех военных попыток против него или его деда, чьим покровительством он пользовался.

Когда Давид, наконец, принял решение схватить своего виновного сына или потребовать его выдачи (хотя он отсутствовал три года), Иоав прибегнул к хитрости, чтобы отвратить царя от его решения. Он послал за женщиной, живущей в соседнем городе Текоах, которая слыла искусной речью. Вместе с ней он разработал план, как заставить короля осознать, как ужасно для отца быть готовым предать смерти сына за не совсем неоправданное убийство его брата. Мудрая женщина из Текоаха предстала перед царем в траурных одеждах и, словно взывая к его милосердию, воззвала умоляющим голосом и с глубокими поклонами: "Помоги!" О царь, помоги! Когда она изложила свое вымышленное дело, царь с готовностью распознал скрытый смысл ее рассказа и намеков на его собственное дело, и он потребовал от нее открытого ответа относительно того, помогал ли ей Иоав в ее переодевании и выдумке. Когда женщина из Фекоаха призналась во всей правде, царь послал за Иоавом и заверил его, что у него больше нет злых намерений против Авессалома, и поручил ему проводить своего сына в Иерусалим. Женщина из Текоаха в своей изобретательной манере дала ему понять, что кровная месть его собственному сыну была бы противоречием сама по себе.

Иоав сам привез Авессалома из Гессура в Иерусалим. Сыну, однако, не разрешили предстать перед отцом, он был вынужден оставаться в своем собственном доме. Таким образом, Иоав бессознательно посеял семена раздора в доме Давида. День и ночь Авессалом, в своем одиночестве и позоре, обдумывал подлый план свержения своего отца. Но он лукавил, чтобы усыпить подозрения последнего. С этой целью было абсолютно необходимо, чтобы было произведено примирение. Иоав, искренне желавший мира между отцом и сыном, стал посредником, и Давид решил, что теперь, после двухлетнего изгнания из его присутствия, его сыну, возможно, будет позволено вернуться. На этой встрече Авессалом в совершенстве сыграл роль раскаявшегося, послушного сына; затем Давид по-отечески обнял его, и примирение было полным. Со смерти Амнона прошло семь лет. Но теперь начались интриги Авессалома. Без сомнения, он часто встречался с Ахитофелом и следовал его советам. Он получил колесницы и лошадей из Египта, нанял охрану из пятидесяти человек и демонстрировал царственное величие. Он вставал рано поутру, выслушивал споры и находил дело каждого справедливым, но сожалел, что король не выслушает всех и не воздаст справедливость всем. Он намекал, что,

будь он судьей, никому не пришлось бы жаловаться на трудности с получением причитающихся ему взносов. Авессалом придерживался этого курса в течение четырех лет после примирения со своим отцом. Он был самым красивым мужчиной своего времени. Ему было тогда около тридцати, и он гордился своей силой. Его красивые густые волосы волнами ниспадали на шею и плечи, как львиная грива. Своей приветливостью он завоевывал сердца всех, кто к нему приближался. Давид был настолько ослеплен, что не видел, как его хитрый сын отталкивал чувства народа от их государя, в то время как Авессалом просто ждал благоприятной возможности выступить против своего отца, свергнуть его с престола и, возможно, покуситься на его жизнь. Вскоре такая возможность представилась сама собой.

Похоже, что в последнее десятилетие своего правления Давид был занят всеобъемлющим планом, по-видимому, большой войны, которая потребовала бы многочисленного отряда солдат. Он уже завербовал отряды наемников, шестьсот хеттов, которые вместе со своим полководцем Иттаем (чье восхищение Давидом обеспечило ему непоколебимую привязанность) прибыли из Гефа. Царь также пожелал выяснить количество трудоспособных мужчин старше двадцати лет во всех израильских племенах, чтобы определить, сможет ли он предпринять с их помощью кампанию, которая, вероятно, окажется тяжелой и утомительной. Царь передал обязанности по подсчету людей, способных носить оружие, своему главнокомандующему Иоаву и другим военачальникам. Работа по подсчету длилась девять месяцев и двадцать дней. Из приведенных цифр, если предположить, что они верны, следует, что из всего населения в 4 000 000 человек было 1 300 000 мужчин и юношей, способных носить оружие.

Однако этот подсчет нации оказался ошибкой, за которую Давиду пришлось дорого заплатить. Народ был сильно разгневан на него. Сам по себе этот акт был им неприятен, поскольку они видели в нем подготовку к призыву на длительную войну; к этому добавлялся страх, что сам подсчет голосов должен сопровождаться плохими результатами, ибо такова была точка зрения, которой придерживались в те дни. Разразилась страшная эпидемия, унесшая огромное количество людей и утвердившая все умы в убеждении, что она возникла из-за численности народа. Столица, будучи густонаселенной, естественно, понесла наибольший урон от эпидемии. Увидев груды трупов, или, выражаясь метафорическим языком тех дней, при виде "ангела Разрушения", который унес столь многих, Давид воскликнул: "Я согрешил и поступил неправильно, но что сделала моя бедная паства? Пусть твоя рука поразит меня и дом моих отцов". После того как эпидемия пощадила гору Мориа, где обосновались иевусеи, пророк Гад повелел царю воздвигнуть жертвенник и приносить жертвы на этой горе, и он объявил, что тогда эпидемия будет предотвращена в Иерусалиме. Не колеблясь, Давид и весь его двор направились туда. Когда вождь иевусеев Орна (Арауна) увидел приближающегося Давида, он поспешил ему навстречу, смиренно поприветствовал его и спросил, чего он желает. Затем Давид сообщил ему, что хочет купить гору, чтобы построить на ней алтарь. Орна любезно предложила ему это место и все, что к нему относится, в качестве подарка, но Давид отказался принять это. Как только там был поспешно воздвигнут алтарь и принесена жертва, моровая язва в Иерусалиме прекратилась. С того времени гора Мориа считалась священным местом, к которому не могло приблизиться разрушение; это также была гора, на которой, как предполагалось, Авраам принес в жертву своего сына Исаака.

Вследствие этого бедствия народ возненавидел Давида; он осудил его за гибель тысяч людей, которых похитил Ангел Разрушения. Ахитофел воспользовался этой неприязнью, чтобы

отомстить Давиду, и он использовал Авессалома в качестве своего орудия и вместе с ним составил заговор, который не мог не увенчаться успехом.

Авессалом тайно разослал гонцов во все стороны, чтобы дать тем приверженцам, которые уже были привязаны к нему, необходимый сигнал. Восстание должно было начаться в Хевроне, аванпосте колена Иудина, старейшины которого уже были завоеваны Авессаломом. Последний придумал уловки, с помощью которых обманул Давида относительно истинной цели своего визита в Хеврон, и царь позволил ему уехать, не вызвав подозрений.

Авессалом прибыл в Хеврон в сопровождении своих друзей и стражи, а также двухсот видных людей Иерусалима, которых он пригласил под каким-то предлогом и которые не подозревали о его истинных целях. Эти двести человек, благодаря своему невежеству в вопросах, способствовали успеху проекта. Жители Хеврона, видя, что даже видные люди присоединились к партии Авессалома, отказались от дела Давида как проигранного. Ахитофел, который также придумал предлог, чтобы отсутствовать при дворе, открыто выступил в защиту Авессалома, тем самым придав его делу огромную силу, поскольку он был известен как правая рука Давида.

Предательский план удался, но слишком хорошо. Хеврониты и другие присутствующие приветствовали Авессалома как царя, присягнули на верность Давиду и принесли всесожжения. Честолюбие побудило различных членов семьи Давида также присоединиться к Авессалому. Особенно это касалось Амасы, его двоюродного брата, который считал себя великим полководцем и считал, что Иоава несправедливо предпочли ему. Затем гонцы подали условленный сигнал, и заговорщики, вставшие на сторону Авессалома, собрались вместе и закричали: "Да здравствует царь Авессалом!" Они привели с собой всех, кто был разгневан против Давида за проведение переписи народа, и фактически всех, кто надеялся извлечь какую-то выгоду из перемен и раздоров. Вениамиты, которых восшествие на престол Давида лишило власти, и вечно недовольные ефремиты были особенно рады падению Давида и охотно засвидетельствовали почтение узурпатору; они надеялись вернуть себе прежнюю свободу благодаря несчастьям Давида. У них было больше шансов получить власть при Авессаломе, который был очень тщеславен и вряд ли надолго сохранял расположение народа, чем при правлении Давида. Главные города всех племен отправили послов в Хеврон приветствовать нового царя, и число его приверженцев с каждым днем увеличивалось. Сначала заговор держался в секрете от власти имущих; никому не разрешалось ездить в Иерусалим, чтобы новость не распространилась. Давид получил известие о своем собственном низложении и восшествии на престол своего сына одновременно с известием о том, что дома Иуды и Израиля отказались от своей верности ему.

Это был страшный удар для короля. Но вскоре он принял решение; он не стал бы прибегать к гражданской войне, как, вероятно, призывали его сыновья Саруии и многие другие верные последователи. Покинутый всеми племенами, он был бы вынужден запереться в своей столице. Город не смог бы устоять перед атакой такой большой армии; и теперь, когда он не был введен в заблуждение, Авессалом без колебаний превратил бы Иерусалим в море крови. Давид был глубоко уязвлен союзом Ахитофела с его сыном-узурпатором и был сильно обескуражен этим. Слишком поздно он понял, что заговор был давним, что план был тщательно продуман и что сопротивление с его стороны приведет только к его собственному уничтожению. Поэтому он

объявил своему народу, что со всей поспешностью покинет Иерусалим, прежде чем Авессалом сможет покинуть Хеврон со своими многочисленными последователями.

Этот шаг сыграл важную роль в доказательстве Давиду, что у него все еще есть верные друзья, которые будут верны ему до самой смерти. Когда, покидая свой дворец, он проходил мимо Лавки Продавцов Мази, то, к своей великой радости, заметил, что за ним следует большое скопление народа. Не только его военачальник Иоав со своим братом Авессаем и их последователями; не только большое количество воинов (гибборим), наемных войск, черетитов и пелетитов, с их предводителем Бенаией, но и Иттай хеттеянин с шестьюстами человеками, которых Давид завербовал незадолго до этого. Все население громко плакало, в то время как Давид удалился в Кедронскую долину, где собрал своих последователей, прежде чем отправиться по дороге через Елеонскую гору в пустыню близ Иордана. Он не рискнул укрыться в городе, опасаясь предательства.

Позже два первосвященника Садок и Авиафар со всеми левитами поспешили за ним, неся с собой ковчег завета. Давид, однако, призвал священников вернуться на Сион с ковчегом, сказав: "Если по милости Божьей мне будет позволено вернуться в Иерусалим, тогда я снова увижу ковчег завета и святилище; если нет, если Бог отвергнет меня, я готов вынести то, что покажется Ему благом". Ему также показалось, что священники могли бы принести ему больше пользы, если бы остались в Иерусалиме, чем если бы присоединились к нему в изгнании. В то время как священники поспешно уносили ковчег обратно в Иерусалим, Давид вззошел на Елеонскую гору босиком, с покрытой головой и залитым слезами лицом. Все его приближенные горько плакали. Но когда его горе и отчаяние достигли апогея, друг, который должен был оказать ему помощь, пришел с другой стороны Елеонской горы и встретил его на самой высокой ее точке. Хушай из города Эрех был доверенным лицом Давида и советником не менее мудрым, чем Ахитофел. Он шел в траурном облачении, с разорванными одеждами и землей на голове, готовый разделить бегство короля. Дэвид, однако, отказался разрешить это, потому что, будучи пожилым человеком, он был бы только обузой. Находясь поблизости от Авессалома, он мог бы оказать доблестную услугу, противодействуя советам Ахитофела и держа Давида в курсе всего, что происходило. Поэтому Хушай отправился в Иерусалим.

Первым городом, через который проехал Давид во время своего бегства, был город Бахурим, Вениамитянин. Там его встретили не только дружелюбно, но и с оскорблениями и пренебрежением. Вениамитянин по имени Семей, из дома Геры, поносил и проклинал его, говоря: "Ты изгой и человек крови, Бог воздаст тебе за твое обращение с домом Саула, чью корону ты украл". Он следовал за Давидом на большом расстоянии, бросая в него камни и землю, так что солдатам пришлось прикрывать царя. Однако у Давида также было несколько друзей в Бахуриме. Униженный и измученный, царь, наконец, совершил путешествие по пустыне и со своим войском достиг окрестностей Иерихона.

Здесь он мог набраться сил после недавних физических и умственных нагрузок, ожидая новостей, которые его верные приверженцы передадут ему из Иерусалима.

Когда Давид приближался к берегам Иордана, Авессалом прибыл в Иерусалим со своими приверженцами-предателями, среди которых был Ахитофел, неверный советник. Ахитофел убеждал узурпатора совершать еще большие преступления, чтобы углубить пропасть между ним и его отцом и сделать примирение невозможным; он посоветовал ему завладеть гаремом его отца. Для Ахитофела мало имело значения, что Авессалом навлечет на себя ненависть

народа своим новым злодеянием. Его единственной целью было отомстить Давиду и погубить его. Слабоумный грешник, называвший себя королем и неспособный что-либо предпринять, если его не подстрекали к этому другие, позволил склонить себя к совершению этого преступления. Но пока Авессалом предавался греху, человек, которому было суждено расстроить все его безжалостные планы, был совсем рядом. Хушай, очевидно, подчинился новому царю и заверил его, что будет служить ему так же верно, как служил своему отцу, и Авессалом положился на это обещание. Он созвал совет, чтобы рассмотреть наиболее целесообразный план поражения и разорения своего отца. Были приглашены старейшины племен, находившихся в городе. Ахитофел дал дьявольский совет напасть на Давида той же ночью с сильным войском, рассеять его сторонников внезапным нападением, совершенным превосходящими их численностью силами, и захватить и убить царя, которого он считал совершенно измотанным и подавленным. Но Авессалом также консультировался с Хушам относительно кампании против своего отца, и совет Ахитофела был отвергнут им как невыполнимый. Хушай выдвигал такие правдоподобные возражения, что Авессалом был ими одурачен; он советовал, чтобы на Давида не нападали малыми силами, но чтобы Авессалом собрал из всего народа — от Дана до Вирсавии — армию, численность которой сделала бы его непреодолимым. Совет Хушай был воспринят более благосклонно, чем совет Ахитофела, и немедленно были предприняты шаги, чтобы действовать в соответствии с ним. Атака была отложена, и кампания была отложена до тех пор, пока не будут собраны многочисленные силы. Хушай немедленно передал результаты встречи Давиду через Ионафана и Ахимааза, сыновей первосвященника.

Первый результат этих событий был благоприятным для дела Давида, ибо Ахитофел покинул Иерусалим и повесился в своем родном городе Гило. Его привело к этому либо отвращение к поведению Авессалома, отказавшегося от его совета, либо убеждение, что дело Авессалома будет проиграно из-за промедления и что он сам понесет заслуженное наказание. Это самоубийство стало тяжелым ударом для узурпатора, поскольку среди его сторонников не было способных людей, а сам он не был ни воинственным, ни благоразумным. Его генерал Амаса не обладал большим военным гением. Набор солдат действительно начался, но прежде чем он смог быть завершен, Дэвид получил важное преимущество. Он отправился в Маханаим, жители которого встретили его с таким же радушием, как в прежние времена они оказывали беглому сыну Саула. Все израильтяне на противоположном берегу Иордана предложили свою помощь и отдали себя под его командование. Два жителя Галаада превзошли друг друга во внимании к несчастному царю и отцу и обеспечили его и его последователей всем необходимым. Это были старики — Барзиллай из Рогелима и Махир из Ло-дебара, — и помощь пришла также от Шоби, царя Аммона, сына Нахаша. Когда, наконец, Авессалому или Амасе удалось собрать большое войско, они переправились через Иордан на плотах и приблизились к Маханаиму. Авессаломиты расположились лагерем напротив леса без какого-либо определенного плана или порядка. Давид, с другой стороны, разделил свою армию на три подразделения, которыми командовали соответственно Иоав, Авесса и Иттай, которые все были испытанными и компетентными воинами. Самому Давиду не разрешили сопровождать их, поскольку его военачальники слишком хорошо знали его любовь к своему нечестивому сыну. Сражение стоило многих человеческих жизней. Хотя силы Авессалома превосходили силы Давида по численности, все же они потерпели поражение, так как не были хорошо дисциплинированы и не смогли найти дорогу в лесу. Войска Давида, с другой стороны, сражались доблестно. Лес был разрушительнее меча. Говорят, что там пало двадцать тысяч воинов. Лес Рефаима также был

причиной личного уничтожения Авессалома. Его длинные волосы, которыми он очень гордился, зацепились за ветви дуба, и мул, на котором он ехал, ускakasал галопом. Кажется провидением, что смертельный удар был нанесен Иоавом, который раньше благоволил к нему и который, таким образом, невольно помог ему в его заговоре. Затем Иоав протрубил в рог, подавая сигнал войску Давида прекратить сражение, и приверженцы Авессалома обратились в бегство и перешли Иордан.

Так закончилась вторая гражданская война в царствование Давида, война, которая была тем более неестественной из-за тесных отношений между соперничающими сторонами и печальных причин, приведших к этому противостоянию. Первой обязанностью победителей было сообщить Давиду весть о своем триумфе. Это само по себе было болезненным занятием, поскольку все знали, как глубоко Давид переживал смерть своего нечестивого сына. Давид был в ужасе от этой новости, плакал и рыдал, и неоднократно восклицал: "Сын мой, сын мой, Авессалом, если бы я пал вместо тебя!" Глубины отцовского сердца непостижимы. Возможно, он рассматривал Авессалома в свете жертвы, которую Ахитофел соблазнил и подтолкнул к восстанию. Воины не осмеливались войти в Маханаим победителями, но возвращались домой украдкой, как будто униженные после поражения. Давид ни с кем не виделся и не разговаривал, но постоянно оплакивал потерю своего сына. В конце концов Иоав воспрянул духом и в резких выражениях упрекнул его в том, что он продолжает скорбеть и тем самым проявляет неблагодарность по отношению к своим солдатам. Чтобы разбудить царя, Иоав далее пригрозил, что, если он немедленно не покажется своим солдатам и не обратится к ним ласково, его верные последователи уйдут той же ночью, а он останется один и беспомощный. Эти резкие слова грубого, но верного Иоава побудили Давида подняться и предстать перед народом. Тело Авессалома было брошено в пещеру и завалено кучей камней. Он оставил прекрасную дочь, но трех его сыновей смерть унесла еще до его восстания, как будто так было предопределено, чтобы ни один из его сыновей не стал свидетелем покушения на жизнь его отца. За время своего короткого правления в Иерусалиме он воздвиг великолепный памятник в "Королевской долине", чтобы увековечить свое собственное имя. Предназначенный для его прославления, он стал памятником о его позоре. После окончания войны Давид подумывал о возвращении в Иерусалим. Однако он не хотел принуждать племена к покорности, он предпочитал дожидаться их возвращения к нему с раскаянием и возобновления их клятв верности. Любопытно, что племена севера были первыми, кто пошел этим путем. Глас народа обратился к старейшинам с просьбой отвести их обратно к их королю. Они воскликнули: "Царь, который избавил нас от наших врагов и освободил от ига филистимлян, был вынужден Авессаломом бежать из своей страны. Авессалом теперь мертв. Почему ты не спешишь вернуть нашего короля? Пойдем, отведем его домой". После этого старейшины колен пригласили Давида вернуться в его столицу; и таким образом, они во второй раз признали его царем. Вопреки всем ожиданиям, колено Иудино и, естественно, колено Вениаминово все еще сдерживались. Они не сделали ни шагу, чтобы поприветствовать своего царя. Вероятно, жители Иудеи испытывали горький стыд за восстание, которое они подняли в Хевроне, и не осмелились просить прощения у Давида. Возможно также, что недовольство, которое побудило их отказаться от своей верности, все еще действовало среди них. Похоже, что Амас, бежавший в Иерусалим после поражения в Галаадском лесу, все еще оказывал большое влияние на жителей Иудеи.

Когда Давид увидел, что колено Иудино все еще держится в стороне от него, он приказал двум священникам, Садоку и Авиафару, которые остались в Иерусалиме, убедить старейшин Иудеи

пригласить своего царя вернуться. Он велел священникам заверить Амасу, что он не только получит бесплатное помилование, но даже сохранит свое звание генерала. Имея перед собой такую перспективу, Амаса решил принять предложения Давида и убедил старейшин согласиться с предложением царя. После этого иудеи послали приглашение Давиду, и посольство отправилось навстречу царю и приняло его в Галгале. Мужья Вениамина были крайне озадачены таким поведением. Что им оставалось делать? Вениамитяне публично проявили враждебность к Давиду, когда он бежал из Иерусалима через их территорию; они не считали возможным, что он когда-либо вернется и вернет себе трон. Теперь все изменилось, и не только северные племена, но даже Иуда готовился оказать ему почести. Вениамитяне не испытывали привязанности к Давиду, но они не могли изолироваться, потому что тогда гнев царя обрушился бы на них всей тяжестью. Семей, чьи оскорбления причинили Давиду такую сильную боль во время его бегства и у которого, как следствие, было больше всего причин опасаться царского гнева, посоветовал им проявить большой энтузиазм по отношению к делу Давида, превышающий энтузиазм других колен, поскольку, взывая к его великодушию, они могли бы расположить его к себе. Повинуясь этому совету, тысяча вениамитян отправилась навстречу Давиду, присоединилась к иудейскому посольству и, прибыв на берег Иордана, перекинула мост через реку, чтобы облегчить переход царя. Тем временем царь покинул Маханаим и приближался к Иордану в сопровождении своего двора, слуг и верных последователей, которые присоединились к нему на противоположном берегу. Семей выступил вперед раньше всех остальных, бросился к ногам царя, когда тот собирался переправляться через реку, признал свою вину и умолял Давида о прощении. Теперь Давид вернулся с большим количеством сторонников, чем сопровождало его во время бегства через Иордан: его сопровождало иудейское посольство, тысяча вениамитян и верные друзья, составлявшие его почетный караул. Первым городом, которого достигли после переправы через Иордан, был Галгал. Здесь собрались послы различных племен по эту сторону реки, чтобы подтвердить свое почтение; они были удивлены и раздосадованы тем, что иудеи опередили их, встретив царя на самом берегу Иордана. Они увидели в этом пылком проявлении лояльности, которое не могли счесть искренним, попытку дома Иуды вернуть расположение царя в ущерб дому Израиля.

Старейшины Израиля не скрывали своего недовольства и дали ему выход в присутствии Давида; иудеи, однако, отомстили им. Вопрос о прецеденте перерос в ожесточенную ссору, иудеи выступили с гневными возражениями, тем самым еще больше оскорбив северные племена. Между противоборствующими сторонами возникла ожесточенная вражда; Давид, по видимому, склонился на сторону иудеев. Шеба, вениамитянка из рода Бихри, воспользовавшись всеобщим замешательством, затрубила в трубу и воскликнула: "У нас нет доли в Давиде и нет доли в сыне Иессея; пусть каждый израильтянин возвращается в свой шатер". Вняв этому призыву, старейшины северных колен удалились и последовали за Бихритянкой Савой. Только мужья Иудеи остались верны Давиду и сопровождали его до Иерусалима. Радость от их возвращения смешивалась с досадой: возник новый разрыв, гражданская война была неизбежна. В этот печальный момент Дэвид прибегнул к шагу, который можно считать либо очень мудрым, либо очень глупым. Иоав стал ему неприятен с тех пор, как царь узнал, что он убил Авессалома, и Давид не хотел, чтобы он больше занимал должность военачальника. Кроме того, он хотел сдержать свое слово, данное Амасе, и назначить его на должность главнокомандующего. Давид, находясь теперь в зависимости от колена Иудина, чувствовал необходимость сохранить добрую волю Амасы, поскольку влияние последнего имело огромный вес у иудеев. Не посоветовавшись с Иоавом, он приказал Амасе созвать силы

колена Иудина в течение трех дней, чтобы выступить против мятежников. Время истекло, а Амаса не вернулся. Дэвиду стало не по себе; он подумал, что Амаса, возможно, обманул его и объединился с повстанцами. Было необходимо действовать быстро, чтобы число последователей Савы не увеличилось, а также чтобы выиграть время для занятия укрепленных городов. У Давида не было иного выбора, кроме как обратиться к сыновьям Саруи, которые в своей непоколебимой верности оставались верны ему, несмотря на частые обиды, и чье военное мастерство он в полной мере испытал. Однако Давид не стал отдавать верховное командование Иоаву, а доверил его своему брату Авессе. Он отправился в путь вместе с черетитами и пелетитами, которые должны были составить ядро армии, которую он надеялся собрать по пути. Иоав не обратил внимания на нанесенное ему оскорбление и присоединился к войскам, или, скорее, стал их предводителем. Похоже, он обратился к народу с призывом собраться вокруг него. Когда Амаса присоединился к ним в Гаваоне, Иоав убил его одним ударом своего меча, и иудеи, которых собрал Амаса, последовали за сыновьями Саруи. Во всех городах новые приверженцы и последователи присоединялись к делу Дэвида. Шибя нашла лишь несколько приверженцев, поскольку северные племена не желали начинать гражданскую войну ради человека, который был малоизвестен и за которым следовал лишь небольшой отряд солдат. Он бросился в укрепленный город Авель, а часть его последователей заняла город Дан, который находился на расстоянии часа езды от подножия горы Ермон, недалеко от истока Иордана. Иоав быстро приказал вырыть ров вокруг города Авель и, не призывая жителей сдаваться, начал подрывать стены. Жители были сильно встревожены. Затем мудрая женщина крикнула со стены саперам внизу, чтобы они позвали Иоаву. Когда он приблизился, она обратилась к нему с упреком: "Тебе следовало бы сначала спросить у Авеля и Дана, чтобы ты мог услышать, все ли верующие и миролюбивые покинули Израиль. Почему ты убиваешь матерей и детей Израиля? Почему ты уничтожаешь наследие Иакова?" Иоав ответил, что он не хотел этого делать, что он просто хотел схватить человека, который поднял руку на царя. На это женщина пообещала, что голова мятежника вскоре будет сброшена со стены. Она сдержала свое слово, поскольку тайно убедила своих сограждан разлучить Саву с его немногочисленными последователями и убить его. Его окровавленная голова была переброшена через стену, и Иоав снял осаду, распустил своих солдат и вернулся в Иерусалим с известием о своей победе. Король был вынужден, против его воли, оставить его командовать армией.

Давид вернулся в свою столицу с очищенной душой. Он тяжело страдал и искупил свои грехи. Он увел жену своего верного слуги, а его сын увел его жен. Он пролил кровь Урии, и потоки крови, пролитые в его собственном доме, почти сокрушили его. На горьком опыте он убедился, что даже самый лучший царь не может опираться на любовь своего народа. Его план начать великую войну против своих врагов-язычников был разрушен. Поэтому в старости, в последние годы своего правления, он сосредоточил свое внимание на внутренних делах своего королевства. Он хотел осуществить, прежде чем смерть настигнет его, идею, которую он давно лелеял. Он хотел построить великолепный храм Богу Израиля, который спас его во многих бедах. Прежде чем начать, Давид посоветовался с Нафаном, пророком, ибо в те дни пророк занимал более высокое положение, чем священник. Он сказал: "Я живу во дворце из кедрового дерева, в то время как Ковчег Божий находится всего лишь во временном шатре. Я построю для него храм из кедра!" Нафан одобрил этот план и сказал: "Исполняй все, что у тебя на сердце, ибо с тобой Бог!" Однако на следующий день к нему пришел пророк и открыл Давиду, что ему не суждено строить храм, потому что он пролил кровь, но что эта задача будет возложена на его сына. В то же время Давиду сообщили, что его трон установлен на долгие годы вперед, что от

него произойдет длинная череда царей, которые займут его трон, при условии, что они будут ходить путями Божьими. Как бы сильно Давид ни хотел построить величественный храм в Иерусалиме, он смиренно склонился перед божественным указом, открытым ему Нафаном, и отказался от своего проекта. Перед ковчегом завета он возблагодарил Бога в сердечной молитве за милости, ниспосланные ему, воскресшему из праха. Его сердце было преисполнено благодарности за то, что его королевский дом и его трон будут утверждены на долгие годы вперед. Давид выразил это чувство в псалме, который, однако, не обладает такой *живостью*, как его предыдущие песни; возможно, это была его последняя поэтическая молитва.

Хотя Давид не приступал к возведению храма сам, он начал делать необходимые приготовления. Он посвятил святилищу часть добычи, которую он приобрел у покоренных народов. Он также установил порядок проведения богослужений, пригласив, согласно методу Самуила, хоры левитов для игры на арфе и пения псалмов в дополнение к обычным обрядам жертвоприношения. Он также считается изобретателем различных музыкальных инструментов, которые позже были введены в обиход.

Жизненная энергия Дэвида начала убывать еще до того, как ему исполнился семьдесят первый год. Тревоги его юности, постоянные войны, волнующие события в его собственной семье, греховность Амнона и восстание Авессаломы привели к тому, что он состарился в сравнительно раннем возрасте. Он не чувствовал тепла в своем теле; ему было холодно, несмотря на изнуряющую жару Иерусалима, и вся одежда, которую он мог раздобыть, казалось, не обеспечивала его необходимым жизненным теплом.

Адония, четвертый сын царя, попытался, воспользовавшись слабеющими силами Давида, обеспечить себе престолонаследие. Он был следующим наследником после Амнона и Авессаломы, но он боялся, что его могут обойти, если он будет ждать смерти своего отца, и он, вероятно, слышал о тайном соглашении, согласно которому сын Вирсавии, его младший брат, должен был унаследовать трон. У Адонии не было желания восстать против своего отца, как это сделал Авессалом, он просто хотел, чтобы его право на престолонаследие было признано высшими сановниками царства. Поэтому он посоветовался с теми из придворных Давида, кто был против наследования престола Соломоном. Главным среди них был Иоав, который поддерживал его так же, как раньше поддерживал Авессалому. Другим доверенным лицом Адонии был Авиафар, второй из первосвященников, который, по-видимому, был поставлен Давидом в более низкое положение. Садок, семья которого была назначена Саулом наследственными первосвященниками в Гаваоне, был оставлен на этой должности Давидом, который хотел заручиться его поддержкой и поэтому даровал ему высший ранг в святилище. Авиафар, возможно, почувствовал себя задетым таким пренебрежением и, возможно, встал на сторону Адонии, чтобы закрепить за собой положение, на которое он не мог надеяться при Соломоне. Другие сыновья царя также хотели, чтобы трон достался Адонии, и таким образом интриги при дворе возобновились. Адония был так же красив и популярен, как Авессалом, а также, по-видимому, так же легкомыслен и непригоден для управления. Подобно Авессалому, он начал привлекать к себе внимание народа поистине царским видом; он раздобыл колесницы и конных слуг и держал охрану из пятидесяти бегунов, которые сопровождали его, куда бы он ни направлялся. Давид проявил слабость по отношению к нему, как и к Авессалому, — позволил ему поступать по-своему и таким образом молчаливо признал его своим преемником. Однажды Адония пригласил на встречу своих приближенных Иоава, Авиафара и всех царских сыновей,

кроме Соломона. Они приносили жертвы возле колодца, и во время праздника его последователи кричали: "Да здравствует царь Адония!"

Первым, кто возразил против действий Адонии, был пророк Нафан. Он знал о тайном обещании, данном Давидом своей жене Вирсавии, что корону унаследует Соломон. Он также открыл Давиду, что Бог назначил Соломона его преемником. Похоже, он был уверен в характере Соломона и ожидал от него лучшего, чем от Адонии. Поэтому Нафан отправился к Вирсавии, и они разработали план, с помощью которого план Адонии мог быть разрушен. Затем Вирсавия отправилась к царю, напомнила ему о его клятве и обратила его внимание на тот факт, что в случае наследования престола Адониджей и она, и ее сын будут потеряны, а ее брак будет покрыт позором.

Едва она закончила описание печальной участи, которая ожидала бы ее, если бы притязания Соломона были отвергнуты, как был объявлен пророк Нафан, подтвердивший ее утверждения. Решение Давида было принято быстро и приведено в исполнение в тот же день, поскольку он больше всего на свете стремился сдержать свою клятву оставить скипетр Соломону. Он призвал сановников, которые не вступали в сговор с Адониджей, Садока, Беная и воинов и объявил им о своем решении помазать Соломона на царство при его жизни, и все они торжественно пообещали признать Соломона. После этого Давид призвал херетитов и пелетитов сопровождать своего сына. Затем Соломон сел на одного из царских мулов и направился в долину Гихон, к западу от города. Толпа людей присоединилась к процессии, и когда первосвященник Садок и пророк Нафан помазали его елеем из шатра святилища, солдаты затрубили в трубы, и весь народ закричал: "Да здравствует царь Соломон!"

Теперь в Иерусалиме царило большое возбуждение. В то время как восточные горы отдавались эхом от криков "Да здравствует царь Адония!", западная цепь оглашалась криками "Да здравствует царь Соломон!". Если бы и сыновья царя, и их приверженцы продолжали упорствовать, должна была бы начаться гражданская война. Но Адония не был похож на Авессалома — он не хотел поднимать восстание. Да и его главные сторонники, Иоав и Авиафар, не помогли бы ему в такой попытке. Как только Адония услышал, что Соломон был помазан на царство по приказу своего отца, мужество покинуло его. Он поспешил в святилище на Сионе, чтобы найти убежище в святая святых. Однако Соломон, немедленно взявший в свои руки бразды правления, послал сообщить ему, что он может покинуть святилище, что ни один волос не упадет с его головы до тех пор, пока он не предпримет новых попыток восстания. Затем Адония отправился к молодому царю, оказал ему должное почтение и был отпущен с подарками. Таким образом, борьба за престолонаследие закончилась.

Слабость Давида постепенно усиливалась, пока после бурного правления, длившегося сорок лет и шесть месяцев (1015), он мирно не скончался. Он был первым, кто занял место в царском мавзолее, который он построил в скалистой пещере на южном склоне горы Сион.

Смерть Давида была глубоко оплакана. Он сделал нацию великой, независимой и счастливой, и смерть преобразила его. Когда он скончался, нация начала осознавать истинную ценность его работы и то, кем он был для них. Он объединил различные племена, каждое из которых раньше преследовало свои особые интересы, и превратил их в одну нацию. Восстания Авессалома и Савы в достаточной мере доказали, насколько сильным стало чувство, связывавшее эти племена воедино. Дом Израиля не воспользовался предоставленной его смертью возможностью отделиться от дома Иуды, и какой бы сильной ни была их ревность друг к другу,

они держались вместе. Давид устранил все поводы для партийных разногласий и объединил их доброй, но твердой рукой. Во время его правления священство и пророки дружно сотрудничали. Таким образом, Соломон был помазан первосвященником Садоком совместно с пророком Нафаном. Давид поддерживал дружеские отношения между священническими домами Елеазара и Ифамара, представленными Садоком и Авиафаром соответственно. У нации не было причин жаловаться на угнетение, ибо он поступал справедливо в меру своих возможностей. Уничтожив власть филистимлян, которые так долго держали в подчинении соседние племена, и покорив народы, населявшие берега Евфрата, он не только установил внутреннее процветание, но также основал великую империю, которая могла соперничать по могуществу с Египтом, и отбросил в тень халдейское и ассирийское царства на Евфрате и Тигре. Таким образом, он пробудил в народе гордое сознание того, что он представляет собой могущественную нацию Господа, обладателя закона Божьего, превосходящую соседние народы. Грехи Давида постепенно были забыты, ибо его искупление было тяжким и многообразным. Потомки вынесли о нем более мягкий приговор, чем его современники. Воспоминание о его великих деяниях, его доброте, его послушании Богу придавали ему черты идеального царя, который служил образцом для всех последующих правителей, — того, кто всегда шел путями Божьими и никогда не отступал от них. Королей из его дома, которые сменили его, оценивали по его меркам и по степени их схождения с ним.

Правление Давида на протяжении веков было совершенным, как царствование, в котором сочетались сила и смирение, страх Божий и мир. Каждое последующее столетие отдавало дань уважения характеру Давида, пока он не стал идеалом добродетельного царя и священного поэта.

ГЛАВА IX. СОЛОМОН.

Правление нового царя—Выбор Соломона—Поэтическая аллегория—Убийство Адонии и Иоава—Двор—Союз с Египтом—Тир—Постройки Соломона—План Храма—Рабочие—Материалы—Описание Храма—Церемония освящения—Реорганизация священства—Царский дворец—Трон—Увеличение национального богатства—Флот—Семена разобщенности—Иероваам—Разрешено идолопоклонство—Отчуждение от Египта—Рост окружающих царств—Слава Соломона—Его смерть.

1015-977 гг. до н. э.

Давид оставил дела в Израиле в таком идеальном порядке, что у его преемника, если только он не был дураком, лжецом или жертвой дурного совета, не возникло бы особых проблем с управлением страной. Соломон, однако, продвинул дело Давида еще дальше. Он пролил такой свет на Израиль, что даже самые отдаленные поколения грелись в свете, исходившем от его мудрого правления. В самом деле, король, который укрепляет и приумножает, если он на самом деле не основал, величие государства; который позволяет своему народу наслаждаться миром; который проливает дары изобилия на свою землю, изгоняя бедность из самой жалкой лачуги;

который открывает новые каналы для развития способностей своего народа и который, таким образом, увеличивает и укрепляет их; король, у которого хватало ума побудить своих подданных проявлять свои умственные способности и культивировать в них любовь к прекрасному; который своими материальными и духовными творениями возвышает свою страну до достоинства образцового государства, подобного тому, которое было создано в прошлом. никогда не был до него и вряд ли когда—либо после него; такой монарх, несомненно, заслуживает высокой похвалы, которую ему воздали потомки. Увлеченные величием его деяний — ибо все эти великие качества были поразительно заметны в Соломоне, — люди закрывали глаза на его слабости и считали их неизбежным результатом человеческого несовершенства. В первую очередь он стремился сохранить мир в своей стране, хотя его отец оставил ему достаточно средств для новых завоеваний. Его называли царем мира — "Шеломо". Предоставляя своему народу удобства процветания, он расширил его горизонты и повысил самоуважение. Он правил страной с мудростью и справедливостью и со строгой беспристрастностью решал все споры как между отдельными людьми, так и между племенами. Он увеличил число городов и обеспечил безопасность дорог и караванов. Он наполнил город Иерусалим великолепием и построил в нем великолепный храм в честь Бога. Он сам культивировал изобразительное искусство и поэзию и тем самым придавал им новую привлекательность в глазах людей. Наконец, он поставил перед нацией великие цели и по праву был назван мудрым царем.

История, беспристрастный арбитр, не может, однако, быть ослеплена его ослепительными добродетелями и не заметить изъянов, которые присущи его правительству и которые следует считать причиной печального разрыва, начавшегося, когда его могилу едва закрыли. Начало правления Соломона не обошлось без пятен крови, а его конец был омрачен туманом, который затемнил его яркость; его любовь к великолепию стала пагубной для нравственности; это сделало его деспотичным и возложило на народ бремя, которое он нес в течение значительного времени, но сбросил при первой благоприятной возможности. Соломон превратил царскую власть в автократию, при которой каждая воля должна была подчиняться его воле. Но эти недостатки были полностью скрыты величием достижений при его правлении. Сейчас невозможно решить, насколько велика ответственность Соломона за это зло, какая часть вины лежит на его слишком назойливых слугах и в какой степени их существование следует приписать непреодолимой силе обстоятельств, которым должны подчиняться как возвышенные, так и низшие. Проклятие коронованных особ заключается в том, что самый достойный носитель короны, чтобы укрепить свою власть, вынужден предпринимать шаги, которые его совесть при других обстоятельствах осудила бы, и проступки его слуг также добавляются к его счету.

Соломон был молод — ему едва исполнилось двадцать, — когда вззошел на трон. Как нам рассказывают, после его восшествия на престол, во время посещения жертвенника в Гаваоне, ему было видение, в котором Бог попросил его выразить самое сокровенное желание своего сердца с обещанием, что оно будет исполнено. Он не выбирал ни долгую жизнь, ни богатство, ни почести, ни смерть своих врагов; но он выбрал мудрость, чтобы справедливо править своим народом. На самом деле, этой мудростью, этой способностью проникать в чувства и умы выступавших перед ним несогласных сторон, улавливать истинное положение дел, несмотря на преувеличения и изощренные аргументы, Соломон обладал в необычайной степени. Соломоново решение хорошо известно. Вынося вердикт, который был хорошо приспособлен для раскрытия истинных чувств матери, он распознал в споре между двумя женщинами за

обладание ребенком, на чьей стороне правда, а на чьей ложь. "Разрежь ребенка пополам", - сказал он. Но его настоящая мать не могла смириться с таким решением и предложила скорее отказаться от своего ребенка. Он был полон решимости, чтобы никто в его королевстве не страдал от несправедливости. Хотя, возможно, он был не первым, кто произнес фразу "правосудием утверждается трон", все же это была максима, пришедшаяся ему по сердцу.

Мудрость Соломона с большой пользой проявляется и в другом направлении, а именно в его поэтических произведениях. Это были в основном аллегорические поэмы (Машал); в них он заставил величественные ливанские кедры и неприязательные стелющиеся растения предстать как символы того, что является самым высоким и самым скромным, четвероногим, птицам небесным, рептилиям и даже бессловесным рыбам дан голос и речь. Каждая из этих басен, вероятно, заканчивалась соответствующим моральным уроком. Рассказывают, что Соломон сочинил три тысячи таких басен и пять тысяч песен или притчей.

Но Соломон ни в коем случае не был создателем этого стиля художественной литературы. Задолго до него подобные произведения были распространены среди израильтян. Стоя на горе Гаризим, Иофам, сын судьи Гедеона, обратился к заблудшим жителям Сихема с остроумной притчей. Пророк Нафан замаскировал свое увещевание Давиду относительно его греха с Вирсавией в форме притчи. Но, хотя Соломон и не был изобретателем этого направления поэзии, он все же заслуживает похвалы за то, что посвятил его дальнейшему развитию время, свободное от государственных забот. Его редкие душевные качества проявились еще в одном направлении. В некоторых своих композициях он очерчивает типы людей и вещей с помощью намеков, о скрытом значении которых остается только догадываться. Подобные загадки, облеченные в поэтическую форму, были в те дни излюбленным развлечением на общественных собраниях и пирах, и Соломон обладал замечательной изобретательностью в создании этих развлечений для человеческого разума.

Однако он был повинен в ошибках, большая часть которых проистекала из преувеличенного представления о своем царском достоинстве и из подражания царям соседних государств Тира и Египта, с которыми он находился в постоянных сношениях. Он присвоил себе prerogative, почти нечестивую для смертного, а именно право считаться тождественным государству, — все интересы должны были сосредоточиваться на нем, а все остальное должно было иметь сравнительно небольшое значение. Мудрость Соломона села на мель на этой скале. Истинность предсказания Самуила во время выборов правителя была лучше доказана мудрым царем, чем его предшественниками.

К сожалению, Соломон был младшим сыном, которому трон был передан вопреки обычным законам наследования, в то время как Адония, которого часть народа признала царем, считался законным наследником. Пока был жив последний, правительство Соломона не могло опираться на прочную основу, и он никогда не мог чувствовать себя в безопасности. Поэтому Адониджу пришлось убить; начальник телохранителей, Ванея, силой проник в его дом и убил его. В качестве оправдания этого акта насилия утверждалось, что Адония пытался добиться руки Ависаг, молодой вдовы Давида, и таким образом раскрыл свое предательское намерение оспорить право своего брата на трон. Не успел он пасть, как Иоав, бывший приверженец Адонии, испугался, что его постигнет та же участь. Этот образцовый полководец, внесший столь значительный вклад в возвышение народа Израиля и могущество дома Давидова, бежал к алтарю на горе Сион и прильнул к нему, надеясь избежать смерти. Однако Беная отказался

уважать свое убежище и пролил свою кровь у алтаря. Чтобы оправдать это преступление, было заявлено, что сам Давид на смертном одре возложил на своего преемника обязанность отомстить за смерть Абнера и Амасы. Иоаву, убившему их в мирное время, нельзя было позволить, несмотря на его почтенный возраст, умереть спокойно.

Неясно, был ли Бенайя злым советчиком Соломона или просто его орудием. Смерть Иоава вызвала великую радость среди врагов Израиля и пробудила в них мужество спланировать восстание. Сторонник Адонии, Авиафар, которого Соломон не смел тронуть, был лишен сана первосвященника, а Садок стал единственным главой священства, и его потомки, облеченные этим достоинством, сохраняли его более тысячи лет, в то время как потомками Авиафара пренебрегали.—Вениамитянин Шимей, который с проклятиями преследовал Давида во время его бегства из Иерусалима, также был казнен, и только благодаря этому троекратному кровавому деянию трон Соломона, по-видимому, обрел стабильность.

Затем Соломон обратил свое внимание на создание двора величайшего великолепия, подобающего могущественному царю, приказам которого подчинялись от границ Египта до берегов Евфрата. В те дни множество жен считалось необходимым дополнением к царскому достоинству; у Давида было около шестнадцати жен, но это было незначительное число по сравнению с числом царей Египта и Финикии, которых Соломон взял за образец. Только в соответствии с этой распространенной, но порочной практикой Соломон создал огромный гарем. Его первой женой была Наама (прекрасная), аммонитская принцесса; у него также были другие жены при дворах Моавитян и арамеев и даже при царях Хеттов и Ханаанеев; но что больше всего удовлетворило его гордость, так это то, что египетский царь Псусеннес выдал за него замуж свою дочь. Соломон думал, что, действуя таким образом, он совершил мудрый шаг и что союз принесет пользу его стране и его династии. Но результат доказал обратное. Дочь Псусеннеса, естественно, была встречена со всеми знаками внимания в столице Израиля; она стала первой царицей в гареме Соломона, но ему казалось позором, что он не может предоставить в распоряжение этой царицы великолепный дворец. Чем был кедровый дворец, построенный Давидом на горе Сион, по сравнению с гигантскими зданиями и запутанными дворцами египетских царей? Поэтому Соломон решил построить дворец, достойный ее.

Благодаря союзу с Египтом в Израиле были внедрены важные нововведения, среди которых были лошади и колесницы.

Соломон также вступил в тесную дружескую связь с Хирамом, царем Тира, с которым у Давида уже сложились добрососедские отношения. Похоже, он тоже женился на дочери Хирама, и эта тесная связь между Соломоном и Хирамом, по-видимому, привела к важным и масштабным начинаниям.

Создание большого гарема требовало огромного количества слуг. Соломон содержал самый блестящий двор. Послы даннических и дружественных держав должны были приниматься с большой помпой, поскольку Соломон придавал большое значение демонстрации великолепия, а содержание его двора требовало расходования больших сумм денег. Поскольку он не мог иным образом получить средства, поскольку королевский дом сам по себе не обладал обширными поместьями, народу приходилось покрывать его огромные расходы. Вся земля была разделена на двенадцать частей, и над каждой частью был поставлен губернатор, следивший за тем, чтобы жители ежегодно вносили провизию на один месяц; цель этого раздела, по-видимому, заключалась в том, чтобы старая система племенной организации могла

прекратиться. Над этими двенадцатью чиновниками был назначен настоятель, или визирь, в обязанность которого входило следить за тем, чтобы дань из натуральных продуктов поступала регулярно.

Соломон демонстрировал повышенное величие в своих постройках. В первую очередь он стремился воздвигнуть великолепный храм Богу Израиля в столице своей страны. Ему не могло быть безразлично, что в соседних землях Египта и Финикии, с правителями которых он был близко знаком, воздвигались гигантские храмы для различных богов, в то время как в его стране святилище было просто размещено в шатре. Поэтому Соломон сразу после своего восшествия на престол начал приготовления к началу возведения священного сооружения; место для него уже было выбрано. Это должно было произойти на горе Мориа, к северо-востоку от города, где Давид воздвиг жертвенник после того, как прекратилась эпидемия. Для этой цели было собрано серебро и золото, но еще предстояло закупить строительные материалы, камни и кедровую древесину. Свободные камни и блоки должны были быть вытесаны из скал в каменоломнях к северу от Иерусалима, где они были подогнаны друг к другу таким образом, чтобы их можно было легко соединить по прибытии на место. Но откуда взять рабочих для этого хлопотного дела обтесывания, подготовки и транспортировки камней? Соломон узнал от фараона Псусеннеса, своего тестя, о способах привлечения рабочих без больших затрат. Он нанял остатки ханаанского населения, все еще живущего в стране. Хотя Саул начал уменьшать их численность, он не мог выступить против них со всей своей силой из-за своей постоянной борьбы с Давидом. Давид оставил их в покое, так что они жили тихо, мирно общались с израильтянами и верно служили царю в его войнах против филистимлян и других народов. Соломон, напротив, объявил оставшихся аммонитян, хеттов, ферезеев и евеев, а также иевусеев (которым Давид разрешил жить на окраинах Иерусалима) рабами и заставил их выполнять самую тяжелую работу. Они насчитывали 150 000 молодых и трудоспособных мужчин и составляли рабочий класс. Более 3000 израильских суперинтендантов заставляли поработанных туземцев выполнять свою работу. Старший офицер, Адонирам, наблюдал за управляющими и рабочими. Восемьдесят тысяч этих несчастных существ работали в каменоломнях днем и ночью при свете ламп. Они работали под руководством человека из Библоса (Гиблима), который понимал искусство вытесывания тяжелых блоков из скал и придания краям необходимой формы для соединения в "ласточкин хвост". Двадцать тысяч рабов извлекли тяжелые блоки из устья каменоломни и отнесли их на строительную площадку.

Хирам, царь Тира, друг Соломона, поставлял древесину кедра и кипариса. Деревья были срублены в Ливане, для чего Хирам предоставил в распоряжение Соломона квалифицированных рабочих. Сундуки переправлялись из Ливана в Тир или в другие гавани, откуда их переправляли на плотках в порт Яффо, а оттуда с большим трудом по холмам и долинам в Иерусалим, что составляло по меньшей мере десять часов пути. Поскольку ханаанских рабов было недостаточно, чтобы убрать кедры и кипарисы и доставить их по назначению, Соломон нанял израильтян для помощи в работе, и тридцать тысяч человек были привлечены к этой обязанности. Каждые десять тысяч человек были отправлены на месяц работать в лес, валить деревья и доставлять их по назначению. По прошествии месяца рабочих сменил другой отряд из десяти тысяч человек. Эти тридцать тысяч израильтян не были поработаны — они оставались свободными и даже получали заработную плату, — но им не разрешалось добровольно уходить с работы.

Нельзя было ожидать, что Хирам вырубит свои кедровые и кипарисовые леса или предоставит в распоряжение Соломона плотников и строителей, не получив ничего взамен. Пока строения находились в процессе возведения, Соломон ежегодно посылал ему определенное количество зерна, вина и масла, при повышении которых народ, вероятно, облагался налогом. Но Хираму также пришлось авансировать золото для украшения интерьера храма. Флот Соломона еще не привез драгоценный металл. В обмен на поставку золота Соломон уступил Хираму двадцать городов на границе колена Ашера, между Финикией и территорией Израиля. Хотя это не было важно и не нравилось Хираму, тем не менее это была передача территории Израиля финикийцам. Хирам разрешил различным расам заселять города, от которых территория получила название "Гелил Хаггоим" (район наций), позже Галилея. Как только камни и деревянные блоки были доставлены на строительную площадку храма, возведение которого должно было занять три года, работы были начаты.

Храм был построен из необработанного камня, а стены изнутри были обшиты кедровыми досками. На них были изображены пальмы, раскрытые цветочные чашечки и херувимы (крылатые головы с человеческими лицами), и эти рисунки были инкрустированы золотом. Храм был шестидесяти локтей в длину, двадцати локтей в ширину и тридцати локтей в высоту. Он был разделен на Святая Святых (Дебир, внутренняя комната, квадрат в двадцать локтей) и Святое место (Хехал, длина которого составляла сорок локтей). Святая Святых, по-видимому, располагалась на более высоком месте, чем святилище. По бокам стояли два херувима из позолоченного оливкового дерева, каждый высотой в десять локтей, крылья которых были шириной в пять локтей. У входа в святилище был открытый вестибюль (Улам), который был такой же ширины, как само святилище, и десяти локтей в длину, а перед этим залом стояли искусно выкованные колонны из бронзы. Художник Хирам был наполовину евреем, его отец был сирийцем, а мать - неффалийкой. Святое Святых должно было быть обращено на запад, вопреки обычаю язычников, чьи храмы были обращены к восходящему солнцу; ворота были из оливкового дерева, украшенные позолоченными херувимами, а также пальмами и чашечками для цветов. Складные двери святилища, сделанные из кипарисового дерева, были украшены подобным же образом, а пол из кипарисового дерева был инкрустирован золотом. В Святая Святых не было видно ничего, кроме херувимов, предназначенных для хранения ковчега завета, в котором хранились скрижали закона. В святилище был алтарь из кедрового дерева, позолоченный со всех сторон, с пятью позолоченными подсвечниками по бокам и большим позолоченным столом на двенадцать хлебов. Храм был окружен обширным внутренним двором. Внутри вестибюля стоял большой железный алтарь и просторный резервуар для воды, называемый "железным морем", украшенный каймой из раскрытых цветочных чашечек и бутонов лилий, а в нижней части - колокольчиками. Этот резервуар поддерживался двенадцатью железными быками, каждые три из которых поворачивались в свою сторону. Вода предназначалась для омовения рук и ног священнослужителей всякий раз, когда они входили в святилище, поток воды, вероятно, регулировался краном. Десять маленьких чаш на колесиках с художественной гравировкой можно было подвинуть к любому месту, где они могли понадобиться. Сосуды для жертвенных обрядов были отлиты в большом количестве по приказу короля. Все здание внутри и снаружи носило отпечаток богатства и величия. По завершении строительства оно было освящено (1007 г.) торжественными обрядами. Возведение храма заняло семь лет, и месяц, выбранный для освящения, был тем месяцем, в который завершался сбор урожая. Были приглашены вожди всех племен и старейшины семей, и люди стекались

отовсюду, чтобы в изумлении поглазеть на великолепие храма и полюбоваться непривычным зрелищем.

Торжественные мероприятия начались с переноса ковчега с горы Сион, города Давида, на гору Мориа. Прутья, прикрепленные к ковчегу, были теми, которыми пользовались во время странствий по пустыне. Они были расположены так, что все присутствующие могли видеть эту священную реликвию прошлых веков - две каменные скрижали, на которых были начертаны десять заповедей. Во время переноса ковчега завета и во время освящения были принесены многие тысячи жертвоприношений, а также были спеты псалмы. Как только ковчег завета был внесен в Святое Святых, густое облако наполнило храм, так что служение ааронитов было прервано. Это считалось знаком Божьей милости и знаком того, что освящение было совершено в соответствии с Его волей. Таким образом, огромное собрание было охвачено чувствами радости, благочестия и преданности. Король выразил общие чувства в нескольких серьезных словах: "Бог обещал пребывать в облаке. Я построил жилище для тебя, о Боже, — жилище, в котором ты будешь пребывать вечно". Таким образом, гора Мориа была подобна горе Синай, где голос Божий звучал из густого облака. Храм стал объектом почитания людей, которые верили, что из-за двух херувимов Бог укажет им пути, по которым они должны идти. Присутствовавший при этом пророк (возможно, Ахия из Силома) объявил царю Соломону от имени Бога: "Если ты будешь ходить по моему закону, и повиноваться моим повелениям, и исполнять мои заветы, тогда я исполню тебе обещание, которое я дал Давиду, твоему отцу: "Я буду жить среди сынов Израилевых и не оставлю свой народ".

Народ наиболее радостно отмечал осенние праздники, которые происходили одновременно с освящением. Глубокое и неизгладимое впечатление производил этот храм, сверкающий золотом и бронзой, роскошный и внушительный по своему строению, не содержащий видимого изображения Божества, но наполненный Его невидимым присутствием. Дом Божий предлагал нечто осязаемое тем, чье воображение не могло постичь духовное, лишенное материальной формы. Храм был гордостью и силой Израиля, усладой его очей. Во время освящения была начата религиозная служба, подобная той, которая была невозможна в узких пределах святилища в Силоме или, в переходный период, в шатре на Сионе. Священство, несомненно, существовало даже в прежние времена и принадлежало исключительно потомкам Аарона. Однако только при Соломоне первосвященник был поставлен во главе остальных и были введены градации по рангу. Азария, сын Садока, был выдвинут на должность первосвященника после смерти своего отца, и ему помогали низшие священники. Для левитов, которые подчинялись священникам, был установлен новый порядок служения. Часть из них помогала при жертвоприношениях. Другая часть несла охрану с четырех сторон храма, и ей было поручено заботиться о священных сосудах и всех приготовлениях к храмовой службе. Наконец, некоторые семьи принимали участие в пении и инструментальной музыке, сопровождавшей богослужения. Именно храм и введенный в нем новый порядок богослужения фактически возвысили Иерусалим до статуса столицы страны. Паломники из всех племен посещали там осенние праздники, чтобы стать свидетелями торжественных богослужений, которые не могли проводиться ни у одного племенного алтаря. Иерусалим постепенно становился важным торговым городом, в котором выставлялись иностранные товары и диковинки, привлекавшие все большее число посетителей из всех племен. Таким образом, самый молодой из городов земли Израиля превзошел и затмил все старые города. Соломон отдал приказ укрепить столицу со всех сторон и включить храм в линию укреплений.

Возведение королевского дворца заняло более тринадцати лет. Он состоял из ряда зданий, которые занимали большую площадь на северном холме, в квартале под названием Милло. Рядом со входом находился Дом Ливанского леса, получивший свое название из-за многочисленных кедровых колонн, расположенных рядами по пятнадцать штук в каждом. Этот дом служил Оружейной для защиты короля. Здесь несли вахту тысяча триста стражников; они были снабжены копьями и золотыми щитами и исполняли обязанности сопровождающих царя, когда он направлялся в храм. Большое внимание Соломон уделял обустройству Судилица, или Тронного зала. Стены от пола до потолка были обшиты кедровым деревом и украшены золотой резьбой. В этом зале находился трон Соломона. Он считался чудом мастерства. Он был украшен слоновой костью и инкрустирован золотом. К нему вели шесть ступеней, и на каждой ступени стояли два искусно вырезанных льва, символы власти и королевского достоинства. Сиденье поддерживалось с каждой стороны подлокотниками, и на нем также сидели два льва. В зале общественного правосудия Соломон выслушал спорящие стороны и вынес решение: он считал свою должность судьи одной из самых священных и важных, связанных с его царским достоинством. Здесь он также принимал послов различных стран, которые посещали его двор, чтобы выразить свое почтение или заключить новые договоры. Для царя, его слуг и его жен был построен специальный дворец, отдельный дом был отведен для египетской принцессы. Похоже, что ее переезд из дома Давида в ее собственную резиденцию был осуществлен с большой помпой. Вероятно, Соломон также построил акведук, чтобы снабжать город Иерусалим и храм водой из богатого источника Этам, который находился в двух часах езды от Иерусалима.

Практика строительства великолепных зданий из кедра была присуща не только Соломону; знатные люди и принцы, жившие в Иерусалиме, высшие сановники и его фавориты - все последовали его примеру. С богатством, которое хлынуло в страну через открытие трех важных каналов, любовь к зрелищам, которая распространилась от короля к высшим классам, могла быть свободно удовлетворена. Финикийские купцы высокого положения, которые вели крупную оптовую торговлю, менялы, богатые люди, дававшие деньги взаймы под проценты, теперь обосновались в Иерусалиме. Они составляли особую корпорацию, или гильдию, и находились под защитой договора между Соломоном и Хирамом. Им было позволено жить по своим собственным законам и даже совершать свои религиозные или, скорее, идолопоклоннические обряды. Тремя великими источниками богатства были *Могущественное положение государства, союз с Египтом и торговля с Индией*. Те князья, которые заключили договоры с Давидом, подтвердили их с его преемником, а другие властители искали его дружбы. Присягнув на верность, все эти князья и народы прислали обычную дань и богатые подарки, такие как золотые и серебряные сосуды, ценные одежды, пряности, лошадей и мулов. Союз с Египтом также был источником значительного увеличения национального богатства, поскольку это королевство поставляло лошадей в горные районы и боевые колесницы, которые пользовались большим спросом за границей. Князья Арама и территорий на Евфрате, которые ранее закупали своих лошадей и колесницы в Египте, должны были покупать эти военные материалы у торговой гильдии Соломона. Последний устроил стоянку для своих собственных всадников и лошадей на равнине недалеко от моря. Он держал двенадцать тысяч лошадей и тысячу четырехсот боевых колесниц (каждую запрягали по две лошади) и возвел для них просторные здания, вмещавшие четыре тысячи стойл. Однако наибольшие выгоды Соломон получил в торговле с Индией. Для финикийцев путешествие в эту далекую страну было сопряжено с непреодолимыми трудностями, поскольку местность у Красного моря была небезопасна из-за обитавших там нецивилизованных и хищнических банд. Своим союзом с Хирамом Соломон открыл более

безопасный и близкий путь в Индию. Полоса земли, простиравшаяся от южной границы Иудеи до восточного побережья Красного моря, пункты Элаф и Эзионгебер, стали доступными. Караваны с навьюченными верблюдами могли безопасно следовать из Иерусалима и с побережья к северной точке Красного моря. По предложению Хирама Соломон построил и оснастил флот из сильных и больших кораблей (корабли Фарсиса) на побережье в Эзионгебере. Хирам послал своих самых искусных моряков, которые досконально знали маршрут, укомплектовать суда. Израильтяне из колен Ашера и Завулону, которые жили на побережье и были знакомы с морем, также были наняты.

Когда израильский флот был укомплектован, он вышел из гавани Эзионгебер в Красное море, которое отделяет Палестину от Египта, Нубии и Абиссинии, и направился вдоль побережья к заливу, омывающему берега Южной Аравии, вплоть до устья Инда, в земле Офир (ныне называемой Синде). По прошествии двух лет флот Соломона вернулся, богато нагруженный доходами от этой первой экспедиции. Огромные толпы верблюдов доставили сокровища в Иерусалим, к великому изумлению всего населения. Таким образом было перевезено более четырехсот талантов (кикхар) золота, серебра в больших количествах, слоновой кости, черного дерева, обезьян и изысканно раскрашенных павлинов, сандалового дерева и душистых растений. Соломон приказал сделать трон из слоновой кости, а сандаловое дерево использовалось для украшения арф и лютен музыкантов, игравших в храме. Ограждения моста, который вел от дворца к храму, также были сделаны из этого редкого и дорогого дерева. Соломон несколько раз отправлял свой флот в Офир или Индию, и каждый раз в страну привозились новые богатства и диковинки. Порт Элат стал местом огромной важности. Иудеи поселились там, и таким образом земля Израиля простиралась от крайней оконечности Красного моря до Евфрата. Чтобы доставить лошадей и колесницы из Арамеи к Евфрату, а также различные импортные товары из Финикии, необходимо было проложить дороги и принять меры для обеспечения безопасности караванов. В горной стране вьючным животным, и уж тем более лошадям и колесницам, нелегко преодолевать большие расстояния, поскольку путь преграждают крутые утесы, крутые пропасти и массы катящихся камней. Соломон, однако, велел проложить дороги, которые вели из Иерусалима на север; это были *главные дороги царя*.

Вероятно, он пользовался услугами уроженцев Ханаана, которые были обязаны в качестве рабов принимать участие в этой работе. Высоты были выровнены, глубины засыпаны, а камни убраны. Дороги были проходимы для экипажей, которые могли беспрепятственно передвигаться с юга на север, и караваны, идущие от Иордана к морю, могли передвигаться без затруднений. Цепь крепостей защищала дороги и служила местами отдыха. Помимо этих стоянок для всадников и экипажей, Соломон также основал города для хранения товаров; они также использовались для хранения зерна на будущие годы дефицита.

Таким образом, Соломон уладил дела Израиля и обеспечил его будущую безопасность. У него не было проницательного советника, такого, какой был у Давида в Ахитофеле, который помог бы ему навести порядок; его собственная мудрость была его единственным советчиком. Но он должен был выбрать ответственных должностных лиц, которые выполняли бы его инструкции и осуществляли планы, которые он разработал. Огромные размеры его государства и его двора требовали учреждения новых офисов. Для лучшего приема чужеземцев он приставил к своему обширному дому мажордома (аль-Хаббейса). Этого офицера звали Ахишар. Двенадцать чиновников, которые обеспечивали нужды семьи, находились под надзором начальника по имени Азария бен-Нафан. Высокопоставленный чиновник, Адонирам, сын Абды, также был

поставлен (аль-хам-Мас) над многими тысячами рабов, которые работали на дорогах и в крепостях. Таким образом, Соломон вновь учредил три высоких поста.

Его огромные масштабы и богатства, накопленные Соломоном, позволили Израильскому царству занять свое место среди величайших наций древнего мира. Князья и народы, жившие в раздоре друг с другом, искали помощи у правителя этого могущественного доминиона и призывали его выступить в качестве третейского судьи, ибо его мудрость славилась повсюду. Величайшим благословением в царствование Соломона были мир и безмятежная тишь, воцарившиеся по всей земле. От Дана до Вирсавии израильтяне могли мирно наслаждаться своим домом, "каждый под своей виноградной лозой и под своей смоковницей".

Торговые договоры, процветание страны, безопасность жизни, возникшие в результате длительного мира, сохранявшегося во время правления Соломона, - все это способствовало привлечению в страну окрестных племен моавитян, аммонитян, идумеян и даже египтян. Вероятно также, что высокая религиозная культура израильтян, столь превосходящая идолопоклонство, и ее великолепное проявление в иерусалимском храме побудили просвещенных иностранцев искать убежища под "крыльями Бога Израиля". Страна, народ и Бог Израиля приобрели широкую известность во времена Соломона. Израильские мореплаватели, посетившие так много гаваней, прибрежных земель и рынков, и израильские торговцы, установившие связи с зарубежными странами, разносили вести о своей родине в самые отдаленные страны и народы. Хвала мудрому, могущественному и блистательному царю Соломону гремела повсюду в его времена. В глазах мира он возвысил имя Бога, которого чтит и во славу которого воздвиг великолепный храм. Израильские моряки и торговцы бессознательно стали первыми посланниками и пионерами религии Израиля среди народов, исповедующих идолопоклонство.

Однажды Иерусалим был застигнут врасплох необычным посольством. Мудрая царица из богатой пряностями страны Сабия (Шеба), расположенной на аравийском побережье Красного моря, приехала посетить Иерусалим. Поскольку она так много слышала о величии Соломона и восхвалении Бога Израиля, ей захотелось увидеть собственными глазами, сколько правды или лжи было в сообщениях, дошедших до ее ушей. Соломон принял ее с заметным вниманием, и у нее было много бесед с ним. Королева (которую традиция называет Белкис) очень восхищалась его мудростью и была под большим впечатлением от храма, который он воздвиг Богу, и от блеска его двора. Говорят, что она загадывала ему загадки, чтобы испытать его способности, и он отвечал на них так, что это вызывало у нее удивление.

Однако блестящее правление Соломона стало источником серьезного раскола между племенами, которые он безуспешно пытался объединить в одно неразрывное целое. Несмотря на то, что храм создавал узы единения для всего народа и что Соломон пытался уничтожить существовавшую племенную изоляцию, ему это удалось только в случае с Вениамином, который более тесно объединился с Иудой. Это произошло из-за того, что храм был построен на территории Вениамина, и, следовательно, несколько семей Вениамина поселились в столице. Вероятно, Соломон также предпочитал колено Вениамина и свое собственное родовое племя другим племенам. Взаимная неприязнь домов Израиля и Иуды, или северных и южных племен, не прекратилась. Среди северных племен преобладало глубокое чувство недовольства Соломоном, несмотря на процветание, к которому он их привел; они возмущались давлением, оказываемым на них с требованием регулярно поставлять припасы для двора и выполнять

обязательную работу по возведению общественных зданий. Их недовольство не выражалось вслух, но нужен был только повод, чтобы оно выплеснулось наружу. Каким бы мудрым ни был Соломон, он не обладал достаточной дальновидностью, чтобы понять, что его ошибки наверняка ослабят будущую безопасность государства. Среди чиновников, которых Соломон нанял для надзора за зданиями, был ефремит, умный, смелый и амбициозный. Это был Иеровоам, сын Навата, из города Зереда, или Зорафан, по другую сторону Иордана. Он был сыном вдовы; таким образом, свободный от отцовских ограничений, он мог бесконтрольно следовать своим собственным импульсам. Иеровоам руководил возведением стен Иерусалима и проявил большое мастерство и твердость в обращении с рабами. На самом деле Соломон был так доволен им, что даровал ему высокое положение на территории Ефрема и Манассии. Здесь у Иеровоама была возможность познакомиться с недовольством народа, которое, вероятно, было самым сильным среди вечно недовольных ефремлян. Общественное мнение вполне соответствовало его амбициозным планам, и он решил воспользоваться им, когда представится благоприятная возможность.

Соломон был виновен в глупости, разрешив строить жертвенники для различных идолов. Возможно, его жены-иностранки побудили его пойти на эту уступку, или, возможно, это было связано с иностранцами, финикийцами и другими расами, которые поселились в Иерусалиме и получили разрешение поклоняться своим богам на земле Израиля в соответствии со своими обычаями. Как бы то ни было, на высокой северной точке Елеонской горы были воздвигнуты жертвенники в честь Астарты сидонян, Милкома аммонитян, Хамоша моавитян и других идолов. Религиозные убеждения нации не были настолько глубоко укоренившимися, чтобы люди могли быть свидетелями всевозможных идолопоклоннических практик, не впадая сами в ошибки идолопоклонства. У пророка Ахии из Силома хватило смелости сделать выговор царю и предупредить его об опасности, которую его поведение делало неминуемой. Соломон, однако, похоже, не обратил особого внимания на его заявления, и пророк, возмущенный тупостью царя, решил использовать Иеровоама (чьи амбициозные планы он, вероятно, разгадал) в качестве инструмента уничтожения Соломона. Когда Иеровоам покидал Иерусалим, пророк подошел к нему, схватил его одежду, разорвал ее на двенадцать частей и, протянув ему десять из них, сказал: "Возьми эти десять частей; они изображают десять колен, которые отделятся от дома Давидова и признают тебя своим царем". Иеровоам не нуждался в дальнейшем поощрении для осуществления своих планов, поскольку пророк одобрил их. Он поспешил на территорию Ефрема и призвал ефремлян отделиться от дома Давидова. Тем временем Соломон получил известие об этом событии, и прежде чем революция успела распространиться, он послал своих охранников убить мятежника. Затем Иеровоам бежал в Египет, где трон теперь занимала новая династия. Шишак (Шешенк, Сезончосис, 980-959) был первым королем новой династии. При его правлении были разорваны узы, объединявшие Израиль и Египет с момента женитьбы Соломона на египетской принцессе. Шишак на самом деле был враждебен израильскому народу, который стал более могущественным, чем это было ему приятно. Поэтому он принял Иеровоама с добротой, намереваясь использовать его против Соломона. Шишак также оказал дружеский прием и защиту идумейскому князю, у которого были особые причины отомстить израильскому народу. Хадад (или Адад) был родственником идумейского царя, которого покорил Давид. Мальчиком он избежал резни, устроенной Иоавом в результате революции в Идумеи. Когда Шишак вззошел на трон, идумейский принц поспешил в Египет и был милостиво принят. Шишак отдал ему в жены сестру царицы, и его первенец (Генубат) вырос среди египетских принцев. Хадад также приобрел владения в Египте и пользовался всеми почестями;

несмотря на это, он страстно желал вернуться в Эдом и вернуть себе территории, которые были у него отняты. Он осуществил это желание с помощью Шишака, который полностью осознавал, что воинственный дух, возникший при Давиде и Иоаве, уменьшился при мирном правлении Соломона и что мелкие военные действия в горных районах будут связаны с небольшой опасностью, в то время как для него самого они могут принести большую пользу. Хадад и войска, которые он собрал в Идумеи, нанесли большой ущерб караванам Соломона, которые перевозили товары между заливом Элат и границами Израиля; и воины Соломона были бессильны предотвратить эти нападения.

Незаметно для Соломона на севере собиралось еще одно облако, угрожавшее Израилю разрушением. Резон (из Цовы), один из слуг царя Хадад-езера, которого сверг Давид, обратился в бегство после поражения своего государя; он собрал разбойничий отряд и совершал набеги на районы, лежащие между Евфратом и северными хребтами Ливана. Войска Резона постепенно увеличивались в численности, и вместе с их численностью росли его храбрость и могущество. Наконец он отважился выступить против древнего города Дамаск. Ему удалось захватить его и избрать себя королем. Наступая с севера, Резон также вел военные действия против израильтян и их союзников, без какого-либо противодействия со стороны Соломона, который либо не любил войну, либо не имел в наличии войск, чтобы отразить атаки с севера и юга. Так с малых лет возникли силы, враждебные Израилю, которые легко можно было бы подавить в зародыше. Кроме того, Израилю был уготован внутренний переворот.

Соломон, однако, не дожил до того, чтобы увидеть развитие надвигающегося зла и упадок своего царства. Он умер в мире в возрасте около шестидесяти лет (в 977 году). Его тело было похоронено, без сомнения, с большой помпой, в скальном мавзолее царей, который Давид построил к югу от горы Сион. Позже говорили, что Соломон, как и его отец, накопил несметные сокровища в этих подземельях и кельях, которые были обнаружены много веков спустя более поздними еврейскими царями.

Хотя у Соломона было много жен, похоже, что он оставил мало детей: сына по имени Ровоам и двух дочерей, Тафату и Басмату, которых их отец выдал замуж за двух своих военачальников. Потомство, которое сильно преувеличивало мудрость Соломона и его способности, также приписывало ему власть над мистическими духами и демонами, которые, повинувшись его воле, могли быть вызваны или изгнаны по его выбору. Даже кольцо, на котором было выгравировано его имя, должно было оказывать могущественное заклятие на демонов и держать их в повиновении.

Власть, до которой Соломон возвысил Израиль, напоминала волшебный мир, созданный духами. Чары были разрушены с его смертью.

ГЛАВА X. ОТДЕЛЕНИЕ ПЛЕМЕН.

Восшествие на престол Ровоама—Возвращение Иеровоама—Царь в Сихеме—Отделение десяти колен—Избрание Иеровоама—Новые союзы—Резон и Шишак—Укрепление Сихема—Идолопоклонство Иеровоама—порицание Ахии—Религия в Иудее—Авийам—

Аса—Надав—Вааса—Войны между Асой и Ваасой—Поражение Зераха—Бенхадад—Эла—Зимри—Омри—Гражданская война—Строительство Самарии—Омри политика—Союзы с Ефбаалом и Тиром—Ахав: его характер—Иезавель—Священники Ваала—Илия—Виноградник Навуфея—Илия на Кармиле—Война с Бенададом—Смерть Ахава и Иосафата—Восшествие на престол Охозии—Иорам—Илия и Елисей—Ииуй—Смерть Иезавели.

977-887 гг. до н. э.

Впервые с тех пор, как в Израиле было установлено монархическое правление, следующий наследник престола мог добиться успеха без помех и соперничества. Ровоаму, более удачливому, чем его отец и дед, оказалось, что, взойдя на трон, он стал правителем могущественной и важной страны. Многие народы склонились перед ним в верности, и он мог предаваться золотым мечтам о власти и счастье. Его бесспорное восшествие на престол, возможно, объяснялось тем фактом, что у него не было брата, или тем, что строгие законы Соломона о частной собственности также распространялись на права наследования. Какова бы ни была причина, Ровоам взойшел на трон своего отца без сопротивления. Фактически, споры между братьями по поводу престолонаследия, подобные тем, которые произошли после смерти Давида, больше не повторялись в Иерусалиме. Равным образом Ровоам не был бы способен на подобные состязания. Он ни в коей мере не походил на своего отца; более того, его способности не были даже посредственными. Как и все принцы, рожденные в пурпуре, которые не одарены яркими личными качествами, он был легкомысленным, надменным и в то же время настолько неуверенным в себе, что не мог решать сам. У него не было ни боевых способностей, ни понимания величия любого рода. Трон должен был обеспечить ему власть, мир и наслаждение жизненными радостями. Если это и был его сон, то он длился совсем недолго. Он неожиданно столкнулся с врагом, который лишил его власти и мира и который нанес ущерб государству Израиль, который уже никогда не сможет быть залечен.

Иеровоам, Ефремитянин, поднявший знамя восстания в последние годы правления Соломона и после провала своей попытки бежавший в Египет, вернулся на родину сразу же после получения известия о смерти Соломона с намерением возобновить свои честолюбивые планы, одобренные пророком. Вероятно, его покровитель, Шишак, царь Египта, помог ему и позволил отправиться морем в израильский порт. Не успел этот смелый ефремит прибыть в Сихем, второй по значимости город царства, как сихемиты, всегда готовые к мятежу, подняли восстание. Иеровоаму пригласили присоединиться к народному собранию, или, скорее, он сам спровоцировал проведение такого собрания, чтобы рассмотреть шаги, необходимые для достижения желаемой цели без кровопролития.

Старейшины других племен также были приглашены принять участие в проектах сихемитов, и, таким образом, их мятежное начинание приобрело характер национальной демонстрации. Прежде всего было решено, что старейшины колен не должны, как прежде, отправляться в Иерусалим, чтобы засвидетельствовать почтение новому царю, но что он должен быть приглашен принять их присягу в Сихеме. Это был первый шаг к восстанию. Ровоам решил принять их приглашение, вероятно, во многом против своей воли, в надежде, что его присутствие положит конец любому запланированному восстанию. Это был катастрофический час, чреватый далеко идущими последствиями для истории Израйля.

Ровоама сопровождал в Сихем его совет, состоящий из старших членов, служивших его отцу, и младших членов, которых он сам выбрал. Чтобы позаботиться обо всех случаях, он взял с собой Адонирама, надсмотрщика над рабами, чей сердитый взгляд и чья розга держали в повиновении не желающих работать людей. Когда Ровоам прибыл в Сихем, представители колен предстали перед ним, чтобы изложить свои обиды. Иеровоам, который был избран их выразителем, в резких выражениях изложил царю беды народа: "Отец твой возложил тяжелое иго на народ и заставил его подчиниться тяжкому бременю. Если ты облегчишь это тяжелое иго, мы будем служить тебе ". Пораженный этими дерзкими словами, Ровоам, как мог, скрыл свой гнев и велел им вернуться за ответом через три дня. Он не знал, какой ответ дать представителям племен. Поэтому он посоветовался со своим советом. Старшие члены совета единодушно выступали за мягкое обращение, молодые люди выступали за суровость, и неразумный король последовал совету последних. Когда на третий день Иеровоам и старейшины пришли к нему за ответом, он ответил словами, которые, как он думал, уничтожат их: "Мой мизинец сильнее чресел моего отца. Если он бил тебя розгами, я буду бить тебя скорпионами". Иеровоам не ожидал другого ответа и не рассчитывал на него. Повернувшись к старейшинам, он сказал: "Какая доля у нас в Давиде и какое наследие у сына Иессеева? Возвращайся в свои шатры, о Израиль, а ты, Давид, позаботься о своем собственном доме!" Затем Иеровоам развернул знамя восстания и собрал сихемитян, которые охотно собрались вокруг него, чтобы продемонстрировать свою вражду к Ровоаму. Вся ревность и ненависть, которые ефремиты лелеяли во времена правления Давида и Соломона, из-за притеснения и предполагаемого унижения, которым они были вынуждены подвергнуться, теперь вырвались наружу. Они воспользовались возможностью освободиться от ига Давида и встать, как они делали во времена Судей, во главе племен. С мечом в руке сихемиты во главе с Иеровоамом напали на дом, в котором жил Ровоам. Он послал Адонирама, надсмотрщика над рабами, наказывать зачинщиков, как взбунтовавшихся рабов. На него обрушился град камней, и он безжизненно рухнул на землю. Ровоам, жизнь которого была в опасности, бежал из Сихема на своей колеснице и добрался до Иерусалима. Была пробита брешь, которую никто не мог залечить.

Как ни был возмущен и удручен Ровоам тем поворотом, который приняли дела в Сихеме, он чувствовал себя обязанным выяснить, прежде чем предпринимать какие-либо шаги, насколько он может рассчитывать на верность народа. Что ему было делать, если ближайшие к столице племена, вдохновленные примером сихемитов, также отреклись от своей верности ему? Чем закончится отделение? Однако вскоре он был освобожден от этой опеки. Колено Иудино, которое было тесно связано с домом Давида и считало этот дом своим самым драгоценным украшением, осталось верным Ровоаму. Колено Симеона было всего лишь дочерним племенем Иуды и не могло считаться независимым. Колено Вениамина также оставалось верным Ровоаму. Это было тесно связано с судьбой Иудеи, и их судьбы больше не могли разделиться. В Иерусалиме жило больше вениаминов, чем иудеев. Таким образом, эти племена встали на сторону Ровоама. Как только он осознал, что два или три племени останутся верны ему, ему, естественно, пришла в голову идея принудить сихемитов и ефремитов вернуться к своей верности с помощью меча, и он, без сомнения, преуспел бы, если бы Иеровоам не предпринял мер, чтобы обратить отделение к наибольшей выгоде. Он внушил ефремлянам, что только царь может успешно противостоять нападениям Ровоама и что никакими другими способами они не смогут избежать сурового наказания, которое ожидает их как мятежников. Затем они решили установить оппозиционного царя. Кто лучше подошел бы для этого поста, чем Иеровоам? Он

один обладал необходимой храбростью и умением, и он был ефремлянином. Поэтому старейшины Ефрема собрались и при содействии остальных колен избрали его царем. Последние отдавали дань уважения Иеровоаму, возможно, потому, что у них также были претензии к дому Давида, и они не могли ожидать возмещения от Ровоама. Таким образом, безвестный человек из Зереды стал царем десяти колен (977-955), считая Манассию из Махира одним племенем, а Манассию из Галаада - другим.

Только колена Иуды, Вениамина и Симеона оставались привязанными к дому Давида. Двое последних, однако, не имели отдельного существования, они были объединены в колено Иудино. Дом Израиля, который был соединен с домом Иуды всего лишь столетие назад, таким образом, снова отделился от него. Чтобы избежать постоянных войн, а также необходимости постоянно находиться в обороне, каждый из двух королей стремился укрепить себя за счет союзов и таким образом расстроить все враждебные планы. Ровоам заключил договор с новоизбранным царем Дамаска, государства, основанного Резоном, разбойником, во времена Соломона, достигшим огромной власти. Резон, или его преемник Тебримон, объединил различные арамейские районы с Дамаском и правил обширной территорией. Мирный договор между Ровоамом и царем Дамаска помешал Иеровоаму напасть на Иудейское царство и навлечь на него ужасы долгой войны. Иеровоам, с другой стороны, заключил союз с другой державой, чтобы вывести из себя царя Иудеи.

Объединение двух королевств было неприятно обоим. Разница в их истории помешала их объединению. Дом Израилев, особенно колено Ефремово, охотно отказалось от преимуществ, которые могли быть получены от союза с домом Давидовым, чтобы его не вынудили занять более низкое положение. Наиболее достойные люди в обоих королевствах, вероятно, были полны горя из-за произошедшего разрыва, но они не смогли предотвратить его. Гражданская война, которая казалась неминуемой, была предотвращена пророком Шемайей, который именем Бога призвал иудеев и вениамитов воздержаться от братоубийства. Небольшие распри, однако, вспыхнули между соседними королевствами, что было неизбежно между такими близкими соседями, но они не привели ни к какому серьезному результату.

Иеровоаму эффективно помогал в его амбициозных планах Шишак (Шешенк), который, как говорят, выдал старшую сестру своей жены Ано замуж за беглого израильтянина, точно так же, как он выдал другую сестру замуж за идумейского принца, который нашел у него убежище. Шишак, вероятно, снабдил Иеровоама деньгами, которые позволили ему вернуться на родину, и теперь новый царь, похоже, заключил с ним союз против Иудеи. Таким образом, Ровоаму было отказано в возможности предпринять какие-либо значимые шаги против Израиля. Чтобы обезопасить себя от нападений египтян и израильтян, Ровоам возвел цепь крепостей на несколько миль вокруг столицы. Но они подвели его в трудный час. Шишак с превосходящими силами предпринял войну против Ровоама на пятом году правления еврейского царя (972). Подавленные численным превосходством, египетские армии брали крепости одну за другой, и Шишак продвигался вперед до самого Иерусалима. По-видимому, столица сдалась без борьбы, и египетский царь удовлетворился захватом сокровищ, которые Соломон хранил во дворце и Храме. Он присвоил все деньги, находившиеся тогда в Иерусалиме, а также золотые щиты и копья, которые королевская стража использовала во время королевских процессий в Храм. Однако он оставил Иудейское царство нетронутым, даже не прикоснулся к стенам Иерусалима и оставил Ровоама на его троне. По возвращении Шишак увековечил свои доблестные деяния и победы над Иудеей и другими округами в записях и памятниках. Таким образом, союз между

Соломоном и царем Египта был непродолжительным. Его сын осознал тщетность такого договора и на собственном опыте убедился, как мало можно доверять планам и политическим мерам, хотя, по-видимому, они являются результатом глубочайшего расчета и предусмотрительности. Соломон, несмотря на свою мудрость, поступил необдуманно в отношении союза с дочерью фараона. Он построил для нее особый дворец, и через несколько лет после его кончины египетский царь разграбил этот самый дворец и другие монументальные здания Соломона и лишил их всех сокровищ. Величие и могуществу царства Соломона пришел конец.

Иеровоам укрепил Сихем и построил себе дворец, который служил также цитаделью (Армоном) для целей обороны. На противоположной стороне Иордана он также укрепил различные города, среди них Пенуэл (или Пениэль), чтобы служить крепостным валом против нападений с юга, где моавитяне и аммонитяне, вследствие того, что произошло, отделились от израильтян точно так же, как идумеи сбросили иго иудеев. Внутренние затруднения вынудили Иеровоама ввести новшества. Руководствуясь либо привычкой, либо убеждением, семьи северных племен продолжали приходить в Иерусалим осенью, во время сбора урожая, чтобы принять участие в служении невидимому Богу. Эта лояльность к еврейской столице, хотя и проявлялась лишь частью его подданных, была источником большого беспокойства для Иеровоама. Что было бы, если бы люди во все большем количестве обращались к иерусалимскому храму и снова заключали мир с домом Давида? Разве он не был бы свергнут с престола так же быстро, как стал королем? Чтобы избежать возможности такого воссоединения, Иеровоам вынашивал коварный план, который заставил Израиль вернуться на путь идолопоклонства и варварства.

Во время своего длительного пребывания в Египте Иеровоам познакомился с установленной там системой богослужения и заметил, что поклонение животным, особенно быку, как правило, способствует достижению целей деспотического правления. Он заметил, что это поклонение животным привело к отупению нации, и Иеровоам подумал, что мог бы использовать в своих собственных целях столь политизированную и выгодную систему. Поэтому он совместно со своими советниками разработал план, согласно которому эти обряды должны были быть введены в Десяти Племенах. Он считал, что это идолопоклонство могло бы принести ему пользу и в других отношениях, поскольку сохранило бы его расположение при египетском дворе. Израиль выглядел бы зависимой страной от Египта, и обе страны, имеющие общие религиозные обряды и обычаи, также имели бы общие интересы. Обычаи Египта представляли для него особый интерес, поскольку его жена, вероятно, была египтянкой и была связана с царским домом Египта. Иеровоам также изучал условия жизни племен. Он хотел избавить тех, кто жил далеко, от необходимости совершать длительные путешествия во время сбора урожая. Поэтому в Вефиле и Дане Иеровоам поставил золотых тельцов и провозгласил: "Это твой Бог, о Израиль, который вывел тебя из Египта". В Вефиле, где он сам намеревался председательствовать на богослужении, он построил большой храм, в котором также установил жертвенный алтарь. Чтобы помешать народу отмечать Праздник Сбора урожая в Иерусалиме, он назначил праздник на месяц позже (в восьмом, а не в седьмом месяце). Вероятно, также применялся другой отсчет времени, в соответствии с более длинным солнечным годом вместо более короткого лунного.

Нация в целом, по-видимому, не обиделась на это изменение, а фактически расценила его как возрождение древнего способа богослужения. Это никоим образом не повлияло на фундаментальный принцип, на *единство* Бога. Иеровоам не пытался ввести многобожие, а

просто дал им воплощения Божества, символизирующие силу и плодотворность. Люди, от природы чувственные, действительно были очень довольны тем, что у них есть изображение Божества. *Духовность* Бога, не допускающая визуальной демонстрации, была в тот период более далека от их понимания, чем концепция Его *единства*. Чувственная распущенность не была связана с поклонением быку, как с ханаанским служением Ваалу, и поэтому это не оскорбляло нравственное чувство.

Таким образом, люди постепенно привыкли приходить в Вефиль или Дан на большие праздники; в противном случае они приносили свои жертвы дома или в ближайшем месте, где издревле приносились жертвы. Иеровоам полностью достиг своей цели; народ пришел в замешательство и склонился перед ним в рабском повиновении. Однако племя Леви вызывало у него беспокойство. Ни один левит не согласился бы исполнять обязанности священника при поклонении быку, ибо пророческие учения Самуила произвели неизгладимое впечатление на это племя. Чтобы Иеровоам не принуждал их к служению, левиты, жившие в израильских городах, ушли и поселились в Иудейском царстве. Поскольку он никак не мог обойтись без священников, он брал любого, кто предлагал себя для служения в этом качестве. На одном празднике он сам исполнял священническое служение, чтобы возвысить его в глазах народа или, возможно, в подражание египетскому обычаю. Таким образом, Иеровоама шаг за шагом подводили к разрушению первоначальных принципов иудаизма.

Его поведение не могло остаться безнаказанным. Старый пророк Ахия из Силома, который подстрекал честолюбивого сына Небата к восстанию, теперь был слишком стар и немощен, чтобы публично поднять свой голос против этих действий. Однако, когда жена Иеровоама посетила его в Силоме, чтобы посоветоваться с ним по поводу опасной болезни своего старшего сына, пророк воспользовался случаем и объявил ей о приближающемся распаде царского дома. Но возвращение было невозможно, не проложив путь к воссоединению с домом Давида. Из соображений самосохранения он был вынужден продолжать путь, который избрал. Таким образом, новое богослужение сохранялось на протяжении всего существования царства Десяти колен, и ни один из преемников Иеровоама не пытался внести какие-либо изменения в его форму.

В Иудейском царстве (или Доме Иакова) условия были совершенно иными. Политически ослабленный разделением племен и вторжениями в Египет при Шишаке, он был слишком глубок, чтобы залечить свои раны по прошествии значительного времени. Но Иуда не погряз ни в религии, ни в морали. Ровоам, по-видимому, мало заботился о религиозных или моральных вопросах; он был безразличен во всех отношениях, и, поскольку его гордости однажды был нанесен удар, он, по-видимому, проводил свои дни в праздности. Но Храм, с одной стороны, и левиты, с другой, по-видимому, противодействовали всем разрушающим влияниям. Внешне все оставалось таким, каким было во времена Соломона; Высокие жертвенники (Бамоф), на которых семьи совершали жертвенные обряды в течение всего года, продолжали сохраняться, но на осенние праздники люди возвращались в храм. Отклонения от установленного порядка богослужения были исключительными и допускались только кругом придворных дам. Поскольку Соломон разрешил воздвигать жертвенники для своих языческих жен, Ровоам не чувствовал себя обязанным быть более суровым в своих постановлениях. Его мать Мааха, дочь или внучка Авессалома, имела пристрастие к безнравственному ханаанскому богослужению; она установила статую Астарты в своем дворце и содержала храмовых жриц. Ровоам разрешил все это, но нечестивые нововведения распространились не очень широко. Между тем, хотя

идолопоклонство не получило распространения в Иудейском царстве, при правлении Ровоама не было стремления к более высокой ступени моральной культуры. Казалось, что людьми овладела слабость, как будто они находились на последней стадии маразма. Прошло почти два столетия, прежде чем стали очевидны следы высшей духовной силы. Семнадцатилетнее правление Ровоама было бесславным. Правление его сына Авияма (960-958) прошло аналогичным образом. Он также позволял себе мелкие враждебные действия против Иеровоама, но без какого-либо важного результата. Он тоже разрешал идолопоклонство своей матери Маахи. Авиджам, по-видимому, умер молодым, не оставив потомства, и поэтому ему наследовал его брат Аса (957-918). Он снова был несовершеннолетним, и королева-мать Мааха держала бразды правления в своих руках. Сначала она, кажется, хотела расширить свое идолопоклонническое и аморальное поклонение, но революция в королевстве Десяти колен положила конец ее планам и изменила ход событий.

Надав, унаследовавший трон после смерти Иеровоама (955-954), предпринял войну против филистимлян и осадил данийский город Гаввефон, который филистимляне заняли. Во время этой кампании солдат по имени Баэша (Baasha) устроил заговор против короля в лагере и убил его. Из лагеря Вааса направился к столице Фирце и уничтожил весь дом Иеровоама (954). Основатель этой династии не был помазан пророком; он не считался неприкосновенным, подобно Саулу и Давиду, и поэтому рука убийцы не была обуздана. Бааша был первым в списке цареубийц Десяти Колен, и его поступок ускорил участь, нависшую над нацией.

Совершив убийство, он вступил во владение трон и королевством (954-933). Он продолжал использовать Фирцу в качестве столицы из-за ее центрального положения. Он находился в самом сердце королевства и обладал дополнительным преимуществом - был укреплен. Если бы Вааса отменил поклонение быку, он мог бы привлечь на свою сторону более достойную часть народа Иудеи. Последние были возмущены идолопоклонническими нововведениями Маахи, которые были более предосудительными, чем поклонение быку, поскольку с ними были связаны порочные привычки храмовых жриц. В Иерусалиме, по-видимому, возник страх возможного сочувствия Израиллю, но Аса поспешил предотвратить бедствие. То ли по собственному побуждению, то ли по наущению одного из пророков он вырвал бразды правления из рук царицы-матери, запретил поклонение Астарте, удалил жриц и сжег отвратительное изображение, воздвигнутое для поклонения в долине Кедрон. Этими решительными действиями Аса обеспечил себе расположение доброжелательных людей из своего народа.

Между Асой и Ваасой продолжалась старая безрезультатная вражда между двумя царствами. Говорят, что первый приобрел несколько городов Ефрема и включил их в состав своего собственного королевства. Чтобы обезопасить себя от нападений Иудеи, Вааса, по-видимому, вступил в союз с египетским царем и убедил его начать войну в землях его собственного врага. Египетский полководец по имени Зерах (Осоркон) совершил вылазку с многочисленным отрядом эфиопов и продвинулся вперед до Мареши, примерно в десяти лигах к юго-западу от Иерусалима. Однако Аса выступил против него с объединенными силами Иуды и Вениамина, разбил эфиопскую армию к северу от Мареши, преследовал ее до Герара и привез огромную добычу в Иерусалим.

Бааша был смущен этими действиями и попытался заключить союз с арамейским царем Дамаска Бен-хададом I., который, до сих пор дружественный Иудейскому царству, предотвращал все враждебные нападения. Бен-хадад, сын Тебримона, теперь отменил свой

договор с Асой и перешел на сторону Ваасы. Последние захватили Раму, место рождения и резиденцию пророка Самуила, принадлежавшую вениамитянам, и укрепили ее так, что она служила базой для совершения набегов на соседние районы. Встревоженный этими действиями, Аса попытался возобновить договор с царем Дамаска и отправил к нему послов с большим количеством сокровищ в серебре и золоте, которые он забрал как из Храма, так и из своих дворцов. Бен-хадад позволил расположить себя к себе; ему льстило, что его так искали в обоих королевствах, которым его народ раньше был вынужден платить дань. Он решил использовать слабость обеих сторон и командовал армией, чтобы осуществить вторжение на север Израильского царства; он подчинил Ижон, Дан и прилегающую область Авель-Вефмааха; а также подчинил район вокруг Тивериадского озера и горные земли колена Неффалимова. Таким образом, Аса был спасен за счет братского народа Иудеи, а Вааса был вынужден отказаться от своего стремления к завоеваниям и оставить Раму.

Теперь Аса созвал всех мужчин, способных носить оружие, чтобы помочь в разрушении укреплений Рамы. Смерть Бааши, произошедшая вскоре после этого (в 933 году), и революция, последовавшая в Фирце, избавили Асу от угрозы с той стороны. Мицпа, город с очень высоким и благоприятным положением, был превращен Асой в важную цитадель. Он также соорудил в скалах глубокую и вместительную цистерну, чтобы иметь запасы воды на случай осады.

Тем временем в королевстве Десяти Колен происходили ужасные события, которые привели к переменам в обоих королевствах. Бааше наследовал его сын Ила (933-932), который был склонен к праздности и пьянству. Пока его воины сражались с филистимлянами и нападали на Гиббетон, он проводил свои дни в попойках. Этим обстоятельством воспользовался его слуга Симри (Zimri), командир половины боевых колесниц, оставшихся в Фирце. Пока Элах развлекался в доме начальника своего дворца, Зимри убил его (в 932 году), заодно уничтожив весь дом Бааши и даже не пощадив его друзей. Затем он, как само собой разумеющееся, вззошел на трон, но его правление было недолгим; оно длилось всего одну неделю. Как только весть об убийстве царя достигла армии, осаждавшей в то время Гиббетон, они избрали царем израильского генерала Омри. Он направился в столицу, но, обнаружив, что ворота перед ним закрыты, осадил город и пробил брешь в стене. Когда Зимри обнаружил, что заблудился, он предвидел позорный конец, подожгв дворец и погибнув в огне. Он был третьим из пяти царей Израиля, умерших неестественной смертью, и только двое из них были похоронены в мавзолее для царей, возведенном Иеровоамом. Вскоре к списку должен был добавиться четвертый король. Омри, воин, рассчитывал сразу же занять вакантный трон, но столкнулся с сопротивлением. Одна часть населения столицы выбрала другого царя, Тибни, сына Гината; вероятно, он был уроженцем города. Таким образом, в столице образовались две партии, и улицы, без сомнения, были залиты кровью. Гражданская война была единственным, чего не хватало во владениях Эфраима, чтобы наполнить меру страданий до предела. В течение трех лет бушевал партизанский конфликт (932-928); наконец партия Омри одержала верх. Тибни был убит, и Омри остался единоличным правителем (928). Однако он чувствовал себя в Фирце не в своей тарелке; после смерти Зимри дворец превратился в пепелище, а другие грабежи, без сомнения, имели место во время затяжной гражданской войны. Побежденная партия была настроена к нему враждебно, и поэтому Омри решил перенести резиденцию империи. Он не мог выбрать Сихем, где беспокойный и мятежный дух жителей не позволял ему жить в безопасности, и не было другого важного города, расположенного в самом сердце страны. Поэтому у Омри возникла идея построить новую столицу. Высокое плато, расположенное в нескольких часах езды к северо-западу от Сихема, показалось ему наиболее подходящим

местом. Он купил его у его владельца, Шемера, возвел здания, дворец и другие дома, укрепил и назвал *Шомрон* (Самария). Откуда он набрал жителей для недавно основанного города? Вероятно, он избрал курс, аналогичный курсу Давида в случае с Иерусалимом, и заставил воинов, преданных его делу, поселиться там. Через год после своей победы над царем-соперником Омри покинул Фирцу и удалился в Самарию, которой было суждено соперничать с Иерусалимом в течение двухсот лет, а затем, после двух столетий дезертирства, возродиться и снова вести войну против Иудеи и Иерусалима. Самария унаследовала ненависть Сихема к Иерусалиму и увеличила ее в десять раз. Новый город дал свое название царству Десяти колен, и земля оттуда была названа землей Самарии.

Омрий, первый царь Самарии, не был ни сильным, ни воинственным вождем, но он был мудрым человеком. Корона, которую он приобрел скорее благодаря благосклонности обстоятельств, чем собственной силе воли, не удовлетворяла его. Он хотел сделать свой двор и свой народ великими, уважаемыми и богатыми, и он надеялся, что процветание дней Соломона может быть восстановлено в Израиле. Это правда, что нация была разделена и, следовательно, ослаблена. Но было ли необходимо, чтобы между двумя частями всегда велась война и чтобы меч уничтожал их? Поскольку они были связаны племенными отношениями и общими интересами, разве не могли они впредь следовать своим курсом в дружеском союзе?

Прежде всего Омри попытался заключить мир с представителем царского дома Давида и убедить его в преимуществах для них обоих проведения дружественной политики. Таким образом, они могли бы обрести свое прежнее влияние над странами, которые когда-то были их данниками. В течение длительного времени между двумя королевствами действительно установились дружественные отношения, и они поддерживали друг друга, а не противостояли. Омри также в большой, возможно, даже слишком большой степени лелеял надежду на дружеский союз с Финикией. Он желал, чтобы часть богатств, которые их обширные морские экспедиции и торговля приносили в эту страну, могла также перетечь в его собственное королевство. В это время различные цари пробирались к трону в Тире по крови своих предшественников, пока, наконец, Этбаал (Итобал), жрец Астарты, не взошел на трон после убийства своего предшественника Фаллеса. Катастрофические события в Финикии сильно ослабили страну. Знатные семьи были вынуждены эмигрировать и основали колонии на северном побережье Африки. Королевство Дамаск, которое приобрело огромную мощь, стремилось завладеть плодородной береговой линией Финикии; поэтому Эфбаалу пришлось укреплять себя с помощью союзов. Царство Десяти Колен было ближе всего к нему.

Таким образом, у Омри и Этбаала были общие интересы, и они заключили договор о наступлении и обороне. Союз, желанный обеими державами, был подтвержден смешанными браками. Сын Омри Ахав женился на дочери Эфбаала Иезавели (Иезавель или Изабель) — брак, который был чреват катастрофическими последствиями.

Омри, укрепленный этим союзом, мог теперь отважиться подумать о военных походах. Он захватил несколько городов Моавы, который освободился под властью Иеровоама, и вынудил его снова стать данником. Он заставил моавитян каждый год присылать стада быков и баранов в качестве дани. Однако, поскольку между Моавом и Арамом существовал своего рода союз, а Арам ревниво наблюдал за ростом могущества Израиля, арамейский царь Дамаска Бен-Хадад I объявил войну Омрию и вернул себе некоторые из захваченных им городов. Омри был

вынужден заключить мир с Бен-хададом на жестких условиях и обязался открыть караванные пути через Израильское королевство и разрешить свободный проезд по этой земле.

После этого Омри заключил более тесный союз с тирским царством и преследовал план ассимиляции своего народа с их соседями-хананеями. Почему он должен стараться отделить Израиль от окружающих народов? Не было бы мудрее и лучше позволить царству Десяти колен принять финикийский или тирский характер? Объединенные языком и обычаями, не могли бы эти две расы стать еще более сплоченными, если бы финикийская форма богослужения была введена в Израильское царство? Омри проложил путь к этому союзу. Он ввел служение Ваалу и Астарте в качестве официального способа поклонения; он построил храм Ваалу в своей столице Самарии, рукоположил священников и повелел повсеместно приносить жертвы финикийским идолам. Он желал, чтобы поклонение быку, которое соблюдалось в Вефиле и Дане, было отменено. Ему казалось, что это слишком явно по-израильски и, вероятно, сохранит разделение между израильтянами и финикийцами. Иегова, которому поклонялись с видимым изображением или без него, был слишком разительным контрастом с тирским Ваалом или Адонисом, чтобы Омри позволил сохранить Его поклонение. Нововведения Омри имели гораздо большее значение, чем нововведения Иеровоама; или, говоря языком Библии, он действовал еще более греховно, чем его предшественники. Он хотел лишить нацию ее Бога и ее происхождения; он хотел, чтобы она забыла, что у нее была особая национальность в отличие от национальности идолопоклонников. В истории не зафиксировано, как были получены эти изменения. Его сыну Ахаву (922-901) было суждено продолжить это дело — так сказать, по завещанию его отца. Продвигая проекты последнего, он, естественно, поддерживал тесную связь с Тиром и иудейским царем.

Но приведение в исполнение обвинения, предполагающего самые серьезные нападки на внутренние убеждения человека, несмотря на все, что можно предпринять, зависит от обстоятельств, неподвластных расчетам самого мудрого ума. Два вида препятствий препятствовали ханаанизации Десяти колен. Первое было склонностью Ахава, а другое возникло по неожиданной причине, которая ослабила, если не уничтожила полностью, эффект ужасного удара, нанесенного религии. Чтобы осуществить это превращение нации в простой придаток Финикии и, как следствие, утрату собственной идентичности, преемнику Омри потребовались мощный ум, негибкая воля и непреклонная суровость, чтобы сокрушить любую оппозицию сильной рукой. Однако Ахав был совершенно иного характера — слабый, кроткий, любящий покой и утешение, скорее склонный избегать волнений и препятствий, чем искать их или устранять. Если бы это зависело от него одного, он бы отказался от системы своего отца и предался тем удовольствиям, которые даровала ему королевская власть, независимо от того, что могло принести будущее. Ахав даже не был воинственным; он позволил соседним царям обращаться с ним таким образом, который вызвал бы негодование и самое решительное противодействие любого царя, не совсем лишенного чувства чести. Но как он был вынужден против своего желания вступить в соперничество с амбициозным соседом, так и он был вынужден вступить в конфликт с израильским народом. Его отец дал ему жену, во всех отношениях противоположную ему, с сильной мужской волей, которая была полна решимости добиться своих целей суровостью и жестокостью, если это необходимо.

Финикийская принцесса Иезавель, чей отец занимал пост жреца Астарты до того, как взошел на трон, была полна энтузиазма и стремления осуществить план хананизации народа Израиля. То ли из извращенной идеи, то ли из политических соображений она желала объединить израильский народ со своим собственным и сделать тирийцев и израильтян одной нацией. Она энергично и безжалостно продолжила работу, начатую Омри, и вовлекла своего слабоумного мужа во всевозможные деспотичные и несправедливые действия. Мрачный и упрямый характер Иезавели с ее неконтролируемой энергией стал причиной брожения и беспорядков в царстве Десяти Колен, которые привели к катастрофическим результатам, но которые, подобно разрушительной буре, оказали благотворную услугу по очищению атмосферы. Первым шагом Иезавели было строительство большого храма Ваалу в столице Самарии. В таком храме было три алтаря, изображения и колонны, которые были посвящены своего рода святой троице: Ваалу, его супруге Астарте и богу огня или разрушения (Молоху Хаммону). Для этого богослужения Иезавель ввела в страну множество священников и пророков (450 для Ваала и 400 для Астарты), которые содержались за счет царского дома и обедали за столом царицы. Некоторые из этих священников присутствовали при жертвоприношениях в Самарии, в то время как другие безумно носились по стране, совершая свои скандальные обряды в городах и деревнях. Финикийские священники или пророки одевались в женскую одежду, раскрашивали лица и глаза, как это обычно делали женщины, обнажали руки до плеч и носили мечи и топоры, бичи, кастаньеты, свирели, тарелки и барабаны. Пританцовывая и заывая, они кружились по кругу, по очереди склоняли головы к земле и волочили волосы по грязи. Они также кусали себе руки и резали свои тела мечами и ножами до тех пор, пока не потекла кровь, принося жертву своей кровожадной богине. Несомненно, их сопровождали храмовые жрицы (Кедесхот), которые преследовали их в честь Астарты и на благо жрецов. С помощью этого отряда жрецов Ваала и восторженных последователей Астарты Иезавель надеялась отлучить израильский народ от Бога его отцов и осуществить план полного преобразования национального характера. Во главе финикийского священства стоял первосвященник, который, вероятно, давал инструкции и повеления относительно того, как они должны были действовать. Во-первых, алтари, посвященные Богу, были разрушены, а другие воздвигнуты по ханаанейскому обычаю, с заостренными колоннами, символами непристойного культа. Жертвенники в Вефиле и Дане, без сомнения, были преобразованы аналогичным образом. Предполагалось, что любящий жертвоприношения народ, за неимением собственных алтарей, должен приносить свои подношения в храмы Ваала и Астарты и таким образом привыкать к этому способу поклонения. Как легко заставить нацию отказаться от своих обычаев и особенностей и принять обычаи чужаков, если правители действуют, объединив тонкость и силу! Израильтяне в царстве Десяти колен уже были деморализованы из-за полувековой разлуки с Иерусалимом (центром интеллектуальной деятельности) и поклонения быку, которое они практиковали уже давно. Города приобрели вкус к роскоши и любовь к разгулу, которым нечистое поклонение Ваалу и Астарте только способствовало. Города, несомненно, по большей части смирились с новым положением вещей или, во всяком случае, не оказывали ему никакого сопротивления. Только семь тысяч человек остались непреклонны и не стали ни воздавать почести Ваалу, ни поклоняться ему своими устами. Часть народа, в том числе сельские жители, тем временем колебалась в своих идеях и действиях, и, не зная, Бог или Ваал был более могущественным божеством, они поклонялись одному публично, а другому тайно. Это был период неопределенности и замешательства, какие обычно предшествуют историческому кризису. Оставалось выяснить, пустила ли древняя вера в Бога Израиля и требования святости достаточно глубокие корни и приобрела ли достаточную жизненную силу, чтобы победить

противостоящую силу и искоренить то, что было чуждым. В такие времена человек с яркой индивидуальностью, в котором живет чистая вера и который полностью руководствуется ею, естественно берет на себя руководство и твердостью, энтузиазмом и героическим самопожертвованием убеждает колеблющихся, укрепляет слабых, подстрекает равнодушных и таким образом собирает армию защитников, чтобы спасти от неминуемого уничтожения свои собственные национальные, своеобразные дарования. Когда такой индивид возбуждается самим противодействием врага и побуждается к действию, он становится оживляющим принципом и создает новое положение вещей, смешивая как старые, так и новые элементы. Такая личность возникла во время этого кризиса в лице пророка Илии (920-900).

Откуда взялся этот энергичный, всепокоряющий пророк? В каком племени была его колыбель? Кто был его отцом? Это неизвестно. Он был известен просто как Илайджу (сокращенно Илия). Он не был гражданином Трансиорданского Галаада, но принадлежал к тому классу терпимых полуграждан, которые называются тошабим (жители). Он обладал бурной натурой и не руководствовался никакими соображениями целесообразности; он без колебаний пожертвовал бы своей жизнью за свое кредо. Его преемники считали его воплощением нравственного и религиозного рвения (*канна*). Подобно буре, он вошел, подобно буре, он изрыгал свои проклятия в адрес слабого, ведомого женщинами Ахава; подобно буре, он бросился прочь, чтобы никто не мог схватить его; и в буре он, наконец, исчез со своей земной сцены действия. Илия был проникнут единственной мыслью - спасти веру в Бога Израиля, которая постепенно исчезала из умовлюдей. Этому Богу он посвятил себя, и служению Ему принадлежала его жизнь исключительно. Внешне Илию можно было отличить по его необычной одежде. В отличие от женственной, роскошной одежды почитателей Ваала и Астарты, его нижнее белье было подпоясано кожаным поясом, а поверх него он носил черный мохнатый плащ. Он носил длинные волосы и не прикасался к вину, и таким образом дал начало институту назореев, которым не разрешалось пить вино или брить волосы на голове. В этом костюме и с этими привычками он впервые появился в Галааде и там провозгласил всеобъемлющее вероучение: "Один Иегова есть Бог". Здесь, где Иордан служил преградой для полчищ жрецов Ваала и где страх перед Ахавом и Иезавелью не мог парализовать совесть, все еще оставались верные приверженцы Бога Израиля. Среди них Илия, вероятно, нашел своих первых слушателей и учеников, которые были увлечены его восторженной манерой поведения и стали его помощниками.

За короткое время возникла группа пророков или учеников (Бене-Небиим), которые были готовы отдать свои жизни за принципы своих предков. Они также последовали образу жизни Илии и стали назореями. Принципы этого новообразованного круга заключались в том, чтобы вести простую жизнь, жить не в городах, где правили роскошь и изнеженность, а в деревенских палатках, не пить вина, не возделывать виноградники, вообще избегать сельского хозяйства, но, подобно патриархам и племенам в прежние времена, жить, ухаживая за стадами. Ионадав, сын Рехавы, который, несомненно, был одним из последователей Илии, был первым, кто установил эти правила для себя и своей семьи. Он внушил своим потомкам необходимость воздерживаться от употребления вина, от строительства постоянных жилищ, от посева семян и особенно от посадки виноградников. Таким образом, Илия не только пробудил и вдохновил группу защитников древнего закона для своего времени, но и открыл путь к новому будущему. Он противопоставил простоту и самоограничение вырождению и любви к удовольствиям. Вместе со своими учениками он с энтузиазмом начал борьбу против жрецов и пророков Ваала. Вероятно, он быстро переходил с места на место, созывал население и вдохновлял их своим

грозоподобным красноречием, смысл которого заключался в том, что "только Иегова есть Бог, а Ваал и Астарта - бессловесные, безжизненные идола". Возможно, он даже подстрекал к нападению на тех жрецов Ваала, с которыми сталкивался. Иезавель не могла долго терпеть действия энергичного фесвитянина, которые мешали ее планам; она послала своих солдат против отряда Илии, и те, кто попал к ним в руки, были безжалостно перебиты. Они были первыми мучениками, погибшими за древний закон Израиля. Иезавель, дочь Эфбаала, жреца Астарты, была первой гонительницей за религию. Однако до самого Илии, которому Иезавель особенно стремилась отомстить, так и не удалось добраться, но он всегда ускользал от преследователей. Его рвение уже произвело важный эффект. Обадиа, управляющий дворцом Ахава, был тайно привержен древнему закону. Тот, кто, возможно, преследовал учеников пророка, спрятал сотню из них в двух пещерах горы Кармил, по пятьдесят в каждой пещере, и снабжал их хлебом и водой. Обадиа был не одинок — у него на службе были люди его собственной веры, которые выполняли его секретные поручения. Как могла Иезавель бороться с невидимым врагом, который нашел помощь в ее собственном доме?

Однажды Илия, хотя и лишенный своих последователей, отважился приблизиться к царю Ахаву, чей слабый и податливый нрав он знал, чтобы упрекнуть его в злодеяниях, которые он допускал. У Ахава была страсть к строительству и укреплению городов. Именно по его просьбе Иерихон, лишенный своих стен с момента прихода израильтян, был укреплен Иилом из Вефиля. Ахав также основал новую столицу на прекрасном плоскогорье Изреель, где ему хотелось проводить зимние месяцы, поскольку Самария служила только летней резиденцией. Этот новый город Изреель, которому суждено было стать ареной трагических столкновений, был построен с большим великолепием. Королевская чета построила там дворец из слоновой кости, который должен был быть окружен обширными садами. Для этой цели Ахав пожелал иметь прекрасный виноградник, принадлежавший Навуфею, одному из самых уважаемых граждан Изрееля. Ахав предложил ему компенсацию деньгами или землей, но Навуфей не пожелал расставаться с наследием своих отцов. Разочарованный своей неспособностью окружить свой дворец территорией, похожей на парк, Ахав отказался даже от еды. Застав его в таком состоянии, Иезавель презрительно упрекнула его за детскую досаду и трусливую беспомощность, но пообещала ему, что он, тем не менее, получит желанный виноградник. Она разослала письма от имени царя тем старейшинам Израиля, в рабском послушании которых она была уверена, и приказала им привести двух свидетелей, которые засвидетельствовали бы, что слышали, как Навуфей поносил богов и царя. Когда совет судей собрался у одних из ворот Изрееля, и Навуфей, который был старшим среди них, встал во главе их, появились два униженных человека и дали показания против Навуфея под присягой, как им было велено. Навуфей был приговорен старейшинами к смерти, и приговор был приведен в исполнение не только в отношении него, но и в отношении его сыновей. Имущество казненных по закону переходило к царю. Иезавель торжествующе объявила своему мужу: "Теперь возьми виноградник Навуфея, ибо он мертв". Когда Илия услышал об этом преступлении, он больше не мог сдерживаться. Он отправился в Изреель и встретил царя как раз в тот момент, когда тот осматривал виноградник Навуфея. Позади него ехали двое мужчин, одному из которых было суждено стать мстителем за Навуфея. Пророк прогремел к нему: "Ты убил и теперь вступаешь во владение?" "На том месте, где псы лизали кровь Навуфея, псы будут лизать и твою кровь". (1 Царств xxi. 19; см. 2 Царств ix. 25). Этот донос произвел на Ахава ошеломляющее действие. Он поразмыслил и кротко наложил епитимью, но власть безжалостной Иезавели над своим слабоумным мужем была слишком сильна, чтобы это изменение мнения продлилось долго.

Илия, который внезапно исчез, теперь вернулся во второй раз к Ахаву и объявил, что на землю обрушится голод продолжительностью в несколько лет. Затем он удалился и поселился в финикийском городе Зарепта (Sarepta), в доме вдовы, а позже в пещере горы Кармил. Тем временем страну опустошил голод, и не было корма даже для королевских лошадей. Однажды Илия подошел к Обадии, управляющему дворцом, и сказал ему: "Пойди, скажи своему господину, что Илия здесь". Когда он вошел, Ахав сказал ему: "Это ты, возмутитель спокойствия Израиля?" Тогда пророк ответил: "Не я смутил Израиль, а ты и дом твоего отца".

Как будто у него было право отдавать приказы, он приказал царю приказать жрецам Ваала собраться на горе Кармил, где будет открыто, кто истинный, а кто лжепророк.

То, что произошло на горе Кармель, где проходило состязание, должно было произвести необычайное впечатление. Ахав, как нам рассказывают, созвал всех пророков Ваала на гору, куда направились многие из народа, желая увидеть результат состязания между пророком и царем и посмотреть, закончится ли вследствие этого господствующая засуха. Сто пророков, которые скрывались в пещерах Кармила и содержались там Авдией, вероятно, также присутствовали. Илия председательствовал на собрании, к которому он обратился со словами (1 Царств xviii. 21): "Как долго вы будете колебаться между двумя мнениями? Если Господь - Бог, следуйте за ним; но если Ваал, то следуйте за ним". Затем Он приказал жрецам Ваала воздвигнуть жертвенник, принести жертвы и воззвать к своему богу о чуде. Жрецы так и сделали и, согласно своему обычаю, ранили себя ножами и пиками до тех пор, пока кровь не хлынула по их телам. Они кричали с утра до полудня: "О Ваал, услышь нас!" Когда они, наконец, умолкли в смятении, Илия воздвиг жертвенник из двенадцати камней, совершил свое жертвоприношение и помолился тихим голосом. Затем произошло чудо, столь внезапное, что все присутствующие пали ниц и воскликнули: "Один Иегова - Бог!" Вспышка молнии сожгла жертву и все, что было на алтаре, даже вода в канаве высохла. Илия решил отомстить жрецам Ваала и приказал толпе убить их и бросить их тела в реку Кишон, которая протекала неподалеку. Присутствовавший при этом Ахав был настолько поражен и перепуган, что допустил этот акт насилия.

Однако Иезавель, сделанная из более сурового материала, не смотрела на эту сцену с таким же безразличием. Получив информацию о случившемся, она пригрозила Илии подобной участью, если он когда-нибудь попадет в ее руки. Поэтому он был вынужден бежать, чтобы спасти себя. В пустыне близ горы Хорив ему было видение, в котором ему было открыто, что царство перейдет от дома Ахава, потомки которого будут полностью истреблены, и что Ииуй должен быть помазан на царство над Израилем. Самому Илии было приказано вернуться по пути в пустыню Дамаска, назначить преемника и удалиться с места событий. Неумеренное рвение, побудившее его руководить убийством жрецов Ваала, было сурово осуждено Хоривом.

Во время долгого отсутствия Илии, по-видимому, между царским домом Омри и последователями Фесвиты установилось своего рода перемирие. Ахав, который был очевидцем событий на Кармиле, вероятно, стал более равнодушным к поклонению Ваалу и, насколько это было в его силах, положил конец преследованиям пророков Господних. Последние, со своей стороны, также, похоже, стали менее агрессивными. Ассоциации пророков были созданы в Иерихоне, Вефиле и Галгале, и в этих местах им было разрешено жить без помех.

Однако один пророк или ученик оставался враждебен Ахаву, а именно Михай, сын Имлаха. Всякий раз, когда царь искал Михея, чтобы узнать о его перспективах успеха в каком-нибудь

предприятии, пророк предсказывал зло. Ахав, однако, не покушался на его жизнь, а просто заключил его в тюрьму. У правителя королевства Десяти Колен было достаточно несчастий, которые послужили ему предостережением. Царь Арама Бен-Хадад II с каждым днем становился все более могущественным, самонадеянным и жаждущим завоеваний. Помимо его собственных всадников и колесниц, в его свите было тридцать два покоренных вассальных короля. С их помощью он напал на Ахава — несомненно, в надежде извлечь выгоду из голода и раздоров, которые ослабляли его царство. Бен-хадад подчинил себе целые районы царства Десяти колен и осадил Самарию (904). В отчаянии Ахав попросил мира, но Бен-Хадад выдвинул такие жесткие и позорные условия, что Ахав был вынужден продолжить состязание. Наконец, Ахав одержал победу, и арамейский царь, вынужденный сдаться, был готов пообещать все, что угодно, лишь бы обеспечить мир. Бывшие враги стали друзьями, заключили договор и ратифицировали его множеством клятв, которые вскоре были забыты. Этот поспешно заключенный союз был справедливо осужден одним из пророков, который предсказал, что Ахав тем самым создал новый источник опасности.

На самом деле у Бен-Хадада не было никакого желания выполнять условия и обещания договора. Правда, он восстановил захваченный город Неффалим, но трансиорданские города, особенно важный город Рамоф Галаадский, он отказался уступить, а Ахав был слишком равнодушен, чтобы настаивать на этом. Чем дольше он медлил, тем труднее ему становилось настаивать на своем требовании, поскольку Бен-хадад тем временем восстанавливал свои силы. Возможно, Ахаву в одиночку было бы невозможно вернуть себе власть над Рамофом Галаадским силой оружия. Как раз в это время он заключил союз с иудейским царем Иосафатом (918-905) и вместе с этим царем отважился выступить против Бен-Хадада. Этот союз был неожиданным, учитывая, что Иосафат ненавидел идолопоклоннические извращения Ахава и Иезавели и не мог одобрить ни насильственного введения поклонения Ваалу в Самарию, ни жестокого преследования пророков. Тем не менее, он установил тесную связь с домом Омрия и, руководствуясь политическими соображениями, даже позволил своему сыну Иораму жениться на Гофолии, дочери Ахава-идолопоклонницы.

Когда Иосафат нанес свой визит в Самарию, чтобы укрепиться за счет союза с ее царем, Ахав, вероятно, попросил своего царственного гостя помочь ему вернуть Рамоф Галаадский; и царь Иудеи пообещал помощь своего народа и солдат. Таким образом, после долгой разлуки цари Израиля и Иудеи сражались бок о бок. После переправы через Иордан вместе с Иосафатом Ахав был смертельно ранен стрелой, когда стоял в своей боевой колеснице, но у него хватило присутствия духа приказать своему возничему вывести его из суматохи битвы. Солдатам не сообщили о состоянии короля, и они сражались до вечера. Только после того, как король истек кровью, герольд объявил: "Пусть каждый возвращается в свою страну и в свой город". Затем израильская и иудейская армии перешли Иордан, и арамеи остались во владении горного города Рамоф-Галаад. Тело Ахава привезли в Самарию и предали земле. Но его кровь, которой была залита колесница, была смыта в пруду и вылизана собаками.

Охозия, его сын, наследовал Ахаву, и это был первый случай, когда царство Десяти колен перешло по прямой линии к внуку. Он правил недолго (901-900), и о его характере известно очень мало. Несмотря на все предупреждения, он следовал порочным путям своих родителей. Выпав из окна своей комнаты, он лег в постель и отправился в Экрон посоветоваться с оракулом известного идола Баал-Зебуба (Bel-Zebul). К этому времени Илия вернулся из своего пребывания на горе Хорив, но в соответствии с возложенными на него повелениями он

оставался в уединении, вероятно, на горе Кармил. Он больше не вмешивался в ход событий, но избрал своим преемником Елисея, сына Сафата, жившего близ Иордана. Способ выбора был характерен для Илии. Пока Елисей вспахивал поле с помощью воловьего ярма, подошел Илия, накинул на него свою темную мантию (отличительное одеяние пророков) и ушел. Если бы Елисей действительно был достоин стать его преемником, он бы понял это знамение. Елисей побежал за ним и умолял его подождать, пока он не попрощается со своими родителями. "Иди! возвращайся!" - коротко сказал Илия. Елисей понял, что верный пророк Божий должен оставить отца и мать и пожертвовать желаниями своего сердца и привычками своей жизни. Не возвращаясь в дом своего отца, он сразу же последовал за Илией и стал его слугой, или, выражаясь языком того времени, "лил воду ему на руки". Только в очередной раз Илия принял участие в общественных делах. Он подошел к посланнику, которого Охозия послал к Ваал-Зебубу, и сказал ему: "Скажи царю, который послал тебя: "Нет ли Бога в Израиле, которого ты посылаешь в Аккарон, чтобы посоветоваться с Ваал-Зебубом относительно твоей болезни?" Посланник вернулся в Самарию и рассказал то, что он слышал об этом необыкновенном человеке. По описанию Охозия узнал Илию и отправил за ним гонцов. После долгой задержки Илия бесстрашно отправился в Самарию и объявил Охозии, что он больше не встанет с постели своего больного. Поскольку царь умер, не оставив детей, ему наследовал его брат Иорам (Иорам, 899-887). Илия также исчез со сцены примерно в то же время. Его ученики и последователи не могли поверить, что смертное тело такой пламенной души могло рассыпаться в прах, и возникло убеждение, что он вознесся на небеса во время штормового ветра. Его постоянный последователь, Елисей, видя, что его учитель желает избежать его, последовал за ним еще пристальнее. Илия посетил Галгал, Вефиль и Иерихон, за ним последовал Елисей, который не осмелился спросить его, куда он направляется. Наконец они перешли Иордан по сухой земле, и тогда учитель исчез из поля зрения своего ученика в огненной колеснице с огненными конями, которая вознесла пророка на небеса. Неустанная деятельность Илии по сохранению древнего закона в самых неблагоприятных обстоятельствах, среди непрекращающихся раздоров и преследований, в окружении идолопоклонства и нечестия, связанного с поклонением Ваалу и Астарте, могла быть объяснена только как результат чудес. Однако величайшее чудо, совершенное Илией, состояло в основании круга учеников, которым удалось сохранить живым учение древнего закона и которые подняли свой голос против извращений могущественных людей страны. Члены пророческой школы, основанной пророком, жили делом своих рук. После исчезновения Илии, когда ученики остались без руководителя, Елисей поставил себя во главе их. В начале своей карьеры он внимательно следовал по стопам своего учителя, держась в стороне от всех людей и живя в основном на горе Кармил. Постепенно, однако, он привык общаться с людьми, особенно после того, как ему удалось побудить энергичного человека разрушить дом Омри и положить конец поклонению Ваалу.

Иорам, третий из Омри, не был столь фанатичен в своем желании распространять идолопоклонство, как его мать Иезавель, но, тем не менее, Елисей испытывал к нему такое глубокое отвращение, что не мог вынести встречи с ним лицом к лицу. После смерти своего брата Иорам начал войну против царя Месы (Mesha), чтобы наказать его за отделение и привести к подчинению. Вместе со своим шурином Иосафатом он решил проследовать через Идумею, царь которой также должен был снабжать вспомогательные силы, и к югу от Мертвого моря, в сторону Моава. Следуя этим путем, Иорам миновал Иерусалим, где главы домов Израиля и Иакова дружески встретились. Но это был всего лишь союз вождей. По совету

Иосафата Елисей, как преемник Илии, был призван предсказать исход войны. Увидев Иорама, пророк сказал ему: "Если бы не уважение к царю Иосафату, я бы и не взглянул на тебя. Иди к пророкам твоего отца и твоей матери". Тем не менее он предсказал благоприятный результат. Меса, царь Моав, ожидавший нападения союзников на южной границе своего царства, был побежден численным превосходством и бежал в горную крепость Кир-Харасет (Кир-Моав, Керек). Земля Моав была опустошена, хотя Меса не была покорена. Вскоре после смерти Иосафата Эдом также отпал от Иудеи. Эдом действовал не совсем справедливо во время совместного нападения на Моав и, похоже, пришел к дружескому соглашению с Месой после ухода союзников. Казалось, что тесной дружбе и смешанным бракам с домом Омри было суждено не принести дому Давида ничего, кроме несчастья. Иорам (Иорам), сын Иосафата, тезка своего царственного шурина Израиля (894-888), был настолько тесно связан с царственным домом Израиля, что ввел идолопоклонство в своей собственной стране. Не может быть никаких сомнений в том, что причиной этого была его жена Гофолия, поскольку она, как и ее мать Иезавель, была фанатично привязана к позорным обрядам, связанным с поклонением Ваалу.

Наконец судьба, нависшая над домом Омри, должна была исполниться, и дому Давида было суждено запутаться в сетях, сплетенных Елисеем. Смена династии произошла в Дамаске, где Бен-Хадад II, тот самый царь, который воевал с Ахавом, был задушен своим доверенным слугой Азаилом, захватившим трон. Азаил желал вернуть завоеванные части царства Десяти колен, которые были потеряны Бен-Хададом. Сначала он направил свои атаки против племен по ту сторону Иордана. Израильский царь Иорам отправился со своей армией в Рамоф Галаадский, чтобы защитить эту важную крепость. Сражение за цитадель, по-видимому, было жестоким, и Иорам был ранен стрелой. В результате он отправился в Изреель, чтобы заняться своей раной, и оставил одного из своих военачальников по имени Ииуй командовать обороной. Однажды ученик пророков пришел к Ииuyu как посланник от Елисея и, отведя его с совета воинов в дальнюю комнату, где тот назначил его исполнителем божественного правосудия над домом Омри, исчез так же внезапно, как и появился. Когда Ииуй вернулся на совет, они заметили перемену в его поведении и нетерпеливо спросили его, что возвестил ему ученик пророков. Ииуй сначала не хотел отвечать, но в конце концов открыл им, что по просьбе Елисея он был помазан в цари над Десятью коленами. Военачальники оказали ему почтение. Импровизировав трон, расстелив свои пурпурные одежды на самых высоких ступенях дворца, они под звуки труб кричали: "Да здравствует царь Ииуй". Получив признание армии царем, Ииуй без промедления приступил к осуществлению своего замысла. Он блокировал все дороги, ведущие из Рамофа Галаадского в Изреель, чтобы эта новость не распространилась. Затем он повел часть войска вперед, переправился через Иордан и поспешно поскакал в Изреель, где Иорам все еще лежал больной от последствий своей раны. Царь узнал Ииуя издалека по его быстрой езде, и поскольку гонец, которого он выслал ему навстречу, не вернулся, он предчувствовал недоброе. Поэтому Иорам приказал своей колеснице посмотреть, что привело Ииуя в Изреель в такой спешке. Охозия, царь Иудеи (который незадолго до этого унаследовал трон своего отца Иорама в 888 году), сопровождал своего дядю. Они встретили Ииуя на поле Навуфея, жертвы судебного убийства, совершенного Иезавелью. Когда Иорам увидел, что Ииуй пришел с враждебными намерениями, он повернулся, чтобы бежать, но стрела из руки Ииуя поразила его, и он бездыханным упал в своей колеснице. Ииуй приказал своему последователю Бидкару бросить тело на поле Навуфея, напомнив ему, что они были свидетелями пророческой угрозы, которую

Илия произнес против Ахава на том самом поле, и исполнения, орудием которого он теперь был. Охозия пал в тот же день от рук последователей Ииуя.

Разрушение дома Ахава было неминуемо, и никто не поднялся на его защиту. Ииуй беспрепятственно вошел в Изреель; царица-мать Иезавель, богато разодетая, подошла к дворцовому окну и позвала: "Как дела, цареубийца ты Зимрийский?" Ииуй приказал дворцовым евнухам вышвырнуть ее на улицу, и они подчинились. Тело королевы, причинившей столько вреда, было растоптано лошадьми, и ее кровь брызнула на стену дворца и на лошадей. Однако Навуфей еще не был полностью отомщен за смерть сына и бабушки. У Иорама все еще были сыновья, внуки и родственники, числом около семидесяти, которые жили в Самарии, где они обучались у самых уважаемых людей. Этим людям Ииуй послал сообщение, что они должны назначить царем одного из членов царской семьи. Они, однако, знали, что это обвинение не следует воспринимать всерьез, и предпочли подчиниться человеку, который уже убил двух королей. Затем Ииуй приказал им прийти с "головами" в Изреель, и после этого они пришли с головами потомков Ахава. Ииуй поместил головы в два ряда на городских воротах, и на следующее утро он объяснил жителям города, что, хотя он всего лишь замышлял заговор против Иорама, судьба исполнила слова Илии относительно дома Ахава. Ииуй сочетал хитрость с решимостью; он приказал казнить всех офицеров, которые приводили к нему его жертвы, как убийц. Поскольку теперь из царского дома не осталось в живых никого, Ииуй вступил во владение тронem, и жители Изрееля воздали ему почести.

Чтобы завоевать сердца народа, он готовился уничтожить поклонение Ваалу в Самарии. По дороге туда он встретился с Ионадавом, который принял назорейский образ жизни, введенный Илией. Вместе с Ионадавом Ииуй отправился в Самарию, где в определенный день собрал жрецов Ваала. Делая вид, что участвует в их обрядах, он расставил вооруженных людей внутри и снаружи храма Ваала и отправился туда в сопровождении Ионадава. Едва было принесено жертвоприношение, как все священники пали жертвами. Солдаты убили всех, кто находился внутри храма, а те, кто бежал, были зарублены людьми, стоявшими снаружи. Затем солдаты ворвались внутрь, сожгли изображения, разрушили алтарь, колонны, а также храм и превратили все это в навозную кучу. По всей стране Ииуй разрушал общественные памятники отвратительного идолопоклонства, ибо он называл себя последователем Илии и ревностным в деле Иеговы. Только в Иерусалиме продолжалось поклонение Ваалу, или, скорее, его фанатично поддерживала там Гофолия, которая во всех отношениях была достойной дочерью своей матери.

ГЛАВА XI. ДОМ ДАВИДА И ИЕГУДЕИ.

Правление Гофолии—Первые годы правления Иоаша—Провозглашение Иоаса Иодаем—Убитая Гофолия—Религиозное возрождение—Елисей—Ремонт Храма—Смерть Иодая и его сына—Вторжение в Израиль Азаила—Иоахаз—Убийство Иоаша, царя Иудеи—Иоас, царь Израиля—Поражение арамеев—Амасия—Завоевание Эдома—Смерть Елисея—Амасия побежден Иоасом—Иероваам II.—Смерть Амасии.

887-805 гг. до н. э.

Поразительным фактом является то, что израильские женщины, назначенные жрицами целомудрия и морали, проявляли особую склонность к безнравственному поклонению Ваалу и Астарте. Мааха, царица-мать Иудеи, установила в Иерусалиме жертвенник для поклонения идолам; Иезавель воздвигла такой же в Самарии, и теперь Гофолия последовала тем же путем в Иерусалиме. Однако это был не единственный и не самый большой грех Гофолии. Дочь Иезавели значительно превзошла свою мать в жестокости. Жертвами Иезавели были пророки, убежденные приверженцы закона предков — во всяком случае, люди, которых она считала своими врагами. Гофолия, однако, пролила кровь своих собственных родственников и без колебаний разрушила семью своего мужа и сына. Как только она получила известие о смерти своего сына Охозии, она приказала солдатам, преданным ее делу, казнить всех оставшихся в живых членов дома Давида в Иерусалиме. Только самый младший из принцев, Иоас, которому не исполнилось и года, был спасен от участи своих братьев особым вмешательством Иосавы. Чего кровожадная дочь Иезавели ожидала добиться этой резней? Было ли ее злодеяние результатом амбициозного плана по завладению тронem, исключая всех соперников? Или Гофолия, сама твердо верившая в поклонение Ваалу, желала установить и распространить это поклонение по всему Иерусалиму и Иудее, и не во исполнение ли этого замысла она уничтожила остатки дома Давидова, чтобы развязать себе руки? Надеялась ли она преуспеть там, где потерпела неудачу ее мать, и, установив идолопоклонство в Иерусалиме, придать новый пыл финикийскому богослужению?

Какие бы мотивы ни двигали достойной дочерью Ахава и Иезавели, Гофолия довела иудеев до такого полного подчинения своей воле, что никто не осмеливался противостоять ее злым замыслам. Народ и священники склонились перед ней. Даже первосвященник Иодай, который был связан с царским домом, хранил молчание. В то самое время, когда Ииуй уничтожал эти символы идолопоклонства в Самарии, в Иерусалиме было воздвигнуто изображение Ваала с алтарями и остроконечными колоннами, и был назначен первосвященник по имени Маттан с рядом подчиненных ему священников. Оставила ли Гофолия храм на горе Мориа нетронутым и неосвященным? Похоже, что она, менее последовательная в своей смелости и более робкая, чем более поздние правители, не отважилась внести изображение Ваала в святилище, воздвигнутое Соломоном, а просто запретила использовать его для богослужений. Карийцы, наемные войска, нанятые Гофолией, и старая царская телохранительница были расставлены у входа в Храм, чтобы не подпускать людей. Для этой цели они были разделены на три отряда, которые по очереди охраняли Храм от субботы к субботе. В течение шести лет (887-881) Гофолия управляла политическими и религиозными делами нации, и наиболее аристократичные из еврейских семей, вероятно, принадлежали к ее партии. Только ближайший родственник царской семьи, первосвященник Иодай, остался верен древнему учению и дому Давидову. Его жена, Иосева, была дочерью иудейского царя Иорама и сестрой царя Охозии, убитого Ииуем.

Когда Гофолия безжалостно убивала последних представителей дома Давида, Иосава спасла от резни младшего ребенка своего брата и привела его и его кормилицу в комнату в Храме, где спали левиты. Здесь она долгое время прятала царственного младенца и воспитывала его для своей страны. Гофолия почти не беспокоилась о том, что происходило в заброшенном Храме, а арониты и левиты, которые остались верны Иодаю, ничем не выдали себя. Сама его молодость пробудила у них интерес к последнему потомку дома Давидова. В течение шести лет, пока Гофолия обладала абсолютной властью в Иерусалиме, Иодай не бездействовал, а вступил в

дружеские отношения с начальниками карийцев и стражи, постепенно раскрывая тот факт, что молодой принц все еще существует, которому по праву принадлежит трон Иудеи. Он обнаружил, что они хорошо расположены к царскому дому и настроены против узурпатора Гофолии. Когда он убедился в их сочувствии его взглядам, он повел их в Храм и показал им Иоаша, которому тогда было семь лет. Солдаты признали в нем законного наследника престола, вероятно, из-за его сходства с семьей Давида, Иодай потребовал, чтобы вожди принесли клятву верности ребенку. С их помощью он мог надеяться совершить революцию и восстановить королевскую династию. Вожди могли рассчитывать на слепое повиновение своих последователей, и, соответственно, был определен план действий, а также дата его исполнения. Однажды в субботу подразделение карийцев, находившееся в то время на страже, отправилось на свои посты, в то время как две трети солдат заняли вход в Храм. Все они получили строгий приказ убивать любого, кто пересечет границы храмовых дворов с враждебными намерениями. Поскольку принц теперь был защищен от всех нападений, Иодай также разрешил населению входить во дворы Храма. В волнующий момент, когда карийцы и стражники стояли с обнаженными мечами, а вожди держали оружие, которым пользовался Давид, первосвященник вывел младенца Иоаса из комнаты, в которой он был спрятан, возложил корону ему на голову, помазал его на царство и заставил взойти на колоннообразный трон, который был вынесен во двор Храма для использования царем. Под звуки труб и бряцанье оружия люди хлопали в ладоши и кричали: "Да здравствует царь Иоас".

Только после того, как шум из Храма достиг дворца Гофолии, она очнулась от безразличия и уверенности, которые вселяла в нее вера в верность ее наемных войск. Она поспешно направилась в Храм в сопровождении нескольких служанок. Там, к своему ужасу, она увидела маленького ребенка с короной на голове, окруженного ее войсками, которые защищали его, и толпой людей, кричащих от восторга. Она обнаружила, что ее предали, разорвала на себе одежду и закричала: "Заговор, заговор!" Несколько ее военачальников немедленно схватили ее, повели кружным путем из дворов Храма к восточным воротам дворца и там убили. Таким образом, последняя внучка дома Омри погибла так же бесславно, как и ее мать. Тесная связь Израиля с Тиром не принесла счастья ни одному из королевств. Мать и дочь, Иезавель и Гофолия, напоминали свою богиню Астарту — "виновницу разрушения, смерти и разорения". У дочери Ахава, по-видимому, было мало сторонников в Иерусалиме — в смертный час она не нашла сторонников. Ее жрецы Ваала были бессильны помочь ей, ибо они сами погибли, став жертвами народного гнева. Иодай, спланировав и осуществив великую революцию, теперь пытался принять меры предосторожности против повторения подобных несчастий в Иерусалиме. Он использовал радостные и восторженные чувства молодого царя и народа, чтобы устранить все следы поклонения Ваалу и пробудить во всех умах верную зависимость от Бога их предков. Он потребовал от короля и всего собрания торжественного обещания оставаться отныне народом Божьим, верно служить Ему и не поклоняться никакому идолу. Обещание, которое было произнесено вслух королем и народом, было скреплено заветом. Жители Иерусалима хлынули в храм Ваала, воздвигнутый Гофолией, разрушили жертвенники, растоптали изображения и все предметы, связанные с идолопоклонством. Нация сама взяла на себя обязательство защищать свою собственную религию. Только после того, как завет был ратифицирован как молодым царем, так и народом, Иоаша в торжественном сопровождении стражи, солдат и толпы повели с Храмовой горы во дворец, где он был возведен на трон своих отцов. Иерусалим был в состоянии радостного возбуждения. Приверженцы покойной королевы хранили молчание и не осмеливались умерять общий энтузиазм.

Примечательно, что в политических и религиозных революциях, которые быстро следовали одна за другой в Самарии и Иерусалиме, рука помощи Елисея не ощущалась. Он поручил одному из своих учеников помазать Ииуя как мстителя за преступления дома Омри, но сам он оставался на заднем плане, даже не присутствуя при свержении Ваала. Он, по-видимому, не имел никаких сношений с царем Ииуем, и уж тем более главный ученик Илии не принимал никакого участия в падении Гофолии и ниспровержении идолопоклонства в Иерусалиме. Он, по-видимому, занимался главным образом наставлением учеников-пророков, чтобы поддерживать религиозный пыл, зажженный Илией. Однако Елисей, в отличие от своего учителя, не был общепризнанным лидером. Его упрекали в том, что он не носил длинных распущенных волос и таким образом создавал впечатление, что он придавал меньшее значение назорейскому образу жизни. Сыновья учеников-пророков в Вефиле насмехались над ним и называли его "Лысоголовым". Елисей также отличался от своего учителя общением со своими братьями, вместо того чтобы проводить свою жизнь в одиночестве, как это делал Илия. Это правда, что до тех пор, пока Омриды были у власти, он оставался на горе Кармил, откуда пришел в сопровождении своего ученика Гиезия, чтобы посетить пророческие школы на иорданских территориях. Но позже он сделал Самарию своим жилищем и был известен под титулом "Пророка Самарии". Благодаря своему дружескому общению с людьми он оказывал на них длительное влияние и пропитывал их своими верованиями. Известные люди обращались к нему за советом, и люди обычно посещали его по субботам и новолуниям. Елисей не появлялся только в Иудейском королевстве и Иерусалиме. Почему он избегал этой территории? Или почему не сохранилось записей о его отношениях с ней? Разве он не был того же склада характера, что и первосвященник Иодай, и разве они оба не преследовали одну и ту же цель? Похоже, что жестокие пророческие меры Илии и Елисея не были высоко оценены в Иерусалиме. Илия построил жертвенник на Кармиле и приносил там жертвы; но хотя он делал это во имя того же Бога, храм которого находился в Иерусалиме, его поведение, несомненно, не одобрялось священством; это противоречило закону. И Елисей вряд ли был бы желанным гостем в Иерусалиме.

Там внимание было сосредоточено на святилище и законе с того момента, как Иодай показал себя их строгим хранителем. Храм пострадал при Гофолии. Не только золотое покрытие кедрового дерева было частично разрушено, но и целые блоки были насильно выдернуты из стен. Поэтому для молодого царя Иоаса в начале его правления было важным устранить эти повреждения, и Иодай убедил его в необходимости этого предприятия. Однако средств не хватало. Какие бы сокровища ни находились в Храме — собранные пожертвования прежних царей или благочестивых жертвователей, — они, без сомнения, были перенесены Гофолией в дом Ваала. Поэтому царь приказал священникам собрать деньги на проведение необходимого ремонта и велел им взяться за эту работу с такой энергией, как если бы это было их собственное дело. Каждый ааронит должен был получать жертвования от своих знакомых, и из собранных таким образом сумм должны были покрываться расходы на ремонт Храма. То ли полученных денег было недостаточно, то ли священники использовали их в своих собственных целях, но ремонт долгое время не предпринимался. Наконец, царь приказал первосвященнику Иодаю (864 г.) заручиться интересом нации к предстоящей работе. Сундук с прорезью в нем был установлен во дворе Храма, и в этот сундук все, на кого влияло благочестие или щедрость, могли добровольно положить пожертвование, каждый в соответствии со своими средствами, или он мог отдать свой вклад священникам, которые положили бы его в сундук. Подарки были щедрыми и оказались достаточными для закупки материалов и оплаты труда каменщиков и

плотников. Иодай возвысил положение первосвященника, которое до тех пор, даже при лучших царях, было подчиненным, до уровня царской семьи. Разве первосвященник своей мудростью и энергией не спас царство? Разве последний потомок дома Давидова не был бы уничтожен, если бы Иодай не спас его от кровавой Гофолии? Он мог справедливо утверждать, что отныне первосвященник должен иметь важный голос во всех государственных делах. Иодай использовал свое влияние, чтобы добиться должного уважения к закону и избежать повторения прискорбного периода отступничества. Но борьба между королевской властью и властью священников была неизбежна, поскольку первая по самой своей природе зависела от личных склонностей, в то время как вторая основывалась на установленных законах. При жизни Иодая, которому Иоас был обязан всем, соперничество не разгоралось. Возможно, благодарность и уважение побудили Иоаша подчиниться приказам первосвященника, и когда Иодай умер, он почтил его своим погребением в царском мавзолее в городе Давида.

Однако после смерти Иодая между его сыном и преемником Захарией и царем возникло соперничество, которое стоило первому жизни. Подробности до нас не дошли; было лишь указано, что по приказу Иоаса несколько князей Иудеи побили камнями сына Иодая во дворе Храма и что молодой первосвященник, умирая, воскликнул: "Пусть Бог ответит за это и отомстит за это!"

Во всех других отношениях свержение дома Омри, вызвавшее так много разногласий в Самарии и Иерусалиме, привело к внутреннему миру в обоих королевствах. Нынешнее состояние было терпимым, за исключением того, что в Иудейском царстве все еще существовали частные алтари и что Богу Израиля все еще поклонялись в виде быка в царстве Десяти колен. Однако поклонение Ваалу было изгнано из обоих царств.

Извне обе земли подвергались нападениям врагов. Ииуй, отважный предводитель всадников, уничтоживший дом Омри в Изрееле и Самарии, не проявлял такой же энергии в борьбе с могущественными внешними врагами. Азаил, арамейский цареубийца, отважный в военных начинаниях и жаждущий завоеваний, напал со своими войсками на землю Израиля, взял штурмом цитадели, сжег дома и не пощадил ни детей, ни женщин. Он также завоевал города по другую сторону Иордана. Вся область Манассии, Гада и Рувима, от гор Васанских до Арнона, была отторгнута от царства Десяти Колен. Многие жители были насмерть раздавлены железными лемехами; оставшиеся в живых были доведены до состояния полукабства. Ииуй был не в состоянии выстоять против Азаила, возможно, потому, что он также столкнулся с противодействием царя Тира, родственников и союзников которого он убил.

Дела обстояли еще хуже при его сыне Иоахазе (859-845). Земля была так сильно потеснена Азаилом и его сыном Бен-Хададом, а израильтяне были настолько ослаблены, что их доступные силы состояли всего из 10 000 пехотинцев, пятидесяти всадников и десяти боевых колесниц. Время от времени арамеи совершали набеги, уносили добычу и захватывали пленников, с которыми обращались и продавали как рабов. Иоахаз, по-видимому, заключил позорный мир с завоевателем, войскам которого он предоставил свободный проход по своим землям. После этого Азаил со своими воинами вторгся в землю Филистимлян, осадил и завоевал город Геф. Затем он намеревался двинуться на Иерусалим, но Иоас подчинился без единого удара и купил мир. Либо народное недовольство было вызвано его трусостью, либо он другими способами вызвал недовольство; во всяком случае, несколько знатных иудеев составили против него заговор, и двое из них, Иозахар и Иехозабав, убили его в доме, где он случайно остановился.

Иоашу, царю Израиля (845-830), наконец удалось постепенно уменьшить превосходство арамейского царства. Вероятно, это было связано с тем, что соседние цари хеттов (жившие на Евфрате), а также царь Египта, завидовавшие могуществу Дамаска, заняли враждебную позицию по отношению к Бен-хададу III. Последние, чтобы ослабить или уничтожить царство Десяти колен, осадили столицу Самарию до тех пор, пока не была съедена вся пища, и бедствие было настолько велико, что ослиная голова была продана за восемьдесят шекелей, а куча навоза для топлива - за пять шекелей. Немногие из боевых коней выжили, и они были настолько истощены, что не могли служить. Голод довел двух женщин до таких крайностей, что они решили убить и съесть своих детей. Арамеи, однако, неожиданно сняли осаду и поспешили уйти, оставив свои палатки, лошадей, ослов, ценности и провизию. Король, которому об этом открытии сообщили несколько полуголодных прокаженных, снова приободрился. Он трижды давал бой Бен-хададу и в каждом бою побеждал его. Царь Дамаска счел себя вынужденным заключить мир с царем Израиля и восстановить города, которые его отец Азаил отобрал на территории Десяти колен по восточную сторону Иордана.

Ослабление Дамасской Сирии благоприятно сказалось на судьбе Иудеи при царе Амасии (843-816). Дамаск предоставил свою защиту мелким государствам Моав, Аммон и Эдом, которые находились во враждебных отношениях с Израилем и Иудеей. Унижение Бен-хадада развязало Амасии руки и позволило ему отвоевать бывшие владения дома Давида. Небольшая территория Эдома освободилась от вассальной зависимости около полувека назад. Один из эдомитских царей построил новую столицу на возвышенности горы Сеир. На меловых и порфировых скалах он возвышался на высоту 4000 футов над уровнем моря. Из долины внизу к нему вела тропинка. В этом горном городе (Петра), в пятнадцати милях к югу от Мертвого моря, идумеи надеялись оставаться в безопасности от любых нападений. Эдом гордо сказал: "Кто повергнет меня на землю?" У Амасии хватило смелости напасть на идумеян в их горных твердынях. В соляной долине, недалеко от Мертвого моря, произошла битва, где Амасия нанес большие разрушения врагу, выжившие обратились в бегство, оставив свою крепость на его милость. Захватив его, он по какой-то неизвестной причине изменил его название на название иудейского города "Иоктель". Несомненно, за успешной кампанией последовала богатая добыча, поскольку Эдом был страной, богатой не только стадами, но и металлами. Амасия немало гордился своей победой. Но его гордыня привела к его собственной гибели и к несчастью его народа.

Между Ииуем, его преемниками и Иудейским царством существовало мирное соглашение. Хотя между ними не было заключено такого формального союза, как между Омридами и Иосафатом, все же у них был общий интерес в подавлении приверженцев культа Ваала.

Оба царя, Иоас (Иоаш) Израильский и Амасия Иудейский, были преданы древнему закону. Приводя в исполнение приговор убийцам своего отца, Амасия, вопреки варварским обычаям своего времени, пощадил их сыновей — акт снисхождения, который нельзя недооценивать. Скорее всего, первосвященник или какой-либо другой представитель Закона внушил ему, что религия Израиля запрещает причинять страдания детям за грехи их отцов или отцам за грехи их детей.

В Израиле Иоаш проявлял глубокое уважение к пророку Елисею и следовал его советам во всех важных вопросах. Когда после более чем пятидесяти лет деятельности (900-840) Елисей лежал на смертном одре, царь посетил пророка, посетовал на его приближающийся конец и назвал его отцом и хранителем Израиля. После смерти Елисея царь приказал Гиезию (постоянному

последователю Елисея) рассказать обо всех важных деяниях, которые совершил пророк; и когда женщина-сунамитянка, которую Гиезий упомянул в связи с работой пророка, предстала перед царем, обвинив мужчину, который во время ее отсутствия незаконно завладел ее домом и полем: одного факта, что Елисей когда-то интересовался ею, было достаточно, чтобы побудить царя распорядиться о ее немедленном восстановлении. Действительно, должно быть, велико было личное влияние пророка на своих современников, поскольку царь подчинился его руководству. Елисей также одержал великую победу в исполнении Закона Божьего, хотя и без каких-либо усилий с его стороны. Видный язычник, сирийский военачальник Нееман, который был ниже царя в стране Арамеюв, добровольно отказался от нечестивого поклонения Ваалу и Астарте и признал Бога Израиля, потому что служение Елисея породило в нем убеждение, что только в Израиле поклоняются истинному Богу. Он даже привез с собой землю из земли Израиля в Дамаск, чтобы воздвигнуть свой личный алтарь, так сказать, на святой земле.

Между тем, хотя в обоих королевствах существовало желание освободиться от иностранного влияния и остаться верными самим себе, внутренние разногласия уже пустили такие глубокие корни, что для них было невозможно следовать одним и тем же путем. После возвращения Амасии после его победы над эдомитянами ему пришла в голову смелая идея выступить со своей армией против царства Десяти колен, чтобы вновь завоевать его. В качестве предложения он, по-видимому, потребовал дочь царя Израиля в качестве невесты для своего сына, намереваясь расценить отказ как оправдание войны. Иоас иронически ответил: "Однажды терновый куст сказал ливанскому кедру: "Отдай дочь твою в жены моему сыну"; после этого вышли дикие звери Ливана и растоптали терновый куст. Из-за того, что ты покоришь Эдом, твое сердце становится гордым. Береги свою честь и оставайся дома. Почему ты хочешь ввергнуть себя в беду, чтобы Иуда пал вместе с тобой?" Но Амасия отказался сдаваться и направил свое войско к границам Израильского царства. Иоас, ободренный только что одержанной победой над арамеями, вышел ему навстречу. На границе, у Бет-Шемеша, произошла битва, в которой иудеи потерпели значительное поражение и обратились в бегство. Сам Амасия был взят в плен израильским царем.

Следует считать необычным актом снисхождения то, что Иоаш не злоупотребил своей блестящей победой и даже не стал активно за ней следить. Разве он не мог свергнуть с престола плененного Амасию, объявить дом Давида вымершим и объединить Иудейское царство со своим собственным царством? Этого, однако, он не сделал, а удовлетворился разрушением стен Иерусалима и разграблением города, дворца и Храма. Иерусалим, который с тех пор неоднократно подвергался разрушениям, впервые с момента своего основания был захвачен и частично разрушен израильским царем. Иоас великодушно отпустил захваченного монарха на свободу, но потребовал заложников. Умеренность, проявленная Иоасом, несомненно, была обусловлена влиянием пророка Елисея или его учеников. После смерти Иоаса (830) Амасия правил пятнадцать лет, но не очень преуспел в своих начинаниях. С другой стороны, могущество и протяженность Ефремова царства увеличивались так быстро, что казалось, вот-вот вернутся времена Давида. Иеровоам II обладал большими военными способностями, чем кто-либо из тех, кто был до него со времен раздела царства, и удача сопутствовала ему. Он наслаждался очень долгим правлением (830-769), в течение которого ему удалось принять участие во многих битвах и добиться различных завоеваний. Прежде всего, он, по-видимому, обратил свое оружие против арамеюв. Они были злейшими врагами царства Десяти колен и продолжали непрерывные нападения на него со времен Ахава. Граница Израильского царства простиралась от дороги, ведущей в Хамат, до юго-восточной реки, впадающей в Красное море.

Пророк того времени, Иона, сын Амиттая, из города Гаф-Хефер, призвал Иеровоама начать войну против арамеев. Царь также, по-видимому, завоевал район Моава и присоединил его к царству Десяти колен.

Усилиям Амазии, тем временем, помешало унижение, которому ему пришлось подвергнуться. Поскольку Иерусалим был лишен своих укреплений, Амасия не мог вести никакой войны и был вполне доволен тем, что его оставили в покое. Он пообещал не ремонтировать стены и был вынужден оставить заложников в столице Израиля в качестве залога своей доброй воли. У знати и нации в целом было достаточно причин для недовольства. Своей самонадеянностью Амасия нанес ущерб стране. Именно из-за его опрометчивости Иерусалим остался беззащитным перед любым враждебным нападением. Заложники, эти гарантии продолжения его унижения, несомненно, принадлежали к самым уважаемым семьям, и их вынужденное изгнание способствовало росту недовольства знати, которое в конце концов вылилось в заговор. В Иерусалиме разгорелся ожесточенный конфликт, люди либо перешли на сторону заговорщиков, либо не принимали участия в борьбе. Амасия был беспомощен и искал спасения в бегстве. Однако заговорщики последовали за ним в Лахис (примерно в пятнадцати часах езды к юго-западу от Иерусалима, где он укрылся) и там убили его. Он был третьим царем из дома Давидова, павшим от меча, и вторым, павшим от рук заговорщиков.

После смерти Амазии Иерусалим и Иудейское царство пережили еще большие несчастья. Князя Иудеи, свергнувшие с престола и убившие царя, по-видимому, не сложили бразды правления, которые они захватили. Единственный оставшийся в живых сын Амазии, Азария (также называемый Озией), был ребенком четырех или пяти лет, и земля была окружена врагами. Этим беспомощным состоянием страны воспользовались идумеи, которые были разбиты и опозорены Амасией. Они начали наступление на Иудейское царство, и Египет снова поддержал их дело, как это было во времена Ровоама. Последовали кровопролитные сражения, и идумеи взяли много пленных. Они двинулись к Иерусалиму, где бреши в стенах еще не были заделаны, и увели множество пленников. Больше никаких подробностей о нападении идумеян неизвестно. Некоторые владения, по-видимому, были отделены от Иудеи и присоединены к Эдому и Египту соответственно. Грубые воины обменивали иудейских мальчиков и девочек на вино и проституток, а их новые хозяева, в основном филистимляне, в свою очередь продавали их ионийцам, которые в то время соперничали с финикийцами в торговле рабами. Тирийцы, забыв о своем давнем союзе с домом Давида, вели себя не более дружелюбно. Это было первое рассеяние иудеев в отдаленных землях, куда ионийцы продали их в рабство. Вероятно, именно эти еврейские рабы принесли западным народам первые зачатки более высокой морали и культуры. Среди заключенных было много благородных юношей и прекрасных девушек Иерусалима, которые, благодаря своему домашнему влиянию и знанию богатой событиями истории своего народа, принесли с собой запас идей, которые сейчас они стали ценить больше, чем когда-либо дома.

ГЛАВА XII.

КОНЕЦ ДОМА ИИУЕВА И ВРЕМЯ ОЗИИ.

Состояние Иуды—Землетрясение и голод—Правление Озии—Свержение соседних держав—Укрепление Иерусалима—Плавание по Красному морю—Процветание Иероваама—Сыновья пророков—Амос—Пророческое красноречие—Пророчества Иоила—Осия предсказывает Окончательный мир—Осуждение Озии—Захария, Шаллум, Менахем—Последние годы правления Озии—Соперничество между царем и первосвященником—Озия узурпирует священнические функции—Болезнь Озии.

805-758 гг. до н. э.

После насильственной смерти Амасии Иудейское царство, или дом Иакова, было настолько сильно ослаблено, частично из-за внутренних раздоров, а частично из-за иностранных войн, что это стало притчей во языцех среди народов. Современный пророк назвал это "разрушающимся домом Давида" и часто повторял: "Кто поднимет Иакова, видя, что он такой маленький?" И все же из-за этой слабости и унижения Иуда снова поднялся до такой силы, что внушал соседним народам страх. Сначала нужно было покончить с внутренними раздорами. Весь народ Иудеи восстал против знати, которая во второй раз совершила цареубийство и посеяла смуту. Молодой принц Азария, или Озия, был провозглашен царем. Этот царь, которому было всего семнадцать лет и который, как и его современник, царь Иероваам, наслаждался долгим правлением, обладал энергией, решимостью и осторожностью, которые позволили ему восстановить разрушающийся дом Давида. Его первой заботой было перевезти тело своего отца из Лохиса, где оно было похоронено, в Иерусалим, где оно было погребено вместе с останками других царей дома Давидова. Невозможно установить, наказал ли Озия убийц своего отца. Затем он приступил к залечиванию ран своей страны, но задача была трудной, поскольку ему приходилось бороться не только с врагами внутри самого государства и среди соседних народов, но и с неблагоприятными обстоятельствами. Сами силы природы, казалось, сговорились против страны, которая была опустошена чередой бедствий, рассчитанных на то, чтобы повергнуть самое стойкое сердце в отчаяние и апатию. Во-первых, во времена Озии произошло землетрясение, которое привело в ужас жителей Палестины, не привыкших к подобным явлениям. Люди обратились в бегство, крича от ужаса, каждую минуту ожидая, что их поглотит бездна под дрожащей землей. Явления, сопровождавшие землетрясение, усилили их ужас. Солнце было скрыто внезапным густым туманом, который окутал все вокруг темнотой, а вспышки молний, время от времени освещавшие его, усиливали царящий ужас. Луна и звезды, казалось, потеряли свой свет. Море, всколыхнувшееся в своих глубинах, ревело и гремело, и его оглушительный звук был слышен далеко. Ужасы землетрясения усилились, когда люди вспомнили тот факт, что пророк, принадлежащий к царству Десяти колен, предсказал это событие двумя годами ранее. Исполнение этого ужасного пророчества наполнило ужасом все сердца; казалось, конец света близок.

Едва этот ужас улегся, как на них обрушилось новое несчастье. Периодические дожди прекратились, на полях не было росы, продолжительная засуха иссушила всю растительность, источники иссякли, палящее солнце превратило луга и пастбища в пустыню, люди и скот жаждали освежения и пищи, в то время как дикие звери, тяжело дыша, бродили по лесным зарослям. Жители городов, в которых запасы воды были исчерпаны, отправлялись в ближайшее место, надеясь найти там запас, но были не в состоянии утолить свою жажду. Засуха,

затронувшая обширные территории, достигла также лавовых районов Хаурана на северо-востоке Палестины, которые нередко кишат стаями саранчи. В поисках пропитания эта саранча теперь перелетела через Иордан в царство Десяти Колен и пожирала все, что не было засохло от сухой гнили. Густыми стаями, заслонившими солнце, они летели вперед, и внезапно виноградные лозы, фиговые и гранатовые деревья, пальмы и яблони обнажились. Эти опустошительные нашествия саранчи продолжались в течение нескольких лет.

В Иудейской земле, которая была поставлена на грань разрушения из-за неудач войны, царил глубокий ужас. Казалось, что Бог оставил Свое наследие, народ, страну и Храм и предал их деградации и разорению. Общественный траур и паломничества были учреждены для того, чтобы предотвратить зло. Пророк Иоиль, сын Вафуила, публично увещевал людей в эти трудные дни и во многом способствовал поднятию их падающего духом мужества. Его волнующие увещевания не могли не произвести глубокого впечатления. Их действие стало особенно ощутимым, когда прекратились разрушения, вызванные засухой и нашествием саранчи. Поля и сады снова зацвели, ручьи и водоемы наполнились, и нехватке пришел конец. Молодой царь немедленно воспользовался этой благоприятной переменой, чтобы наказать врагов Иудеи. Сначала он обратил свое оружие против идумеян, которые опустошили его землю. Он победил их, возможно, потому, что египтяне больше не помогали им, и подчинил Эдом. Город Элаф, расположенный на берегу Красного моря, он вновь присоединил к Иудее, и таким образом морская торговля с Аравией и Офиром (Индией) могла быть возобновлена. Маониты или миниты, занимавшие небольшую территорию в Идумеи, вокруг города Маон (Маан), были покорены Озией и вынуждены платить дань. Он наказал филистимлян за их враждебное отношение к Иудее во время его несовершеннолетия, когда они передали иудейских беженцев и эмигрантов идумеянам. Он завоевал города Геф, Ашдод, Явнех, которые лежали ближе всего к земле Иудеи, и разрушил их стены. В других частях Филистии, которые он присоединил к своей территории, он воздвиг укрепленные города.

Он особенно посвятил себя задаче укрепления Иерусалима, который из-за разрушения 400 ярдов северной стены во время войны между его отцом и Иоасом Израильским не мог оказать сопротивления вторгшемуся врагу. Поэтому Озия приказал перестроить северную стену и, несомненно, сделал ее более безопасной, чем прежде, от нападений. Должно быть, у него были дружеские отношения с Иеровоамом II, иначе он не смог бы начать строительство укреплений, не рискуя развязать войну. Озия приказал построить три башни, каждая высотой 150 ярдов, у угловых ворот на севере, у ворот, ведущих в долину Хинном на юге, и у ворот Хананел; на воротах и парапетах стен были установлены машины (Хишбоноф), с помощью которых тяжелые камни можно было швырять на большие расстояния. Озия, в целом, проявил большую энергию в военных приготовлениях, снабдив воинов щитами, доспехами и копьями. Он также использовал кавалерию и боевые колесницы, подобные тем, что были привезены из Египта во времена Соломона.

Похоже, что Озия во всех отношениях взял за образец царство Соломона. Судоходство по Красному морю из гавани Айлат, которую Соломон получил от идумеян, было снова возобновлено, и для этой цели были снаряжены большие суда (корабли Фарсиса). В целом Озия достиг господствующего положения над соседними народами.

В то же время царство Десяти колен приобрело огромную власть при Иеровоаме II, который был таким же воинственным, как Озия. Во второй половине своего долгого правления он был занят

постоянными войнами с сирийцами. Он завоевал столицу Дамаск и победоносно приблизился к городу Хамат, который также пал перед ним. Народы, населявшие область от Ливана до Евфрата и которые до тех пор присягали Дамасскому королевству, вследствие этих побед стали данниками царя Израиля. У Иеровоама больше не было поблизости соперника, который мог бы соперничать с ним за верховную власть. Финикийцы значительно ослабли из-за разногласий между городом Тиром и потомками царя Ефбаала. Во время правления Иеровоама в Тире, по-видимому, разразилась гражданская война, вследствие которой вся Финикия потеряла влиятельное положение, которое она занимала в течение значительного времени. Богатая военная добыча и, возможно, возобновившийся импульс к торговле принесли богатство всей стране Самария. Не только царь, но даже знать и богатые классы жили в роскоши, превосходящей роскошь времен Соломона. У царя Иеровоама были зимний и летний дворцы. Дома из крупного камня, украшенные слоновой костью и обставленные сиденьями из слоновой кости, стали очень распространенными. Размышляя о росте власти в двух царствах, можно было бы поддасться искушению поверить, что времена Соломона еще не закончились и что никаких изменений не произошло, за исключением того, что правили два царя вместо одного, что никогда не было никакого разрыва или что однажды нанесенные раны были исцелены. Иеровоам и Озия, по-видимому, жили в совершенном мире друг с другом. Израильтянам было разрешено совершать паломничества в Вирсавию. Несомненно, некоторые из них также посетили Иерусалимский храм. Но это был лишь последний проблеск политически счастливого периода. Коррупция, которой процветание способствовало в Иудейском царстве, и еще более заметная в царстве Десяти колен, вскоре положила конец этим счастливым дням и ускорила упадок обоих государств.

В последнем случае поклонение быку не только продолжилось в Вефиле и Дане, но даже приобрело большие масштабы, когда в Самарии и Галгале были установлены дополнительные изображения быка. Иеровоам, по-видимому, возвел Вефиль в ранг столицы. Здесь было основано главное святилище. Там служил своего рода первосвященник по имени Амасия, который, по-видимому, очень ревниво относился к своему служению. В отличие от иудеев-аронитов, он наслаждался богатым владением полями вокруг Вефиля. Либо эта извращенная форма поклонения была еще недостаточно низкой, чтобы удовлетворить пристрастия ее приверженцев, либо сладострастие, вызванное накоплением богатства, возможно, потребовало новых отказов; во всяком случае, отвратительное поклонение Ваалу и безнравственный культ Астарты были снова введены. Удивительно, что это идолопоклонство, которое с такой энергией искоренял Ииуй, снова получило распространение и новое поощрение при его внуке. Возрожденное таким образом идолопоклонство принесло с собой всевозможные проявления нечестия и растления. Чтобы удовлетворить чувства, все мысли были направлены на приобретение богатства. Богатые сделали ростовщичество своим бизнесом и преследовали своих должников с такой жестокостью, что превращали в рабов своих обедневших должников или их детей. Ростовщическая торговля зерном была особенно распространена. В голодные годы богатые открывали свои амбары и продавали предметы первой необходимости в кредит, не всегда прибегая к ложным мерам веса; а когда бедняки были не в состоянии вернуть то, что им было одолжено, они бессердечно брали в залог свою одежду или даже самих себя. Когда эти несчастные жаловались на подобную несправедливость в национальных собраниях, их никто не слушал, ибо судьи либо сами были среди злодеев, либо были подкуплены и остались глухи к голосу правосудия. Добытые таким образом сокровища были растрочены их владельцами в ежедневных кутежах. Современный пророк Амос в мрачных

красках рисует распутную жизнь богатых и знатных израильтян, проживавших в столицах во времена Иеровоама.²⁰ Жены знатных людей следовали дурному примеру своих мужей и убеждали их быть жестокосердными к бедным, требуя от них: "Подайте, подайте и дайте нам пить".

Однако моральная порочность дворян не могла настолько сильно повлиять на сам народ, чтобы позволить ему обрести полную власть. У морали, справедливости и чистого поклонения Богу все еще были последователи, которые все более решительно протестовали против пороков, практикуемых великими, и которые, хотя и занимали скромное положение, знали, как добиться того, чтобы их выслушали. Хотя прошло почти столетие с тех пор, как пророк Илия с распущенными волосами выступил с речью против грехов Ахава и Иезавели, пророческие общества, которые он основал, все еще существовали и действовали в соответствии с его духом и энергией. Молодежь, которая обычно более готова к восприятию идеальных впечатлений, почувствовала отвращение к растущему моральному разрушению, которое обрушилось на них, и собралась вокруг учеников-пророков в Вефиле, Галгале и Иерихоне. Поколение, которое вырастил и обучил Елисей, приняло внешние символы пророчества, придерживаясь того же воздержанного образа жизни и нося длинные распущенные волосы; но они не остановились перед такими внешними признаками, а подняли свой голос против религиозных заблуждений, против роскоши и безнравственности. Сыновья стали моральными судьями своих отцов. Молодежь перестала пить вино, в то время как мужчины упивались в питейных заведениях. Юношеский отряд пророков занял место предостерегающего голоса совести. В присутствии царя и знати они проповедовали на публичных собраниях против поклонения Ваалу, против безнравственности и бессердечия великих. Защищала ли их многочисленность от преследований, или же среди пророков были сыны великого, против которых невозможно было действовать сурово? Или царь Иеровоам был более терпелив, чем проклятая Иезавель, которая сотнями убивала учеников пророков? Или он не обращал внимания на их слова? В любом случае, примечательно, что ретивые юноши остались невредимы. Гуляки просто заставляли их пить вино и запрещали проповедовать; они высмеивали моральных реформаторов, разоблачавших их проступки, но не преследовали их.

Один из пророков в королевстве Десяти колен воспользовался этой свободой слова; он был первым из череды пророков, которые сочетали великую и поэтическую мысль с ровным ритмом дикции и заставляли королей и вельмож, а также народ вздрагивать от их резких слов истины. Это был Амос из Текоа. Амос не принадлежал к гильдии пророков, он не был учеником пророка и, вероятно, не носил повязку для волос, как Илия, и не отращивал длинные волосы, а был простым пастухом и плантатором сикоморов. Когда он пас свои стада, на него сошел пророческий дух, и он не мог удержаться от появления на публике. "Бог говорил с ним, и в нем, как же ему не пророчествовать?" Пророческий дух побудил его отправиться в Вефиль, и там, во временной столице царя Иеровоама II, он выступил с речью против извращений и пороков знати и открыл им глаза на последствия их злодеяний. То, что соотечественник, одетый в одежду пастуха, осмелился выступить публично, не могло не вызвать сенсации в Вефиле. В те дни в Самарии, должно быть, царила высокая культура, когда пастух умел говорить красивыми, ритмичными фразами и был понятен или, по крайней мере, ожидал, что его поймут, людьми. Речи Амоса и его преемников сочетают красноречие и понятность прозы с метром и ритмом поэзии. Метафоры и образность придают дополнительную торжественность их речи. Поэтому

трудно решить, следует ли классифицировать эти высказывания как прозу или как поэзию. Вместо более подходящего описания их можно обозначить как прекрасно оформленное поэтическое красноречие. Речи Амоса, однако, не преминули выдать его положение. Он использовал сравнения, взятые из его пастушьей жизни. Они показали, что, ухаживая за своими стадами, он часто прислушивался к рычанию льва и изучал звезды во время своих ночных дежурств. Но эти особенности только придавали особый шарм его речам. Амос пришел в Вефиль до того, как произошло землетрясение, и он предсказал это событие словами пророческого предвидения. Последовавшее за этим землетрясение со всеми сопутствующими ему ужасами принесло повсюду опустошение. Последующие бедствия, вызванные засухой, бесплодием и нашествием саранчи, поразили царство Десяти колен в равной степени с царством Иудейским. Амос, а вместе с ним и все здравомыслящие люди, ожидали, что эти посещения приведут к реформе, положив конец отвратительным выходкам богатых и их жестокому угнетению и преследованию бедных. Но улучшения не произошло, и Амос обрушился на нераскаявшихся грешников в самых суровых выражениях. Он упрекал людей, которые высмеивали его пророческие высказывания. Он обличал тех, кто, полагаясь на свою силу, благочестие или благородное происхождение, чувствовал себя неуязвимым. (Амос, ст. 4-15, vi. 1-8.)

Против таких дерзких речей, направленных даже против царского дома, первосвященник Вефиля Амасия счел своим долгом принять меры. То ли из безразличия, то ли из уважения к пророку, царь Иеровоам, по-видимому, до сих пор позволял ему неограниченную власть; но даже сейчас, когда Амасия обратил его внимание на опасные упреки пророка, он, по-видимому, оставался невозмутимым. Во всех случаях пророку никто не мешал, за исключением того, что первосвященник, вероятно, от имени царя, сказал ему: "Иди, поспеши в Иудею; ешь свой хлеб и пророчествуй там, но в Вефиле ты не можешь оставаться, ибо это святилище царя и столица царства". Амос не позволил прерывать себя в своей проповеди дальше, чем сказать: "Я не пророк и не ученик пророка, а всего лишь пастух и плантатор; но Господь сказал мне: "Иди, пророчествуй народу моему Израилю". В заключение он самым решительным образом пригрозил наказанием. Примечательно, что он не протестовал против злодеяний в Иудее с такой же энергией, а скорее проявил определенную снисходительность к царству, управляемому домом Давида. Он не вдавался в подробности относительно грехов, которые были там распространены, а говорил о них лишь в общих чертах. Он предсказал счастливое будущее Иудейского царства, в то же время предсказав горе Израилю.

"Вот, очи Господа Бога обращены на грешное царство, и Я уничтожу его с лица земли; за исключением того, что Я не полностью уничтожу дом Иакова, говорит Господь".

Размышляя в своем пророческом видении о новых бедствиях, которые обрушатся на землю, он ходатайствовал молитвой за Иуду, восклицая: "Господь Бог, прекрати, умоляю тебя; как воскреснет Иаков, если он так мал?" (Амос vii. 2, 5.)

Состояние слабости, в которое впала Иуда после смерти Амасии и от которого она еще не оправилась в первые годы правления Озии, наполнило пророка Амоса состраданием. Он не хотел еще больше обескураживать нацию и двор, но пророчествовал о будущем воссоединении племен под властью дома Давида.

В это время в Иерусалиме восстал другой пророк по имени Иоиль, сын Вафуила. Большинство пророков были неясного происхождения и вернулись в безвестность, не оставив и следа своей

индивидуальности, которая была полностью растворена в их деяниях. Иоиль появился в то время, когда все умы были напуганы и приведены в состояние отчаяния, граничащего с оцепенением, повторяющимися нападениями идумеян и соседних народов и последующими бедствиями в виде землетрясений, засухи и нашествия саранчи. Жители Иерусалима и всей страны изнуряли себя долгими постами и стенаниями; они разорвали на себе одежды в знак траура и собрались вокруг Храма с криками и мольбами отвратить Божественный гнев, и священники были в таком же унынии. Таким образом, у Иоиля была задача, отличная от задачи Амоса; его миссией было не порицать и обвинять людей, а поднимать настроение унылым и пробуждать тех, кого отчаяние ошеломило. Он открыто не осуждал, а лишь намекал на грехи и заблуждения нации, ссылаясь на пьяниц, оставшихся теперь без вина, указывая на внешнее раскаяние, которое довольствовалось разорванными одеждами и оставляло сердце нетронутым, и презирая распространенное представление о том, что Божество нельзя умиловить без жертвоприношений. Иоилу пришлось применить всю силу своего красноречия, чтобы убедить нацию в том, что Божья милость не покинула их, что Сион по-прежнему является Его святой горой; что Он не предаст Свой народ позору; что Он долготерпелив и полон милосердия и избавит их от невзгод без всесожжений и поста.

Ораторская сила Джоэла была, пожалуй, даже больше, чем у Амоса. Его красочное описание опустошительных действий саранчи и сопутствующих ей бедствий представляет собой волнующую картину; читатель чувствует себя очевидцем. Дошедшее до нас произведение пророческого красноречия Иоиля, с его ритмом, метром и даже определенной строфической структурой, также занимает среднее место между поэзией и прозой. Единственная сохранившаяся его речь разделена на две половины; в одной половине он описывает несчастья нации, порицает их извращенные идеи и указывает, в чем должно заключаться их обращение; а в другой он стремится наполнить их сердца радостной надеждой на будущее. Иоиль старался вывести своих дрожащих, плачущих и подавленных слушателей, собравшихся на Храмовой горе, за узкие границы их нынешнего горя, к более высокому взгляду на жизнь. Он сказал им, что Бог послал язвы как предвестники времени, полного серьезности и благоговения, дня великого и страшного, которому суждено очистить их и привести к более высокому моральному порядку. Печали настоящего пройдут и будут забыты. Тогда наступит великий день Господень.

Иоиль также предсказал политические перемены, когда порабощенные евреи Иудеи и Иерусалима, которых филистимляне и тирийцы продали работоторговцам-ионийцам, которые, со своей стороны, снова рассеяли их повсюду, снова вернутся. Народы, совершившие акты жестокости, будут сурово наказаны в Долине Правосудия (Эмек Иосафат), где Бог совершит суд над всеми народами. Тогда Египет и Идумея превратились бы в пустыни, потому что они пролили невинную кровь иудеев; но Иуда и Иерусалим были бы населены на протяжении всех поколений. Тогда наступил бы более высокий моральный порядок, и все создания были бы наполнены божественным духом пророчества.

"И впоследствии будет так, что Я изолю дух Мой на всякую плоть; и ваши сыновья и ваши дочери будут пророчествовать, вашим старикам будут сниться сны, ваши юноши будут видеть видения. А также на слуг и на служанок в те дни Я изолю дух Мой". (Иоиль iii. 1–2.)

Желание, которое было приписано Моисею (Числа xi. 29), согласно пророчеству Иоиля, осуществится когда-нибудь в будущем. Не только израильтяне, родившиеся на этой земле, но и пришельцы, жившие рабами в своих семьях, имели бы долю в этом царстве Божьем и стали бы

достойными дара пророчества. Таким образом, пророческое видение начало выходить за пределы национальных барьеров.

Осия, сын Беэри, третий пророк времен Иеровоама и Озии, высказался еще более решительно против царства Десяти колен и в пользу дома Иакова. О его жизни и деяниях ничего не известно; нам даже не сообщается, в каком королевстве он произносил свои речи. Однако, вероятно, местом его деятельности был Вефиль или Самария. В то время как Амос сделал моральное разложение главным объектом своих упреков и презрения, Осия выступил с речью против религиозного отступничества царства Десяти колен, которое вернулось к поклонению Ваалу. Он не обладал ни богатством выражения, ни метрической ровностью двух своих современников. Его красноречие ближе к форме обычной прозы; оно более развернуто, более свободно, но также и более искусственно; ему нравится переплетение аллегорических имен, в котором Осия, вероятно, следовал стилю пророческой школы, из которой он, по-видимому, вышел. Он начал с одного сравнения, которое применил двояко. Он представил введение поклонения Ваалу в Десяти коленах как поведение неверной жены и сравнил будущее возвращение народа к Богу, которое он предсказал, с возвращением на путь долга раскаявшейся и пристыженной прелюбодейки. Эту свою тему он предварял вступлением. По его словам, в пророческом видении он получил повеление взять себе неверную жену. Следуя этому повелению, он женился на женщине с дурной репутацией, которая родила ему троих детей — сына Изрееля, дочь, которую он назвал "Нелюбимой" (Ло-Ручама), и второго сына, названного "Не-Моей-нации" (Ло-Амми). Пророк объяснил эти метафорические названия; таким образом, "Изреель" означало две вещи — во-первых, что Бог посетит дом Ииуя за кровь, которую их предок пролил в Изрееле; и далее, "Изреель" означало, что Бог уничтожит армии Израиля в долине Изреель. Имя дочери означало, что Бог больше не будет заботиться о доме Израиля; и, наконец, имя второго сына означало, что Бог Израиля покинул нацию и больше не будет ее Богом. После этого вступления и его толкования пророк начал свое обращение:

"Спорь со своей матерью, спорь,
Ибо она не жена мне,
И я не муж ей;
Пусть она удалит блудодеяние свое от лица своего,
И прелюбодеяния свои от груди своей". (Осия ii. 4-6.)

Затем пророк описывает всю степень неверия дома Израилева — эту прелюбодейку, которая преследует своего возлюбленного (Ваала), полагая, что ее богатство и изобилие исходят от него, забывая, что Бог наделил ее зерном и вином, серебром и золотом, которые она растрачивала на идола Ваала; поэтому Бог лишил бы ее всего и не оставил бы ей даже достаточной одежды, чтобы прикрыть ее тело. В своей нужде она была бы охвачена раскаянием и сказала бы: "Я вернусь к своей первой любви, потому что тогда со мной было лучше, чем сейчас". Затем пророк изображает возвращение неверной жены, которая с раскаянием осознала бы всю степень своего прошлого зла и, обращаясь к своему мужу, назвала бы его "Мой муж", ибо имя "господь" (Ваал) стало бы для нее ненавистным. (Осия ii.)

Примирившись со своей невестой (народом), Господь снова проявит к ней милость, как во дни исхода из Египта; из пустыни он снова приведет ее в ее землю, и она снова будет петь хвалебные псалмы, как во времена своей юности и в те дни, когда она вышла из Египта.

Обновленный завет между ней и ее Богом защитит ее от диких зверей, а лука, меча и войн больше не будет. Изреель, зловещее название, получило бы благоприятное значение (*насажденное на земле*); "Нелюбимый" снова стал бы "Возлюбленным", а "Не-Моя-нация" снова стала бы "Моей-нацией" и признала бы своего Бога.

Раскрывая сияющую картину будущего Десяти колен, Осия не хотел вводить своих слушателей в заблуждение, заставляя их верить, что такое время уже близко. Во второй речи, которая, вероятно, сохранилась не полностью, он предсказывает, что пройдет много несчастливых дней, прежде чем вернутся Десять колен и совершат искупление. Эту речь он также представил рассказом о видении. Бог снова повелел ему взять горячо любимую, но неверную жену. Она не должна была рожать ему детей, но он должен был держаться от нее подальше и не позволять ей общаться с другими мужчинами. Это видение означало, что, хотя Бог любил израильский народ, она, забыв все узы чести и долга, отдала свою любовь другим богам. И это означало далее, что сыны Израиля еще долго будут оставаться без царя или князя, без алтаря или колонн, без эфода, а также без домашних богов (терафимов); пока, наконец, очищенные суровыми испытаниями, они не вернутся к своему Богу - в последние дни. Осия пророчествовал о полном разрушении царства Десяти Колен. С другой стороны, он придавал еще большее значение, чем его современники, продолжению существования дома Давида и Иудейского царства, в то же время упрекая царя Озии в том значении, которое он придавал своим военным приготовлениям.

Коррупция в одном королевстве и несчастья в другом извлекли из скрытых глубин драгоценную руду пророческого красноречия, которой было суждено приобрести широкое влияние. Грехи Ахава и Иезавели пробудили Илию; злодеяния Иеровоама II и его знати отвлекли Амоса от его стад и вывели Осия из его спокойной жизни на всеобщее обозрение, чтобы он в увлекательной форме изложил мысли, владевшие их душами. Их страхи и надежды, их мысли и убеждения стали отныне общим достоянием многих, кого они вдохновляли и облагораживали. С тревогой слушавшие ученики пророка запечатлевали эти пророческие уроки в своей памяти или записывали их письменно. Они составили первые страницы той пророческой литературы, которой было суждено взбудоражить ленивые народы земли. Рисуя, хотя и в смутных очертаниях, перспективу лучшего будущего, волшебники-пророки Амос, Осия и Иоиль обеспечили постоянство нации, из которой они вышли; ибо нация, которая уверенно смотрит в счастливое будущее, защищена от разрушения и не позволяет сокрушить себя самым ужасным испытаниям настоящего. Один из этих пророков — Иоиль или Осия — изобразил идеал будущего, за который цеплялись самые благородные умы и которого они до сих пор крепко придерживаются. (Исаия ii. 2–4.)

Эта грандиозная картина вечного мира, которая будет основана на учении Израиля, которая превратит смертоносные орудия войны в орудия животворящего труда, превосходит все произведения искусства, которые когда-либо будут очаровывать взоры и сердца человечества. Израильские пророки предсказывали, что эта высокая мораль народов земли станет результатом закона, который придет к ним с Сиона.

Враждебное отношение, которое два пророка Израильского царства заняли к дому Ииуя, не прошло даром. Точно так же, как Елисей и его ученики подняли врага против Омри, так и покушения на последнего из Иегудеев, вероятно, были результатом яростного сопротивления Амоса и Осии.

Иеровоам II. умер в мире, в преклонном возрасте и после долгого и счастливого правления, но не успел его сын Захария взойти на престол (769 г.), как против него был составлен заговор. Главарем был Шаллум, сын Иависа, который убил четвертого потомка Ииуя в Иблеаме. Захария правил всего несколько месяцев. Его убийца, следуя примеру Ииуя в расправе с домом Ахава, разрушил дом Иеровоама II, не пощадив ни женщин, ни детей. Затем Шаллум отправился в Самарию, чтобы вступить во владение троном и царством, но продержался на своем посту всего один месяц. Против него также был возбужден заговор Менахемом, сыном Гади, бывшим жителем столицы Фирцы. Он направился в сторону Самарии и был без труда допущен в столицу. Он убил Шаллума (768), но, без сомнения, встретил большее сопротивление, чем ожидал. Хотя столица открыла ему свои ворота, другие города подчинились не сразу. Город Тифсах (Тапуах) закрыл перед ним свои двери. Менахем, однако, был более отважен, чем его предшественник, и сочетал в себе со своей отвагой крайнюю жестокосердность. Он осадил мятежный город и, вынудив его сдаться, казнил все население — мужчин, женщин и детей, не пощадив даже беременных женщин. После этой резни он отправился в Самарию, где захватил трон Иегудеев. Вождь, проявивший подобную жестокость, вряд ли мог рассчитывать завоевать сердца всех. Менахем, по-видимому, отменил поклонение Ваалу. Однако поклонение быку все еще продолжалось. Во время его правления судьба Десяти колен находилась под влиянием могущественного царства, которому было суждено положить конец дому Израилеву.

Если лучшие представители этого дома могли бы почувствовать склонность последовать указаниям пророка и обратиться за помощью к дому Иуды, то здесь они столкнулись с условиями, столь же отталкивающими. При Озии вспыхнули внутренние раздоры, которые, по-видимому, намеренно игнорировались. Цель Озии была целиком и исключительно направлена на военное дело — приобретение луков, щитов и копий. Духовные интересы были далеки от его ума или, возможно, даже были ему неприятны. Семье Ааронидов он, несомненно, часто наносил оскорбления, поскольку прежняя гармония между королевской властью и священством подверглась серьезному потрясению в последние дни правления его деда Иоаша. Любая попытка царя распространить свою власть на Храм натолкнулась бы на противодействие помазанных первосвященников, чья власть основывалась на притязаниях, равных притязаниям потомков Давида. Несомненно, что в последние годы правления Озии между ним и первосвященником Азарией возникли конфликты, подобные тем, что были между царем Иоасом и Захарией. Чтобы лишить первосвященника его престижа, Озия предпринял смелый шаг. Он вошел в святилище и начал зажигать курильницу на золотом алтаре, что было особой привилегией и обязанностью первосвященника. Возмущение семьи Ааронидов достигло предела. Первосвященник Азария, который вместе с восьмьюдесятью священниками поспешил вслед за царем в святилище, гневно упрекнул его, сказав: "Не тебе, о Озия, приносить благовония, но только помазанному священнику из семьи Аарона. Покинь святилище: ты виновен в осквернении, и это будет не в твою честь от Господа".

То, что последовало за этим, окутано мраком. Озия в последние годы своего правления был поражен проказой, и его пришлось содержать в особом доме до конца своих дней. Нация рассматривала эту болезнь как божественное наказание за то, что он осмелился совершать обряды священства.

В этом соперничестве между жреческим и королевским домами первый одержал победу, ибо его оружием был закон, а от него было больше пользы, чем от меча. Но вскоре в борьбу со священством вступила другая духовная сила.

ГЛАВА XIII.

ПАДЕНИЕ ЦАРСТВА ДЕСЯТИ КОЛЕН; ДОМ ДАВИДА И ВМЕШАТЕЛЬСТВО АССИРИЙЦЕВ.

Царь Менахем —Вавилоняне и ассирийцы—Факей—правление Иоафама—Исайя Иерусалимский—Его стиль и влияние—Его первое публичное выступление—Более поздние речи—Их немедленный и постоянный эффект—Его ученики—Их характеристики—Захария—Его пророчества.

758-740 гг. до н. э.

В то время как Озия из-за болезни был вынужден провести свои последние годы в одиночестве, его юный сын Иофам управлял делами царства. В королевстве Десяти колен Менахем, жестокий узурпатор (768-758), вероятно, правил железной рукой. Оба королевства продолжали двигаться в том же направлении, не подозревая о том факте, что на далеком горизонте собирались грозные тучи, которые обрушатся на них со страшным эффектом. С севера, из районов Евфрата и Тигра, надвигались тяжелые испытания для народов обоих царств.

Как только ассирийцы расширили свою территорию на севере, востоке и западе, они обратили свое внимание на юг. В первую очередь они намеревались овладеть морским побережьем финикийцев и таким образом получить контроль над богатствами этой торговой нации. Следующим пунктом в поле зрения был Египет, богатство и слава которого привлекли их честолюбие. Впервые ассирийская армия появилась на израильской земле, когда царь Пул вторгся в Самарию. Царь Менахем не осмелился собрать свои силы против могущественного ассирийского воинства. Внутренняя неразбериха, должно быть, подорвала его силы до такой степени, что он не мог думать о сопротивлении. Проклятие цареубийцы тяжким грузом легло на его голову, но с такой же, если не большей, тяжестью оно легло и на его нацию. Менахема ненавидел его народ, потому что жестокие средства, с помощью которых он завладел тронном, были всегда свежи в их памяти, и друзья убитого короля питали это враждебное чувство. Когда Пул прибыл на израильскую землю, похоже, что враги Менахема предложили захватчику свергнуть царя с престола. Менахем тем временем отправился к ассирийскому завоевателю и пообещал ему крупную сумму денег при условии, что его правительство останется в безопасности. Пул принял деньги и удалился из страны, унося с собой свою добычу и пленников. Менахем не брал деньги из своей собственной казны, но заставлял богатых людей предоставлять их. Каждый должен был заплатить огромную по тем временам сумму, а именно 50 шекелей.

Так наступило начало конца, и судьба, которую Амос ясно предсказал полвека назад, казалось, находилась в процессе осуществления. Он сказал, что далекий народ уведет израильтян в чужую землю за пределами Дамаска. На самом деле израильтяне были переселены в район Тигра или в какую-то другую часть большого ассирийского царства. Власть королевства Десяти колен, однако, оставалась, по всей видимости, нерушимой. В нем по-прежнему насчитывалось 60 000 богатых мужчин, которые могли платить большие суммы дани. У Менахема все еще были его кавалерия, военное снаряжение и крепости, на которые, как он думал, он мог положиться.

Но, сам того не ведая, старость (как один из пророков справедливо определил национальный упадок) теперь охватила людей. Менахем, вероятно, ввел ассирийский способ поклонения. Одной из характерных черт этого было поклонение Милитте, богине любви, а в обязанности ее вероучения входил отказ от добродетели и принятие аморального образа жизни. Это нововведение, усугубившее уже существующие внутренние разногласия, постепенно подорвало основы государства. Когда жестокий Менахем умер и наследовал престол его сын Пекия (757), последний смог удержать трон едва ли на два года. Его собственный возничий Факей, сын Ремалии, возглавил заговор против него, убил его в его дворце в Самарии (756 г.) и занял освободившийся трон. Способ этого цареубийства, седьмого по счету, произошедшего с начала царства Десяти колен, окутан мраком; однако, по-видимому, Факею пришлось устранить двух других конкурентов, прежде чем он смог сам взойти на трон Самарии.

Сын Ремалии, предпоследний царь Израиля (755-736), был невнимательным и безжалостным человеком, который угнетал страну в еще большей степени, чем его предшественники. Его характеризовали как неверующего пастыря, "который бросил свое стадо, который не искал пропавших, который не исцелял раненых, который не ухаживал за больными и который даже пожирал плоть здоровых". Чтобы защитить себя от нападений ассирийцев, он присоединился к союзу, который соседние князья заключили для того, чтобы противостоять посягательствам ассирийцев. План, вероятно, возник в Дамаске, который теперь снова принадлежал царю по имени Рецин и который первым пострадает от ассирийского завоевателя. Иудея также была втянута. Царь Озия умер в доме прокаженных, и его сын Иофам, много лет правивший в качестве наместника, принял титул царя (754-740). Джотам не обладал особо выдающимися качествами. Он не был ни амбициозным, ни государственным деятелем, но продолжал идти по тому пути, по которому двигался его отец. Гражданский мир, по-видимому, остался нетронутым; по крайней мере, нет сведений о каком-либо конфликте между ним и первосвященником. Материальное положение страны также осталось таким же, как при Озии. Там были эскадры кавалерии, боевые колесницы, корабли Фарсиса, плававшие по Красному морю, богатство и великолепие. Иофам также укрепил укрепления Иерусалима. Он поддерживал дружеские отношения с королевством Десяти племен, или, скорее, с их королем Пекой, и, по-видимому, между двумя монархами существовала очень тесная связь. Однако эта дружба, а также возвышение честолюбивой знати в Иудее оказали пагубное влияние на нравственность народа, зло было особенно сильно в столице. Благодаря обстоятельствам, которые сейчас невозможно проследить, некоторые знатные семьи достигли такой высоты могущества, что почти сравнялись с королем. Князья Иудеи руководили советами, решали важнейшие государственные дела, узурпировали правосудие и так основательно затемнили достоинство дома Давидова, что от его власти осталась лишь тень. Существовала младшая ветвь королевской семьи, дом Натана, из которой, по-видимому, всегда выбирался управляющий дворцом. Этот высокопоставленный чиновник управлял двором и слугами в равной степени и постепенно достиг такой власти и влияния, что считался фактическим регентом. Он был известен под титулом Управляющего двором (Сочен).

Из-за этих злоупотреблений возникли и другие беды. Князья Иудеи стремились обогатиться всеми возможными способами и расширить свои территории, завладев пастбищами, виноградниками и лугами местного населения. Похоже, дело дошло до того, что знать и старейшины нанимали рабов или бедняков, которых они обратили в рабство, для обработки своих обширных поместий. Они без колебаний обращали в рабство детей тех бедняков, которые были не в состоянии выплатить свои долги, и заставляли их работать на мельнице. К этой

жестокостью несправедливости они вскоре добавили пороки разврата. Они вставали рано поутру и прибегали к чаше с вином, и до поздней ночи распяляли вином свою кровь. На таких увеселениях у них звучала шумная музыка флейт, труб, арф и лютней. Это было невинное развлечение по сравнению с вытекающими из него излишествами. Но суровая мораль, предписываемая синайским законом, была враждебна распущенности. Пока этот закон господствовал, любовь к распущенным удовольствиям не могла быть полностью удовлетворена. Но это ограничение исчезло, когда Иуда вступил в связь с царством Десяти колен. Здесь, и особенно в столице Самарии, величайшие излишества носили, так сказать, сакральный характер, являясь составной частью поклонения Ваалу. Здесь было множество храмовых жриц; жертвоприношения приносились на вершинах гор и холмов, в то время как порок устраивал свои оргии в тени дубов и теребинтов. Его прогресс был настолько велик, что дочери израильтян без зазрения совести следовали примеру своих отцов. Вино и разврат настолько испортили умы великих людей, что они обращались к деревянным чурбакам и палкам как к оракулам относительно будущего. От этих вельмож царства Десяти колен — "пьяниц Ефремовых" — князя Иудеи научились безудержно следовать своим злым желаниям. Богослужение в Иерусалимском храме, правда, было официально признано; но это не мешало князьям следовать своему собственному способу богослужения в частном порядке. Братское слияние Израиля и Иудеи привело главным образом к тому, что идолопоклонство, распутство, опьянение, гордыня и презрение к тому, что было правильным, стали общими чертами обоих царств.

Однако, какой бы развращенной ни была израильская и иудейская знать, существовала гарантия, которая не позволяла разврату стать устоявшимся правовым институтом. В Израиле несправедливость никогда не могла сойти за общественное правосудие. Здесь были люди, которые громко выступали против насмешек над правосудием и деградации бедных; люди, которые защищали справедливость и нравственность как единственно правильный путь; люди, которые поддерживали слабых против сильных. Как раз в этот период упадка, когда Иофам правил Иудеей, а Факей - Израилем, восстало несколько вдохновленных Богом мужей, которые огненными словами выступали против пороков знати. Эти люди были третьим поколением великих пророков, сменивших Амоса, Иоила и Осию, поскольку те последовали за Илией и Елисеем.

Самым важным среди них был Исайя, сын Амоса, из Иерусалима. Со своими современниками - пророками Захарией, Осией II и Михеем II - он разделял мужество, которое называет порок и преступление их настоящими именами и безжалостно клеймит виновных. Но он превзошел их и всех своих предшественников глубиной мысли, красотой ритма, возвышенностью поэтического выражения, точностью своих сравнений и ясностью своего пророческого видения. Красноречие Исая сочетало простоту с красотой речи, лаконичность с доходчивостью, едкую иронию с вдохновляющим потоком речи. О его личной жизни известно мало. Его жена также была одарена пророческой проницательностью. Он носил обычную одежду пророка - одеяние из козьей шерсти. Подобно Илие, он считал свою пророческую задачу призванием своей жизни. Его энергия была полностью направлена на разоблачение зла, на предупреждение и увещание нации и на то, чтобы показать ей идеал будущего, к достижению которого она должна стремиться всем сердцем и душой. Он дал своим сыновьям символические имена, указывающие на будущие события, которые должны были служить знаками и прообразами. Более сорока лет (755-710) он продолжал свое пророческое служение с неутомимым рвением и непоколебимым мужеством. В критические моменты, когда все — великие и малые, короли

ипринцы — впадали в отчаяние, его уверенность никогда не покидала его, но пробуждала надежду и мужество его народа.

Исайя впервые появился в год смерти царя Озии (755), когда ему было около тридцати трех лет. Он объявил народу (вероятно, на Храмовой горе) о видении, которого он был удостоен, и о своем избрании пророком. Первая речь Исайи была коротким, простым сообщением об этом видении, глубокий смысл которого нельзя было понять неправильно. Он рассказал, что видел во сне Иегову Зеваофа на высоком троне, окруженного крылатыми серафимами. Один серафим за другим восклицали: "Свят, свят, свят Иегова Зеваоф" такими волнующими голосами, что задрожали сами опоры Храма:

"Тогда я сказал: горе мне, ибо я погиб; я человек с нечистыми устами, и я живу среди народа с нечистыми устами, ибо глаза мои видели Царя, Господа Саваофа.

"Тогда подлетел ко мне один из серафимов с горящим углем в руке, который он взял щипцами с жертвенника, и он прикоснулся им к моим устам и сказал: вот, это коснулось твоих уст; беззаконие твое удалено, и грех твой очищен".

В своей первой речи Исайя лишь слегка коснулся грехов знати, лишь намекнув, что они не подвержены чистому влиянию. В другой речи, которая сохранилась, он вдавался в подробности и, в частности, показал князьям Иудеи зеркало, в котором они могли увидеть свое безумие и грех. Он описал идеальную судьбу народа Израиля, Закон, который был ему доверен, и Храм, который должен был стать его видимым представительством, и он выбрал для своей цели приснопамятные слова более древнего пророка:

"Ибо от Сиона выйдет закон и слово Господне из Иерусалима".

В этой речи Исайя коснулся корня зла, породившего то состояние религиозной деморализации и бессердечной несправедливости, которое он осуждал. Это было стремление к удовольствиям и распутству, поощряемое женщинами, для удовлетворения которых мужчин постоянно подталкивали совершать грабежи, грабить и порабощать своих более слабых соседей. С удивительной силой пророк описывает любовь дочерей Сиона к показухе. Оставив на мгновение эту печальную картину, оратор настраивает на бодрый, вселяющий надежду тон:-

"Господь сотворит над каждым обиталищем горы Сион и над ее собраниями облако и дым днем и сияние пылающего огня ночью. Ибо на всей славе будет покров. Там должна быть скиния для тени днем от зноя, и для убежища, и для укрытия от бури и дождя".

Можно усомниться, произвела ли эта виртуозная речь, хотя и совершенная по теме и форме, какое-либо впечатление на данный момент. Во всяком случае, это не привело к долговременному улучшению, поскольку Исайе и современным пророкам все еще часто приходилось проповедовать против тех же ошибок и тех же грехов. Дворян нелегко было обратить в свою веру; они презирали угрозы ужасного будущего и глумились над ними. Но могущественные слова Исайи не были сказаны напрасно; они оказали влияние на людей, которым они не были адресованы; они были услышаны в далеких странах, среди далеких народов и в далекие дни. Исайя не довольствовался осуждением греха; он изобразил нравственный идеал, благодаря реализации которого люди обретут счастье и удовлетворенность. "Царь должен править справедливо и побуждать князей править по праву". "Царь не должен судить по тому, что видят его глаза, и не должен решать по тому, что слышат

его уши". Исайя с большим презрением относился к лицемерию, которое восхваляет Бога устами, в то время как сердце далеко от Него. Еще больше Он презирал принесение жертв в сочетании с низостью мыслей и порочными поступками. (Исаия xxix. 13; i. 11-14.)

Исайя, по-видимому, использовал другие средства, помимо волнующих душу проповедей, чтобы исцелить нравственные и религиозные недуги Иудеи. Приняв меры Илии и Самуила, он собрал вокруг себя тех, кто разделял его принципы, или наставлял молодых людей и пропитывал их своим духом. Из числа тех, кто пострадал от несправедливости и тирании знати Иудеи, он привлек в свой круг вдумчивых и восприимчивых людей, которые сразу стали его учениками и детьми. Он не прививал им нетерпеливого и безудержного рвения, но он внушил им такие добродетели, как кротость, терпение и полная покорность Богу. Членов круга, который он собрал вокруг себя, называли "кроткими", или "страдальцами земли" (Анавим, Анве-Арез). В основном они были либо из бедных семей, либо обнищали из-за грабежей знати. Они называли себя или их называли "бедняками" (Даллим, Эбионим). У Исайи они научились не жаловаться на бедность и разграбление, но переносить страдания и несправедливость с верой в Бога и Его устроения. Эти "кроткие" образовали особую общину, которой они посвятили все свое сердце и разум и на которую Исайя и его преемники смотрели как на национальное ядро и субстанцию. Ожидалось, что они возродят и очистят весь народ. Эти бедные анавим должны были стать популярными образцами добродетели. Свет, пролитый этими великими пророками, распространял вокруг себя благотворные лучи; зародыши мысли, которые были скрыты в учениях Синая, вышли на свет, и благодаря им установилось духовное правление нацией. Таким образом, Исайя стал поворотным пунктом в национальной истории народа Израиля, как это сделал до него Самуил и, в меньшей степени, Илия. Пророческий взгляд Исайи не ограничивался его нацией и отечеством; он простирался за эти границы на два великих государства - Египет и Ассирию, которые, подобно огромным облачным массам, вскоре должны были отбросить свои электрические вспышки на Израиль и Иудею.

Другой пророк, по имени Захария, сын Берехии, восстал против продолжающихся извращений того времени. Ораторское искусство этого пророка не могло сравниться с пламенным и изящным красноречием его современника Исайи. Ему не хватает силы и непрерывности; он не позволяет мысли следовать за мыслью в логической последовательности, но переходит без какой-либо видимой связи от одного предмета к другому. Язык Захарии тоже поэтически окрашен и не лишен симметрии, но ему не хватает пространности и других форм поэзии. Захария часто использует метафору пастыря и стада, которую он применяет к отношениям между царем и народом. Он разворачивает картину славного будущего, чтобы возвысить людей над удручающим настоящим. Он предсказывает, что соседние народы, которые были враждебны Израилю, — арамеи, тирийцы и даже филистимляне — признают Бога Израиля и будут приняты как Его дети, когда они оставят свои злые дела и свою ложную гордыню. Он также пророчествует, что Бог заключит мир между домом Иуды и домом Ефрема и что Он вернет их изгнанников. Несмотря на то, что Он рассеял их по народам, они вспомнят о Нем в своем изгнании и вернуться к Нему со своими детьми. Гордость Ассирии будет смирена, египетский жезл остановлен. Эта декларация завершалась перспективой того, что из всей нации выживет только треть; но даже этому остатку придется пройти через очищающее горнило испытаний, чтобы стать достойным своей миссии народа Божьего. Захария особо упоминал Факея, царя Израиля, как "ложного пастыря", который обращался со своим стадом более безжалостно, чем его предшественники. Он рассказывает, как Бог назначил пастыря над Своим народом и дал ему два посоха — один по имени "Милосердие", а другой - "Согласие". Но нация отвергла Бога, и

поэтому она была отвергнута Богом, который сломал посох милосердия и аннулировал завет, который Он заключил со всеми коленами Израиля; и теперь Он сломает второй посох, "посох Соглашения", чтобы аннулировать дружбу между коленами Израиля и Иуды. Бог поставил над ними глупого пастыря, который не искал заблудших ягнят, который не исцелял раненых и пожирал плоть здоровых. Нация, это правда, не заслуживала лучшего наставника; тем не менее пастырь, который таким образом покинул свое стадо, несомненно, навлек бы на себя Божье наказание.

ГЛАВА XIV. КОНЕЦ ЦАРСТВА ДЕСЯТИ КОЛЕН И ДОМА ДАВИДОВА.

Правление Ахаза—Его характер—Союз между Факой и Рецином—Тиглатпаласар и Ассирия—Ахаз ищет помощи Ассирии—Оппозиция Исаяи—Поражение Факея и Рецина—Введение ассирийского богослужения—Человеческие жертвоприношения—Второй Михей—Самария после смерти Факея—Ассирия и Египет—Осия—Самария захвачена Салманасаром—Изгнание—Езекия—Его ранние меры—Его слабость характера—Попытки Исаяи обуздать Езекию от войны с Ассирией—Меры по обороне—Изменение политики—Исайя предсказывает избавление—Михей—Посольство Рабсаки—Неповиновение Езекии—Его болезнь и выздоровление—Уничтожение армии Сеннахериба—Меродах—баладан—Правление Езекии—Псалмопевцы—Смерть Езекии.

739-696 гг. до н. э.

Узы союза, соединявшие Иудею и Израиль при Озии и Иофаме, были разорваны после смерти последнего, и разногласия заполнили все умы. О причине этого можно только догадываться. Новый царь Иудеи Ахаз (739-725), взойшедший на трон на двадцать пятом году жизни, был слабаком с запутанными идеями и никоим образом не соответствовал своему опасному положению. Во время его правления произошли важные политические осложнения, в сетях которых он безнадежно запутался. Вскоре после своего восшествия на престол ему пришлось решать очень важный вопрос, а именно, присоединяться или нет к союзу, образованному Факеем Израильским, Рецином, королем Дамаска, и другими менее важными союзниками. Этот союз был создан для того, чтобы противостоять двойной опасности. С одной стороны был Египет, ставший могущественным при царе Сабако, а с другой - Ассирия, которой также правил царь, стремившийся к завоеваниям, чья сильная рука подчинила непокорные государства-данники.

После смерти царя Пула, последнего потомка царского дома Деркетадес, на трон Ассирии взошел энергичный царь, который не только воссоединил распадающееся царство, но и придал ему еще большую силу и размах; это был Тиглат-Пиласар. Захватив и разрушив крепости Месопотамии, он повернул к странам к западу от Евфрата и по соседству с Ливаном. Он хотел завершить аннексию королевств, которые покорил Пул. Чтобы противостоять ассирийскому завоевателю, Рецин, царь Арама-Дамаска, заключил наступательный и оборонительный союз с Факеем и желал заручиться сотрудничеством Ахаза. Когда последние отказались

присоединиться к ним, два царя, объединившись, по-видимому, с филистимлянами и другими соседними народами, подготовили нападение на Иудею.

Известие об этом плане вызвало большую тревогу в доме Давида, и тогда Ахаз прибегнул к роковому шагу. Он отправил тайных гонцов к ассирийскому царю Тиглатпаласару и попросил его о помощи против его врагов. В то же время он предложил себя в качестве вассала, а свою землю - в качестве ассирийской провинции. Этот шаг мог принести ему сиюминутную помощь, но мог только поставить под угрозу все будущее.

Исайя, обладая пророческой проницательностью, заглядывал далеко в будущее и предостерегал царя от опрометчивых действий. В сопровождении своего сына Шиара Джашуба он отправился в Ахаз, на место у озера, где руководил фортификационными работами. Сначала он попытался успокоить царя ясным, но красноречивым языком (Исаия vii. 3–9). Затем Он указал на зло, к которому приведет союз с ассирийским царем (Ib. 17-25). Однако из ближайшего будущего пророческое видение Исаяи обратилось к более отдаленным дням. Он видит землю, захваченную ассирийской армией, превращенную в поле терний и чертополоха, и особо останавливается на опустошении гор, покрытых великолепными виноградниками, которые стали причиной разгула. Должны были остаться только пастбища, и каждому мужчине пришлось бы довольствоваться молодым бычком и двумя овцами; но земля снова текла бы молоком и медом, достаточными для нужд остатка нации (Шир-Джашуб).

Затем Исайя вернулся к настоящему времени. Он рассказал, как к нему пришли инструкции написать крупными буквами в популярных писаниях: "Быстрая добыча, поспешное разграбление" (Махер Шалал, Чаш Баз). Он должен был взять священника Урию и пророка Захарию, сына Берахии, в качестве свидетелей для подтверждения своего пророчества. Более того, когда его жена, пророчица, родила ему сына, он, по пророческому вдохновению, даровал ему знаменательное имя Махер-Шалал-Чаш-Баз, как знак предчувствия: "Прежде чем новорожденный сын пророка научится называть Отца и Мать, земля Дамаск и владения Самарии будут захвачены царем Ассирии". Затем Исайя выступил с речью против партии предателей, которая была тайно связана с врагом (Ib. viii. 5–8).

Однако Ахаз остался глух ко всем этим предсказаниям. Он больше доверял Тиглатпаласару, чем Богу Израиля, и, таким образом, судьба пошла своим чередом. Как только до ассирийского царя дошла весть о том, что различные народы и князья заключили союз против него, он вторгся в их земли. Следовательно, Резину пришлось снять осаду Иерусалима и поспешить на защиту своей страны. Факах также должен был думать о своей собственной безопасности, и Иерусалим на данный момент был в безопасности от обоих враждебных царей.

Последние больше не могли предотвратить последствия предпринятых ими шагов. Тиглатпаласар сначала осадил Дамаск, захватил его, взял Резина в плен и убил его. Из Дамаска победитель двинулся против королевства Десяти колен, завоевал крепости горных земель и приморских областей, а также Иорданские районы. Пека, по-видимому, даже не пытался оказать никакого сопротивления, но подчинился без сопротивления. Поэтому Тиглатпаласар пощадил его жизнь, но увел в плен жителей северных городов и жителей по ту сторону Иордана (738). Он распределил их по различным районам великой Ассирийской империи. Таким образом, Израильское царство было лишено половины своей земли и половины своего населения. Его граница на севере едва доходила до горы Фавор, и этот остаток стал придатком ассирийского царства, обязанного выплачивать ежегодную дань и дары верности. Велико, без

сомнения, было недовольство Факахом, который навлек на себя эти несчастья из-за своей трусости; он был глупым пастухом, бросившим свое стадо. Это недовольство вылилось в заговор против него. Осия, сын Илы, возглавил заговор и убил Факея (736 г.) после того, как тот правил два десятилетия и навлек несчастья на свою страну.

В этот период в Иудейском царстве также произошли важные перемены. Ахаз, по своей робости, стал вассалом ассирийского царя и поэтому должен был засвидетельствовать почтение Тиглатпаласару. Вместо того чтобы чувствовать себя униженным, он преисполнился восхищения ассирийскими обычаями и решил подражать им в своей собственной стране. Он ввел поклонение солнцу и звездам в Иерусалиме. Изображение бога солнца было установлено, вероятно, у входа в Храм, и ему были посвящены лошади и колесницы. Ахаз превзошел царя Израиля в идолопоклонстве. Другие ассирийские влияния давали о себе знать в Иудее. Придворные говорили на ассирийском языке, который очень похож на язык арамеев, чтобы облегчить общение со своим суверенным господином. Ахаз перешел все границы в своей любви к подражанию. Однажды, когда с ним случилось несчастье, он решил принести в жертву своего собственного сына в честь Молоха, этот жестокий обряд был частью ассирийского вероучения. В прекрасной долине Хинном, или Бен Хинном, в южной части долины Кедрон, где источник Силоа и другие ручейки дают великолепную растительность, был воздвигнут огненный жертвенник. Там Ахаз, невзирая на душераздирающие стенания своего сына, принес в жертву невинное дитя.

Пример Ахаза, конечно, не остался без влияния на других. Знать Иудеи, которая решительно предпочитала все иностранное, потому что это позволяло полностью отдаваться их страстям, с радостью приветствовала это принятие ассирийских обычаев. Пользуясь слабостью царя Ахаза, они могли предаваться чувственным удовольствиям и продолжать совершать несправедливые поступки по отношению к народу. Священники также были заражены дурным примером. Руководствуясь либо эгоизмом, либо страхом, они обходили молчанием и даже одобряли злодеяния короля и знати. Они проповедовали за плату в соответствии с пожеланиями могущественной знати. Один из этих развращенных священников, по-видимому, утверждал, что принесение в жертву первенца не было неприятно Богу Израиля, но что такие приношения были приемлемы для Него. Закон Моисея, который предписывал посвящать первенцев Господу, был объяснен как приказ предать их огню. К счастью, все еще оставались представители древнего закона в его чистоте, которые возвысили свои голоса в мощном и красноречивом протесте против этих преступлений и разврата. Более молодой пророк того времени коснулся пальцем зияющей раны и не только назвал вырождение правильным именем, но и указал на источник, из которого оно возникло. Вторым Михей из Морешета, вероятно, один из учеников Исаяи, разделил с ним трудную задачу взывать к сердцам грешников и разъяснять им неизбежные последствия их злодеяний. Вероятно, он поселился в Иерусалиме, но зная чувства, преобладающие в сельской местности, он уделял им больше внимания, чем другие пророки.

В речи, произнесенной во времена царя Ахаза, Михей обнажил распространенное религиозное и моральное зло и особенно выступил против человеческих жертвоприношений (Михей vi.). Несмотря на все это, зло распространялось дальше, а также атаковало здоровые слои населения. Появились лжепророки, говорящие от имени Господа, которые пропагандировали преступления и пороки, чтобы польстить людям, стоящим у власти. Эти лжепророки говорили красноречиво — они притворялись, что у них были видения; они использовали пророческую

манеру речи и этими средствами вносили ужасную путаницу в идеи. Нация была сбита с толку и не знала, кому верить — своим критикам и цензорам или своим поклонникам и восхвалителям. Эти злые дни при царе Ахазе были еще более пагубными, чем шесть лет правления Гофалии; они были свидетелями того, как царь попирал ногами древний закон и внедрял идолопоклонство с сопутствующей ему безнравственностью и презрением к правосудию, дворяне позволяли своим страстям необузданную распущенность, а лжепророки осмеливались выступать в защиту этих злодеяний, в то время как пророки истины и справедливости были объявлены вне закона.

Но тем временем политические события шли своим чередом и породили новые осложнения. В царстве Самария, которое с момента своего отделения от восточного и северного округов больше не могло называться царством Десяти колен, продолжали царить беззакония и близорукость. Раны, нанесенные ассирийцами, не сокрушили гордости и эгоизма тех, кто был у власти. Бросая вызов нынешним страданиям, они говорили: "Кирпичные жилища обрушились; мы возведем здания из камня. Платаны были срублены; что ж, давайте вместо них посадим кедры". В своих пьяных кутежах эфраимитская знать не понимала, что поражения, которые потерпела их страна, если за ними не последует мужественное возрождение энергии, были лишь прелюдией к их полному разрушению. В дополнение к этой близорукости, или, возможно, вследствие нее, воцарилась анархия. После смерти Факея от рук Осии, главаря заговорщиков, прошло девять лет, в течение которых ни один царь не мог удержаться у власти. Поначалу кажется, что Осия отказался от тернового венца, и не было никого другого, кто мог бы претендовать на суверенитет. Со времени вмешательства Пула в дела Ливана и разрушения арамейского царства Тиглатпаласаром война между Египтом и Ассирией стала неизбежной. Две империи на Ниле и Тигре подозрительно наблюдали друг за другом и готовились к последнему столкновению посредством дипломатических движений и контрдвижений, в которых каждая стремилась усилить себя и ослабить противника путем приобретения союзников.

Тем временем судьба Самарии созрела для исполнения. Было ли это осознанием их слабости или всего лишь бездумной прихотью, что ее вельможи в конце концов признали своим царем Осию, сына Илы, убийцу царя Факея? Этот последний царь Самарии (727-719) был лучше или, скорее, менее плох, чем его предшественники. Он также был воинственным, но все же не смог предотвратить надвигающееся разрушение. По-видимому, он тайно установил связи с Египтом, который постоянно обманывал его ложными обещаниями. В это время ассирийский царь-воин Салманасар выступил против Элулая, царя Тира и Финикии, и подчинил его. Тирское королевство не смогло оказать никакого сопротивления. В этом случае Салманасар направил свои планы также против Самарии. Осия не стал дожидаться его прихода, а пошел ему навстречу, предлагая сдаться и дары верности. Но как только ассирийский царь удалился, против него были организованы заговоры. Осия начал отделение с отмены ежегодной дани, и Финикия последовала его примеру.

После этого Салманасар собрал свои войска и, перейдя Евфрат и Ливан, двинулся первым против финикийцев. При его приближении народы потеряли всякую надежду на свободу. Финикийские города Сидон, Акко и даже древняя столица Тир сдались, вероятно, без попыток сопротивления. Из Акко Салманасар двинулся в Самаритянское царство через равнину Изреель. Жители израильских городов либо покорились могущественному царю, либо бежали в столицу. Осия, не обескураженный всеми этими отступничествами, продолжал свое

сопротивление, хотя, как представляется, ожидаемой или обещанной помощи из Египта было отказано. Столица Самария, расположенная на вершине холма, могла бы, при надлежащем укреплении, продержаться некоторое время. Тем временем Осия и жители Самарии надеялись на какое-нибудь непредвиденное событие, которое могло бы вынудить Салманасара отступить. Таким образом, стены, башни и зубчатые стены Самарии были укреплены и сделаны пригодными для обороны; также были собраны запасы провизии и воды, и были сделаны все приготовления, необходимые для обороны осажденного города. Но ассирийцы были мастерами в искусстве нападать на укрепленные города и захватывать их. Атака и оборона, должно быть, велись с большой энергией и выносливостью, поскольку осада Самарии длилась почти три года (с лета 721 по лето 719). Но все усилия, мужество и терпение осажденных оказались бесплодными. Столица королевства Десяти колен, просуществовавшая двести лет, была взята штурмом. Последний царь этого государства, Осия, хотя его, вероятно, застали воюющим, был милостив к своему победителю. Его лишили сана и продержали в тюрьме до конца его жизни. Ни одно перо не отметило, сколько тысяч погибло в этом последнем сражении Израильского королевства или сколько было унесено в изгнание. Это царство было настолько отчуждено от тех, кто записывал памятники израильского народа, что они посвятили лишь несколько слов его упадку. Не раздавалось никаких жалоб, как будто поэтам была безразлична печальная судьба нации. Предсказание пророков исполнилось. Ефрема больше не было; идола Дана, Самарии и других городов ушли в Ниневию, а тысячи пленных были уведены и рассеяны. Их послали колонизировать малонаселенные территории, расположение которых точно неизвестно, — в Халах и Хабор, на реке Гозан и в города горной Мидии. Царство Десяти колен, или Израиль, существовало два с половиной столетия; им правили двадцать царей; но в один прекрасный день оно исчезло, не оставив после себя и следа. Отчужденный от источника своего существования из-за упрямства Ефрема, который пренебрегал Законом и его влиянием на национальную мораль, свободу и политическую мощь, он впал в идолопоклонство и сопутствующие ему пороки. Страна извергла Десять племен, как она извергла ханаанские племена. Что с ними стало? Их искали, и, как полагают, они были обнаружены как на дальнем Востоке, так и на дальнем Западе. Мошенники и мечтатели утверждали, что произошли от них. Но не может быть никаких сомнений в том, что Десять Колен были безвозвратно утеряны среди народов. Некоторые из них, такие как земледельцы, виноградари и пастухи, возможно, остались в стране, а некоторые, особенно те, кто жил недалеко от границ Иудеи, возможно, нашли убежище в этой стране.

Таким образом, больная конечность, которая заразила и парализовала все тело нации, была отрезана и обезврежена. Племя Ефрема, которое при своем первом появлении в стране вызвало национальный распад своим эгоизмом, и которое позже, из-за своей надменности и эгоистичных поисков, привело к ослаблению и окончательному разрушению королевства, некогда занимавшего положение империи, теперь скорбело в изгнании. "Ты наказал меня, и я был наказан, как необузданный теленок. Мне было стыдно, да, я посрамлен, потому что янесу позор своей юности". (Иеремия xxxi. 17, 18). Тело нации, казалось, стало более здоровым и непринужденным после удаления ее неуправляемого члена. Колена Иуды и Вениамина с их зависимостями от Симеона и Левия, которые после падения Десяти Колен образовали народ Израиля, или "остаток Израиля", теперь обрели новую силу и новое величие. Разрушение Самарии, каким бы ошеломляющим оно ни было по своему непосредственному воздействию на остатки нации, послужило также спасительной цели, поскольку, по крайней мере, на данный момент, побудило людей отказаться от безумств и грехов, которые также способствовали их

вырождению и слабости. Народ и знать теперь уже не были глухи к увещаниям пророков; Пророчество Исаяи заблудшей Самарии о том, что "венеч гордости на голове тучной долины пьяниц Ефремовых будет подобен скороспелой смокве, которую торопливо съедают" (Исайя ххviii. 1-4) — исполнившись, они больше не могли отказать ему в слушании. Как мало было недостатка, и Иерусалим разделит судьбу Самарии! Его существование зависело от прихоти ассирийского завоевателя. В Иерусалиме страх перед национальным переворотом породил смирение и желание прислушаться к словам тех, кто наставит их на путь истинный.

К счастью, теперь трон занимал царь, подобного которому не знали со времен Давида. Езекия (724-696), сын Ахаза, был полной противоположностью своему отцу. Его нежная, поэтичная душа была наполнена идеалом, который он видел в собственном законе своего народа, в его древних уставах и традициях. С тем же рвением, с каким его отец отдавал дань уважения иностранным обычаям, Езекия был полон решимости восстановить первозданную иудейскую мораль и очистить религиозные концепции и институты. Он принял Тору как руководство своей собственной жизнью и жизнью своего народа. Его украшали не только такие добродетели, как справедливость, великодушие и возвышенность ума, но и те черты характера, которые, как правило, чужды коронованным особам, - мягкость, скромность и смирение. Он обладал тем глубоким благочестием и чистым страхом перед Богом, которые встречаются так же редко, как художественное совершенство или военный гений.

Рано ли пророки распознали это благородство души и сердца в молодом принце? Или же их сила видения позволила им предвидеть восшествие на трон Давида царя, который украсил бы его? Или именно благодаря их раннему обучению и руководству он вырос и стал идеальным королем, каким и был? Тем не менее, это факт, что два пророка предсказали Езекии великие и многообещающие дела, когда он был еще мальчиком.

Во время неудачного правления Ахаза пророки и тот круг "Кротких", которые составляли ядро и сердцевину нации Израиля, обратили свое внимание на молодого принца, от которого они ожидали восстановления золотого века, которым наслаждались славные дни Давида. Езекия с болью наблюдал за грехами своего отца и свидетельствовал об отвращении, которое он испытывал к ним сразу после смерти своего отца, поскольку похоронил его не в наследственной усыпальнице дома Давидова, а в специально подготовленной гробнице. Езекия выразил свои убеждения в псалме, сочиненном при его восшествии на престол, который можно считать манифестом. (Ps. ci.)

Правление Езекии, каким бы богатым оно ни было на проявления великих добродетелей, важные события и поэтические творения, могло бы стать золотым веком, если бы его желаниям и планам не противостоял барьер, разрушить который он считал невозможным. Королевская семья давно перестала обладать единоличной властью в Иудее. Надзиратель или суперинтендант дворца (Сочен) обладал полной властью над армией и придворными чиновниками. Он держал царя как пленника в его собственных покоях. Во времена Езекии управляющий Севна вел себя так, как будто он был обладателем трона и верховной власти. Однако в начале его правления придворные и те, кто занимал должности судей или иным образом, не зная его характера или силы воли, предоставили молодому королю полную свободу действий. За это время Езекия смог претворить в жизнь свои благие решения и частично ввести новшества, такие как удаление идолов, восстановление единства богослужения и изгнание самых недостойных придворных из дворца и замещение их мест более достойными людьми.

Но это была нелегкая задача - устранить накопившееся зло идолопоклонства и продолжающейся долгое время безнравственности. Храм опустел, а страна наполнилась идолами и жертвенниками. Езекия вновь открыл святилище и вернул ему его прежнее достоинство. Чтобы искоренить зло идолопоклонства, он повелел больше не возводить жертвенников на горах и возвышенностях, даже для поклонения Богу Израиля, но чтобы все, кто испытывал желание оказать Ему почести, возвращались в Иерусалим. Эта предосторожность казалась многим затруднением и посягательством на древние обычаи. Но Езекия чувствовал, что не осмелится щадить местные пристрастия, если хочет обеспечить очищение популярной религии. Когда приблизился весенний праздник, он повелел, чтобы пасхальный агнец, которого до сих пор приносили в жертву на частных алтарях, был принесен только в святилище в Иерусалиме. Он, однако, перенес празднование праздника с обычного месяца на следующий, вероятно, потому, что сезон был недостаточно разгар. Между тем придворные не собирались оставлять короля на произвол судьбы в его правительстве. Смотритель дворца — Шебна —, похоже, постепенно отобрал у него всю власть. Езекия был поэтом, идеалистом, слабым и уступчивым, обладавшим лишь небольшой твердостью воли. Людьми с таким характером легко руководить, и даже цари подчиняются сильному уму. Вторжение Салманасара в Тир и Самарию, произошедшее в первый год правления Езекии, естественно, вызвало большую тревогу и страх в Иерусалиме и при дворе. Необходимо было принять твердое решение — либо присоединиться к союзникам, либо принести ассирийскому монарху клятвы верности. Езекия, из-за своего своеобразного характера и образа мыслей, колебался относительно того, какой курс ему следует избрать. Было ли честью бросить своих соплеменников, которые истекали кровью в результате трехлетнего вторжения в Самарию и которых, в случае победы, ожидала только самая печальная участь? С другой стороны, разумно ли было подвергать себя гневу великого монарха? Езекия, возможно, был рад, что Севна и его министры избавили его от необходимости принимать решения.

Вследствие этого отсутствия гармонии между высшими властями страны правительство Езекии выглядит полным контрастов — возвышенности и подлости, морального совершенствования и деградации, чистой веры в Бога и зависимости от иностранной помощи; царь - идеал справедливости, а его столица полна убийц. Езекия не преуспел даже в искоренении идолопоклонства. Знать сохранила своих серебряных и золотых идолов и поклонялась творению рук человеческих; в их садах стояли статуи Астарты под густо разросшимися терebinфовыми деревьями, посаженными для идолопоклоннических целей. Эта внутренняя двойная политика, вызванная бессилием короля и упрямством дворцового инспектора и знати, оказала дурное влияние на внешние отношения правительства. Иудейские государственные деятели после падения Самарии придерживались политического курса, который был бы более мудрым и почетным, если бы был принят ранее. Они приняли план разрыва с Ассирией и объединения с Египтом. Они предприняли те же меры, которые предприняла Самария десять лет назад. Они обратились за помощью к Египту, чтобы получить если не армию, то все же достаточное количество лошадей, чтобы противостоять Ассирии. План восстания против суверенной власти Ассирии, естественно, разрабатывался втайне, поскольку преждевременное сообщение об их намерениях могло привести к большим несчастьям. Но какими бы секретными ни были их предприятия, иудейские государственные деятели не могли скрыть их от общественного внимания. Они не могли избежать пророческого видения Исайи, и он применил все свое красноречие, чтобы, по возможности, предотвратить их опрометчивые действия. Его самые великолепные, самые волнующие речи были произнесены в это тревожное для общества

время. Все оружие пророческого красноречия — описание угрожающего зла, презрение к слепоте лидеров, увещевания и ободряющие перспективы на будущее — все это он использовал для того, чтобы отвратить своих упрямых соотечественников от их начинаний. Самые красивые фигуры и самые поразительные метафоры, самые трогательные мысли слетали с его уст в мощном красноречии. Совет Исаяи заключался в том, что Иудее следует сохранять нейтралитет в жарком противостоянии, которое вот-вот должно было разразиться между Ассирией и Египтом.

Между тем дела шли своим чередом, несмотря на увещевания и советы Исаяи. Царь Езекия (ибо все шаги предпринимались от его имени) отказался от своей верности ассирийцам; по крайней мере, он больше не посылал данников в Ниневию, и последовал единственный результат, которого можно было ожидать. Царь Сеннахериб собрал большую армию с намерением совершить нападение как на Иудею, так и на Египет. Покорив промежуточные земли Арама, Финикии, Самарии и Филистии, дорога в Египет была проложена, а препятствия на пути прямого нападения устранены. Иуда приготовился к обороне. Еегенералы, чувствуя себя слишком слабыми для открытой войны, решили занять горные крепости и надеялись сдержать продвижение ассирийских войск до прибытия их египетских союзников. Иерусалим укреплялся с особой тщательностью. Слабые участки стены были отремонтированы, саму стену подняли, а те дома, которые были построены слишком близко к стене вследствие расширения города, снесли. Вокруг старых укреплений города Давида (Сион) и нижнего города (Милло) была возведена новая внешняя стена, усиленная башнями. Верхнее озеро, питавшееся источником Гихон, было закрыто, и его вода поступала в город по подземному каналу. Акведук также был разрушен, чтобы перекрыть врагу водоснабжение и, таким образом, сделать затяжную осаду неосуществимой. Оружейная палата, "Дом Ливанского леса", была снабжена боевыми инструментами.

Шебна, лейтенант и инспектор дворца, по-видимому, был движущей силой всех этих мероприятий. И он, и князья Иудеи со своими приверженцами отличались большой храбростью и без страха ожидали наступления ассирийцев. На самом деле в Иерусалиме царило чрезмерное распутство; вечера проводились в застольях; люди ели, пили и веселились. Как будто с нетерпением ожидая прибытия врага, они взобрались на крыши домов, чтобы увидеть их. Исаяя не мог допустить, чтобы такая глупость и дерзость остались недоказанными. В увещевании, каждое слово которого имело сокрушительную силу, он показал народу, или, скорее, знати, их бездумную самоуверенность (Исаия xxii. 1-14). Повернувшись к Севне, он воскликнул: "Что у тебя здесь? и кого ты здесь имеешь, что ты высек себе гробницу?... Смотри, Господь повергнет тебя могучим ударом, о человек! ... ты, позор дома господина твоего!" (Ib. 16-25).

Эта речь Исаяи, направленная против самого могущественного человека в Иерусалиме, не могла не произвести большой сенсации. Это, несомненно, вывело царя Езекию из его созерцательной и пассивной позиции, поскольку вскоре после этого мы находим Елиакима, сына Хелкии, занимающим пост, который так долго занимал Севна. Этот новый управляющий дворцом действовал в соответствии с советом Исаяи, и Езекия, по-видимому, с его помощью проявил активный интерес к общественным делам. Падение Шебны положило начало переменам к лучшему. Однако то, что было сделано, нельзя было отменить. Ассирийский монарх Сеннахериб, разгневанный восстанием Езекии, уже был на пути в Иудею, чтобы опустошить ее. Часть его армии, перейдя Иордан, двинулась в глубь страны. Все укрепленные

города, которые лежали на пути, были взяты штурмом и разрушены, а жители с плачем бежали в столицу. Дороги были проложены в запустении, ни один путешественник не мог пересечь страну, ибо враг никого не уважал. Самые храбрые теряли мужество, в то время как враг все ближе подходил к столице; их отвага сменилась отчаянием. Всякая мысль о сопротивлении была оставлена. Но когда все отчаялись, пророк Исайя остался непоколебимым и вселил в малодушных мужество. В одном из открытых мест Иерусалима он произнес еще одну из тех речей, возвышенных по мысли и совершенных по форме, которые никогда не слетали с других уст, кроме его (Исаия х. 5-хi. 10). Он предсказал Ассирии крушение ее планов и развернул перед Израилем славное будущее, которое должно было последовать за их избавлением от угрожающего врага. Рассеянные вернутся из земель своего рассеяния; изгнанники Десяти колен воссоединятся с Иудеей; зависти и вражды больше не будет; чудеса времен Исхода из Египта повторятся, и нация снова возвысит свой голос в вдохновенных гимнах. Какая удивительная сила духа, какая всепобеждающая вера в Бога, в конечную победу справедливости и осуществление идеала вечного мира среди ужаса, разрухи, отчаяния и смертельного мрака настоящего!

Сеннахериб повел свои войска (в то время готовившиеся к нападению на Египет) через Филистимскую низменность на юг, не сворачивая к Иерусалиму, в то время как сам разместил свою штаб-квартиру в Лакхисе, который был одним из важнейших провинциальных городов Иудеи. У него не было причин осаждать город Иерусалим, укрепленный природой и искусством человека. Когда страна будет полностью завоевана, столица будет вынуждена сдаться сама. Если бы этот план удался, Иерусалим постигла бы участь, подобная участи Самарии, а немногие оставшиеся племена были бы уведены в плен и рассеяны за границей, чтобы безвозвратно затеряться среди различных национальностей. Несмотря на эту безнадежную перспективу, Исайя твердо придерживался предсказания, что Иуда не падет. Она пострадала бы под властью Сеннахериба, но сами эти страдания привели бы к реформированию части нации, если не всей ее.

Исайя был не единственным пророком, который в этот день угнетения и неминуемого разрушения высоко поднимал знамя надежды и предсказал славное будущее Израиля, в котором примут участие все народы земли. Мика говорил с таким же напряжением, хотя его речи не были столь артистичными или поразительными. Но среди шума битвы он говорил еще более решительно, чем Исайя, о вечном мире во всем мире и таким образом пытался возродить рухнувшие надежды Иерусалима (Михей iv.-v.).

Однако реальное настоящее разительно отличалось от возвышенных предсказаний Исайи и Михея о самом блестящем и благородном будущем. Царь Езекия, видя бедствие Иерусалима в результате подчинения и опустошения страны, отправил гонцов к Сеннахерибу в Лакхис, просить прощения за свой мятеж и дать заверения в своей покорности. Ассирийский царь потребовал в первую очередь огромную сумму в 300 хикаров (талантов) серебра и 30 хикаров золота. Езекии удалось собрать эту сумму, но он сделал это с тяжелым сердцем, поскольку оказался вынужден снять золотые украшения, украшавшие храм. Когда Сеннахериб получил эту сумму, он потребовал большего — безоговорочной капитуляции. Чтобы придать вес своему требованию, он послал подразделение своей армии в Иерусалим. Этот отряд был расквартирован к северо-востоку от города, на пути к верхнему озеру, и готовился к осаде. Однако, прежде чем

приступить к нему, ассирийцы вызвали царя Езекию на собеседование. Раб-шаке, один из ассирийских чиновников, представлявший Сеннахериба, говорил с таким презрением, как будто завоевание Иерусалима было так же просто, как ограбление птичьего гнезда. Иудейские воины, стоявшие на внешней стене, с большим беспокойством ждали результата беседы. Чтобы обескуражить их мужество, Раб-шаке произнес свою смелую речь на иврите или иудейском языке, чтобы слушатели могли его понять. Когда военачальники Езекии попросили Раб-шака обратиться к ним скорее на арамейском языке, он ответил, что желает говорить на их родном языке, чтобы воины на внешней стене могли понять его и разувериться в заблуждении Езекии. Чтобы привлечь их на свою сторону, Раб-шаке громко призвал их, чтобы Езекия не убеждал их в том, что Бог спасет их. Смогли ли боги этих стран, покоренных ассирийцами, спасти свой народ? Бог Израиля также не смог спасти Самарию от царя Ассирии. Раб-шаке открыто потребовал от иудейских воинов, чтобы они оставили своего царя и признали Сеннахериба, и тогда он повел бы их в землю, столь же плодородную, как и Иудейская. Народ и воины молча выслушали эти слова. Но когда о них стало известно в Иерусалиме, они посеяли страх и оцепенение среди всех слоев населения. Поэтому Езекия назначил пост и покаянную процессию в Храм, куда он сам отправился в траурных одеждах. Исайя воспользовался этой возможностью, чтобы воззвать к ослепленным князьям Иудеи, опасность которых не могла отучить их от греха, и внушить им, что простое внешнее благочестие, такое как жертвоприношения и посты, бесполезно (Исайя i). Обращение, с которым он выступил, не могло не произвести сокрушительного эффекта. Безопасность и спасение, сказал пророк, могут быть достигнуты только путем полного морального возрождения; но как это могло быть осуществлено в одно мгновение? Раб-шаке настаивал на принятии решения, и войска, а также нация были обескуражены. Что, если, чтобы спасти свои жизни, они откроют ворота и впустят врага? Таким образом, все взоры были обращены на пророка Исаяю. Царь послал к нему высших сановников и старейшин священников, чтобы он помолился за недостойный народ и сказал слово утешения остатку народа, собравшегося в Иерусалиме. Послание Исаяи было кратким, но обнадеживающим. Он призвал царя отбросить страх перед презренным победителем и предсказал, что Сеннахериб, напуганный каким-то сообщением, снимет осаду и вернется в свою страну. Это заявление, по-видимому, успокоило не только царя, но и охваченный террором народ. Затем Езекия послал Рабсাকে ответ, к которому тот оказался не готов. Он отказался сдаться. Как, должно быть, был разгневан великий государь, когда Рабсак сообщил ему о решении Езекии! Мелкий принц, у которого не осталось ничего, кроме своей столицы, посмел бросить ему вызов! Он немедленно отправил гонца с письмом к Езекии, в котором выражал свое презрение к маленькому государству и к Богу, в которого верил Езекия. В нем он перечислил крепости, которые были покорены ассирийцами: "Смогли ли их боги спасти их, и надеешься ли ты, что вера в твоего Бога спасет тебя?"

Ответ на это богохульное послание был продиктован Исайей. В нем он предсказал, что Сеннахериб вернется в свою страну с позорным поражением, поскольку Бог не пожелал сдавать город. Прежде чем Раб-шаке смог сообщить ответ Сеннахерибу, уже произошла перемена. Тирхака, эфиопский царь Египта, желавший предотвратить наступление ассирийцев, выступил им навстречу с большим войском. Услышав о наступлении египетских и эфиопских войск, Сеннахериб покинул свой лагерь в Лахише, собрал свои рассеянные силы и двинулся на юг до египетского пограничного города Пелузий, который он осадил.

Отчаяние Езекии из-за богохульного письма Сеннахериба было смягчено предсказанием Исаяи о том, что земля действительно будет нуждаться в этом и в следующем году, но после этого она

снова восстановит свое плодородие; "да, остатки Иудеи снова пустят свои корни вниз и принесут плоды вверх, и это возрождение будет исходить из Иерусалима; но Сеннахерибу не будет позволено направить даже стрелу против Иерусалима". В то время как царь и вельможи, верившие в пророчество Исаяи, предали надежде, глядя на то, что происходит в Иерусалиме. после ухода осаждающих войск из-под Иерусалима, что стало началом осуществления пророческого предсказания, произошло событие, которое вызвало новый ужас в Иерусалиме. Езекия был поражен опасной опухолью и находился в такой неминуемой опасности, что даже Исаяя посоветовал ему навести порядок в своем доме и организовать наследование, поскольку он все равно не оправится от своей болезни. Смерть царя, оставшегося без наследников, в это бурное время стала бы сигналом к расколу среди князей Иудеи и вызвала бы гражданскую войну в охваченной бедствиями столице. Нация была сильно привязана к своему мягкому и благородному королю. Он был самым дыханием ее жизни; и перспектива потерять его делала его вдвойне дорогим жителям Иерусалима. Услышав это печальное предсказание, Езекия, лежа на постели больного, отвернулся лицом к стене и со слезами на глазах помолился Богу. Тогда Исаяя объявил ему, что его молитвы были услышаны, что Бог пошлет ему здоровье и что на третий день он отправится в Храм. Благодаря употреблению мягкого инжира язва исчезла, и он снова выздоровел. По его выздоровлению царь сочинил проникновенный хвалебный псалом, который, вероятно, пели в Храме. (Исаяя xxxviii. 10–20.)

Выздоровление короля вызвало великую радость в Иерусалиме, но она не была безраздельной. Сомнения и тревога все еще ощущались в столице, пока борьба Сеннахериба с Египтом оставалась незаконченной. Если бы он победил, троны Иудеи и Давида были бы потеряны. Сколько длилась эта война и осада Пелузия, точно неизвестно. Внезапно до Иерусалима дошла радостная весть о том, что Сеннахериб с остатками своей армии в спешке возвращается в свою страну (711). Что случилось с многочисленным воинством? Ничего определенного не было известно, а место действия находилось далеко. В Иерусалиме рассказывали, что всепожирающий мор или Ангел Смерти уничтожил все ассирийское войско - 185 000 человек. В Египте жрецы рассказывали, что бесчисленный рой полевых мышей изгрыз колчаны, луки и амуницию армии до такой степени, что они стали бесполезны, и что солдаты, лишённые своего оружия, были вынуждены обратиться в бегство. Что бы ни стало причиной уничтожения могучего воинства Сеннахериба, его современники, по-видимому, сочли это чудом и наказанием, посланным ассирийскому царю за его гордыню и богохульство. В Иерусалиме радость, сменившаяся тревогой, была усилена тем фактом, что пророк неоднократно с самого начала нападения предсказывал, что ассирийцы не выпустят ни одной стрелы по Иерусалиму и что Сеннахериб вернется тем путем, которым пришел, так и не осуществив своих намерений.

Ликование по поводу их освобождения нашло выход в гимнах — прекрасных по форме и мысли, — которые сложили левиты-корахиты и пели в Храме. (Псалмы xlv. и lxxvi.)

Так Иерусалим был освобожден от ассирийцев. Предсказание Исаяи о том, что "иго Ассира будет снято с плеч Иуды", исполнилось в точности. Жители страны, часть из которых была заперта в столице, а часть бежала в поисках убежища в соседние лощины и пещеры, теперь вернулись в свои дома и возделывали землю в безопасности. Весь страх перед хмурым оком ассирийского царя миновал, и иудеи, территория которых была невелика, теперь могли искать другие места обитания, где они могли бы осесть и распространиться. Мысли Езекии были направлены не к войне; это была миссия князя мира. Похоже, что соседние народы действительно обращались к нему как к арбитру в своих спорах, и что беглецы и преследуемые

люди искали у него защиты. Хотя нельзя сказать, что Иуда мог похвастаться победами при Езекии, он все же занял важное положение среди народов.

После поражения Сеннахериба царь из далеких краев попытался заключить союз с Иудеей. Царь Вавилона Меродах-баладан (Мардо-кемпад), сын Баладана (721-710), отправил посольство с письмами и подарками Езекии, якобы под предлогом поздравления его с выздоровлением, но, несомненно, для того, чтобы заключить с ним союз против их общего врага. Езекия, естественно, обрадованный этим знаком уважения из далекой страны, принял вавилонское посольство с обычными почестями и показал им свои сокровища. Это проявление радости и гордости вызвало недовольство Исаяи, который пророчествовал о нанесении ущерба Иудее со стороны земли, с которой она заключала договор. Царь принял обличение пророка со смирением.

Пятнадцать лет правления Езекии после падения Ассирийского царства были золотым веком для внутреннего развития остатка Израиля. Они могли без помех жить под своими виноградными лозами и фиговыми деревьями. Как и во времена Давида и Соломона, чужеземцы иммигрировали в счастливый край Иудеи, где их любезно приняли и где они привязались к народу Израиля. Бедные и убитые горем, скорбящие и отверженные были объектами особой заботы короля. Теперь Он мог привести в исполнение свое заветное желание "иметь верных земли, богобоязненных и истинных, которые жили бы с ним в его дворце". Ученики Исаяи, проникнутые духом своего учителя, были друзьями и советниками Езекии и назывались "народом Езекии".

Вторая половина правления Езекии в целом была временем счастливого вдохновения для поэта. В этот период псалмопение расцвело самым пышным цветом. Помимо благодарственных песен и священных гимнов, слетавших с уст левитов, вероятно, написанных для использования в Храме, полусветские песни были посвящены любви и восхвалению царя Езекии. По случаю его женитьбы на прекрасной девушке, чьи чары тронули сердце царя, один из корахитов сочинил любовную песню. Два вида поэзии, своеобразное свойство еврейского народа, с которым не сравнится литература ни одного другого народа, поэтическое и ритмическое выражение пророческого красноречия и псалмов, достигли своей кульминации при Езекии. Притчи, эта третья ветвь еврейской поэзии, были не только собраны, но и дополнены поэтами времен Езекии.

Езекия правил в тишине и покое до конца своих дней. Поражение Сеннахериба было настолько полным, что он не мог и думать о том, чтобы предпринять еще один поход против Иудеи. Была испытана великая радость, когда Сеннахериб, который бросал такие гордые и богохульные высказывания в адрес Бога и народа Израиля, был убит своими собственными сыновьями, Адраммелехом и (Нергал-) Шарецером, в храме одного из ассирийских богов. Ничего не известно о последних днях Езекии (696). Он был последним царем, чьи останки были захоронены в царском мавзолее. Люди, которые были сильно привязаны к нему, устроили ему пышные похороны. Похоже, что у него остался единственный сын по имени Манассия, которого родила ему его жена Хефзи-ба после окончания ассирийской войны.

ГЛАВА XV. ПОСЛЕДНИЕ ЦАРИ ИУДЕИ.

Манассия —Фанатичная ненависть к политике Езекии—Введено ассирийское богослужение—Анавим—Преследование пророков—Эсархаддон—Колонизация Самарии—Амон—Иосия—Халда и Софония—Дела в Ассирии—Возрождение Иудеи при Иосии—Ремонт Храма—Иеремия—Книга Второзакония—Пасха Иосии—Битва при Мегиддо.

695-608 гг. до н. э.

Иудейскому народу не было суждено наслаждаться непрерывным счастьем даже в течение нескольких поколений. Его сила подверглась испытанию в результате быстрых переходов от процветания к несчастью. Вскоре после могущества и единства второй половины правления Езекии наступили слабость и распад; за тишиной и умиротворением последовали дикие беспорядки, а за весенним периодом духовной культуры - разрушительная засуха. Это правда, что никакие бедствия политического характера не тревожили страну под властью преемника Езекии, и те опасности, которые угрожали стране из-за рубежа, вскоре миновали. Но дома возникли неблагоприятные обстоятельства, которые привели к расколу и, таким образом, к длительной слабости. Что может быть хуже для содружества, чем зависть и ненависть между его членами и антипатия сельского населения к столице? Такие чувства возникли при правлении сына Езекии, который, к несчастью для страны, правил более полувека (695-641). Отчасти причиной этого недовольства была молодость Манассии.

Под властью двенадцатилетнего мальчика, чье правление находится в руках его слуг, склонны править честолубие, алчность и даже худшие страсти, если только те, кто у власти, не являются людьми высокой моральной ценности, чей патриотизм превосходит их себялюбие. Князья дома Иудина, однако, не достигли такой нравственной высоты. На самом деле они были полны негодования по поводу пренебрежения, которому подверглись во время правления Езекии, и стремились лишь восстановить свое прежнее положение, устранив незваных гостей и утолив их жажду мести. Теперь к власти пришли придворные и чиновники, которые, казалось, находили свое главное занятие в том, чтобы обратить вспять все, что было введено при Езекии. Порядок вещей, установленный этим царем, независимо от того, определяется ли он как восстановление или новшество, покоился на древних израильских доктринах единства Бога, Его бестелесности, отказа от всякого идолопоклонства и централизованного богослужения.

Целью фанатиков, стоявших во главе правительства, было опрокинуть эту систему. Образовалась идолопоклонническая фракция, на которую повлияли не только сила привычки, любовь к подражанию или неверно направленное религиозное чувство, но и страстная ненависть ко всему, что относилось к древним израильским обычаям, и любовь ко всему иностранному. Во главе этой партии стояли принцы, под чьим влиянием и опекой находился молодой король. Вскоре после восшествия Манассии на престол знать, действовавшая от имени царя, приступила к запланированным ими нововведениям. Их первым шагом было объявить законным использование высоких алтарей, которые Езекия так решительно осуждал. Затем они устроили дикие оргии идолопоклонства в Иерусалиме и Храме. Не только древний ханаанский, но также ассирийский и вавилонский способы богослужения стали обычными в Храме, как бы в насмешку над Богом Израиля. Во дворах Храма были воздвигнуты алтари Ваалу и Астарте, а на крышах домов - алтари поменьше в честь пяти планет. Во дворе Храма было

установлено большое изображение (Ссемель), вероятно, ассирийской богини Милитты, как бы для того, чтобы оскорбить Бога Израиля.

Даже более пагубным, чем эта дикая смесь идолопоклонства сама по себе, было ее влияние на мораль. Распутным храмовым служителям и жрицам (Кедесхот) Астарты были предоставлены кельи, где они вели дикий и распутный образ жизни. Погребальный костер (Тофет) снова был воздвигнут в прекрасной долине Бен-Хинном, где нежных детей бросали в огонь в качестве жертвоприношения Молоху, чтобы предотвратить бедствие. Все было сделано для того, чтобы память о Боге Израиля канула в лету. Группа идолопоклонников убеждала себя и других, что Бог стал бессилен и что Он не может принести им ни добра, ни зла. Желание подражания имело немалую долю в этом религиозном и моральном извращении. Привычка и принуждение, применяемые к недовольным, вскоре распространили зло, которое исходило от двора и принца, пока не распространилось по всей стране. Священники семьи Аарона, вероятно, поначалу не желали участвовать в этом отделении от Бога Израиля. Поэтому в страну были привезены священники-идолопоклонники (Хемарим), которым, как и во времена Иезавели и Гофолии, было разрешено принимать участие в службе в Храме. Лжепророки также не желали присоединять свой голос к этим мерзостям. Какое дело, каким бы плохим оно ни было, если, пользуясь благосклонностью великих, не нашло красноречивых языков, чтобы защитить, оправдать или даже рекомендовать его как единственно верное и благое? Такое положение вещей, если бы ему не противодействовали, привело бы к полному забвению всего прошлого и уничтожению нации, которая должна была принести благословения всему человечеству.

К счастью, в Иерусалиме существовала сильная партия, уважавшая закон, столь презираемый придворной фракцией. Они составляли резкий контраст с представителями идолопоклонства и были полны решимости скрепить свои убеждения даже своей кровью. Эти "ученики Господа", которых Исая учил и воспитывал как своих собственных детей, были многострадальными анавимами, малочисленными и низкого ранга, чья решимость, однако, придавала им огромную власть. Их можно назвать анавитами, или пророческой партией; они называли себя "сообществом праведных" (*Сод Иешарим в'Эдах*). Эта община подверглась многим тяжелым испытаниям в результате перемен, произошедших при Манассии. Наименьшей из их проблем было то, что люди, которых Езекия назначил судьями и должностными лицами государства, были отстранены от своих должностей придворной партией, и что Аронида из семьи первосвященника Садока, которые отказались принимать участие в идолопоклонническом богослужении, были изгнаны из Храма и лишены доходов от жертвоприношений и даров. Пророки возвысили свой голос, осуждая эти преступления, и другие члены этой общины выразили свой ужас перед дерзостью придворных; но Манассия и князь Иудеи не останавливались ни перед каким преступлением и, подобно ненавистной Иезавели, топили голоса пророков в крови. Пророческие изречения этого периода не сохранились; у ревностных служителей Божьих не было времени записать их. Насильственная смерть настигла их прежде, чем они успели схватиться за карандаш, или они были вынуждены скрывать свои мысли за завуалированным языком. Как будто эти печальные времена были обречены на забвение, историки почти ничего не зафиксировали, представляющего общественный интерес. Событие, имевшее огромное значение для Иудеи, произошло во время правления Манассии, и в исторических книгах о нем рассказывается очень мало или вообще ничего не говорится.

Один из сыновей Сеннахериба, чей отцеубийственный акт уничтожил гордого завоевателя в храме, воссел на шатающийся трон Ниневии. Он также погиб насильственной смертью от руки своего брата Асархаддона. Асархаддон (680-668) использовал неразбериху и гражданскую войну, разразившиеся в Вавилонии, чтобы низвести эту древнюю метрополию до простой зависимости от Ассирии. Окрепший таким образом Асархаддон начал войну с Египтом, от завоевания которого его отец был вынужден отказаться. Некоторые из его военачальников, по-видимому, высадились на побережье Иудеи, чтобы посредством угроз подчинить Манассию. Манассия отправился к нему, чтобы заключить справедливый мир, но, как рассказывают, его взяли в плен и в цепях отвели в Вавилон. Это было дурным предзнаменованием для дома Давида, который утратил веру в свое происхождение и проявил слепую любовь к чужеземцу.

Предполагается, что сын Сеннахериба отправил пленников из покоренных им стран, таких как Вавилон, Кута, Сефарваим и Хамат, в Самарию, чтобы колонизировать ее. Этому событию, которое в то время казалось не имеющим значения для Иудеи, было суждено стать важным в будущем. Эти изгнанники, которых по их происхождению называли кутеянами, а по местам их обитания - самаритянами, постепенно переняли израильские обычаи, вероятно, от небольшого остатка израильтян, оставшихся после разрушения царства Десяти колен. Кутейцы совершали паломничества в святые места Вефиля, где израильские священники совершали богослужение. Они, однако, продолжали поклоняться идолам, и некоторые из них приносили в жертву людей.

Сам Манассия был освобожден из плена и отправлен обратно в свою страну Асархаддоном или его преемником; но характер его не улучшился. Идолопоклонничество и неблагоприятные условия, вызванные безнравственностью и жестокими преследованиями, продолжались до его смерти. Когда он умер (641), его похоронили не в городе Давида, как его предшественников, а в саду Узза, пристроенном к королевскому дворцу в пригороде Милло. Он сам выбрал это место для своей могилы и тем самым молчаливо признал себя недостойным покоиться в могиле своего праотца Давида.

Ему наследовал его старший сын Амон (640-639), который, хотя и был старше своего отца на момент восшествия на престол, все же, по-видимому, имел не больше способностей к правлению, чем его предшественник. Идолопоклоннические заблуждения, которые привели к последствиям, столь пагубным для морали в правление его отца, продолжались и при нем, но, в отличие от своего отца, он, по-видимому, не преследовал партию пророка. Однако он правил так недолго, что о нем, его деяниях и чувствах известно очень мало. Его слуги, то есть начальник дворца и главные придворные вокруг него, составили против него заговор и убили его в его собственном дворце (639). Нация, по-видимому, любила Амона, поскольку люди подняли восстание против заговорщиков, убили их и посадили на трон сына Амона Иосию, которому было восемь лет (638-608). Это изменение правил было почувствовано не сразу. Знать и князья Иудеи продолжали править от имени царя во время его совершеннолетия и поддерживали нововведения Манассии, которые они стремились прочно утвердить.

Но число "страдальцев земли", которые цеплялись за заповеди Бога Израилева, увеличивалось с каждым днем, и они сформировались в активную группу. Из этого круга при Иосии вышли различные пророки. Они вкладывали свои пламенные слова в распространение чистых доктрин Бога, открывали свои уста во имя справедливости и старались изменить положение вещей к лучшему. В это время также появилась пророчица по имени Хулда, и ее совет, как и совет Деборы, пользовался большим спросом. Софония был старшим из более поздних пророков. Он

происходил из уважаемой семьи в Иерусалиме, чьи предки были известны еще в четвертом поколении. Он открыто выступал против слабости, моральной деградации и идолопоклонничества своих современников, особенно знати и принцев, которые гордились подражанием всем иностранным обычаям. Подобно старшим пророкам, Амосу и Иоилу, он предсказал наступление "страшного дня Господня, дня тьмы и безвестности". В своих пророчествах, касающихся других народов, он особенно предсказал полное разрушение гордого города Ниневии.

В это время начался постепенный упадок могущества Ассирии. Народы, которые оставались верными Ассирии, теперь отделились от предпоследнего ассирийского царя (Самугеса?) или были вынуждены мидянами отказаться от своей верности. Второй царь Мидии, Фраортес (Фравартч), покорял нацию за нацией, включая персов, и совместно с ними предпринял поход на Ниневию. Ассирийцы, хотя и покинутые своими союзниками, все же были достаточно сильны и воинственны, чтобы нанести поражение мидийскому войску (635 г.), когда Фраорт был убит. Но его сын Киаксарес, который был еще более смелым и предприимчивым, чем его отец, поспешил отомстить за последнего, собрал большую армию, которую разделил в соответствии с вооружением различных частей, напал на Ассирию, разбил ее армию и двинулся на Ниневию (634). Но вторжение в Мидию бесчисленных орд скифов вынудило его снять осаду ассирийской столицы. Не сумев справиться с ними в бою, он купил освобождение ценой огромной дани. Ассирийцы были вынуждены следовать аналогичным курсом. Повернув на запад, скифы достигли Финикии и, продвигаясь вдоль побережья Филистии, вскоре угрожающе остановились перед воротами Египта. Здесь царь Псамметих встретил их богатыми дарами и искренними мольбами убедил их воздержаться от предполагаемого вторжения. После этого многие из них отправились на север, в то время как другие бросились в Малую Азию. Некоторые из них остались в Филистии, наводнили страну и сожгли храм Милитты, ассирийской богини разврата. Скифы хлынули из Филистии в соседнюю страну Иудею, разорили землю, угнали скот и сожгли города и селения. Однако, по-видимому, они не входили в Иерусалим. Без сомнения, молодой царь Иосия со своим дворцовым управляющим отправился им навстречу и побудил их сдачей сокровищ пощадить столицу.

Это ужасное время, когда слухи о разрушении городов и жестоких убийствах людей постоянно достигали ушей народа, произвело глубокое впечатление на жителей Иудеи. Там, где предсказания пророков остались без внимания, их фактическое исполнение доказывало безумие идолопоклоннического поклонения. Смогли ли боги Ассирии, Вавилона, Финикии или Филистии спасти свой народ от жестокого нападения скифов? Теперь настроения жителей Иерусалима изменились, и душа царя Иосии была глубоко тронута. Он был мягким, набожным и восприимчивым по натуре; только по привычке он посвятил себя безрассудству идолопоклонства, не полностью поддаваясь злоупотреблениям того времени. Важные события, происходящие сейчас, показали ему, что он и его нация блуждали по извилистым путям. Однако, придя к такому выводу, он не решился изгнать из столицы своего королевства идолопоклонство, которое было введено во времена правления его деда полвека назад. Он не осмелился разбудить князей Иудеи, которые держали в руках бразды правления и были сильно привязаны к идолопоклонству. Это потребовало бы героического решения, а Джосайя не мог заставить себя действовать с необходимой целеустремленностью. Следовательно, необходимо было, чтобы кто-нибудь побудил его к действию и к утверждению его королевской власти над теми, кто его окружал. Пророческая партия взяла на себя работу по убеждению Иосии вернуться к служению Богу и отказаться от всего иностранного богослужения. Однако он лишь

предпринял меры, рассчитанные на то, чтобы спасти святой Храм Господень от его заброшенного состояния и упадка, в который он пришел. Стены, залы и пристройки Храма потрескались и грозили обрушиться, а украшения были изуродованы. Иосия принял меры, чтобы предотвратить, по крайней мере, этот внешний упадок. Он вернул изгнанных священников и левитов на службу в Храм (627 г.) и приказал им собирать пожертвования на обновление Храма. Во главе их он поставил первосвященника Хелкию, дом которого не был осквернен нечистотами идолопоклонства. Но откуда были взяться средства? Любовь богатых к своему Храму настолько остыла, или нация настолько обнищала из-за грабежей скифов, что уже невозможно было рассчитывать на добровольные пожертвования, подобные тем, что были во времена царя Иоаша. Таким образом, возникла необходимость просить подаяния, чтобы иметь возможность отремонтировать святилище. Посланцы левитов ходили по городу и стране, от дома к дому, прося пожертвования. Между тем, хотя царь Иосия таким образом активно трудился на благо Храма, ему не хватало твердости в искоренении ошибок идолопоклонства. Правда, некоторые вельможи формально вернулись к своему древнему вероучению, но только в той мере, в какой они клялись Иеговой, продолжая поклоняться идолам. Требовались другие влияния, чтобы произвести впечатление на Джосайю, прежде чем он смог заставить свое сердце действовать. С двух сторон пришла сила, которая побудила его сделать последний шаг. С одной стороны, импульс исходил от одного из пророков, который с ранней юности говорил мощным и неотразимым языком, а с другой - от книги, которая открыла царю недостойность нерешительности. Эти два фактора объединились, чтобы улучшить положение вещей в расширенном кругу, а также придать древнему закону новый интерес и ореол поэзии. Этим юношей был пророк Иеремия, а книгой - Второзаконие. Иеремия (Jeremiah), сын Хелкии (родился между 645 и 640 годами, умер между 580 и 570 годами), происходил из маленького городка Анафот в колене Вениамина. Он не был беден, хотя ни в коем случае не обладал большим богатством. Его дядя Шаллум и сын последнего Ханамил (родственники его матери) владели земельной собственностью в Анафоте.

Душа Иеремии была богатой и чистой, как чистое зеркало или глубокий родник. Наделенный мягким нравом и склонный к меланхолии, религиозное и нравственное состояние его окружения производило на него печальное впечатление даже в ранней юности. Все, что было ложным, порочным и недостойным, вызывало у него отвращение и наполняло его печалью. С того времени, как он начал свою работу, его соотечественники, жрецы Анафота, преследовали его с такой жгучей ненавистью, что невозможно подумать, что они могли определить склад его ума. Несомненно, однако, писания старших пророков оказали влияние на его характер и идеи. Его дух настолько проникся их учением, что он использовал их мысли, выражения и слова как свои собственные. Это изучение письменного пророческого наследия придало его уму определенную направленность и наполнило его возвышенными представлениями о Боге, о моральном порядке в событиях человечества, о важности прошлого Израиля и его значении в будущем, и научило его ненавидеть все низкое. Следуя божественному призыву, он приступил к своей пророческой миссии, а затем инициировал других либо в Анафоте, либо в Иерусалиме. Описание его собственного посвящения (Иер. гл. i) не выдерживает никакого сравнения с простотой и глубиной, с которыми Исайя представил себя как пророка. Времена требовали иного красноречия. Моральная деградация сильно повлияла на нацию, и разруха неминуемо наступит, если в ближайшее время не подоспеет помощь. Иеремия, подобно прежним пророкам, обращался не к небольшому культурному кругу, а к большим народным собраниям, к князьям, а также к жителям Иерусалима и народу Иудеи. На них было бы напрасно тратить

речевые обороты; необходимо было говорить ясно и по назначению, чтобы слова могли возыметь эффект, и поэтому Иеремия говорил в основном простой прозой, лишь изредка вплетая в свою речь цветы риторики. Угрозы наказания и объявления о спасении его предшественников, за исключением Исаяи, были в основном расплывчатыми и неопределенными, и по этой причине презрительные жители Иерусалима пустили их в ход. Иеремии пришлось противодействовать последствиям такого пренебрежительного отношения к пророческим объявлениям. Он был наделен большими пророческими дарами, чем любой из его предшественников — даже чем Исаяя. Сначала он пророчествовал из года в год; позже, когда трагическая судьба приблизилась к своему исполнению, он из месяца в месяц предсказывал события, которые должны были произойти, и его пророческие видения сбывались с поразительной точностью. Он видел будущее не в неясном свете грез, а среди бела дня, с открытыми глазами, находясь в общении с внешним миром. Поэтому он не говорил загадками, не делал скрытых намеков, но называл вещи их истинными именами.

На этот чистый пророческий дух была возложена тяжелая задача пробудить порочный народ, который сбивался с пути почти полвека, как раз в то время, когда король выходил из летаргии, в которую он погрузился.

Как только Иеремия получил свой звонок, его неуверенность и мягкость исчезли. Он описывает ощущения, которые пробудил в нем пророческий дух (Иеремия xxiii. 29):

"Не подобно ли слово мое огню? говорит Господь: и молоту, сотрясающему скалу?"

Его первая речь, исполненная жгучего красноречия, была направлена против отпадения нации от ее традиций, против идолопоклонства и его мерзостей. В нем он обрушил свои сокрушительные слова не только на извращенное идолопоклонство, но и на частое повторение кровопролития (Иеремия ii.).

Подобные слова из уст столь юного оратора не могли не произвести впечатления. Некоторые знатные семьи отвернулись от своего безнравственного образа жизни и вернулись к Богу, которому поклонялись Иеремия и другие пророки. Семья Шафана, занимавшая высокое положение, присоединилась к партии пророка и горячо защищала ее. Тем временем царь Иосия искренне посвятил себя восстановлению разрушенного Храма. Он поручил (621) трем своим старшим чиновникам — Шафану, Маассии, губернатору города, и Иоаху, канцлеру — вызвать первосвященника, чтобы тот передал средства, собранные под его наблюдением, чтобы они могли быть использованы для покупки строительных материалов и оплаты труда рабочих. Когда Хилкия отдал сумму, он также вручил большой свиток Шафану, сказав: "Я нашел книгу закона в Храме". Шафан прочитал свиток и был настолько поражен его содержанием, что сообщил царю о сделанном открытии. Эта книга оказала удивительное влияние. Книга Закона, которую первосвященник Хелкия дал Шафану для вручения царю, была последним завещанием пророка Моисея, которое перед своей смертью он рекомендовал серьезно рассмотреть своему народу. В ней есть историческое введение и исторический эпилог, ведущие историческую хронику вплоть до смерти Моисея и после нее. Законы, как правило, холодны, суровы и непреклонны, и угрожающим жестом они говорят: "Ты должен или не должен, или тебя постигнет суровое наказание". Книга законов, найденная во времена Иосии, не изложена в таких выражениях. Она увещевает, предупреждает и фактически умоляет о том, чтобы то или иное было сделано или не сделано. В нем используется язык любящего отца, чьего сына, стоящего перед великой целью, предупреждают, чтобы он не потерял светлое будущее,

открывшееся перед ним по его собственной вине, и таким образом не стал объектом презрения и позора. От этой книги Второзакония веет приятным ветерком. Словно гирляндой цветов, законы (Мицвот), уставы (Чукким) и постановления (Мишпатим) окружены историческими воспоминаниями и проникновенными наставлениями, изложенными возвышенным и поэтичным языком.

В книге также содержится своеобразный гимн, который, как говорят, сочинил Моисей. В этом гимне говорится, что нация, вследствие своего процветания, отвернулась бы к ложным богам, и развращенный народ был бы призван наказать ее. Тогда оно увидело бы, что его избранные боги не могут помочь ему, и что только Бог, который так чудесно руководил им, мог убивать и оживлять, мог ранить и исцелять, и что Он отомстит за это и очистит запятнанную землю. Ужасны наказания, занесенные в этот список за неподчинение законам. Приоткрывается завеса над будущим и показываются ужасные бедствия, которые ожидают народ и короля, если они продолжают свой нынешний курс. Все бедствия, которые могли бы довести человечество до отчаяния, ярко описаны на этой картине. С одной стороны, бесплодие, голод, засуха и мор; с другой - унижение и преследование, деспотичное рабство и позор, пока физические и духовные страдания не закончатся разрывом сердца, безумием и идиотизмом.

Эта своеобразная книга закона с ее убедительными увещеваниями и мрачными перспективами, которую священник Хелкия нашел и прочитал Шафану, была поспешно отнесена последним царю Иосии, которому он прочитал отрывки из нее. Напуганный и потрясенный угрозами наказания и мучимый угрызениями совести за то, что до сих пор допускал проступки, столь ясно описанные в недавно обнаруженной книге, король в своем горе разорвал на себе одежды. Он послал за первосвященником Хелкией, чтобы тот дал ему совет. По его предложению царь Иосия отправил его и нескольких его офицеров к пророчице Хульде, жене Шаллума, смотрителя гардероба, одного из царских чиновников. Она объявила королю, что надвигающееся несчастье не должно обрушиться на него и его народ в его дни, поскольку он раскаялся в своих прежних поступках.

Утешенный судьбой своего народа во время своего собственного правления, царь Иосия с огромной энергией взялся за дело возрождения. Он взял недавно открытую книгу закона в качестве своего руководящего принципа и был гораздо более суров и основателен, чем Езекия, в искоренении идолопоклонства. Сначала Он созвал всех старейшин народа из столицы и страны, а также все население столицы, священников и пророков и даже скромных храмовых рубщиков дерева и кувшинов с водой и велел зачитать им содержание книги законов. Сам он стоял во время чтения на возвышении, которое было воздвигнуто для царя в Храме. Впервые весь народ Иудеи был проинформирован о своих обязанностях, своих ожиданиях и перспективах в отношении подчинения или неподчинения законам. Король предложил заключить соглашение, в соответствии с которым все присутствующие должны были взять на себя обязательство от всего сердца и души выполнять законы и таинства, которые были им зачитаны. Затем были громко провозглашены слова: "Да будут прокляты все те, кто отступит от этого закона", и все присутствующие сказали "Аминь". Царь приказал первосвященнику Хелкии, священникам второго ранга, которые должны были присматривать за Храмом, и левитам-стражам храмовых ворот очистить его от различных форм идолопоклонства. Таким образом, позорная фигура Астарты, алтари и кельи проституток, а также все предметы, относящиеся к поклонению Ваалу и Астарте, солнечные кони у входа в Храм и, наконец, алтари для поклонения звездам - все это было убрано, раздавлено и сожжено в долине Кедрон, а пепел

развезен над могилами мертвых. Алтарь в долине Хинном, где приносились в жертву дети, был осквернен по приказу царя. Все главные алтари по всей стране были разрушены. Это очищение простиралось до Вефиля, где у кутеев, поселившихся в этом месте, и остатков Израиля все еще были свои святилища, и до тех городов, которые раньше принадлежали Самарии. Жрецы идолов и алтарей были низложены, лица левитского происхождения были вынуждены оставаться в Иерусалиме, где за ними можно было присматривать и где, хотя им и не разрешалось приносить жертвы, они получали свою долю десятины потомков Аарона. Все иностранные священники были уволены и, вероятно, высланы из страны. Иосия сделал жестокое исключение для израильских священников в Вефиле, которые продолжали поклоняться быку, введенному Иеровоамом, и привели к деградации нации. Эти священники были убиты на алтарях, а последние были осквернены человеческими останками. Царь решил сделать ярким примером Вефиль, место, где зародилось отрицание и пренебрежение древним законом Божьим. Менее виновные потомки должны были в этом случае, как и во многих других, искупить вину своих более виновных предков. Царь сам приступил к осквернению идолопоклоннического алтаря в Вефиле. Он уничтожил различные идолопоклонства, которые в разное время пустили корни и процветали на еврейской земле, и таким образом действовал в соответствии с заповедями, содержащимися во Второзаконии.

Весной того же года (621) Иосия созвал весь народ на празднование праздника Пасхи в Иерусалиме, согласно постановлениям Закона, и народ охотно подчинился его повелению, поклявшись действовать в соответствии с Законом. Этот праздник, впервые отмечаемый всей нацией, был особенно торжественным благодаря вдохновляющим псалмам, которые пели левиты в сопровождении. Сохранился один псалом, который, по-видимому, был спет по этому случаю. Хор певцов-левитов призывал ааронитов восхвалять Бога Иакова, напоминал им о преследованиях, которым они подверглись, об освобождении из Египта и об откровении на Синае, а также предостерегал их держаться подальше от чужих богов. Они намекали на изгнание части народа и пророчествовали счастливые дни для тех, кто соблюдал синайский закон. (Псалом lxxxi.) Энергичные действия Иосии против идолопоклонства казались настолько важным событием для верующей части народа, что пророки датировали с того времени новую эпоху. Мерзость идолопоклонства с его ужасными последствиями, которая так деморализовала нацию на протяжении семи десятилетий, внезапно исчезла благодаря усердию короля. Социальные условия также улучшились. Иосия настаивал на предоставлении избирательных прав еврейским рабам, пробывшим шесть лет в рабстве, в соответствии с законом, который он избрал своим проводником. Он также назначил беспристрастных судей, которые должны были обеспечить правосудие для бедных и беспомощных в борьбе с сильными мира сего. Исторические свидетельства утверждают об Иосии, что ни один царь до него никогда так искренне не возвращался к Богу и так строго исполнял закон Моисея. На самом деле, Иосия, по-видимому, также энергично проявлял себя в политических вопросах; у него хватило смелости отстаивать свою независимость даже против Египта.

В начале своей пророческой карьеры Иеремия провозгласил период всеобщего разорения, за которым должно последовать новое устройство вещей. Эти перемены начались в последние годы правления Иосии. Ассирийская империя, подчинившая своему игу столько народов, должна была быть предана полному уничтожению, и на ее месте должны были возникнуть новые империи. Мидия и Вавилон, ближайшие владения Ниневии, отомстили за преступления, в которых был повинен этот город за гордое обращение со своими приверженцами. Предприимчивый Набополассар из Вавилона (625-605) разорвал последние узы, связывавшие

его страну с Ассирией, и добился независимости. Египет также пытался воспользоваться растущей слабостью Ассирии. Здесь на трон взошел отважный царь по имени Нехо (Некос, Некайи), сын Псамметиха, и стремился восстановить былое могущество Египта. Нехо собрал большую армию с намерением завоевать область Ливана вплоть до Евфрата и унижить Ассирию. Он взял штурмом укрепленный филистимский город Газу и, продвигаясь по склону на побережье Средиземного моря, намеревался достичь Иордана через равнину Изреель. Иосия, однако, воспротивился его продвижению через эту территорию, которая ранее находилась во владении израильтян. Едва Нехо и его армия достигли середины равнины Изреель, как армия Иуды преградила ему путь в Мегиддо. Говорят, египетский царь заверил Иосию, что его кампания направлена не против земли Иудеи, а против более отдаленных территорий. Несмотря на это, Иосия вынудил его вступить в бой. Результат был катастрофическим для царя Иудеи, ибо его армия была разбита, а сам он был опасно ранен (608). Его слуги поспешно доставили своего любимого короля в Иерусалим, и по прибытии туда он испустил дух. Когда его похоронили в новом мавзолее, мужчины и женщины горько плакали и восклицали: "О, царь! о, слава!" Из года в год, в годовщину того дня, когда этот последний превосходный царь из дома Давидова пал, пронзенный стрелами, исполнялся плач, сочиненный Иеремией по этому случаю. Ни один царь не был оплакан более искренне, чем Иосия. Неудачная битва при Мегиддо на равнине Изреель стала поворотным моментом в истории Иудеи.

ГЛАВА XVI. КОНЕЦ ИУДЕЙСКОГО ЦАРСТВА.

Последствия внешней политики Иосии — Иоахаз—Иоаким -Введено египетское идолопоклонство—Пророки—Урия, Сын Шемаии—Возобновление трудов Иеремии—Падение Ассирии—Навуходоносор—Барух читает Свиток Иеремии-Подчинение Иоакима—Его восстание и смерть—Иоахим—Седекия—Осада Иерусалима Навуходоносором—Осада, снятая из-за вмешательства Египта—Поражение египтян—Возобновление осады—Взятие Иерусалима—Седекия в Вавилоне—Разрушение столицы—Стенания Иеремии.

608-586 гг. до н. э.

Иосия рассчитывал обеспечить независимость Иудеи, прекратив вмешательство Египта в дела других стран, но эта политика привела к подчинению его собственного народа Египту. В Иерусалиме, где горько оплакивали смерть короля, никаких дальнейших шагов не предпринималось до тех пор, пока не было принято решение об избрании нового короля. Иосия оставил трех сыновей; первенцем был Елиаким, а двумя младшими - Шаллум и Маттания. Отец, по-видимому, назначил своим преемником Шаллума, сына своей любимой жены. Чтобы отдать дань уважения своему глубоко оплакиваемому царю, народ одобрил выбор Иосии, хотя Шаллум был на два года моложе Элиакима. Вступив на престол, он, согласно обычаю, взял другое имя — Иоахаз.

Однако дело дошло до того, что воля нации больше не могла твердо утвердить своего короля, а священное масло не могло сделать его личность священной: решающее слово принадлежало другой силе. Царь Египта, которому страна перешла в подчинение после победы при Мегиддо,

решил иначе. Очевидно, не заботясь об Иудее, Нехо форсированным маршем достиг района Евфрата; овладел территориями Арама, или Сирии, принадлежавшими Ассирии, и поселился в Рибле. Иоахаз отправился туда, чтобы встретиться с Нехо, утвердить им свое избрание и в то же время получить от него землю Иудею в качестве государства-данника. Но новоизбранный царь не нашел благосклонности в глазах египетского правителя, который приказал заковать его в цепи и увезти в Египет. Затем он назначил Елиакима царем Иудеи. Иоахаз царствовал всего три месяца.

Елиакиму, или, как его стали называть после восшествия на престол, Иоакиму (607-596), пришлось выполнять неприятную обязанность в самом начале своего правления. Нехо наложил на эту землю тяжелую и унижительную дань в размере 100 кикаров серебра и одного кикара золота в качестве наказания Иосии за то, что тот препятствовал его походу по стране. В то время ни во дворце, ни в Храме не было сокровищ. Поэтому Иоаким обложил налогом всех богатых в соответствии с их состоянием и заставил своих слуг принудительно собирать эти налоги. К этому унижению добавилось еще одно зло. Нравственное и религиозное совершенствование, осуществленное Иосией, должно было, согласно предсказаниям, содержащимся в недавно открытом законе, принести за собой более счастливые времена, и теперь люди были жестоко разочарованы. Богобоязненный царь пал на поле битвы и был возвращен умирающим в столицу; цвет израильской армии был повержен, принц царственной крови лежал в оковах, а страна впала в позорное рабство.

Это изменение вызвало перелом в общественном мнении; начался рецидив. Нация, включая наиболее просвещенных среди них, начала сомневаться в силе Бога, который не выполнил или не мог выполнить данные им обещания. Они лелеяли иллюзию, что, возобновив иноземные идолопоклоннические обряды, существовавшие в течение столь долгого периода правления Манассии, они улучшат свое положение. Поэтому они вернулись к своим злым путям, воздвигли жертвенники и возвышенности на каждом холме и под каждым зеленым деревом. В Иудее было столько богов, сколько было городов. Они воздавали особое почтение египетской богине Нейт, Царице Небес, которой наиболее ревностно поклонялись в Саисе, столице царя Нехо; ибо разве эта богиня не помогла египетскому царю в одержанной им победе? В домах снова были установлены изображения из золота и серебра, дерева и камня. Сам Храм, как и во времена Манассии, был снова осквернен отвратительными идолами. Самой позорной чертой перемены было то, что жертвоприношение детей снова возобладало, как во дни Ахаза и Манассии. В прекрасной долине Хинном снова был воздвигнут алтарь, и стонущих детей безжалостно приносили в жертву Молоху, причем для жертвоприношения отбирались первенцы.

Эти идолопоклоннические и аморальные действия сопровождались пороками и преступлениями разврата, прелюбодеяния, притеснения чужеземцев, вдов и сирот, искажением правосудия, неправдой, нечестностью, ростовщичеством и жестокостью по отношению к неплатежеспособным должникам, а также убийствами. Несомненно, существовал класс, который поддерживал закон и сожалел об ужасах этих преступлений. Но среди масс, которые предались заблуждениям идолопоклонства и безнравственности, тем, кто желал лучшего, было трудно претворить в жизнь свои взгляды на практике. Лжепророки пропагандировали несправедливые поступки и преступления. Царь Иоаким, хотя на самом деле и не поощрял возрождение идолопоклонства, допустил его и либо по слабости, либо из сочувствия к ним ничего не сделал, чтобы остановить моральный упадок. Царь не обратил

внимания на суровые предупреждения пророков, его наставники подверглись преследованиям или были убиты.

Перед пророками Божьими стояла тяжелая задача в это время вырождения; они должны были быть готовы к преследованиям и жестокому обращению. Но они мало обращали внимания на опасности, которым подвергались; они чувствовали себя обязанными бесстрашно противостоять надвигающемуся моральному и религиозному краху. Ни в один период не появлялось так много пророков, как в последние два десятилетия перед разрушением Еврейского царства. Они обращались к народу, принцам и королю почти ежедневно, при каждом удобном случае; они предупреждали, воодушевляли и угрожали им, а также пророчествовали об их уничтожении, если господствующее зло не прекратится. Сохранились имена только четырех из этих пророков: Иеремии, Урии, Аввакума и Иезекииля. Но пророчества других людей, которые вели битву с идолопоклонством, сохранились, хотя их имена не были записаны.

Об Урии, сыне Шемайи, из Лесного города (Кириаф-Иарим), ничего не известно, кроме его трагической смерти. В начале правления царя Иоакима (между 607-604 годами) он предсказал разрушение Иерусалима и всей земли, если народ не откажется от своих злых путей. Когда Иоакиму сообщили об этом зловещем пророчестве, он отправил гонцов схватить и убить его автора. Тем временем Урия, будучи тайно предупрежден об опасности, бежал в Египет. Иоаким, однако, был так разгневан на него, что послал одного из своих вельмож в Египет потребовать его сдачи. Он был доставлен обратно в Иерусалим и обезглавлен, а его тело было брошено на место захоронения простых людей. Это убийство пророка, вместо того чтобы запугать Иеремию, по-видимому, утвердило его в его энергичных действиях. С восшествием на престол Иоакима и возвращением нации к прежнему греховному состоянию он заново начал свою работу пророка, которая была приостановлена во время правления Иосии. Теперь Иеремия впервые осознал значение слов, которые были обращены к нему как ученику в первые часы его пророческого призвания. "Я сделал тебя укрепленным городом, железным столбом и медными стенами против всей земли, против царей Иудейских, против князей их, против священников их и против народа земли той". Он должен был оставаться твердым и непоколебимым и бесстрашно встретить надвигающиеся преследования. Руководствуясь этой идеей, он приготовился объявить о неизбежном разрушении, хотя его нежное сердце обливалось кровью, и ему часто приходилось искать новую храбрость, чтобы не ослабеть в своей задаче предсказывать зло. Иеремия, тем временем, дорос до положения настоящего мужчины; но жены у него не было. Он не мог посвятить себя домашним радостям, пока тень надвигающихся бед омрачала его душу. Он ушел один и в печали. Он не мог принимать участия в праздничных увеселениях, потому что грехи нации подавили в нем всякое чувство радости.

Одним из своих первых обращений в царствование Иоакима он навлек на себя ненависть всех ревностных идолопоклонников, и особенно священников и лжепророков. Когда народ на одном из празднеств собрался, чтобы принести жертвы, он воззвал к ним:

"Так говорит Господь Бог Саваоф: исправьте пути ваши и деяния ваши, и Я сделаю так, что вы будете жить на этом месте.... Неужели этот дом, нареченный Моим именем, будет вертепом разбойников? Вот, даже Я видел это, говорит Господь.... И ныне, поскольку вы совершили все эти дела, речет Господь, и я обратился к вам, встав рано и заговорив, но вы не услышали, и я позвал вас, и вы не ответили, поэтому я поступлю с этим домом, который

называется моим именем, на который вы уповаете, и с местом, которое Я дал вам и вашим отцам, так же, как я поступил с Силомом ". (Иерем. глава vii.)

Едва Иеремия закончил эти слова, как священники и лжепророки схватили его и сказали: "Ты умрешь, как ты пророчествовал, что этот Храм станет таким же, как храм Силома". Во дворах Храма поднялась суматоха, и некоторые из прохожих поддержали Иеремию. Это волнение побудило некоторых принцев вернуться из дворца в Храм — среди них был Ахикам, сын Шафана, - и других, кто принадлежал к партии пророка. Князья немедленно созвали суд у одних из ворот Храма и выслушали обвинение и защиту. Священники и лжепророки сказали: "Этот человек заслуживает смерти, ибо он предсказал разрушение города и Храма". Несколько старейшин высказались в пользу Иеремии. Тогда князья сказали разгневанным священникам и лжепророкам: "Этот человек не заслуживает смерти, ибо он говорил с нами от имени нашего Бога". Благодаря усилиям своих друзей, и особенно Ахикама, Иеремия на время был освобожден. Но ненависть священников и лжепророков к нему разгорелась еще яростнее, и они выжидали удобного случая, чтобы напасть на него.

Тем временем судьба ассирийской империи свершилась. Он с позором пал благодаря совместным усилиям Киаксара Мидийского и Набополассара Вавилонского. Ниневия, город-гигант, пала после долгой осады (605). Последний царь Ассирии, Сарданапал, сжег себя в своей цитадели. Вследствие падения Ассирии на центральной сцене происходящих событий произошли важные изменения. Мидия стала главной наследницей ассирийских владений — Киаксарес забрал львиную долю и передал своему союзнику Набополассару Вавилонию, Элимаиду и привилегию завоевания стран по западную сторону Евфрата. Царь Набополассар недолго пережил свою победу. Ему наследовал Навуходоносор — великий воин (604-561) и мудрый, дальновидный государственный деятель. Он ни в коей мере не был жесток и лишь наказывал своих врагов настолько сурово, насколько это было необходимо, чтобы обезвредить их. Навуходоносор укрепил свое теперь уже разросшееся царство изнутри, возвел гигантские здания и наладил систему навигации с помощью каналов. Затем он предпринял более обширную завоевательную экспедицию. Арамейская Ассирия, или Сирия, которая была разделена на небольшие районы, была покорена без особого сопротивления. Следующей пала Финикия, и ее царь Итобал II также стал вассалом Навуходоносора.

Затем могущественный завоеватель предложил Иоакиму альтернативу: присягнуть ему на верность или быть раздавленным. С другой стороны, царь Египта посоветовал ему твердо сопротивляться и пообещал, что пришлет помощь. Иуда впал в состояние, подобное тому, что было во времена Езекии, и стал полем битвы в соперничестве двух великих держав. Необходимо было определиться с какой-то политикой, но, ожидая помощи из Египта или чуда, Иоаким и его советники изо дня в день откладывали принятие решения.

Среди всеобщей тревоги был объявлен пост; в девятый месяц, зимой 600 года, весь народ был созван в Иерусалим, и там он умолял Господа отвлечь надвигающееся зло от этой земли. Нация, охваченная великим волнением и страхом перед тем, что может принести ей будущее, столпилась у Храма, как будто там она могла обрести безопасность. Тем временем Иеремия приказал своему верному ученику Баруху записать пророческое наставление, которое он произнес несколько лет назад и в котором предсказал, что сама Иудея, а также все окружающие ее народы будут подчинены молодой халдейской империи. После того как Барух записал это обращение на свитке, Иеремия приказал ему прочитать его перед Храмом, в

присутствии всех жителей столицы и всей страны. Сам пророк по какой-то причине не смог присутствовать, и поэтому Барух должен был представлять его. Барух, хотя и не без колебаний, взялся за эту задачу. В открытом зале, в верхнем дворе Храма, он зачитал содержание свитка всему народу. Это обращение произвело глубокое впечатление на людей, столкнувшихся с надвигающейся опасностью нападения армии Навуходоносора, которая теперь находилась совсем недалеко от Иерусалима. Молодой человек, Михай, сын Гемарии, поспешил к принцам, собравшимся в одном из залов дворца, и там, несмотря на свое возбуждение, он рассказал им о том, что услышал. Встревоженные князья пригласили Баруха еще раз прочесть в их присутствии свиток Иеремии. Каждое слово тяжело давило им на сердца, и они были охвачены ужасом. Поэтому они решили сообщить царю о том, что услышали, надеясь, что он тоже будет тронут и убежден, что должен отказаться от всякого сопротивления Навуходоносору. На мгновение они понадеялись на лучшее, когда Иоаким приказал принести свиток и прочесть ему. Но по мере того, как каждый лист был прочитан, он по приказу короля вручался ему, и он бросал его в огонь. Принцы с ужасом наблюдали за этим актом неповиновения и умоляли короля не навлекать на них разрушений. Он, однако, не обращал на них внимания и продолжал бросать страницы в огонь, пока весь свиток не сгорел. Затем Иоаким отдал приказ искать пророка зла и его ученика, чтобы они могли быть убиты, как был убит Урия. К счастью, встревоженные принцы заранее приняли меры по спасению Иеремии и Баруха, спрятав их в безопасном месте.

Несомненно, это был день сильного волнения для Иерусалима. Весь народ, собравшийся на пост, ушел, так и не дождавшись его окончания. Чтение свитка имело, однако, один эффект: оно внесло раскол в совет князей. Те, кто был убежден пророчествами Иеремии и сыграл важную роль в его спасении, были полны решимости подчиниться Навуходоносору. Среди них была Хранительница Списков (Софер) Элишама, которая руководила военными приготовлениями. Он и другие известные люди были противниками войны, поэтому Иоаким не мог начать войну, иначе его трон мог оказаться под угрозой. Поэтому он заключил мир с Навуходоносором, выплатил наложенную дань, пообещал ему военную помощь и взял на себя все обязанности, которые в те дни возлагались на вассала. Это было началом халдейского вассалитета Иудеи (600 г.). Похоже, что теперь Иеремия мог покинуть свое убежище. Как ни был разгневан на него король, он не осмеливался тронуть и волоска на своей голове, потому что принцы, которые спасли его, продолжали защищать.

Однако Иоаким нес халдейское иго с большой неохотой; он больше не мог сдерживать свою страсть. Царь Египта, без сомнения, продолжал призывать Иоакима восстать против Навуходоносора. Следовательно, когда Эфбаал II. Финикийский король отказался от своей верности (598), Иоаким с непостижимой слепотой также отказался платить дань и вступил в союз с Египтом, а также, вероятно, и с Финикией. Следовательно, Навуходоносору пришлось собрать все свои силы против Финикии. Он начал осаду Тира, которая длилась тринадцать лет. Таким образом, на какое-то время ему помешали наказать мятежного царя Иудеи, и последний мог льстить себя надеждой, что он надолго обеспечил свою независимость. Но хотя Навуходоносор не мог послать против него большую армию, он, тем не менее, опустошал страну грабительскими набегами. Орды идумеев, моавитян и аммонитян также захватили землю и опустошили ее. В этот критический период Иоаким умер (609). Его преемником стал его младший сын Иехония (Иехония, сокращенно Кония), или, скорее, бразды правления взяла в свои руки его мать, Нехушта. Иехония также лелеял идею, что он может выступить против Навуходоносора, и, следовательно, не оказывал ему почестей. Он также продолжал

практиковать ужасы идолопоклонства и безнравственности, как это делал его отец. Но эта слепота Иоахима и его матери длилась недолго. Наконец Навуходоносор удалось снять с осады Тира значительную часть своей армии, с которой он двинулся против Египта. Эта халдейская армия легко покорила всю страну к югу от Финикии вплоть до египетской реки (Риноколура). Также была взята вся Иудея, за исключением нескольких укрепленных городов на юге. Те, кто попал в руки врага, были взяты в плен. Несмотря на это, Иоахим продолжал свое сопротивление, считая себя в безопасности за толстыми стенами Иерусалима, полагаясь, кроме того, на поддержку Египта в случае осады.

Поэтому Навуходоносор послал нескольких своих военачальников осадить Иерусалим. У Иоахима не было времени думать о покаянии, ибо осаждающие настигали его, и бедствие в городе было велико. Поэтому он начал договариваться об условиях капитуляции с военачальниками, когда Навуходоносор прибыл в лагерь, и царь, царица-мать и ее двор умоляли его проявить милосердие. Победитель, однако, не проявил милосердия, но выдвинул жесткие условия. Иоахиму пришлось отказаться от своего трона и отправиться вместе со своей матерью, женами, родственниками и евреями в изгнание в Вавилонию. Он занимал трон Давида всего сто дней. Удивительно, что Навуходоносор пощадил его жизнь и, более того, что он вообще воздержался от кровопролития. Он всего лишь изгнал десять тысяч воинов и жителей Иерусалима, взятых без разбора из разных семей, живших в столице, и переселил их в Вавилонию. Среди них он также увел тысячу механиков, которые были искусны в ковке оружия и строительстве укреплений. Из иудеев, живших в стране, он также увел три тысячи двадцать три в плен в Вавилон. То, что Навуходоносор завладел сокровищами дворца и Храма, не было актом особого насилия, но было оправдано военными законами тех дней. Но он оставил содружество нетронутым, пощадил город и его стены и оставил Храм невредимым. Первый иностранный завоеватель Иерусалима после пятисотлетнего существования проявил большее милосердие, чем многие завоеватели более поздних эпох.

Навуходоносор также воздержался от лишения престола Давида и посадил на него младшего сына Иосии, Матфанию, который называл себя Седекией. У него был мягкий, не воинственный и податливый характер. Вавилонский завоеватель думал, что эти качества станут гарантией мира и покорности. Однако для того, чтобы убедиться в лояльности Седекии, Навуходоносор заключил с ним торжественный договор и связал его клятвой верности. Земля Иудея имела для него чрезвычайное значение как оплот против Египта, подчинением которого он постоянно занимался. По этой причине он отправил в изгнание знатные семьи и князей Иудеи, устранив таким образом смелых и безрассудных людей, которые могли подтолкнуть царя к амбициозным планам и восстанию. Его целью было превратить Иудею в слабое, незначительное и зависимое государство, черпающее свою силу из него.

На самом деле Иуда могла бы продолжать существовать как скромный придаток Вавилона. Она вскоре оправилась бы от нанесенных ей жестоких ударов. Хотя изгнание стольких знатных семей, цветка армии и нации, было тяжелым ударом; и хотя столица и страна были полны скорби вследствие их порабощения, остатки народа, тем не менее, оправались с удивительной быстротой и снова достигли процветающего состояния.

Дворяне, однако, не были удовлетворены своим скромным состоянием; они стремились к более широким сферам деятельности. Проклятием страны в течение прошлого столетия было то, что столичная знать управляла не только народом, но и двором. Цари мало что значили, ибо,

подражая обычаям царей, подобных Сарданапалу, они жили в гаремах своих дворцов и проводили время за пустяками. Эти вельможи теперь могли с большей легкостью заявить о себе, поскольку их царь Седекия был подвержен самой некоролевской слабости и лености и не имел мужества противостоять им. Однако лично он был настроен благожелательно. Он, по-видимому, не особенно одобрял идолопоклонство, а скорее оплакивал национальное зло, когда оно попало в поле его зрения, и прислушивался к пророкам. Но он не обладал достаточной властью, чтобы противостоять знати и их действиям. Возможно, Седекия намеревался остаться верным клятве верности, которую он дал своему сеньору Навуходоносору; но у него не хватило силы воли, чтобы придерживаться своего решения. Тайно вынашивались мятежные планы, о которых он, находясь в уединении своего дворца, не подозревал, а если и знал о них, то был неспособен противостоять. Эта слабость со стороны царя и безрассудство со стороны знати привели к падению Иудеи. Дворяне, по-видимому, были охвачены безумием. В различных кругах высказывались предположения о восстании против Навуходоносора. Египет, всегда лживый и вероломный, постоянно подстрекал иудеев, давая блестящие обещания о союзе, которые он редко выполнял. С другой стороны, тирский царь Ефбаал призвал Иудею и соседние страны к войне против Навуходоносора. И третья сторона подтолкнула Иудею к восстанию против Вавилона, а именно изгнанные иудеи, которые поддерживали постоянную связь со своей родной землей посредством писем и гонцов. Они требовали войны, потому что лелеяли смутную надежду, что армия Навуходоносора будет разбита, и они, так или иначе, вернут себе свободу и вернуться в свою страну. На четвертый год правления Седекии (593) в Иерусалим прибыли послы из стран, которые одновременно убеждали Седекию нарушить свое слово и веру: из Эдома, Моава, Аммона, Тира и Сидона. Они пустили в ход все приемы красноречия и давали обещания и предложения, чтобы привести колеблющегося монарха к решению. Иуда мог бы гордиться тем, что его так ищут и за ним ухаживают, что его действительно считают центром политических событий.

Неизвестно, какой ответ послал Седекия через послов. Его слабый характер, несомненно, делал невозможным принятие определенного решения. Иеремия выступил против всеобщего безумия, и для этого с его стороны потребовалось немалое мужество. Его пророческий дух понял, что Навуходоносору суждено одержать ряд побед и подчинить многие народы своему скипетру. Поэтому Он предупредил царя Седекию, народ и священников, чтобы они нетешили себя лестными надеждами, но подчинились вавилонскому правлению, иначе они будут сокрушены могущественным завоевателем. Иеремия считал своим пророческим призванием предостеречь заблудших изгнанников в Вавилоне. Он направил им послание, сказав:

"Стройте дома и живите в них; и разводите сады и ешьте плоды их; берите себе жен и рожайте сыновей и дочерей, и берите жен для своих сыновей, и отдавайте своих дочерей в мужья, чтобы они могли рожать сыновей и дочерей; и размножайтесь там и не умяляйтесь. И ищите покоя в городе, куда Я повелел увести вас в плен, и молитесь об этом Господу, ибо в мире в нем вы обретете покой. Ибо так говорит Господь Саваоф, Бог Израилев: да не вводят вас в заблуждение ваши пророки, которые среди вас, и ваши прорицатели, и не внимайте вашим снам, которые вы заставляете видеть во сне. Ибо они ложно пророчествуют вам от Моего имени: я не посылал их, говорит Господь. Ибо так говорит Господь: по истечении семидесяти лет для Вавилона я посетую вас и исполню свое доброе слово по отношению к вам, заставив вас вернуться в это место ". (Иеремия xxix. 4-8.)

Но Седекия не мог долго сопротивляться отвлекающим голосам лжепророков, давлению извне, из Египта и соседних стран, а также порывистости амбициозной знати Иудеи. Он позволил течению унести себя, отказался платить дань Навуходоносор и таким образом, не обращая внимания на свою клятву, отрекся от верности Иудеи Вавилонии (591). Таким образом, был брошен жребий, который должен был решить будущее нации. Навуходоносор, который, однако, некоторое время оставался пассивным, продолжил со своей армией наказывать непокорный народ, как непослушных рабов. Похоже, что окружающие народы, которые призывали к восстанию, были первыми, кто подчинился. Иуда остался полностью зависимым от помощи Египта, но даже Египет побоялся нанести эффективный удар. Поэтому Навуходоносор было легко подчинить землю Иудеи и даже занять ее крепости. Только на юго-западе Лахиш и Азека оказали сопротивление. Халдейская армия, однако, не тронула их и двинулась на Иерусалим в 10-й день 10-го месяца (в конце 588 или начале 587 года). Столица Иудеи тем временем была укреплена и снабжена провизией и водой для длительной осады, но жители страны, которые при приближении врага бежали в город со своими детьми и стадами, увеличили число потребителей. Седекия или его дворцовые чиновники, придворные и знать отказались подчиниться призыву сдаться, и Навуходоносор начал регулярную осаду. Жители Иерусалима, должно быть, храбро защищались, поскольку осада длилась с небольшими перерывами почти полтора года (с января 587 по июнь 586 года). Лидером осажденного отряда был евнух на службе у царя Седекии. Сам царь играл пассивную роль. Он не был ни командующим войсками, ни лидером движения. Его нерешительность и слабость были ясно продемонстрированы в это смутное время.

Осада Иерусалима сделала задачу Иеремии трудной. Хотя его преклонный возраст и помешал ему принять участие в обороне и войне, все же его патриотизм и сочувствие к народу побудили его вдохновлять воинов мужеством. С другой стороны, его пророческое призвание и сила предвидения вынудили его объявить, что борьба была напрасной и что разрушение города было predetermined из-за пролитой крови и совершенных грехов. В тот период ему нельзя было отказать в свободе слова, поскольку его имя как истинного пророка было установлено произошедшими событиями. Народы севера установили свой престол у ворот Иерусалима и приготовили великое наказание.

Когда осада Иерусалима длилась почти год, в течение которого было много боев с переменным успехом, внезапно произошла перемена. Египетский царь Априс (Хофра), наконец, решил выполнить свое часто повторяемое обещание и послал армию против Навуходоносора. Эта египетская армия, должно быть, была могущественной, поскольку халдеи, услышав о ее приближении, сняли осаду Иерусалима и выступили против нее (февраль или март 586 г.). Радость в Иерусалиме была безграничной; когда ворота, которые так долго были закрыты, наконец открылись, жители поспешили наружу, чтобы насладиться ощущением свободы. Едва утихли ужасы осады, как многие из знати и богатых людей вернулись к своему прежнему нечестию. Недавно освобожденные рабы были, несмотря на торжественный завет и клятву, вынуждены вернуться к своему прежнему рабству и прежней деградации. Иеремия был глубоко разгневан этой жестокостью и эгоизмом; он обратился с уничтожающей речью к знати и царю, в которой упрекнул их в лжесвидетельстве и объявил, что халдеи вернутся и захватят Иерусалим; и что огонь, война, голод и мор будут бушевать среди народа.

Князья Иудеи были сильно разгневаны на Иеремию за его прежнее противодействие; но его последнее обращение возбудило против него смертельную ненависть. Однажды, когда он покидал город, чтобы отправиться на родину, в Анафоф, его схватил часовой под предлогом того, что он перебежал к халдеям. Несмотря на его заверения, что у него и в мыслях не было бежать, он был передан принцам. Обрадовавшись возможности отомстить ему, они обошлись с ним как с предателем и шпионом, избили его и бросили в водоем (Адар, 586 г.) в доме Ионафана, Хранителя Ристалища (Софера), жестокого, бессердечного человека, которого сделали его тюремщиком. В этом узком, грязном, нездоровом для здоровья месте Иеремия оставался много дней.

Неистовая радость в Иерусалиме длилась недолго. Халдейская армия, выступившая против египетских войск под командованием Априса, наголову разбила врага и обратила его в бегство. Могущество Египта было сломлено, и теперь Иудея снова была полностью предоставлена своим собственным ресурсам. Халдеи вернулись к осаде Иерусалима и окружили его плотнее, чем прежде, чтобы как можно скорее положить конец осаде. Мужество тех, кто был заперт в столице, теперь начало падать. Многие, беспокоясь о собственной безопасности, покидали осажденный город в неохранных местах и переходили к халдеям или бежали в Египет. Сам царь Седекия опасался такого исхода и слишком поздно понял, что совершил глупость, попытавшись справиться с вавилонской властью без поддержки свободолюбивого народа.

Не только война унесла многих жизней, но и голод и мор теперь увеличили число смертей. Число воинов продолжало уменьшаться, и, наконец, их осталось так мало, что они не смогли защитить стены. Наконец пробил последний час Иерусалима, этого города, который даже язычники считали неприступным. 9-го числа Тамуза (июня 586 г.) в городе больше не было хлеба, и вследствие полного истощения гарнизона халдеям удалось проделать широкую брешь в стене, через которую они проникли в город. Навуходоносора там не было; он был в Рибле, в Сирии. Его военачальники и старейшины Волхвов беспрепятственно проследовали в самое сердце Иерусалима, чтобы вынести приговор жителям. Халдейские воины, вероятно, не встретили сопротивления, поскольку жители, ослабленные голодом, едва могли тащиться сами. Они захватили все районы города, убивая молодых людей и мужчин, которые казались способными к сопротивлению, других брали в плен и заковывали в цепи. Солдаты-варвары, озверевшие в результате длительной осады, насиловали женщин и девиц независимо от возраста. Они также вошли в Храм и убили Ааронидов и пророков, которые искали безопасности в Святилище, под крики ярости, как будто они хотели вести войну с Богом Израиля. Халдеев сопровождали многие соседние народы, филистимляне, идумеи и моавитяне, которые присоединились к Навуходоносору. Они украли сокровища и осквернили Святилище.

Тем временем Седекии с остатками защитников удалось бежать ночью через царские сады и подземный ход в северо-восточной части города. Он поспешил добраться до Иордана, но халдейские всадники поспешили за беглецами и преградили им путь в узких проходах. Какими бы ослабленными они ни были, ползущими, а не идущими, их можно было легко настичь и взять в плен. В городе единственными высокопоставленными лицами, которых обнаружили войска, были первосвященник (Сераия), начальник Храма (Софония), евнух, руководивший войной, Смотритель Ристалища (Софер), приближенные царя, привратники и около шестидесяти других. Все они были доставлены в Риблу и там обезглавлены по приказу Навуходоносора. Никто не мог оставаться в Иерусалиме или его окрестностях, поскольку воздух был отравлен многочисленными непогребенными трупами. Среди заключенных был пророк Иеремия. Он был

найден при дворе Маттара, в царском дворце, и халдейские солдаты, приняв его за дворцового слугу, взяли его в плен. Его ученик Барух, без сомнения, разделил его судьбу. Военачальники назначили Годалию, иудея благородного происхождения, сына Ахикама из семьи Шафана, надзирателем за пленными и беглецами.

Последняя надежда покинула несчастные остатки нации, когда до них дошла весть о том, что король схвачен. Седекия и его последователи были настигнуты халдейскими всадниками недалеко от Иерихона. Воины, бывшие с ним, разбежались при приближении врага и перешли Иордан или укрылись в каком-нибудь укромном месте, но Седекия, его сыновья и некоторые из его знати были взяты халдеями в плен и отведены в Ривлу, к Навуходоносор. Последний излил весь свой оправданный гнев на короля за его неверность и лжесвидетельство, и наказание, которое он ему назначил, было ужасным. Навуходоносор приказал казнить всех сыновей и родственников Седекии у него на глазах, а затем ослепил его. Лишенный зрения и закованный в цепи, он был доставлен в Вавилон. Он недолго пережил свои страдания.

Что было делать с городом Иерусалимом? Он превратился в склеп, но все еще стоял. Генералы, захватившие его в плен, не имели никаких указаний относительно его судьбы. Сам Навуходоносор, по-видимому, сначала колебался по этому поводу, но в конце концов он послал Небузарадана, начальника своей стражи, с приказом разрушить город. Идумейская знать, преисполненная ненависти, немедленно попыталась заставить его завершить разрушение без пощады (Псалом сxxxvii. 7). Небузарадан отдал приказ снести стены, сжечь Храм, дворец и все красивые дома, и этот приказ был добросовестно выполнен (10 августа 586 г.). Сокровища, все еще остававшиеся в Храме, искусно обработанные медные колонны, расплавленное море, медные умывальники, золотые и серебряные чаши и музыкальные инструменты - все это было разбито на куски или вывезено в Вавилон.

Иерусалим превратился в груды развалин, Храм - в пустынную гору, но ни одна из великих столиц, павших с высоты славы в прах, не удостоилась такой чести в своем разрушении, как Иерусалим. Поэзия запечатлела ее скорбную судьбу в плачах, псалмах и молитвах, в таких трогательных тонах, что каждое нежное сердце должно испытывать к ней сострадание даже в этот день. Поэзия обвила ее голову мученическим венцом, превратившимся в нимб.

Иеремия и, вероятно, два или три других поэта сочинили четыре плача, соответствующие четырем этапам бедствия, постигшего город. Первый плач был написан сразу после взятия Иерусалима. Город все еще стоял, стены, дворцы и Храм еще не были разрушены, но он был лишен своих жителей и своих радостей. Этот плач главным образом выражает сожаление по поводу отсутствия друзей у Иерусалима; его величайшая печаль заключается в неверности его союзников, которые теперь радуются его падению. Второй плач выражает сожаление по поводу разрушения города и его стен, и особенно по поводу падения Святыни. Третий плач оплакивает уничтожение всего благородного в результате затянувшегося голода и отчаяние, охватившее выживших после пленения короля. Четвертый плач описывает полное опустошение Иерусалима после его полного разрушения врагом.

ГЛАВА XVII. ПОСЛЕДСТВИЯ РАЗРУШЕНИЯ.

Национальный упадок—Беглецы—Вражда идумеян—Иоханан, Сын Карей—Плач—
Навуходоносор назначает Годалию губернатором—Иеремия ободряет народ—Массифа—
Измаил убивает Годалию—Бегство в Египет—Совет Иеремии проигнорирован—
Сокращение населения Иудеи—Идумеи основывают поселения в Стране—Обадия—
Положение иудеев в Египте—Поражение Хофры—Египет при Амасисе — Последние дни
Иеремии.

586-572 гг. до н. э.

Прошло около тысячи лет с тех пор, как колена Израилевы с такой отвагой и надеждой перешли Иордан под предводительством своего отважного вождя, и половина этого промежутка времени прошла с тех пор, как первые два царя из дома Давидова возвысили нацию до главенствующего положения. После такой карьеры, какой конец! Большая часть Десяти племен более века была рассеяна по неизвестным странам. Из оставшихся племен, составлявших Иудейское царство, большая часть была уничтожена войной, голодом и мором; небольшое число было уведено в плен, а незначительное число эмигрировало в Египет или бежало куда-либо еще, или жило в своей собственной стране в постоянном ужасе перед судьбой, которую, возможно, уготовили им победители. Многочисленные враги, по сути, обрушили свой гнев на этих немногих, чтобы привести к их уничтожению, как будто ни один израильтянин не должен был выжить в своей собственной стране.

Остальные воины, бежавшие ночью вместе с Седекией из завоеванной столицы, рассеялись при приближении преследователей-халдеев. Горстка людей под командованием одного из принцев царской крови, Измаила, сына Нафании, переправилась через Иордан и нашла убежище у Ваалиса, царя аммонитян. Остальные предпочли бежать в Египет, куда уже эмигрировало несколько семей, потому что надеялись получить защиту Хофры, которая была союзником их страны. Но чтобы добраться до него, они должны были пересечь территорию Идумеи, и здесь их ждал свирепый, безжалостный враг. Идумеяне, памятуя о своей старой ненависти, не тронутые братской добротой Иудеи и не довольные падением Иерусалима и добычей, которую они приобрели, довели свою вражду до того, что выставили стражу на границах своей земли с целью убийства беглых израильтян или выдачи их халдеям, к которым они хотели снискать расположение. Это была не только неприязнь, но и политика, побудившая Эдом жестоко обойтись с несчастными беглецами. Они надеялись завладеть всей территорией, которая так долго находилась в руках народа Израиля. Идумеяне громко воскликнули: "Оба народа и оба царства будут принадлежать нам" (Иезекииль, xxxv. 10). Филистимляне также и все соседние народы проявляли ненависть и злобу, и лишь немногие из израильских беглецов нашли убежище в финикийских городах. Финикия находилась слишком далеко от Иудеи, и, прежде чем беглецы смогли добраться до нее, халдеи настигли их и взяли в плен.

Большинство вождей и воинов, бежавших из Иерусалима вместе с Седекией, предпочли остаться в своей стране. Они цеплялись за землю, на которой родились, как будто не могли отделиться от нее. Во главе их был Иоханан, сын Карей. Но им пришлось искать укрытия, чтобы спастись от халдеев. Они прятались в расселинах, гротах и пещерах гор или среди развалин павших городов и, несомненно, совершали набеги из своих укрытий, чтобы раздобыть провизию или напасть на разбредшихся халдеев и их приверженцев. Этим иудеям часто

приходилось искать средства для поддержания своего жалкого существования, рискуя своей жизнью. Если их ловили, то приговаривали к позорной смерти или подвергали позорному обращению. Дворяне преклонного возраста были повешены; молодежь была обречена таскать мельницы с одного места на другое и выполнять другую рабскую работу. Псалмопевец, который был одним из страдальцев от бед этого отчаянного положения, сочинил душераздирающий плач, короткие стихи которого звучат как рыдания и рыдания (Плачущие, гл. v.). На короткое время казалось, что этому жалкому положению рассеянных людей, этой разрушительной войне против беглецов придет конец. Навуходоносор не хотел, чтобы Иудея была уничтожена; он решил позволить незначительной общине остаться в стране, хотя и не хотел, чтобы во главе ее стоял местный или даже иностранный царь. Поэтому он решил назначить Годалию, сына Ахикама, наместником над ними; его столицей должен был стать Массифа, который находится в полутора часах пути к северо-востоку от Иерусалима.

Навуходоносор не мог бы сделать лучшего выбора. Годалия был человеком, во всех отношениях подходящим для этого трудного поста; он был мягким и миролюбивым, поскольку в определенной степени был учеником пророка Иеремии, другом и защитником которого был его отец Ахикам. Чтобы залечить все еще кровоточащие раны, требовалась нежная рука человека, способного на полную самоотдачу и отречение. Годалия был, возможно, слишком мягок или слишком полагался на чувства благодарности мужчин. Навузардан доверил ему наиболее безобидных пленников, дочерей царя Седекии и многих женщин и детей; он также отдал в его подчинение земледельцев, всего не намного больше тысячи человек. Навуходоносор также желал, чтобы пророк Иеремия помог Годалии; поэтому он приказал Навузардану быть внимательным к Иеремии и исполнять все его желания.

Навузардан направился из Иерусалима в Раму (в окрестностях которой находилась гробница Рахили), чтобы решить, кто из пленников и дезертиров должен остаться в своей стране, а кто должен быть сослан в Вавилон. Здесь он освободил Иеремию от цепей, которыми тот, как и другие узники, был связан, и предложил ему на выбор переселиться в Вавилон, где с ним будут обращаться по-доброму, или выбрать любое другое место жительства; но он посоветовал ему отправиться к Годалии в Массифу.

Иеремия, который справедливо оплакивал выпавший на его долю жребий быть избранным, чтобы увидеть всю меру страданий, теперь был вынужден лицезреть жалкое зрелище пленников из Рамы, которых в оковах вели в Вавилон. Душераздирающими были крики несчастных мужчин, женщин и детей, которых уводили из их отечества; Иеремия пытался утешить их (Иер. xxxi. 14, далее).

С тяжелым сердцем Иеремия в сопровождении своего ученика Баруха готовился навестить Годалию в Массифе. У него не было большой надежды добиться хороших результатов среди небольшого остатка невежественных простых людей, видя, что в течение сорока лет он тщетно боролся среди знати и образованных классов. Однако он решил разделить их судьбу. Навуходоносор был настолько хорошего мнения об Иеремии, что посылал ему подарки и деньги. Его присутствие в непосредственной близости от Годалии вселило в тех, кто остался в стране, большую уверенность в будущем. Губернатор объявил, что все те беглецы, которые соберутся вокруг него, останутся невредимыми и будут жить в мире в городах, и им будет разрешено возделывать свои поля. Постепенно рассеянные племена из Моавы и соседних стран, которые не чувствовали себя спокойно в тех местах, где они поселились,

присоединились к Годалии и заключили с ним мир; иными словами, они обязались быть верными подданными халдейского царя.

Они обрабатывали землю и выращивали не только кукурузу, но также виноградные лозы и инжир; почва снова приносила свои плоды, а поскольку население было небольшим, фермеры, садовники и виноградари получили большие участки земли и преуспели в получении богатых урожаев. На руинах возникло несколько городов; в Массифе Годалия воздвиг святилище, поскольку Иерусалим и Храм на горе были разрушены и стали пристанищем шакалов.

Таким образом, Мицпа стала важным центром и святым местом. Полуизраильская, полуязыческая колония кутеев в Сихеме, Силоме и Самарии узнала это святилище и совершала паломничества туда, принося жертвы и благовония.

Присутствие халдейского гарнизона напомнило "Остатку Иудеи", над которым был поставлен Годалия, о его зависимости от халдейского правителя. Последние следили не только за народом, но и за правителем, чтобы те не могли участвовать в заговорах. Но, учитывая обстоятельства и ужасные несчастья, обрушившиеся на страну, такое положение вещей было терпимым или, по крайней мере, более благоприятным, чем люди могли ожидать; во всяком случае, они находились в своей собственной стране. Военные вожди, уставшие от своей полной приключений жизни в горах и пустынях и от своих сражений с дикими животными, наводнившими страну, и еще более дикими халдеями, и которые полагались на свои мечи и обманчивые надежды, теперь решили подчиниться Годалии. Иоханан, сын Кореаха, и его сподвижники сложили оружие, возделали поля и построили города на развалинах, которые до сих пор служили им укрытиями.

Последним, кто заключил мир, был вождь Измаил, сын Нафании. Измаил был хитрым и беспринципным человеком, и злой дух, по-видимому, сопровождал его в Массифу, чтобы нарушить сравнительно благоприятное положение остатков Иудеи. Это правда, что он заключил мир с Годалией и халдеями и обещал подчинение; но в своем сердце он лелеял гнев и ярость против обоих. Ваалис, царь Аммона, который был против роста и развития иудейской колонии под покровительством халдеев, теперь подстрекал Измаила к преступлению, которое должно было положить этому конец. Остальные военачальники, и особенно Иоханан, сын Кореаха, получили конфиденциальную информацию о предательских намерениях Измаила по отношению к Годалии. Они сообщили об этом Годалии, предоставили себя в его распоряжение и умоляли разрешения покончить со злоумышленником; но Годалия не поверил их предупреждению. Этой уверенности, независимо от того, объяснялась ли она чувством силы или слабости, было суждено оказаться фатальной для него и для вновь организованного сообщества.

Примерно через четыре года после разрушения Иерусалима и объединения рассеянных иудеев вокруг своего правителя Измаил с десятью последователями, проявлявшими большое дружелюбие к Годалии, прибыл в Массифу, чтобы отпраздновать праздник. Годалия пригласил их на пир, и пока собравшиеся, возможно, под воздействием вина, не ожидали ничего дурного, Измаил и его последователи обнажили мечи и убили правителя, халдеев и всех присутствующих мужчин, способных носить оружие. Оставшихся в Мицпе людей, стариков, женщин, детей и евнухов, он отдал под охрану своего народа, чтобы о его преступлении не стало известно. Затем Измаил и десять его последователей увели в плен жителей Массифы, по большей части женщин

и детей, среди них дочерей царя Седекии, а также достопочтенного пророка Иеремию и его ученика Баруха, переправив их через Иордан к аммонитянам.

Однако, хотя он и совершал свои злодеяния втайне, они не могли долго оставаться неизвестными. Иоханан и другие вожди получили информацию о том, что произошло, и были немало возмущены тем, что их лишили защитника и бросили обратно в неопределенность полного приключений существования. Они поспешно вооружились, чтобы наказать преступление так, как оно того заслуживало. На их первом привале, у Гаваонского озера, убийц встретили Иоханан и другие, которые приготовились сразиться с ними. Увидев преследователей, пленники поспешили присоединиться к ним. Похоже, завязалась драка, в которой двое последователей Измаила были убиты. Однако он спасся с восемью людьми, переправился через Иордан и вернулся в землю Аммонитскую. Его гнусный замысел, тем не менее, удался; со смертью Годалии еврейское содружество распалось.

Выжившие были в растерянности, как им действовать. Они боялись оставаться в своей стране, поскольку было легко предвидеть, что Навуходоносор не оставит смерть халдеев неотмщенными, даже если он проглядел убийство Годалии, и накажет их как соучастников. Даже если бы этот страх был беспочвенным, как они могли оставаться в стране без лидера, способного контролировать неуправляемые элементы? Их первой мыслью было эмигрировать в Египет. Поэтому вожди во главе с Иохананом направили свои стопы на юг. По мере того как они постепенно успокаивались, возник вопрос, не было бы разумнее остаться на земле их отцов, чем отправиться на рискованное путешествие в чужую страну. Похоже, что эта идея впервые пришла в голову Баруху, и что некоторые вожди отнеслись к ней благосклонно, в то время как другие были против нее. Из-за этого расхождения во мнениях относительно плана, от которого зависело благополучие и горе столь многих, лидеры решили оставить принятие решения Иеремии. Он должен был молиться Богу и умолять Его дать пророческое указание относительно курса, который они должны избрать, призывая Бога в свидетели того, что они будут соблюдать его слово.

Десять дней Иеремия боролся в молитве, чтобы его дух был озарен истинным пророческим светом. За это время чувства лидеров изменились, и все они решили эмигрировать. Когда Иеремия созвал вождей и весь народ и сообщил им, что пророческий дух открыл ему, что они должны оставаться в этой земле без страха, он увидел по их взглядам, что они отвергли это решение. Поэтому он добавил угрозу, что, если они будут настаивать на эмиграции, меч, которого они боялись, наверняка настигнет их; что никто из них никогда больше не увидит своего отечества и что все они погибнут от многочисленных язв в Египте. Едва Иеремия закончил свою речь, как Иезания и Иоханан воззвали к нему: "Ты провозглашаешь ложь именем Бога; не Он внушил тебе эти слова, но твой ученик Барух". Без дальнейших рассуждений вожди продолжили путь в Египет, и вся толпа волей-неволей последовала за ними.

Иеремии и Баруху тоже пришлось присоединиться к остальным, потому что они ничего не могли сделать в своей покинутой стране. Так они добрались до египетского города Тафнай (Тахпанчес). Они были любезно приняты царем Хофрой, который был достаточно благодарен, чтобы проявить гостеприимство по отношению к тем, кого его убеждения довели до нынешних страданий. Там они встретились со старшими иудейскими эмигрантами. Таким образом, более чем через тысячу лет после Исхода сыновья Иакова вернулись в Египет, но при каких изменившихся обстоятельствах! В то время они были могущественными племенами пастухов,

узкими в своих взглядах, это правда, но незапятнанными и сильными, с сердцами, преисполненными надежды. Их потомки, напротив, с больными сердцами и встревоженными умами, были слишком далеки от своих принципов, чтобы найти утешение и безмятежность в своем Боге и своей национальности, но все же недостаточно изменились, чтобы слиться с другими расами и исчезнуть среди них. Как и все эмигранты поневоле, они были воодушевлены ложными надеждами и следили за каждым политическим движением, которое могло дать им возможность вернуться в свою страну, чтобы жить там в условиях своей прежней независимости.

Тем временем Иудея почти полностью обезлюдела. Навуходоносор не был склонен относиться к событиям в Массифе, убийству Годалии и халдеев вместе с ним, с безразличием. Вероятно, он понимал, что было ошибкой допускать существование слабой иудейской общины, зависящей исключительно от одного человека. Поэтому он еще раз послал начальника своей стражи, чтобы отомстить оставшимся иудеям. Небузарадан, как само собой разумеющееся, не нашел ни одного из лидеров, ни какого-либо важного человека; никого, кроме оставшихся земледельцев, садовников и виноградарей. Они, со своими женами и детьми, всего семьсот сорок пять человек, последние остатки населения Иудеи, были уведены в Вавилонию (582) в плен. Это было третье изгнание со времен Иоахима. Невинные и в этом случае должны были пострадать за виновных. Исторических сведений о том, что стало с Измаилом и его сообщниками-заговорщиками, нет. С другой стороны, имя Годалии осталось в памяти выживших из-за его насильственной смерти. Годовщина его убийства отмечалась в Вавилонии как постный день. Навуходоносор после смерти Годалии решил не оставлять в стране ни одного иудея, и Иудея оставалась безлюдной. Более поздний пророк сетует на его полное запустение: "Святые города превратились в пустыню, Сион - в пустыню, Иерусалим - в запустение" (Исаия lxiv. 9).

Таким образом, исполнилось наказание, предсказанное пророками. Теперь земля Иудеи могла отдохнуть и отпраздновать годы творческого отпуска, которыми так долго пренебрегали. На юге идумеи присвоили некоторые участки иудейской территории на своих границах (с разрешения вавилонского царя или без него) и расширили свои владения до склона (Шефела) Средиземного моря. Поэтому изгнанники испытывали жгучую ненависть к идумеянам, которые, помимо разграбления Иерусалима и выдачи беглецов, теперь захватили землю, принадлежавшую им по наследству. Два пророка, спасшиеся от резни и опустошения и жившие среди изгнанников, ярко выразили это прискорбное чувство — Обадиа и анонимный пророк. Оба пророчествовали зло против Эдома, как возмездие за его поведение по отношению к родственному народу, евреям, и по отношению к Иерусалиму.

Хотя иудеев повсюду принимали холодно, а их собственная страна стала в определенной степени собственностью их врагов, беженцы в Египте все еще лелеяли надежду, что они скоро вернутся на свою родину и снова заселят ее. Военные события укрепили эту надежду, но почтенный пророк Иеремия постарался развеять их иллюзии. Его сердце побудило его сурово поговорить с египетскими иудеями за то, что, не сдерживаемые несчастьями, они снова посвятили себя поклонению богине Нейт. Несмотря на свое увлечение чужими богами, они все же, в своей непостижимой слепоте, цеплялись за имя Иеговы и клялись Им. Иеремия в последний раз перед тем, как сойти в могилу, пожелал сказать им, что из-за их непобедимого безумия они никогда не вернутся на свою родину. Поэтому Он созвал иудеев Мигдола, Тафная, Мемфиса и Саиса (?) на общее собрание в Тафнае. Он все еще обладал достаточным влиянием,

чтобы гарантировать, что они подчинятся его вызову. Он изложил им суть дела простым языком. Однако их идолопоклоннические обряды были настолько дороги их сердцам, что они открыто хвастались ими и говорили пророку, что не откажутся от них. Женщины были особенно агрессивны: "Клятва, которую мы дали, возносить благовония и вино царице небесной, будет соблюдена, как мы и наши отцы раньше привыкли делать в городах Иудеи и на улицах Иерусалима. В то время у нас было вдоволь хлеба, мы были счастливы и не видели зла. С тех пор как мы перестали приносить жертвы царице небесной, мы были в нужде, и наш народ погиб от меча или от голода". Иеремия так ответил на их богохульство: "Исполните свои клятвы; все мужи Иудеи непременно умрут в земле Египетской; только несколько беглецов от меча вернутся из Египта в землю Иудейскую. Они узнают, чье слово останется в силе — мое или их". В качестве знамения он предсказал, что царь Хофра, от которого они зависели, попадет в руки своего врага, как Седекия попал в руки Навуходоносора. Объявление о том, что Хофру ждет катастрофический конец, сбылось. В военном походе против Кирены его армия потерпела поражение, и его воины, завидовавшие карийцам и ионийцам, которым он благоволил, восстали против него. Египтянин низкой касты, Амасис (Amosis), встал во главе повстанцев, завоевал Хофру, сверг его с престола и приказал задушить (571-70). Этот новый фараон, который был очень осторожен, чтобы привлечь к себе египтян, а также привлечь на свою сторону греков, не проявлял никакого интереса к тем иудеям, которые поселились в Египте. Ими пренебрегли, и их мечта о возвращении на родину с помощью Египта была развеяна. Иеремия, похоже, дожил до этих перемен.

Его нежное сердце, должно быть, стало еще печальнее в старости, поскольку ему не удалось "отделить драгоценное от мерзкого". Те немногие иудеи, которые были рядом с ним в Египте, оставались тверды в своем безумии и жестокосердии. Но Иеремия трудился не напрасно. Семя, которое он посеял, в изобилии взошло на другой почве, где за ним тщательно ухаживали его собратья-пророки. Его офис, предназначенный не только для разрушения, но и для восстановления заново, находился в другом месте. Его ученик Барух, сын Нирии, по-видимому, покинул египетских изгнанников ради тех, кто жил в Вавилоне, после смерти пророка Анафофа.

ГЛАВА XVIII. БАВИЛОНСКОЕ ИЗГНАНИЕ.

Обращение Навуходоносора с изгнанниками—Изгнанники получают земельные наделы—Зло-Меродах благоволит Иоахиму—Число иудейских изгнанников—Пленение Иезекииля в первый период Изгнания—Моральное изменение народа—Барух собирает пророчества Иеремии и составляет Исторические хроники—Скорбящие Сиона—Прозелиты—Благочестивые и мирские—Поэзия того Времени—Псалмы и Книга Иова—Гонения Набонада—Мученики и пророки изгнания—Исайя из Вавилона—Кир захватывает Вавилон—Возвращение при Зоровавеле.

572-537 гг. до н. э.

Было ли это случайностью или особым замыслом, что завоеватель Навуходоносор гуманно и доброжелательно обошелся с иудеями, изгнанными в Вавилонию? Существует ли на самом

деле в истории народов и в цепи событий такая вещь, как случайность? Можем ли мы положительно утверждать, что состояние человечества было бы совсем не таким, как сейчас, если бы случайно не произошло то или иное обстоятельство? Можем ли мы поверить, что, в то время как твердые и неизменные законы управляют всем в царстве природы, история народов должна быть результатом простого каприза? Милосердие Навуходоносора к народу Иудеи имело огромное значение в историческом развитии этого народа. Спасение изгнанников, превратившихся из-за многих невзгод в жалкую горстку, было главным образом связано с этой добротой. Навуходоносор не был похож на тех безжалостных завоевателей прежних и более поздних времен, которые находили удовольствие в бессмысленном разрушении. Желание созидать было так же дорого его сердцу, как и завоевание. Он хотел сделать недавно созданное Халдейское царство великим, густонаселенным и богатым. Его столица, Вавилон, должна была превзойти ныне разрушенную Ниневию. Он построил стену вокруг своего города, который имел девять миль в окружности, и пристроил новый город к старому на восточном берегу реки Евфрат. Покоренный народ, насильно изгнанный из своих собственных домов, был переселен в этот новый город, в то время как многим иудейским пленникам было предоставлено жилье в самой столице, причем особое предпочтение было оказано тем, кто добровольно принял правление Навуходоносора. Фактически, его обращение было настолько великодушным, что целые семьи и общины из городов Иудеи и Вениамина со своими родственниками и рабами имели привилегию оставаться вместе. Они были свободны, и их права и обычаи уважались. Семьи, переселенные из Иерусалима, такие как принцы царского дома (сыновья Давида), потомки Иоава или семья Пахаф—Моав, семья Пароша и другие, образовали каждую особую лигу, и им было позволено управлять собой в соответствии с их семейными традициями. Даже рабы Храма (нетинимы) и рабы государства, последовавшие за своими хозяевами в изгнание, жили вместе в соответствии со своим собственным удовольствием.

Скорее всего, изгнанники получили землю и жилища взамен тех, которых они лишились в своей собственной стране. Разделенную между ними землю обрабатывали они сами или их слуги. У них были не только рабы, но и лошади, мулы, верблюды и ослы. Пока они платили налог на свои земли и, возможно, также подушную подать и подчинялись законам короля, им было позволено пользоваться своей независимостью. Вероятно, они тем теснее привязывались друг к другу и к своим общим национальным воспоминаниям, что, подобно большинству изгнанников, нежно лелеяли надежду на то, что их возвращение в свою страну наверняка будет вызвано каким-нибудь непредвиденным событием. Им очень помогло еще одно обстоятельство. В Халдейском царстве преобладал арамейский язык, и поскольку он был родствен ивриту, изгнанники легко выучили его и вскоре стали понятны местным жителям. Даже в те дни иудеи обладали особыми способностями к овладению иностранными языками. Положение иудеев в Вавилонии после смерти Навуходоносора (561 г.) было еще более благоприятным.

Сын и преемник Навуходоносора Эвил-Меродах (Иллородамос) был совершенно не похож на своего отца. Он не был храбрым, не любил войну и уделял мало внимания государственным делам. Иудейских юношей из царского дома Давида можно было встретить при его дворе в качестве евнухов. Как часто эти стражи гарема, эти слуги прихотей своего господина, в свою очередь становились хозяевами своего господина. Царь Эвил-Меродах, по-видимому, находился под влиянием иудейского фаворита, который убедил его освободить плененного царя Иоахима, который был заключен в темницу на тридцать семь лет. Вавилонский монарх облачил его в царские одежды, пригласил к царскому столу и щедро удовлетворял его потребности. Когда Эвил-Меродах провел свой двор с необычной помпой и собрал вокруг себя

всех великих людей королевства, он воздвиг трон для Иоахима выше, чем троны других покоренных королей. Он хотел, чтобы весь мир знал, что бывший царь Иудеи был его особым любимцем.

Эта щедрость Злого Меродаха, должно быть, в какой-то степени распространялась и на товарищей Иоахима по заключению, поскольку многим из них была предоставлена большая свобода, в то время как другие, которых держали в строжайшем заключении из-за их вражды к Навуходоносору, были освобождены. На самом деле, вполне возможно, что Эвил-Меродаха можно было бы убедить позволить изгнанникам вернуться домой с Иоахимом в качестве царя Иудеи, если бы не вмешалась его собственная смерть. После короткого двухлетнего правления он был убит своим шурином Нериглиссаром (560). Мечта о возвращении в свою страну, которой предавались некоторые вавилонские иудеи, была, таким образом, развеяна. Вскоре им предстояло познать тяготы плена.

Исполнилось одно из многих пророчеств еврейских провидцев, а именно о том, что спасется лишь небольшая часть народа. Остаток был действительно незначительным. Из четырех миллионов душ, которых насчитывали сыны израилены в царствование царя Давида, осталось только около ста тысяч. Миллионы людей пали жертвами меча, голода и чумы или исчезли и затерялись в чужих землях. Но у пророчеств была и другая сторона, которая еще не осуществилась. Большее число иудейских изгнанников, особенно те, которые принадлежали к самым знатным семьям, не успокоенные сокрушительным ударом, обрушившимся на их нацию и их страну, упорствовали в своем упрямстве и черствости сердца. Идолопоклоннические обряды, к которым они были пристрастны в своей стране, они продолжали и в Вавилоне. Действительно, было трудно искоренить страсть к идолопоклонству из сердец людей. Главы семей, или старейшины, претендовавшие на своего рода власть над всеми остальными изгнанниками, были в Вавилонии такими же жестокими и грабительскими, как и в Палестине. Независимо от тех, кто был ниже их, они не пытались улучшить свое положение. Они выбирали лучшие и наиболее плодородные участки отведенных им земель, оставляя худшие своим подчиненным.

Иезекииль, сын Бузи, первый пророк времен плена (родился около 620 г., умер около 570 г.) направил свой пророческий пыл против безумия и упрямства изгнанников. Одаренный простым, но пламенным и впечатляющим красноречием, обладая приятным и страстным голосом и полностью осознавая высочайший идеал религии и морали, которого были способны достичь иудеи, он смело и энергично обращался к своим товарищам по изгнанию. Сначала они обращались с ним грубо (однажды даже заковали его в кандалы), но в конце концов он привлек их внимание, и они собирались вокруг него, когда он пророчествовал.

Старейшины часто умоляли его предсказать конец той ужасной войны, пока она бушевала в Иерусалиме и его окрестностях, но он молчал. Зачем ему в сотый раз повторять, что город, нация и Храм неизбежно будут уничтожены? Но когда беглец объявил ему, что грозившее несчастье стало реальностью, он нарушил молчание. Иезекииль сначала обратился к бессовестным и бессердечным старейшинам, которые вели безбедное существование в плену, в то время как они жестоко обращались со своими несчастными братьями. (Иезекииль, гл. xxxiv.) Но также и в другом направлении он должен был бороться с ложными представлениями, господствовавшими среди изгнанников. Подобно остальным пророкам, Иезекииль с абсолютной уверенностью предсказал окончательное возвращение иудеев в Палестину, а

также их возвращение к более чистому состоянию морали. Однако многие из пленников, вследствие своих повторяющихся несчастий, начали отчаиваться в новом рождении нации и смотрели на это как на простую мечту. Они сказали: "Наши кости иссохли, и наша надежда потеряна: мы совершенно отрезаны". Величайшее из всех зол для нации - отчаиваться в своем будущем и отказываться от всякой надежды. Иезекииль считал своей важнейшей обязанностью изгнать этот мрак из сердец своего народа. В прекрасном сравнении — с сухими костями, возвращенными к жизни, — он представил им картину их нового рождения.

Но была и другая группа изгнанников, которые отчаялись в восстановлении иудейского народа. Они чувствовали себя совершенно раздавленными своими грехами. Веками нация искушала гнев своего Бога идолопоклонством и другими злодеяниями. Эти грехи не могут быть исправлены, но должны привести к неизбежному результату — смерти грешника. Эти несчастные люди восклицали: "Если наши проступки и наши грехи будут на нас, и мы изнываем от них, как тогда мы должны жить?" Но пророк Иезекииль также боролся с этим мрачным убеждением, что грех и его наказание неразрывно связаны и что преступление обязательно должно привести к смерти грешника. В красноречивых словах он изложил людям свое утешительное учение о действенности покаяния.

Часто и в разнообразных выражениях Иезекииль говорил о будущем освобождении изгнанников и рисовал его в идеальных красках. На этого пророка из изгнания столь глубокое впечатление произвела уверенность в возвращении к старому порядку вещей в его собственной стране, что он действительно разработал план строительства нового Храма, а также упорядочения богослужения и священства. Иезекииль был далек от мысли, что такое блестящее и славное будущее не за горами. Идеи, чувства и поступки, которые он ежедневно наблюдал у изгнанников, не оправдывали такой надежды. Но он и другие святые мужи помогли начать с малого. Вскоре после смерти Иезекииля и Иеремии начались неожиданные перемены к лучшему. Плен, который, несмотря на доброе обращение со стороны Навуходоносора и его сына, сопровождался большими страданиями, но особенно влияние их своеобразной литературы привело к изменению настроения народа. В самой гуще идолопоклоннических мерзостей царств Ефремовых и Иудейских расцвели цветы высшей морали. "Дух Божий обитал среди нечистоты народа". Возвышенные мысли пророков и псалмопевцев, пробуждавшиеся на протяжении веков, не растворились в воздухе вместе с речью и песнями, но пустили корни в некоторых сердцах и были сохранены в письменном виде. Священники сынов Садока, которые никогда не были идолопоклонниками, привезли с собой в плен Тору (Пятикнижие); ученики пророков принесли красноречивые слова своих учителей; левиты принесли возвышенные Псалмы; мудрецы - сокровищницу превосходных высказываний; ученые сохранили исторические книги. Сокровища, действительно, были утеряны, но осталось одно сокровище, которое нельзя было украсть, и его изгнанники взяли с собой в чужую страну. Богатая, блестящая и разнообразная литература была унесена с собой в изгнание, и она стала силой, которая учила, облагораживала и омолаживала. Эти произведения были полны чудес. Разве не сбылось в точности пророчество о том, что земля Израиля извергнет свой народ из-за его безумия и преступлений, точно так же, как она изгнала хананеев? Разве грозные слова пророков не исполнялись самым ужасным образом? Иеремия ежедневно недвусмысленно пророчествовал о разрушении нации, города и Храма. Иезекииль предсказал ужасную войну и последующие страдания, и его слова исполнились; а еще раньше Исайя, Осия, Амос и даже Моисей предупреждали народ, что за нарушением Закона последуют изгнание и разрушение. И все же, несмотря на все их ужасные страдания, люди не были полностью уничтожены.

Существовал остаток, действительно небольшой и бездомный, но этот остаток снискал благосклонность в глазах завоевателей. Было ясно, что даже в стране их врагов Бог не отверг их полностью; Он не "возненавидел их до крайности, чтобы уничтожить их и нарушить Свой завет с ними".

Еще одно чудо произошло на их собственных глазах. Часть потомков Десяти колен, более века рассеянных по ассирийским провинциям и считавшихся потерянными, заявили о своей национальности. Хотя они долгое время были разделены ревностью и искусно разжигаемой ненавистью, они относились к своим страдающим собратьям с сердечной привязанностью. Те израильтяне, которые жили в столице Ниневии, без сомнения, покинули этот обреченный город после разрушения Ассирийской империи и бежали в Вавилонию, соседнее царство. Таким образом, снова исполнились слова пророков: "Израиль и Иуда будут жить вместе в братской любви".

Те, кто умел читать, жадно изучали спасенные рукописи и с тревогой искали наставления и утешения на их страницах. Особенно тщательно изучались пророчества и слова Иеремии, их патетический и элегический тон был особенно приспособлен к людям, живущим в изгнании. Писания Иеремии, которые, вероятно, были привезены Барухом из Египта, стали популярной книгой. Эффект, которого не смогли произвести живые слова, только что слетевшие с уст самого пророка, был достигнут с помощью письменного письма. Дух пророков проникал в души их читателей, наполнял их надеждами и идеалами и готовил к изменению взглядов.

Чтобы сделать обращение прочным, духовные лидеры народа избрали новый метод обучения. Один из них, вероятно, Барух, написал (около 555 г.) всеобъемлющий исторический труд для своих читателей, повествующий о событиях от сотворения мира и зарождения Израиля как нации до того времени, когда Иоахим был освобожден из своей тюрьмы и увешан знаками королевской милости. Этот сборник включал Тору (Закон), Книгу Иисуса Навина, истории Судей, Самуила, Саула и Давида. К ним Барух добавил свою собственную редакцию истории царей от Соломона до Иоахима, свидетелем падения которых он сам был. Он придал этим событиям свою окраску, чтобы продемонстрировать, что упадок царства после смерти Соломона произошел из-за отступничества царя и народа.

Исторический труд, составленный Барухом, не имеет себе равных. Он прост, но богат содержанием и поучителен, незатронут, но художественен; но, прежде всего, он яркий и впечатляющий. Это было второе национальное произведение вавилонских изгнанников, и они не только прочитали его с интересом, но и приняли близко к сердцу, и прислушались к содержащимся в нем урокам. Переписчики-левиты приложили все усилия, чтобы скопировать его. Эта литература дала людям новое сердце и вдохнула в них новый дух. То, что начал Иезекииль, продолжил ученик Иеремии, Барух.

Под влиянием изучения этих трудов изгнанники начали посвящать себя самоанализу. За этим последовало раскаяние в своем постоянном непослушании и идолопоклонстве. Те, кого подвигло к покаянию сознание своих великих грехов, страстно желали смыть горькое прошлое слезами покаяния. Они признали, что все постигшие их несчастья были вполне заслуженными, ибо точно так же, как "Господь Саваоф намеревался поступить с ними по их путям и в соответствии с их деяниями, так Он и поступил с ними". Многие искренне искупали вину; четыре дня в году были выделены, сначала немногими, а позже и большим количеством изгнанников, как дни траура. Этими событиями были годовщины осады Иерусалима Навуходоносором в

десятом месяце, завоевания Иерусалима в четвертом месяце, разрушения Иерусалима в пятом месяце и убийства Годалии в седьмом месяце. В те времена у людей вошло в обычай поститься и скорбеть, носить траурные одежды, сидеть на пепле и склонять головы в глубоком раскаянии. Эти дни траура возвестили о пробуждении народа; они были знаками раскаяния и первым учреждением национальных годовщин после плена. Это острое чувство раскаяния породило новый вид псалма, который мы можем назвать Покаянным псалмом. Те, кто оставил свои злые пути, в свою очередь обращали других; бывшие грешники указывали другим злодеям путь к Богу. Таким образом, число верующих, "тех, кто жаждал слова Божьего", тех, "кто искал Бога", постепенно увеличивалось. Естественно, что терпеливые Страдальцы (анавим) составили ядро этой новой партии. Они оплакивали разрушение Иерусалима и его былую славу; они были "сокрушенными сердцем" и "кроткими духом". Они носили внешние признаки траура и называли себя "плакальщицами Сиона". С ними были связанные члены знатных семей, занимавшие какие-либо должности или достоинства при вавилонском дворе. Все их мысли были сосредоточены на Иерусалиме. Они любили камни Святого Города и страстно желали увидеть сами его руины, лежащие в пыли. (Псалом сxx. 14-15.) Левит, который от имени своих товарищей по плену так поэтично описал это верное воспоминание об Иерусалиме, выразил в 137-м псалме чувства "скорбящих о Сионе".

Молясь об избавлении или исповедуясь в своих грехах, скорбящие обращали лица к Иерусалиму, как будто место, где когда-то стоял Храм, все еще было святым, и как будто только оттуда можно было ожидать милосердного ответа на их мольбы. Поскольку те, кто "жаждет слова Божьего", не стали бы приносить жертвы в чужой стране, они привыкли смотреть на молитву как на замену жертвоприношению. Три раза в день несколько человек, составляющих общину, собирались для этой цели. Молитвенный дом занял место Храма. Вероятно, именно покаянные псалмы и псалмы скорби распевались в этих молитвенных домах и были сочинены для них.

Энтузиазм по поводу Иерусалима, освобождения из плена и Закона разгорелся еще ярче благодаря поразительному факту, что часть языческого населения приняла доктрины изгнанников и вступила в их завет. Только энтузиазм изгнанников мог вызвать это удивительное явление. Рвение самоотверженной, самозабвенной натуры - волшебная сила, разжигающая энтузиазм. Было сравнительно легко, противопоставив иудейское учение о едином возвышенном, духовном Боге детскому поклонению образам халдеев, выставить последнее смешным. Иудей, полностью сознающий величие своего Бога, с трудом мог сдерживать насмешку или презрительную улыбку при виде вавилонского мастера, вырезающего из дерева статую, молящегося ей о помощи в беде, а затем разжигающего из остального материала костер, у которого он грелся, или на котором он пек свой хлеб и готовил мясо. Таким образом, многие, кто слышал о великом имени Бога Израиля, отказались от своей собственной ложной веры и связали себя с народом, исповедовавшим совершенно иную религию. Эти новообращенные прозелиты после своего обращения соблюдали субботу, соблюдали уставы и даже подверглись обряду обрезания. Это первое достижение изгнанников во время Плена оказало рефлекторное влияние на иудеев. Они начали любить своего Бога и свой Закон с гораздо большим рвением, как только обнаружили, что язычники перешли на их сторону. Это возрождение произошло до того, как прошло два десятилетия после смерти пророков Иеремии и Иезекииля.

Доступная ныне литература, Тора и Пророки, была источником омоложения, освежающим дух и смягчающим сердце. Однако этот новый дух, которым была вдохновлена нация, должен был быть испытан, и час испытания был близок.

Некоторые из самых выдающихся семейств иудеев придерживались своих старых мерзостей и вдобавок переняли многие заблуждения своих соседей-язычников. Гигантская столица Вавилон и обширная халдейская империя оказывали магическое воздействие на тех, "кто стоял выше всех" среди изгнанников, соблазняя их подражать халдейским обычаям, открывая перед ними широкий горизонт и давая им возможность развивать свои таланты. Продукты земледелия и художественные ткани Вавилонии, которые пользовались большим спросом и в значительной степени экспортировались, составляли основу процветающей торговли. Таким образом, бывшие иудейские купцы смогли не только продолжать свое призвание, но и следовать ему более активно. Они совершали частые путешествия с целью покупки и продажи и начали накапливать огромные богатства. В роскошной стране богатство порождает роскошь. Богатые иудеи подражали изнеженной жизни вавилонян и даже начали исповедовать свои идолопоклоннические верования. Чтобы обеспечить успех своих коммерческих начинаний, они приготовили стол с едой для бога Удачи (Гада) и наполнили кувшин вином для богини Судьбы (Мени). Богатые изгнанники настолько полностью отождествили себя с вавилонянами, что полностью забыли Иудею и Иерусалим, которые до недавнего времени были целью их желаний. Им была невыносима мысль об их возвращении; они хотели быть вавилонянами и с презрением смотрели на фанатичных любителей своей собственной земли. Две соперничающие партии, ненавидевшие друг друга, были представлены, с одной стороны, людьми ревностными и набожными, а с другой - людьми мирскими и потакающими своим слабостям. Искренне настроенные иудеи, которые были полны рвения к своему делу, пытались повлиять на своих братьев, чьи религиозные взгляды и поведение так сильно отличались от их собственных. Этим усилиям мы обязаны появлением новой поэтической литературы, которая почти превзошла старую. Последние двадцать лет Плена были даже более продуктивными, чем времена Езекии. Гениальные люди, ученики Иеремии и Иезекииля, которые настолько глубоко впитали дух их литературы, что их собственные души были приведены с ней в гармонию, теперь высказывали собственные плодотворные мысли, облеченные в изящные формы. Очевидно, неиссякаемый источник поэзии снова забил в чужой стране, в самом разгаре страданий плена. Иврит, с такой любовью взращенный изгнанниками в их арамейском доме, был языком их поэтических произведений. Новые псалмы, максимы мудрости и пророческие речи следовали друг за другом в быстрой последовательности. Один поэт того времени собрал ряд пословиц, написанных гораздо раньше, и во вступительных главах, которые он к ним приложил, дал правдивую картину эпохи. Он был проникательным наблюдателем человеческих недостатков и их последствий, и его работа является красноречивым изложением практической этики. Он утверждал, что если бы ему только удалось заставить людей с мирскими взглядами прислушаться к его учению, их можно было бы побудить отказаться от своих дурных привычек. Ведущая идея этого поэта состоит в том, что началом мудрости является страх Божий, а страх Божий - защита от разврата; грех - это безумие, и он приводит к смерти грешника; даже процветание глупцов убивает их, а их счастье разрушает их.— Но какая награда уготована благочестивым или мудрым, которые страдают?

На этот вопрос у нашего поэта, подобно псалмопевцам изгнанного собрания, не было иного ответа, кроме как сказать: "Праведные снова населят землю, и благочестивые снова будут обитать в ней". Но если этого было достаточно для богобоязненных людей и скорбящих на

Сионе, этого было недостаточно, чтобы утешить и удовлетворить слабых в вере, то еще меньше это могло изменить чувства тех, кто забыл Святую Гору и чьи сердца привязаны к Вавилонии. Ибо было очевидно, что грешники наслаждались процветанием, и что те, кто боялся Бога и оставался верен своим идеалам, часто были несчастны. Этот разлад в моральном порядке мира требовал удовлетворительного объяснения. Возникли сомнения в справедливости Бога и в истинности учения отцов церкви, и эти опасения были с горечью восприняты иудейской общиной Вавилона.

Поэт взялся за решение этих мучительных вопросов и создал произведение искусства, которое считается одним из самых совершенных, когда-либо созданных человеческим умом. Этот неизвестный автор сочинил "Книгу Иова", произведение, которое должно было развеять мрачные мысли его современников. Подобно псалмам и притчам, она также была предназначена для передачи наставлений, но ее метод был иным. Вторжественной, но в высшей степени интересной беседе между друзьями должен был решиться вопрос, который держал вавилонскую общину в мучительном напряжении. Этот диалог не ведется сухо и педантично; автор придал ему необычайно привлекательную форму, экспрессию и поэтическую дикцию. История терпеливой работы, увлекательная от начала до конца, является основой диалога. Аранжировка стихотворения художественна на всем протяжении; идеи, которые автор хотел донести, переданы разным ораторам. Каждый участник диалога обладает особым характером и остается верен ему. Таким образом, диалог получается живым, а возникающие в нем мысли привлекают внимание.

Тем временем в Вавилонии и Малой Азии происходили события, которые должны были решить судьбу изгнанников. Нериглиссар, преемник их защитника Эвил-Меродаха, был мертв, и ему наследовал несовершеннолетний. Но этот молодой принц был убит вавилонской знатью, один из которых, по имени Набонад, захватил трон (555). За несколько лет до этой даты персидский воин, герой Кир, сверг мидийского царя Астиага, завладел его царством со столицей Экбатаной и подчинил принадлежащие ему провинции.

Благочестивые и энтузиасты среди вавилонских иудеев не преминули распознать в этих событиях благоприятные для себя знаки. Они, по-видимому, умоляли Набонада освободить их из плена и позволить им вернуться в Иудею. Должно быть, их вселил надежду на осуществление их желаний тот факт, что Мербалу, знатному финикийскому изгнаннику из царского дома, Набонад разрешил вернуться в свою страну и править ею, а после его смерти его брату Хираму было разрешено стать его преемником. Поэтому не было невероятным, что Набонад окажет такую же милость своим иудейским подданным. Салтиэль, сын царя Иоахима, вероятно, обратился с этой просьбой к узурпатору, и, несомненно, иудейские фавориты при вавилонском дворе горячо поддерживали его дело. Но Набонад так же не хотел позволять изгнанникам покидать свою страну, как в древности фараон не хотел изгнать израильтян из Египта. Это крушение их надежд, или, скорее, эта дискриминация по отношению к ним, разожгла в патриотически настроенных изгнанниках жгучую ненависть к Вавилонии и ее монарху. Старые раны открылись заново. Вавилон ненавидели так же, как Эдом в прежние века. Такая сильная ненависть, вероятно, не поддавалась контролю, но находила выражение в словах и действиях. Иудеям казалось неизбежным скорое падение этой грешной страны, изобилующей идолопоклонством и безнравственностью. Они с большим интересом следили за воинственными успехами героя Кира, потому что предвидели неизбежность конфликта между мидо-персидской империей и Вавилонией. Кир направил свое оружие против лидийского

царства Крез, которое заключило наступательный и оборонительный союз с Набонадом Вавилонским и Амасисом, царем Египта. Прекрасно понимая, что они, в свою очередь, подвергнутся нападению, эти монархи попытались набраться сил за счет союза. Но это послужило лишь подстрекательству персидского завоевателя к скорейшему уничтожению независимости Вавилонии. Вступал ли кто-нибудь из иудейских фаворитов при вавилонском дворе или кто-либо из обращенных язычников в тайные переговоры с Киром? Доброта, проявленная позже к иудеям персидским воином, и преследование их Набонадом наводят на предположение, что так оно и было.

Преследования Набонада сначала были направлены против патриотически настроенных и благочестивых изгнанников; против них были назначены суровые наказания, которые безжалостно приводились в исполнение. Казалось, что самые стойкие представители нации должны были быть доказаны и испытаны, как Иов, страданиями. Некоторым был навязан тяжелый труд, от которого не освобождались даже пожилые люди. Других запирали в подземелья или пороли плетью, избивали и оскорбляли. Те, кто осмеливался говорить о своем скором освобождении через Кира, были обречены на мученическую смерть, которой они бесстрашно подчинились.

Современный пророк, который был свидетелем преследований или, возможно, был одной из их жертв, описал их в душераздирающих словах. Рассматривая страдальцев как подопечных народа, он говорит об их ужасных страданиях как о страданиях всего народа:

"Он презираем и отвергнут людьми, человек скорби и изведавший горе.... Он был угнетен, хотя и был покорным, но не открывал уст своих; его привели, как агнца на заклание; и как овца перед стригущими ее нема, так и он не открывает уст своих. Через тюрьму и судебное наказание он был взят". (Исаия III. 3, 7.)

Страдания иудеев в Вавилонии в то время очень напоминали преследования их предков в Египте. Но было одно отличие: в Египте все израильтяне одинаково подвергались рабству и принудительному труду на полях и постройках, в то время как в Вавилонии темница и смерть ожидали только тех изгнанников, которые отказывались отречься от своей национальности и религии. Псалом III., сочиненный в это время, изображает мрачное настроение одной из этих жертв преследований, ободренной, однако, надеждой на будущее избавление. Иудеи, которым угрожали тюремным заключением и пытками, с тревожным интересом следили за победами Кира. Теперь появилось несколько пророков, которые возвестили, к утешению страждущих, о падении Вавилона и скором освобождении изгнанников. Двое из них оставили нам непревзойденные пророчества; действительно, один из этих писателей проявил такое безграничное богатство красноречия и поэзии, что его произведения считаются одними из самых прекрасных в литературе. Когда Кир, наконец, приступил к давно запланированной осаде Вавилона и тревожные ожидания изгнанников стали невыносимыми, этот пророк, обладавший блестящим даром красноречия, воодушевил и наставил свой народ.

Если совершенство произведения искусства состоит в том, что идеи и язык находятся в истинной гармонии друг с другом, и что последнее делает заумную мысль ясной и доходчивой, то речь или серия речей этого пророка, которого мы, не зная его настоящего имени, называем вторым, или вавилонским Исайей, образуют ораторское произведение искусства, не имеющее аналогов. Здесь сочетаются богатство мысли, красота формы, убедительная сила и трогательная мягкость, поэтический пыл и истинная простота, и все это выражено таким

благородным языком и теплым колоритом, что, хотя они предназначены только для того периода, в который они были написаны, они будут поняты и оценены во все времена.

Вавилонянин Исаяя хотел утешить своих страдающих иудейских братьев и в то же время поставить перед ними высокую цель. Страдающее еврейское племя, а также все те, у кого есть разум, чтобы понимать, и сердца, чтобы чувствовать, независимо от их расы и языка, могут найти в этом пророке решение проблемы, правильность которого доказана историей. Он показал, как нация может быть маленькой, но великой, несчастной и загнанной до смерти, но бессмертной, в один и тот же момент презируемым рабом и благородным образцом. Кем был этот пророк, одновременно великий мыслитель и великий поэт? Он ни слова не говорит о себе, и нет никаких записей о его жизни. Собиратели пророческих писаний, обнаружив, что по красноречию и возвышенности его слова напоминают слова Исаяи, добавили их к пророчествам старшего провидца и включили в тот же свиток.

Никто не мог утешить скорбящую иудейскую общину с таким сочувствием или ободрить ее с таким рвением, как Пророк из Плена. Его слова подобны бальзаму на горящую рану или легкому ветерку на разгоряченное чело.

"Утешайте вас, - начинает он, - утешайте вас, утешайте мой народ, говорит ваш Бог. Обращайтесь к сердцу Иерусалима и вызывайте к нему, что его война завершена, что ее беззаконие прощено; ибо она получила от руки Господней вдвое больше за все свои грехи". (Исайя xl.)

Измученная и отчаявшаяся община была описана этим пророком как жена и мать, которая была отвергнута и лишена своих детей из-за своих грехов, но которая все еще дорога своему мужу как возлюбленная его юности. Это покинутое место он называет "Иерусалимом", символом всего, что было нежно его душе. Он восклицает, обращаясь к несчастной матери:

"Пробудись, пробудись, встань, о Иерусалим, испивший из руки Господа чашу его ярости. Ты выпил остатки из чаши трепета и выжал их.

"Среди всех сыновей, которых она произвела на свет, нет никого, кто мог бы вести ее, и нет никого, кто взял бы ее за руку из всех сыновей, которых она воспитала.... О ты, страждущий, терзаемый бурей и лишенный утешения, смотри, Я выложу твои камни светлыми красками, и положу твои основания сапфирами, и я сделаю твои окна из агатов, и твои ворота из карбункулов, и все твои бордюры из драгоценных камней, и все твои дети будут научены Господом, и велик будет мир твоих детей....

"Как утешает человека его мать, так и Я утешу вас, и вы будете утешены в Иерусалиме".

Но где найти это утешение? Не в надежде на суетную мирскую славу, не в могуществе и мощи, но во всеобъемлющем спасении. Этот пророк из Плена был первым, кто ясно осознал и продемонстрировал, что через Авраама будущим поколениям было обещано вероучение всеобщего спасения. Прошлое должно было быть забыто и прощено; должен был возникнуть новый социальный порядок; небо и земля должны были быть воссозданы заново. Все люди со всех концов земли были бы включены в это всеобщее спасение, и каждое колено преклонилось бы, и каждый язык поклялся бы в почтении Богу, которому поклоняется Израиль. Именно для этой цели Авраам был призван из далекой страны и что его потомки были избраны еще до их

рождения. Бог сотворил народ Израиля, чтобы Он был Его слугой среди народов, Его посланником ко всем людям, Его апостолом от начала мира.

Пророк описывает этот апостольский народ в поэзии такой трансцендентной красоты, что она становится идеалом. И есть ли какая-либо миссия более высокая, чем быть авангардом народов на пути праведности и спасения? Разве Израиль не должен был гордиться тем, что был избран для выполнения такой обязанности? Далее пророк говорит о том, как эта идеальная нация должна была реализовать свою апостольскую миссию:

"Вот слуга мой, которого Я поддерживаю, избранный мой, к которому благоволит душа моя; Я вложил в него дух мой, он произведет суд над язычниками. Он не должен ни плакать, ни возвышаться, ни делать так, чтобы его голос был услышан на улице. Надломленную трость он не переломит, и дымящийся лен не погасит; Он произведет суд по правде". (Исаия xlii. 1–4.)

Таким образом, Закон Божий должен был быть общепризнан, и посланник Божий должен был добиться этого признания своим собственным примером, несмотря на презрение и гонения. Эту, признанную миссию Израиля, пророк из Плена кратко объяснил словами, которые, как предполагается, произносил сам народ (Исаия xlix. 1-6). Он учил, что мученичество, мужественно встреченное и переносимое с мягкой покорностью, обеспечит победу закону праведности, который Израиль, если он верен своим идеалам, должен был провозгласить. Основная концепция, проходящая через поэтический монолог Исаяи, была выражена пророком в коротком, но эффектном стихе:

"Ибо дом мой наречется домом молитвы для всех народов". (Исаия lvi. 7.)

Падение Вавилонской империи с ее абсурдным и аморальным идолопоклонством и освобождение иудейской общины должны были стать первыми шагами в этом великом деле всеобщего спасения. Падение Вавилона действительно казалось пророку неизбежным, поэтому он говорил о нем как о свершившемся факте, а не как о предмете пророческого видения.

Он восхвалял Вавилон в сатирической песне виртуозного совершенства (Ис. xlvii); он высмеивал астрологическую науку, с помощью которой вавилонские мудрецы хвастались, что могут приподнять завесу над будущим; он относился к грубому идолопоклонству халдеев с большей горькой иронией, чем кто-либо из его предшественников. Он предсказал осаду города Киром и объявил, что персидский завоеватель даст свободу иудейским и израильским изгнанникам; что они вернутся в свою страну и восстановят Иерусалим и Храм. Пророк придавал большое значение этим предсказаниям, заявляя, что в их осуществлении проявится Божественное Провидение. Кир был всего лишь орудием Бога в содействии освобождению Иудеи и спасению мира.

Ради изгнанников чудеса исхода из Египта были бы возобновлены, каждая гора выровнялась бы, в пустыне забили бы родники, и пустыня превратилась бы в цветущий сад. Изгнанники поднимут Иерусалим из руин и будут жить в своем любимом городе в мире и комфорте. Но, несмотря на свое благоговение перед Иерусалимом, пророк заявил, что Божественное Существо слишком велико, чтобы изображать его обитающим в храме, каким бы просторным он ни был, но что каждое человеческое сердце должно быть храмом, посвященным Богу.

"Так говорит Господь: Небо - престол мой, и земля - подножие ног моих; где дом, который вы строите Мне; и где место моего упокоения? Ибо все это сотворено рукою Моею, говорит Господь; но я обращаюсь к этому человеку, к тому, кто беден и сокрушен духом и трепещет перед словом Моим". (Исаия lxvi. 1.)

Изгнанники, очищенные и по-настоящему благочестивые, приняли эту мысль и воплотили ее в молитве Соломона:

"Вот, небо небес не вмещает Тебя, тем более храм" (1 Царств viii. 27.)

К сожалению, несмотря на прекрасные слова пророка о Пленении, раб Божий отказался принять эту апостольскую работу и остался слеп и глух. Вместо того чтобы сделать Закон Божий любимым, он сделал его презренным и сам стал презренным.

Идеал и реальность, находясь в таком противоречии друг с другом, пророк чувствовал, что его миссия состоит в том, чтобы проповедовать, увещевать, обличать и пробуждать. Иудейская община в Плену была теперь более чем когда-либо разделена на два лагеря: на одной стороне были благочестивые и патриотичные; на другой - мирские и черствые. Первые, ставшие робкими и подавленными из-за продолжающихся преследований и страданий, не осмеливались выступить вперед в это тревожное время, чтобы противостоять своим преследователям; их угнетала печальная мысль о том, что Бог оставил Свой народ и забыл их, в то время как их враги насмешливо кричали: "Да прославится Господь, и мы увидим вашу радость". (Исаия lxvi. 5.) Итак, целью великого неизвестного пророка было побудить один класс к действию, а другой - к покаянию и исправлению. Он объявил, что Божье спасение близко и что если мирские и эгоистичные люди будут упорствовать на своих злых путях, они пожнут наказание за свои грехи, в то время как благочестивые будут вознаграждены безграничным счастьем. Наконец, он изобразил грядущее освобождение и возвращение, когда все рассеянные Иудеи и Израильтяне соберутся на святой горе Иерусалима.

Царь Набонад и вавилонский народ, вероятно, меньше беспокоились о результатах войны между Персией и Вавилоном, чем иудейские изгнанники. Ибо иудеи чередовались между самыми высокими надеждами и самыми унылыми страхами; сохранение или гибель еврейской расы зависело от исхода этой войны. Вавилоняне, напротив, можно сказать, смотрели с безразличием на все приготовления Кира. Но однажды ночью, когда они танцевали и кутили на одной из своих оргий, перед бастиями города появилась большая и могущественная армия. Вавилоняне были совершенно не готовы к сопротивлению, и когда наступил день, Вавилон был полон врагов. Таким образом, как и предсказывал пророк, город Вавилон пал (539 г.), но царь и народ избежали предсказанной ими гибели. Кир был гуманным завоевателем.

Отвратительное идолопоклонство вавилонян было искоренено, когда был взят их город. Религия победоносных персов и мидян была чистой по сравнению с религией вавилонян. Они поклонялись только двум или трем богам и питали отвращение к поклонению образам вавилонян и, возможно, уничтожали их идолов.

Падение Вавилона радикально и на все времена излечило иудейскую общину от идолопоклонства. Ибо изгнанники увидели, что эти высоко почитаемые изображения теперь лежали в пыли, что Бел стоял на коленях, что Небо был унижен, и что Меродах пал. Разрушение Вавилона завершило возрождение иудейского народа, и их ожесточенные сердца смягчились. С того времени все, даже миряне и грешники, прилепились к своему Богу. Ибо разве они не

узнали, как исполнилось Его слово, изреченное устами Его пророков? Страдальцы и плакальщицы Сиона больше не были объектами ненависти и презрения, напротив, к ним относились с почтением и ставили во главе общины.

Как только пал Вавилон, благочестивая и патриотическая партия предприняла шаги к осуществлению предсказанного освобождения и возвращения изгнанников. Кир, завладев трон и дворцом, объявил себя царем Вавилонии и преемником ее бывших монархов, начав свое правление с падения Вавилона (538 год до н.э.). Дворцовые слуги, которые раньше пресмыкались и трепетали перед Набонадом, теперь стали слугами Кира. Среди них были также евнухи из царской семьи Иудеи, которые остались верны своей вере. Они, а также некоторые обращенные язычники, присоединившиеся к иудейской общине, пытались добиться от Кира свободы для своих единоверцев. В этом им, вероятно, помогал Зоровавель, внук царя Иоахима. Те иудеи, которые были заключены в тюрьму из-за преданности, с которой они цеплялись за свою веру, были немедленно освобождены. Но Кир пошел еще дальше, ибо он позволил иудеям вернуться в свою страну, отстроить Иерусалим и восстановить Храм. Вместе с Вавилоном под власть Кира подпали все провинции, завоеванные Навуходоносором, к западу от Евфрата до Средиземного моря и к югу от Ливана и Финикии до границ Египта. Следовательно, Иудея принадлежала Персидскому царству. Но какие причины могли быть приведены могущественному завоевателю для смелой просьбы позволить иудеям иметь независимое правительство? И что могло побудить Кира так великодушно удовлетворить эту просьбу? Было ли это удовлетворением минутного каприза или безразличием к полоске земли, о которой он, вероятно, не знал даже названия и об историческом значении которой онопределенно ничего не знал? Или один из иудейских евнухов, как рассказывали впоследствии, рассказал персидскому завоевателю, как иудейский пророк предсказал его победы и предсказал, что он позволит изгнанному народу вернуться в свой дом? Или на него произвела такое глубокое впечатление вера иудеев, за которую они перенесли столько страданий, что он был склонен благоволить к ее приверженцам? Истинная причина его решения неизвестна, но Кир не только разрешил иудеям вернуться в свою страну, но и вернул изгнанникам священные сосуды, принадлежавшие Храму, которые Навуходоносор захватил и поместил в качестве победных трофеев в храме Бела.

Как только разрешение на возвращение было получено, группа людей взялась за организацию возвращающихся изгнанников. Руководство было доверено двум мужчинам примерно одного возраста и выдающегося происхождения: Зоровавелю, прозванному в Вавилоне Шешбацаром, сыну Салтиэля и внуку царя Иоахима, следовательно, отпрыску дома Давида, и Иисусу Навину, сыну Иоседека и внуку последнего первосвященника Сераии. К ним присоединились десять человек, так что они образовали компанию из двенадцати человек, представляющую, в определенной степени, двенадцать колен. Кир наделил Зоровавеля должностью губернатора или регента (Печаха) провинции, которую изгнанники должны были вновь занять, причем это назначение на самом деле было ступенькой к царским почестям. Все иудеи, которым предстояло вернуться в свою страну, обратились к этим лидерам.

По сравнению с теми, кто когда-то покинул Египет, число тех, кто сейчас вернулся, было очень невелико, но все же их было больше, чем можно было ожидать, - 42 360 мужчин, женщин и детей, считая с двенадцатилетнего возраста. Большее число принадлежало к двум коленам

Иуды и Вениамина; было несколько ааронидов и левитов. Кроме того, к маршу присоединились некоторые представители других племен и других народов, признавших Бога Израиля (герим, прозелиты).

Радость тех, кто готовился к исходу из Вавилона и возвращению в Святую Землю, была всепоглощающей. Получить разрешение ступить по земле их собственной страны и отстраивать заново святилище казалось им сладкой мечтой. Это событие вызвало большую сенсацию среди других народов; его обсуждали и рассматривали как чудо, которое Бог Израиля сотворил от имени Своего народа. Стихотворение точно воспроизводит чувства, вдохновлявшие изгнанников:

"Когда Господь снова обратил плен Сиона, мы были подобны тем, кто видел этот сон.

"Тогда уста наши наполнились смехом, а язык наш - пением; тогда говорили среди народов: Господь сотворил для них великие дела.

"Господь совершил для нас великие дела, чему мы рады". (Пс. cxxvi.)

Когда патриоты готовились воспользоваться своей свободой, чтобы вернуться в Иерусалим, один из их поэтов в Псалме xxiv призвал их подумать, достойны ли они этого дарования. Ибо только праведники и те, кто искал Господа, должны были собраться на Божьей земле. Но кто осмелился бы взять на себя право выносить приговор?

ГЛАВА XIX. ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ВАВИЛОНА, НОВАЯ ОБЩИНА В ИУДЕЕ, ЕЗДРА И НЕЕМИЯ.

Путешествие в Иерусалим—Самаряне—Начало восстановления Храма—Прекращение работ—Дарий—Аггей и Захария—Завершение строительства Храма—Борьба между Зоровавелем и Иисусом Навином—Смешанные браки с язычниками—Иудеи в Вавилонии—Посещение Ездрой Иерусалима—Расторжение языческих браков—Книга Руфь—Нападения Санбаллата—Неемиа—Его прибытие в Иерусалим—Укрепление столицы—Интриги Санбаллата против Неемии—Порабощение бедных—Протест Неемии—Повторное заселение столицы—Генеалогии—Чтение Закона—Праздник Кущей—Великое Собрание—Посвящение—Отъезд Неемии—Действия Элиашива—Удержание десятины—Малахия, Последний из Пророков—Второй визит Неемии в Иерусалим—Его меры.

537-420 гг. до н. э.

После сорока девяти лет изгнания, в тот же месяц (Нисан), в который их предки покинули Египет примерно восемь или девять столетий назад, иудеи покинули землю Вавилонии. Была весна того года (537), когда они выступили в поход, чтобы вступить во владение своим горячо любимым домом, долгожданным Иерусалимом. Это был знаменательный момент, несущий в себе тысячелетия. Они шли не как дрожащие рабы, только что освобожденные от своих цепей, а полные радости, их сердца высоко бились от высоких надежд и переполнялись энтузиазмом.

Певцы со струнными инструментами и тарелками сопровождали их в пути, и они пели новые хвалебные песни, начинающиеся и заканчивающиеся словами:

"Благодарите Господа, ибо Он благ, ибо милость Его пребывает вовеки".

Те иудеи, которые остались в Вавилонии, — а их было немало — богатые торговцы и землевладельцы, — проявили сочувствие к своим братьям, сопровождая их часть пути и преподнося им богатые подарки для строительства новых зданий в их собственной стране. Кир послал эскорт из тысячи конных солдат, чтобы защитить иудеев от нападений хищных племен по пути, а также обеспечить им возможность овладеть Иудеей. Пророчество, сказанное совсем недавно, теперь должно было сбыться:

"С радостью уйдете вы, и с миром будете возвращены домой". (Исаия, глава 12.)

В мире и безопасности путешественники преодолели шестьсот миль от Вавилонии до Иудеи под охраной персидского эскорта. Исход из Вавилонии, в отличие от исхода из Египта, не оставил никаких воспоминаний; казалось излишним описывать различные места остановок, поскольку, по всей вероятности, в пути не произошло ничего примечательного.

"Бог наставил их на путь истинный и привел их к месту их вожделения". (Псалом cѵii. 7, 30.)

Когда путешественники после четырех- или пятимесячного перехода приблизились к земле своей страстной мечты, их радость, должно быть, была безграничной. Пророчества, которые были произнесены, надежды, которые они лелеяли, видения, которым они предавались, сбылись. Между тем их счастье не было неизменным. Священный Город, главный объект их вожделения, был опустошен. Большая часть страны была населена пришельцами; на севере были самаритяне, или кутейцы, на юге - идумеи. Но эти народы вскоре были вынуждены уступить место потомкам Иуды, которые вместе с коленом Вениамина вернулись в свои древние жилища. Начало нового иудейского государства было действительно скромным и небольшим. Люди не могли оккупировать всю страну, которая когда-то составляла Иудейское царство. Население в 40 000 человек было недостаточно многочисленным, чтобы заселить большую территорию. Таким образом, колония была вынуждена сгруппироваться вокруг столицы в Иерусалиме. Такая концентрация сил была в некотором отношении выгодна, поскольку все население, будучи таким образом приближено к столице, могло принимать участие во всех ее делах. Но, хотя чрезвычайно ограниченная территория новой колонии и небольшое количество членов общины были рассчитаны на то, чтобы подавить возвышенные надежды, которые пробудили их пророки в Вавилонии, и наполнить прибывших унынием, возникли неожиданные обстоятельства, которые вновь вдохнули в них энергию. Из многих стран на востоке, западе, юге и севере, из Египта, Финикии и даже с греческих берегов и островов, куда они отправились по собственной воле или были проданы в рабство, иудейские изгнанники устремились обратно, чтобы толпиться, как дети, вокруг своей воскресшей матери, Иерусалима. Эти вновь прибывших евреев сопровождало большое количество незнакомцев, как "великих, так и малых", знаменитых и безвестных, которые собирались вокруг них. Они были приняты с радостью, ибо все они признавали Бога Израиля и были готовы следовать Его законам. Эти новые прозелиты не только придали сил молодой общине, но и вселили в поселенцев большую уверенность в себе, которые собственными глазами увидели исполнение слов пророков.

С приближением седьмого месяца, в течение которого, согласно закону и обычаю, отмечаются различные праздники, старейшины семей всех сословий Иерусалима собрались и, маршируя

под командованием двух своих лидеров, правителя Зоровавеля и первосвященника Иисуса Навина, приступили к первому акту реконструкции — воздвигли каменный жертвенник. Этот алтарь должен был стать ядром Храма, строительство которого в настоящее время было невозможно.

Пока освящался алтарь с радостными и торжественными церемониями, лидеры готовились к возведению этого великого и важного сооружения, которому предстояло стать духовным центром нового содружества. Богатые дары, которые они привезли с собой, позволили им нанять рабочих и ремесленников, и, как во времена царя Соломона, кедровые деревья закупались на Ливане; камень привозился с гор, и после того, как было добыто и обработано достаточное количество, были предприняты шаги для закладки фундамента Святилища. На этой церемонии, которая была проведена с большой торжественностью, присутствовали не только Зоровавель и Иисус Навин, но и главы семей, а также большое количество людей. Аронида снова появились в своих священнических одеждах, затрубив в трубы; левиты дома Асафа распевали хвалебные песни, благодаря Господа, чья милость пребывает вовеки; и народ разразился громкими возгласами радости. И все же к ликующим нотам примешивался голос сожаления о том, что новый Храм оказался меньше и менее великолепен, чем старый.

Иерусалим, о котором так долго скорбели и оплакивали, начал подниматься из своих руин. Радостному энтузиазму, вызванному восстановлением города, однако, вскоре пришлось поутихнуть; медовый месяц молодого содружества быстро пошел на убыль, и тревожные заботы начали нарушать его покой. Недалеко от границ Иудеи жило смешанное племя самаритян, или катанов. Эти люди частично приняли доктрины, которым их научил израильский священник в Вефиле, но они также сохранили многие из своих собственных идолопоклоннических обрядов. Совершенно неожиданно некоторые из самаритянских вождей прибыли в Иерусалим с просьбой разрешить им помочь в восстановлении Храма, а также принять их в иудейскую общину. Иудеям это казалось настолько важным, что для обсуждения этого вопроса был созван собор. Решение было против самаритян. Зоровавель сообщил самаритянским вождям, что их народу не будет и не может быть позволено участвовать в восстановлении Храма. Это решение имело огромное значение для всего будущего нового содружества. С этого дня у самаритян начал развиваться враждебный дух по отношению к иудеям, который, казалось, показывал, что они меньше всего стремились принимать участие в храмовой службе, чем нанести вред общине и воспрепятствовать восстановлению Храма. С одной стороны, они пытались заставить тех иудеев, с которыми они контактировали, равнодушно отнестись к проекту строительства Храма, а с другой - убедили персидских чиновников вмешаться в его выполнение, так что работы прекратились на целых пятнадцать лет. И снова евреи оказались в бедственном положении, подобном тому, которое они испытали после своего первого вступления в Ханаан. Соседние племена завидовали им за их полосу земли — со всех сторон они сталкивались с враждебностью. Они были бессильны защитить себя, потому что у них не было средств для ведения войны.

В этих неблагоприятных обстоятельствах члены общины в первую очередь думали о себе, а не об общем благе. Самые богатые и знатные люди строили большие и великолепные дома, используя, по-видимому, строительные материалы, предназначенные для Храма. Неурожаи, засуха и град обманули надежды земледельцев. Было посеяно много и собрано мало; едва хватало средств, чтобы утолить голод людей и одеть их, и "всякий, кто зарабатывал деньги, клал их в дырявый кошелек". Еще хуже было моральное разложение, вызванное этим физическим

страданием. Люди не впали вновь в идолопоклонство; они были радикально излечены от этого зла; но эгоизм взял верх, и члены общины часто обращались друг с другом самым суровым образом. Такое положение вещей печально контрастировало с зарождающимися надеждами народа и ослабляло мужество некоторых даже самых благородных людей.

Смерть Камбиза (521) и наследование престола Дария, третьего персидского царя (521-485), привели к переменам, благоприятным для Иудеи. Дарий, в отличие от своего предшественника, был, как и Кир, мягким и щедрым правителем. Апокрифическое предание повествует нам, что Зоровавель отправился в Персию и там снискал благосклонность в глазах Дария благодаря своей мудрости. В доказательство своей благосклонности Дарий отправил Зоровавеля обратно в Иерусалим с разрешением восстановить Храм за счет царя. Но на самом деле выполнить эту задачу было не так-то просто. Когда смерть Камбиза положила конец войнам, нарушавшим мир в соседних провинциях, Зоровавель и Иисус Навин, несомненно, намеревались приступить к строительству. Но люди, то есть главы семей, воскликнули: "Еще не пришло время восстанавливать Храм". Потребовался пламенный энтузиазм пророков Аггея и Захарии, чтобы привести эту работу в движение. Эти пророки часто обращались к народу в течение нескольких месяцев подряд (от Элула до Кислева, 520 г.), ободряя и порицая и, в то же время, пророчествуя славное будущее. Наконец они побудили людей возобновить свою работу. За четыре года (519-516) строительство было закончено, и Святилище было освящено среди великого ликования, как раз перед праздником Пасхи.

Прошло семьдесят лет с тех пор, как Навуходоносор разрушил Храм Соломона, когда весь народ собрался в Иерусалиме на освящение второго Храма, который отныне должен был стать центром и опорой общины. Три недели спустя праздник Пасхи отмечался всем собранием Израиля, а также теми, кто искренне присоединился к его вере. Однако, хотя молодая община была проникнута духом Закона и пророков, и хотя люди с тревогой стремились к единству, возникли разногласия, которые нелегко было сгладить и которые могли привести к трениям. У народа было два вождя: Зоровавель, из царского дома Давида, и Иисус Навин, первосвященник, происходивший из рода Ааронидов. Один стоял во главе светской, другой - духовной власти. Было невозможно помешать одной власти время от времени вторгаться в юрисдикцию другой. Обстоятельством в пользу Зоровавеля была преданность народа царскому дому Давида, и он был живым напоминанием о славном прошлом и залогом столь же блестящего будущего, предсказанного пророками. Пророк Аггей назвал его избранным Богом, Его драгоценным перстнем-печаткой. Но это само по себе было препятствием. Это дало врагам иудеи возможность обвинить общину в намерении провозгласить его преемником Давида на престоле. С другой стороны, пророк Захария провозгласил, что первосвященник Иисус Навин должен надеть корону, взойти на трон и осуществить мессианские надежды. Таким образом, он отдавал предпочтение первосвященнику, вызывая напряженность и разделения. Мир мог быть восстановлен только уходом одного из двух лидеров: их совместное правление не могло не вызвать волнения и раздражения. Нужно было сделать выбор между ними, и Зоровавель был вынужден уступить, поскольку первосвященник был более необходим, чем царский сын. Вполне вероятно, что Зоровавель покинул Иерусалим и вернулся в Вавилон, и таким образом дом Давида отошел на задний план.

После ухода Зоровавеля руководство общиной перешло в руки первосвященника Иисуса Навина, а после его смерти - к его сыну Иоакиму. Было ли это изменение желательным? Действительно, о первых двух первосвященниках не сообщается ничего дурного, и они, похоже,

не сделали ничего особо похвального для возвышения и укрепления общины. Верховное командование над народом, по-видимому, было дано не первосвященнику, а наместнику или администратору (Печах), назначенному над Иудеей либо персидскими царями, либо сатрапами Сирии и Финикии. Этот чиновник, по-видимому, не жил в Иерусалиме, но время от времени посещал город, где, восседая на троне, выслушивал и разрешал споры, но нередко скорее вызывал разногласия и усугублял существующие дурные чувства, чтобы возбудить жалобы против иудеев. Ибо, хотя некоторые иудеи питали надежду, высказанную пророками, что Иуда еще может стать могущественной державой, перед которой склонятся цари и народы, подозрение, что народ замышляет бегство из Персии, не рассеялось с уходом Зоровавеля. Обвинения на этой почве начались сразу после смерти Дария, в правление его преемника Ксеркса (Артаксеркс, 485-464). Враги иудеев, особенно самаряне, не преминули обратить внимание правителя на нелояльность иудеев и, таким образом, стали причиной издания при дворе неблагоприятных указов против них. Вдобавок к этому сменявшие друг друга губернаторы пытались притеснять землевладельцев чрезмерными требованиями. Положение иудеев в их собственной стране, в которую они вступили с такой радостной надеждой, становилось все хуже и хуже во втором и третьем поколениях.

Чтобы освободиться, по крайней мере с одной стороны, от этих постоянных неприятностей, самые знатные иудейские семьи предприняли шаг, который в конце концов привел к пагубным осложнениям. Они сближались с соседними народами или принимали ухаживания последних в дружеском духе и в доказательство искренности своих чувств начали устанавливать брачные связи. Как в те дни, когда израильтяне впервые заняли землю Ханаан, во времена Судей необходимость дружественных отношений с соседними племенами привела к смешанным бракам, так и во время второй оккупации Палестины израильтянами аналогичные отношения привели к аналогичным результатам. Но обстоятельства отличались, поскольку хананеи, хетты и другие исконные жители этой земли практиковали отвратительное идолопоклонство и заразили израильтян своими порочными обычаями, в то время как новые соседи иудейского содружества, особенно самаряне, отказались от идолопоклонства и искренне стремились принять участие в богослужении в Иерусалиме. На самом деле они были прозелитами иудейской религии; и всегда ли они должны были получать суровый отпор? Главные иудейские семьи решили принять чужеземцев в общину, и первосвященник того времени, либо Иоаким, либо его сын Элиашиб, был готов осуществить эти пожелания. Поэтому браки заключались с самаритянами и другими соседними народами, и даже у некоторых членов семьи первосвященника завязывались такие связи.

Лидером самаритян в то время был Санбаллат, человек неустрашимой силы воли и энергии действий, умный, хитрый, дерзкий и настойчивый. Он был честным прозелитом, который верил в Бога Израиля и желал поклоняться в Его Храме; но он решил, так сказать, взять приступом царство Небесное. Если бы ему не разрешили участвовать в этом добровольно, он бы завладел этим силой или хитростью.

Но не только самаряне, но также моавитяне и аммонитяне были среди людей, стремившихся поддерживать дружеские отношения с иудеями. Товия, вождь аммонитян, был вдвойне связан с иудейскими семьями. Он женился на дочери знатного рода Араха, а выдающийся человек Мешуллам, сын Берехии, выдал свою дочь замуж за сына Товии. Но смешанные браки с аммонитянами и моавитянами были специально запрещены Законом до десятого поколения после обращения.

Лидеры иудейской общины, первосвященник и другие, которые не были вполне готовы нарушать закон, несомненно, успокаивали свою совесть некоторым мягким толкованием текста. Но не все были такими податливыми. Небольшое число благороднейших семей сохранили чистоту от смешанных браков, которые они осуждали как нарушение закона и как причину деградации иудейской расы. В особенности певцы, которые были культиваторами и хранителями древнееврейского языка и его древней, почитаемой литературы, избегали смешанных браков. Они могли бы поднять свой голос против уступчивости своих единоверцев, против этого смешения с чужаками, но, поскольку они были в меньшинстве, к их голосам не прислушались. Но когда в Иерусалиме из страны изгнания появился ведущий авторитет, меньшинство громко возмутилось тем, что произошло, и последовала тотальная реакция, за которой неизбежно последовали неприятные осложнения.

Лишь в редких случаях исторические преобразования совершаются с такой внезапностью, что современные свидетели перемен сами оказываются затронуты ими и на каждом шагу им напоминают, что старое ушло в прошлое и что возник новый порядок. Как правило, люди, живущие во время важного исторического кризиса, не осознают изменений, происходящих в них самих, в их мнениях, обычаях и даже в их языке. Такая перемена, поначалу незаметная, но полная и действенная, произошла в иудеях в первой половине пятого века. Это преобразование исходило не от общины Иудеи, а от тех, кто оставался в стране изгнания; однако вскоре оно проникло на метрополию и наложило на нее свой отпечаток.

В Вавилонии, стране пленения, осталось значительное число потомков изгнанников, либо из материальных соображений, либо по другим причинам. Но они были тронуты безграничным энтузиазмом своих единоверцев, и они выразили свое сочувствие богатыми подарками и горячими пожеланиями. Вавилонские иудеи придавали большое значение сохранению своих собственных особенностей и своей национальности. Они держались особняком от всех своих соседей, вступали в брак только с представителями своей нации и руководствовались унаследованным Законом как правилом своей жизни. Их отсутствие на метрополии послужило лишь тому, что они более строго подчинились предписаниям Закона, который, таким образом, сформировал союзные узы, связавшие их вместе как членов одного сообщества. Они не могли ни приносить жертвы, ни соблюдать обряды, связанные со службой в храме, но тем более скрупулезно они придерживались тех обычаев, которые не зависели от святилища, таких как суббота, Святые дни, обрезание и диетические законы. Без сомнения, у них были молитвенные дома, где они собирались в установленное время. Даже древнееврейский язык они культивировали, по крайней мере, до такой степени, что он не мог стать для них чужим, хотя они использовали арамейский или халдейский в общении со своими соседями и между собой. Они получили правильные знания древнееврейского языка из Священных Писаний, которые привезли с собой и которые сделали объектом тщательного изучения. Они уделяли особое внимание той части этих Священных Писаний, которой до сих пор уделялось мало внимания или лишь от случая к случаю, а именно Пятикнижию с его сводом законов и обрядов. Во время плена читались главным образом писания пророков, потому что они обладали большей силой утешения. Но как только стало необходимо воплотить в реальность надежды и чувства, которые пробуждали и лелеяли пророки, и придать жизни особый религиозный и моральный характер, стали искать Книгу Закона и обращаться к ней. Тора, или Закон, которым так долго пренебрегали в его собственном доме, теперь получила должный почет и внимание на чужой земле. Суббота, например, соблюдалась в Иерусалиме гораздо менее строго, чем в вавилонско-персидской общине. Это стремление к точному исполнению Закона и его обрядов

нашло свое воплощение в Ездre, который был причиной той важной перемены в истории нации, которая придала ей новый характер. Однако он был не одинок, но нашел многих, кто был согласен с ним.

Этот человек, который был создателем нового религиозного и социального порядка вещей, казалось, в силу своего рождения был специально призван разжигать необычный энтузиазм по отношению к Торе, поскольку он был потомком первосвященников. Именно его предок Хелкия нашел книгу Второзакония в Храме и, передав ее царю Иосии, вызвал великие перемены. Он также был правнуком того первосвященника Сераии, который был убит по приказу Навуходоносора и чьи сыновья привезли Книгу Закона в Вавилон. Таким образом, у Ездры была возможность заняться изучением этой книги. Но он уделил ей больше внимания, чем это делали его предки или родственники. После того, как он внимательно прочитал и изучил его, он решил, что это не должно остаться простой мертвой буквой, но что это должно быть реализовано в повседневной жизни людей. Он начал с того, что применил это к себе, тщательно соблюдая законы, касающиеся одежды, диеты, и особенно те, которые касаются праздников. Затем он занял пост учителя для своих братьев; он разъяснил Закон, приблизил его к их пониманию и призвал их следовать ему во всех деталях. Закон был для него эманацией Божества, открытой Израилю Моисеем; он ставил его выше, бесконечно выше, чем писания других пророков, ибо первый пророк и законодатель был величайшим из всех. Убежденный в Божественном вдохновении Закона Моисея и пылающий рвением сделать его авторитет первостепенным, он без труда внедрил свою веру и собственное рвение в иудеев Вавилонии и Персии. Вскоре он занял почетное положение среди них, его слово приобрело авторитет, и к нему прислушивались с большим рвением, чем к пророкам. Ездра, возможно, знал, что в Иудее Закон соблюдался лишь небрежно, и он думал, что, посетив эту страну, он мог бы пробудить в своих единоверцах понимание его истинной ценности. Или же он, возможно, был движим сильным побуждением поселиться в Иерусалиме, чтобы выполнять религиозные обязанности, связанные с Храмом и жертвоприношениями. Как только он определился с путешествием, он пригласил тех членов своей веры, которые, возможно, пожелали бы присоединиться к нему. Число откликнувшихся было значительным, включая более 1600 мужчин вместе с женщинами и детьми из знатных семей, которые остались в стране плена. Среди них был правнук Зоровавеля, потомок дома Давидова. Те, кто не смог принять участие в переселении, преподнесли Ездre богатые дары из золота, серебра и драгоценных сосудов для Храма. Поразительным обстоятельством является то, что царь Артаксеркс (Лонгиман) также прислал подарки для иерусалимского святилища и что многие персидские вельможи последовали его примеру. Очевидно, что в то время у Бога Израиля было много ревностных почитателей среди персов и других народов, и что от "восхода до захода солнца Его имя прославлялось и почиталось среди народов". Артаксеркс не только разрешил Ездre отправиться со своими братьями в Иерусалим, но и дал ему письма к сатрапам стран, через которые он проезжал, и к властям Палестины. Он также послал бы эскорт для защиты путешественников от враждебных племен, но Ездра отказался от этого, заверив короля, что Бог, которому они молились, защитит их.

Прибытие Ездры с его многочисленными спутниками, должно быть, вызвало большое удивление в Иерусалиме (459-458). Они прибыли с письмами от короля, нагруженные подарками и преисполненные восторженных чувств. Без сомнения, имя Ездры как наставника и толкователя Закона уже проникло в Иудею, и его приняли со всем уважением. Не успел он принять на себя церковные функции, как люди твердых убеждений, осуждавшие смешанные браки с окружающими народами, обратились к нему со своими жалобами. Ездра был

встревожен, когда услышал об этих событиях. Представители народа и Храма, пренебрегая Законом, связались с язычниками. Ездра считал это ужасным грехом. Ибо иудейская, или израильская, раса была в его глазах святой и подверглась осквернению из-за смешения с чужеземными племенами, даже несмотря на то, что они отреклись от идолопоклонства. Согласно толкованию Закона Ездрой, язычники, принявшие Закон, могли войти в общину; однако они не должны были быть равны с израильтянами по рождению, а должны были жить обособленной группой. Гаваонитяне, в прежние времена рабы Храма, принявшие израильские доктрины более тысячи лет назад, по-прежнему отличались друг от друга, и им не разрешалось вступать в смешанные браки с израильтянами; и, по мнению Ездры, с новыми прозелитами из языческих народов следовало обращаться подобным образом. Связь с ними не должна была носить интимного характера; таково было мнение Ездры, основанное не на гордости предков, а на религиозных и социальных соображениях. Какое-то смутное предчувствие предупреждало его, что принятие в общину прозелитов или полу-прозелитов - таких элементов, которые не были испытаны и проверены в горниле страданий, каким было семя Авраама, — придаст чрезмерный перевес иностранному элементу и уничтожит все моральные и религиозные преимущества, которые приобрели иудеи. Этот страх охватил всю его душу; он разорвал на себе одежду, вырвал волосы из головы и бороды и, отказавшись от всякой пищи, просидел до полудня, опечаленный и опустошенный этой опасностью, которая угрожала жизни нации. Затем он вошел во двор Храма и, упав на колени, излил исповедь, полную глубокого раскаяния, сетуя на то, что люди не исправились после пережитого горького опыта, а вернулись к своим прежним злым привычкам. Это глубоко прочувствованное покаяние, произнесенное среди рыданий, сильно подействовало на прохожих, мужчин, женщин и детей, которых привлек вид коленопреклоненного мудреца. Они разразились страстными рыданиями, как будто их слезы могли стереть темные страницы их истории. Один из присутствующих, Шехания, тронутый сочувствием, высказал веское предложение: "Давайте заключим завет разводиться со всеми чужеземными женами и теми, кто от них рожден". Ездра сразу ухватился за эту идею; он встал и потребовал, чтобы главы семейств, присутствовавшие при том Событии, поклялись перед Святилищем и своим Богом, что они отрекутся от своих чужеземных жен и своих детей. Этот момент должен был решить судьбу иудейского народа. Ездра и те, кто думал так же, как он, воздвигли стену разделения между иудеями и остальным миром. Но эта исключительность не была строго согласована с буквой Закона, поскольку сам Ездра, при всех его знаниях, не смог указать ни на один отрывок в Торе, подразумевающий, что смешанные браки были запрещены при заключении с теми, кто признавал Бога Израиля.

Те члены общины, которые в порыве энтузиазма дали этот обет, теперь были обязаны его сдержать. С обливающимися кровью сердцами они расстались со своими женами, дочерьми соседних племен, и отреклись от своих собственных детей. Сыновья и родственники первосвященника были вынуждены подавать пример остальным. Те из старейшин народа, которые были наиболее ревностными последователями Закона, образовали своего рода сенат. Они распространили по всей Иудее воззвание, повелевающее всем, кто был виновен в заключении смешанных браков, явиться в течение трех дней в Иерусалим под страхом отлучения от церкви. Для рассмотрения этого вопроса был учрежден специальный следственный суд. Ездра лично отобрал членов, которые должны были провести необходимые исследования, чтобы выяснить, действительно ли иудеи отказывались от своих жен. Работа этого следственного суда была проведена настолько тщательно, что все те, кто жил в городах Иудеи, отделились от своих жен и детей, как это сделали жители Иерусалима. И все же были

некоторые, кто под влиянием семейных чувств оказал некоторое демонстративное сопротивление.

Суровость, с которой было произведено это отделение от всех соседних племен, самаритян и других, естественно, привела к серьезным последствиям. Возведение этой разделительной стены Эзрой и его партией против тех, кто действительно стремился принадлежать к общине, вызвало много горечи. Они должны были быть навсегда разлучены с Божеством, которое они выбрали, и изгнаны из Иерусалимского Святилища, которому они принадлежали. Указ об отделении, посланный им, изменил их дружеские отношения к иудеям на враждебные. Ненависть, возникающая из-за презренной привязанности, всегда наиболее жестока. Горе жен, брошенных своими мужьями, и вид детей, от которых отказались их отцы, не могли не пробудить и не усилить враждебность тех, кто был с ними тесно связан. К несчастью для иудеев, Санбаллат и Товия, два сильных и способных человека, стоявшие во главе партии, были исключены из общины. Товия, аммонитянин, состоял в родстве с несколькими иудейскими семьями. Они оба приняли иудейское учение, и теперь они оба были отвергнуты. С этого момента они заняли враждебную позицию по отношению к Иудее; они были полны решимости силой или интригами сохранить свое право поклоняться в Храме и разделять веру Израиля. Сначала они, вероятно, предприняли шаги к восстановлению мирных отношений с иудеями и убеждали их отменить свое жестокое решение. В Иерусалиме, так же как и в провинциях, была партия, которая решительно не одобряла суровые действия Ездры. Наиболее информированные из них расходились во мнениях с Эзрой по поводу незаконности браков с женщинами, которые, по крайней мере внешне, признавали Закон. Была ли суровость Эзры оправдана? Разве исторические записи не содержат множества примеров, когда израильтяне женились на иностранках? Такие вопросы, должно быть, постоянно задавались в то время.

Очаровательное литературное произведение, написанное, вероятно, в то время, перекликается с мнениями более благородных членов сообщества. Поэтический автор Книги Руфь рассказывает, по-видимому, без всякой цели, простую идиллическую историю о знатной семье из Вифлеема, переселившейся в Моав, где два сына женились на моавитянках; но в то же время он затрагивает животрепещущий вопрос дня. Описывается, как Руфь, моавитянка, вдова одного из сыновей, говорила своей свекрови: "Умоляй меня не оставлять тебя и не возвращаться, чтобы не следовать за тобой: ибо, куда ты пойдешь, туда пойду и я, и где ты поселишься, там буду жить и я. твой народ будет моим народом, а твой Бог - моим Богом; где ты умрешь, там умру и я, и там буду похоронен; пусть Господь сделает со мной это и даже больше, если что-нибудь, кроме смерти, разлучит тебя и меня". И Моавитянка сдержала свое слово. преданно. После ее брака с Воозом люди восклицают: "Господь, сделай женщину, которая войдет в дом твой, подобной Рахили и Лии, которые вдвоем построили дом Израиля". Сын, рожденный у Руфи, был предком Давида, великого царя Израиля. Несколько эпизодов этой изысканной истории развиты наиболее изящно и художественно. Но автор хотел донести до своих читателей два факта, а именно, что царский дом Израиля произошел от моавитянки, и что моавитянка, после того, как она тесно связала себя с народом Израиля и признала их Бога, доказала такие добродетели, как грейс, дочь Израиля: целомудрие, утонченность чувств и жизнерадостное самопожертвование. Упоминание в этом рассказе о всепоглощающем вопросе дня было слишком резким, чтобы остаться незамеченным. Среди тех несчастных жен, которых отвергли или которым предстояло быть отвергнутыми своими мужьями, разве не могли быть такие, которые походили бы на Руфь? А дети, рожденные от чужеземных женщин, но имеющие отцов— иудеев, - разве на них следовало смотреть свысока, как на язычников? Если это так, то даже дом

Давида, царская семья, предок которой женился на моавитянке, не принадлежал к иудейскому народу!

Но ни одно из этих заявлений не принесло результата. Ездра и правящий сенат Иерусалима строго настаивали на исключении из общины всех людей, которые не могли претендовать на иудейское происхождение и, следовательно, не принадлежали к "святому семени". Провал всех примирительных мер привел к военным действиям, которые продолжались несколько лет (457-444). Ездра, к сожалению, не был человеком действия; он мог только молиться и пробуждать чувства других, но он не мог помешать многим иудейским семьям тайно поддерживать его противников. С другой стороны, Санбаллат и его последователи были людьми решительного характера, полными яростной ненавистик своим противникам, и они пользовались любой возможностью, чтобы досаждал своим врагам. В конце концов они даже напали на Иерусалим.

Что могло вдохновить их на такую смелость, зная, что Ездра пользовался благосклонностью персидского двора и что иудейские фавориты обладали большим влиянием на Артаксеркса? Может быть, они рассчитывали на непостоянство персидского царя? Или их ободрило восстание Мегабиза, сатрапа Сирии, которому подчинялись и Иудея, и Самария? И в то время как сирийцы побеждали одну персидскую армию за другой, поощрялось ли их начинать военные действия за свой счет и целиться в сердце своего врага? Но независимо от того, что побудило Санбаллата и его последователей предпринять военные шаги против Иерусалима, они увенчались полным успехом. Они смогли собрать армию, в то время как их противники в Иерусалиме по большей части не умели обращаться с оружием. В результате Санбаллат и его последователи пробили бреши в стенах города, сожгли деревянные ворота и разрушили многие здания, так что Иерусалим снова напоминал груды развалин. Они, однако, пощадили Храм, ибо он также был священен в их глазах; но, тем не менее, он был заброшен, и большинство жителей, лишившись защиты городских стен, покинули Иерусалим и обосновались в других местах, где могли найти убежище.

Аарониды и левиты, лишенные своих доходов от даров и десятины, покинули Храм и стали искать другие средства к существованию. Иудейское содружество, просуществовавшее всего столетие, переживало печальные времена. Многие знатные семьи заключили мир со своими соседями, вернули своих отвергнутых жен и завязали новые связи с чужеземцами. Они поклялись друг другу взаимным обетом постоянства уважать эти новые связи. На короткое время казалось, что великая работа Эзры была сорвана и жизнь содружества оказалась под угрозой. Как немногого не хватало, чтобы добиться полного растворения!

Религиозное рвение, зажженное Ездрой, было, однако, слишком горячим, чтобы его можно было так легко погасить. Некоторые иудеи, обезумев от горя из-за разрушения Иерусалима, поспешили к персидскому двору за помощью. Они рассчитывали на помощь Неемии, иудейского виночерпия Артаксеркса. Ханания, родственник Неемии и очевидец печальных событий, дал ему душераздирающее описание печального положения иудеев и падения Святого Города. Неемия был потрясен этими новостями. Он принадлежал к партии ревнителей в Персии и был, по возможности, более требовательным, чем Ездра. Иерусалим, Святой Город, всегда представлялся его воображению особо охраняемым Богом и окруженным огненной стеной, которая не позволяла ни одному врагу приблизиться безнаказанно. А теперь он был унижен и посрамлен, как любой земной город. Но он не позволил своему горю овладеть им; он был человеком энергичных действий и большой изобретательности. При дворе он научился

искусству управления и знал, что твердая воля может управлять как людьми, так и обстоятельствами. Он немедленно решил отправиться в Иерусалим, чтобы положить конец этому плачевному положению вещей. Но как он мог покинуть Персию, учитывая, что был связан со двором своим служебным положением? Великая милость, которую Артаксеркс всегда оказывал ему, приковала его к этому месту и лишила всякой надежды на путешествие в Иерусалим.

Полный такта, Неемия воздержался от просьбы Артаксеркса разрешить ему отправиться в путь до тех пор, пока не представится благоприятная возможность. Но горе, терзавшее его сердце, вскоре отразилось на его лице и омрачило его обычно веселое выражение. Однажды, когда он наливал вино царю и царице, печальное выражение его лица привлекло их внимание, и Артаксеркс спросил его о причине этого. Он немедленно воспользовался случаем и ответил: "Почему бы моему лицу не опечалиться, когда город, место гробницы моего отца, лежит в запустении, а ворота его сгорают в огне?" Затем он выразил царю свое искреннее желание. Артаксеркс немедленно исполнил все его желания, разрешив ему отправиться в путешествие, восстановить городские стены и навести порядок в неспокойном государстве. Король дал ему письма к различным королевским чиновникам, предписывая им не чинить препятствий на его пути и доставлять ему древесину для строительства. Он даже выделил эскорт солдат для сопровождения Неемии и назначил его наместником Иудеи. Царь поставил только одно условие, а именно, что его пребывание в Иерусалиме не должно быть постоянным, но что он должен вернуться к персидскому двору по истечении определенного времени.

Новая глава в истории содружества начинается с путешествия Неемии в Иерусалим, или, скорее, это событие завершает главу, начатую Ездрой. Неемия покинул город Сузы с большой свитой в сопровождении вооруженного эскорта. Путешествуя по бывшим владениям Десяти колен, он предъявил свои верительные грамоты различным должностным лицам, и таким образом Санбаллат и Товия были осведомлены о цели его путешествия и, естественно, почувствовали, что находятся накануне войны. Они были разочарованы, увидев, что иудеянин, любимец Артаксеркса, тот, кто посвятил себя защите своих преследуемых братьев, был назначен правителем страны.

Когда Неемия прибыл в Иерусалим, он уединился на три дня. Прежде всего, он хотел познакомиться со сферой своих обязанностей и с людьми, с которыми ему предстояло вступить в контакт. Тем временем он посвятил себя созданию своего рода двора, поскольку обладал княжеским состоянием и выставлял себя напоказ. Он держал причину своего пребывания в секрете и даже не разглашал ее лидерам общины, потому что не доверял им. Однажды ночью он тайно выехал вперед, чтобы осмотреть степень повреждения стен и разработать план их ремонта. Затем он созвал ведущих людей общины и объявил, к их изумлению, что царь Артаксеркс дал ему полную власть не только восстанавливать стены, но и управлять страной, и что он намеревается стереть с лица земли обрушившиеся на них позор и нищету. Он обнаружил, что собравшиеся иудеи сердцем и душой готовы помочь ему. Даже те, кто породнился с пришельцами и был с ними в дружеских отношениях, выразили свое одобрение. Но Неемия возложил на себя тяжелую задачу. Ему предстояло реорганизовать разрозненное содружество, члены которого из-за страха, слабости, эгоизма и множества мотивов не имели достаточного мужества, чтобы встретиться лицом к лицу с реальной опасностью. Первой заботой Неемии было укрепить Иерусалим; он сам руководил работами по возведению укреплений и сделал их менее трудоемкими благодаря тщательному разделению труда. Но

задача восстановления была неизбежно утомительной. Отвергнутые прозелиты во главе с Санбаллатом и Товией, всякая надежда которых на союз с иудеями рухнула из-за слов Неемии: "У вас не будет ни доли, ни права, ни памятника в Иерусалиме", - проявили такое же рвение, мешая работе, как и он, завершая ее. Они искусно пытались заставить персов заподозрить Неемию в измене и в том, что он задумал амбициозный план сделать себя царем Иудеи. Затем они попытались обескуражить рабочих, высмеивая их и заявляя, что стены достаточно слабы, чтобы шакал мог прорваться сквозь них. Когда стены поднялись на половину своей предполагаемой высоты, враг тайно решил начать атаку. Неемия, однако, вооружил некоторых из своих соплеменников, а также некоторых ведущих членов общины и поставил их на стражу. У каждого рабочего на боку висел меч; каждый носильщик нес свою ношу в одной руке и оружие в другой. Чтобы ускорить завершение возведения стен, работы велись непрерывно от рассвета до заката, в то время как часть отряда день и ночь стояла на страже внутри города. Сам Неемия всегда был на месте в сопровождении трубача. При звуке его трубы рассеянным рабочим было приказано собраться вокруг него.

Но вместо того, чтобы возобновить атаку на стены, Санбаллат занялся разработкой интриг против Неемии. Он объявил, что, как только Иерусалим будет укреплен, Неемия добьется того, чтобы его провозгласили царем Иудеи, и поднимет восстание против Персии. Наиболее легковверные начали беспокоиться и подумывать о том, чтобы отказаться от работы, чтобы персы не рассматривали их как сообщников. Более того, главы тех семей, которые были связаны с врагом, вели активную изменническую переписку с Товией. Но все эти интриги были бесполезны, и Неемия завершил работу с такой энергией, что вызвал невольное восхищение врага. С этого времени Санбаллат и его последователи, по-видимому, отказались от своих бесплодных попыток досадить Неемии или помешать его работе.

Но внутри самой общины Неемии пришлось вести не менее суровую борьбу. Многие из самых выдающихся семей, которые казались лояльными, не только поддерживали тайные связи с врагом, но и самым бессердечным образом угнетали бедных. Когда во времена дефицита бедняки занимали деньги у богатых, чтобы платить налоги королю, или приобретали зерно для собственного потребления, они отдавали в залог свои поля, виноградники, оливковые рощи, собственные дома, а иногда даже собственных детей; и если долги не были погашены, кредиторы сохраняли землю как свою собственность, а детей держали в рабстве. По мере того как жалобы тех, с кем так жестоко обошлись, все громче и чаще доносились до ушей Неемии, он решил призвать этих бессердечных людей к ответу. Он созвал большое собрание и сурово выступил против этой формы бессердечия, которая была особо осуждена Законом.

"Мы, иудеи Персии, - воскликнул он, - сделали все возможное, чтобы выкупить наших братьев, иудеев, которые были проданы язычникам. И вы даже продадите своих братьев, чтобы их снова продали нам? добавил он с иронией. Столь глубоким было уважение, которым пользовался Неемия, столь весомым было его мнение, и столь готовы были даже знатные и богатые прислушаться к увещаниям Закона, что они пообещали немедленно не только освободить поработанных людей, но и вернуть дома, поля и сады их владельцам и погасить их долги. Неемия воспользовался этим благоприятным настроением, чтобы принести богатым клятву, обязав их выполнять свои обещания.

Это была важная победа, одержанная Законом через его представителя Неемию над эгоизмом. Он действительно превзошел всех остальных в примере самоотречения, который он им

подавал. Он не только отказывался от причитающихся ему доходов, но и ссужал деньги и зерно бедным, и если они были не в состоянии вернуть их, он отказывался от займов. Его родственники и слуги вели себя так же великодушно и бескорыстно.

Таким образом, Неемия преодолел все трудности и навел порядок в общине. Люди прислушались к его словам, и ведущие люди подчинились ему. Но когда стены города были восстановлены и ворота заменены, оказалось, что левитские привратники, да и фактически все левиты, отсутствовали. После разрушения города они мигрировали в другие части страны, потому что не получали десятины. В целом, город был малонаселенным, и многие дома были разрушены или заброшены. Поэтому Иерусалим должен был быть снова заселен, а Храм заново укомплектован служителями.

Похоже, что Неемия распорядился издать воззвание ко всем тем, кто покинул Иерусалим во время его отсутствия безопасности, и к тем, кто первоначально поселился в провинциальных городах, приглашая их переехать на постоянное жительство в столицу. Многие знатные семьи сразу же предложили это сделать. Но поскольку их было слишком мало, чтобы повторно заселить Иерусалим, было решено, что десятая часть населения сельских округов должна быть призвана мигрировать в столицу и что они будут отобраны по жребию. Неемия, однако, не считал каждого достойным стать гражданином Святого Города, и меньше всего тех, кто родился от смешанных браков. Он тщательно просмотрел список иудеев, вернувшихся из Вавилонии, изучая родословную каждой отдельной семьи. Он вел дело с большой строгостью. Три семьи, состоящие из шестисот сорока двух человек, которые не смогли доказать, что они произошли от израильтян, не были допущены, а три семьи ааронидов, которые не смогли представить отчет о своем происхождении, были временно лишены сана священства.

Как только Неемия укрепил Иерусалим и нашел средства обеспечить его население, сделав общину центром и объединив народ в компактное тело, он попытался вдохнуть в это тело живую душу Закона. Но для этой цели ему требовалась помощь книжников. Ездра, который был отброшен на задний план большой деятельностью Неемии, теперь снова появился на сцене. На праздник, отмечаемый в первый день седьмого месяца, Ездра собрал весь народ, даже тех, кто жил в деревне. "Они собрались вместе, как один человек, на открытом месте, которое находится перед Водяными воротами в Иерусалиме". Здесь была воздвигнута деревянная подставка, на которой Ездра стоял, чтобы читать Закон. Все было рассчитано на то, чтобы произвести торжественный и внушительный эффект. Собрание было многочисленным; оно состояло не только из мужчин, но и из женщин и детей, которые были достаточно взрослыми, чтобы понимать услышанное. Когда Ездра развернул Книгу Закона, все люди встали, и когда он начал службу, произнес благословение, они подняли руки, отвечая громким голосом "Аминь". Затем Эзра начал внушительным голосом читать отрывок из Торы, и все присутствующие внимательно слушали. Некоторые, действительно, не могли уследить за чтением, но левиты добавили краткое и ясное объяснение, так что даже самый невежественный мог понять. Люди были глубоко тронуты тем, что услышали, и разразились слезами. Вероятно, они впервые слышали ту часть Второзакония, в которой возвещаются страшные наказания, наступающие за пренебрежение Законом; и мучимые совестью люди почувствовали себя недостойными Божественной любви и были переполнены горем. Прошло некоторое время, прежде чем Ездre и священникам удалось успокоить возбужденную толпу. Но в конце концов они успокоились и продолжили праздновать праздник в приподнятом настроении. Это был первый раз, когда люди

приняли Книгу Закона в свои сердца и почувствовали, что она является неотъемлемой частью их существования, а они сами являются ее хранителями.

Перемены, начавшиеся во времена вавилонского изгнания, теперь завершились. То, что начали пророки, завершили книжники. Примечательно, что столь важное собрание собралось не в самом Храме, а в непосредственной близости от него, и что первосвященник не принимал в нем никакого участия. Святилище с алтарем и сосудами для жертвоприношений было в определенной степени отодвинуто на задний план. Будучи священником, Ездра бессознательно проложил путь к разделению Закона и Храма, то есть подчинению священства Священным Писаниям. Люди настолько прониклись любовью к Закону, который раньше их мало интересовал, что им не терпелось узнать о нем побольше. Главы общины, чьи предки упрямо отвергали учение пророков и казались совершенно неспособными к реформации, на следующий день отправились к Ездre и умоляли его продолжить чтение Пятикнижия. Затем Ездра прочитал часть, касающуюся праздников, которые должны были отмечаться в течение седьмого месяца. Повинуясь содержащимся в нем предписаниям, ведущие люди приказали глашатаям объявить, что все люди должны принести ветви оливковых деревьев, миртов и пальм с соседних гор для возведения хижин или шалашей. Люди с готовностью выполнили этот приказ и отпраздновали Праздник Кущей в более радостном настроении, чем когда-либо прежде. В течение восьми дней этого праздника ежедневно читалась часть Закона, и с этого времени чтение Закона стало постоянной частью богослужения. Ездра и Неемия стремились воспользоваться этим религиозным рвением, чтобы повлиять на тех, кто все еще жил со своими женами-иностранками, и заставить их отказаться от них по собственной воле. С этой целью был назначен день покаяния. Все люди явились постящимися, в трауре и с пеплом на головах. Была прочитана и разъяснена часть Закона, запрещающая смешанные браки с аммонитянами и моавитянами. Затем левиты произнесли общее признание греха от имени народа. Желаемый эффект был достигнут; израильтяне расстались со своими женами-иностранками и разорвали свою связь с самаритянами и всеми людьми сомнительного происхождения.

Теперь Ездра и Неемия побудили их заключить торжественный завет, что в будущем они будут уважать учение Закона и не будут возвращаться к своим старым ошибкам и недостаткам. С этого дня вся община должна была жить по Закону Моисея. Мужчины, женщины и дети, служители Храма и даже прозелиты, которые преданно служили иудеям, приносили требуемую от них клятву. Они поклялись не отдавать своих дочерей замуж за иностранцев и не жениться на дочерях чужеземных племен. Ездра и Неемия рассматривали этот вопрос как вопрос особой важности, и поэтому ему было отведено первое место. Они также поклялись соблюдать субботу и праздники, оставлять поля под паром каждый седьмой год и в течение этого года возвращать все долги. Более того, каждый человек, достигший совершеннолетия, должен был ежегодно вносить одну треть шекеля на содержание Храма, приносить в Святилище первые плоды с полей и садов, заготавливать дрова для жертвенника и вносить десятину на содержание священников и левитов.

Обязательства, взятые на себя народом, были записаны на свитке, который был подписан главами семей и скреплен печатью. Имя Неемии стояло первым в списке, за ним следовали подписи примерно восьмидесяти пяти выдающихся людей. Согласно одному источнику, было подписано сто двадцать имен. Это важное собрание иудеев называлось Великим Собранием (Кенесет ха-годола). Неемия действительно многого достиг за короткое время. Он не только

восстановил пришедшее в упадок государство и обеспечил его стабильность, укрепив столицу, но и даровал людям Закон и побудил их жить в согласии с его требованиями.

Неемия, по-видимому, намеренно организовал сбор больших народных собраний, чтобы произвести глубокое впечатление на присутствующих. Он созвал народ во второй раз, чтобы освятить стены города. Как и на предыдущей церемонии, среди собравшихся были женщины и дети. Чтобы придать этим торжествам радостный характер, он пригласил в Иерусалим несколько левитов, искусных в музыке и пении. Две группы людей, начав с одной и той же точки, прошли в противоположных направлениях вокруг стен и встретились в Храме. Во главе каждого подразделения хор левитов пел хвалебные гимны, каждому из которых аккомпанировал оркестр музыкантов. Ездра следовал за одним хором, Неемия - за другим, каждый из них возглавлял огромное скопление людей. Таким образом, две процессии медленно обошли стены города. Далеко вдалеке раздавались радостные звуки кимвалов, арф и труб, в то время как песни, срывавшиеся с уст левитов, снова и снова отдавались эхом от гор. После дня скорби и искупления последовал день всеобщей радости. Нам говорят, что этот праздник посвящения длился восемь дней и состоялся через два года и четыре месяца после начала работы Неемии (442).

Чтобы основать общину, которой он дал новую жизнь, Неемия искал способных, достойных и добросовестных офицеров. Похоже, что именно он разделил страну на небольшие округа (Пелех) и поставил над каждым офицера для управления его делами и поддержания порядка. К северу от Храма Неемия построил цитадель, которую он сильно укрепил, чтобы в случае необходимости она могла служить защитой Святыни; эта крепость называлась Бира. Он назначил командиром верного и богобоязненного человека Хананию. Его коллега по работе возрождения, книжник Ездра, был назначен хранителем Храма. Главным, что он имел в виду, было полное восстановление храмового богослужения. Чтобы жертвоприношения снова не прерывались, необходимо было позаботиться о содержании Ааронидов и левитов. Землевладельцы, это правда, самым торжественным образом обязались платить налоги первым и десятину вторым, но Неемия, не удовлетворившись простым обещанием, потребовал постоянного наблюдения за доставкой припасов. Левиты были посланы в страну во время сбора урожая, чтобы собрать свою десятину и вернуть ее в Иерусалим. Чтобы обеспечить равномерное распределение десятины, десятая часть которой, в свою очередь, причиталась Ааронидам, и тех даров, которые принадлежали исключительно последним, Неемия построил большие зернохранилища, где должны были храниться все пожертвования, и куда те, кто имел на это право, должны были возвращаться, чтобы специальные чиновники распределили им причитающиеся доли.

Неемия не только позаботился о повторном заселении опустевшего города Иерусалима, но и изыскал средства для обеспечения новых жителей подходящими жилищами. За свой счет он возводил дома для беднейших слоев населения и старался удовлетворить все потребности таким же образом. Таким образом, он построил новое государство, на которое возложил только одно обязательство - строго соблюдать Закон. В течение двенадцати лет он был правителем Иудеи (с 444 по 432 год); затем он был вынужден вернуться ко двору Артаксеркса, где по-прежнему пользовался большим расположением царя. Он ушел с надеждой, что выполненная им работа может быть благословлена длительной безопасностью и славой.

Но не успел Неемия уйти, как возникло встречное течение, которое можно было проследить до влияния первосвященника Элиашиба. Первый шаг назад был сделан, когда Элиашиб поддерживал дружеское общение с самаритянами и отпрысками смешанных браков, в нарушение решения Великого Собрания. В знак этой дружбы член семьи священника по имени Манассия женился на Никасо, дочери Санбаллата. Другие, которые были втайне недовольны строгой линией отделения Неемии, теперь последовали примеру священнического дома. Произошла полная перемена. Товии, второму злейшему врагу Неемии, было позволено беспрепятственно вернуться в Иерусалим, и ему фактически был отведен большой двор во внешнем Храме.

Это внезапное изменение, позволившее сделать то, что еще недавно было строго запрещено, привело к общему распаду. Народ как единое целое был настолько возмущен действиями первосвященника и его партии, что открыто продемонстрировал свое презрение к ним. Более того, землевладельцы перестали платить десятину и подати на содержание священства, и таким образом ни в чем не повинные левиты также потеряли свой доход. Чтобы избежать голодной смерти, они были вынуждены покинуть Храм и город. Пожертвования на жертвоприношения прекратились, и, чтобы не допустить полного забвения алтаря, ответственные жрецы приносили в жертву больных, хромых, слепых или некрасивых животных. Многие иудеи испытывали такое крайнее отвращение к поведению священников, что отворачивались от Святилица и дел общины, преследуя свои собственные интересы, и это нередко происходило в ущерб справедливости и всему тому, что они поклялись отстаивать. Когда этот класс стал процветающим, истинно благочестивые люди, которые боролись с бедностью, совершенно запутались в своих представлениях о добре и зле и воскликнули: "Тщетно служить Богу; и какая польза от того, что мы соблюдаем Его заповеди?" "Всякий, делающий зло, добр в очах Господа, и Он радуется им".

Но хуже всего был разлад, царивший в иудейской общине и разделявший даже семьи. Что можно было признать правильным и законным? Отец не был согласен с сыном; один принял суровую практику, другой - небрежную, и таким образом в каждом доме возникали споры. Чтобы противодействовать этим прискорбным явлениям, наиболее благочестивые, которые не позволили бы поколебать себя в своих убеждениях, встретились и обсудили план действий. Они с надеждой и тоской обратились к Неемии, который все еще находился при дворе Артаксеркса. Если бы он только вернулся в Иерусалим, он мог бы одним ударом положить конец этому жалкому состоянию неразберихи и восстановить мир, единство и силу в городе. В этот благоприятный момент на сцене внезапно появился богобоязненный человек. Он принадлежал к партии, которая была разгневана поведением первосвященника и его последователей, и он взялся наказывать нечестивых и возрождать угасающее мужество добрых. Этим человеком, полным энергии и движимым пророческим духом, был Малахия, последний из пророков. Он достойно завершил длинный список благочестивых людей, сменявших друг друга на протяжении четырех столетий. Малахия объявил своим удрученным и отчаявшимся братьям о скором прибытии Посланника Завета, которому многие обрадовались и который принесет с собой лучшие дни. Пророк советовал людям не отказываться от уплаты десятины из-за злодеяний некоторых священников, но приносить их все, как в прежние дни, в хранилища.

Малахия, подобно ранним пророкам, провозгласил, что в далеком будущем наступит великий и ужасный день, когда разница между благочестивыми и нечестивыми станет очевидной. Перед наступлением того последнего дня Бог пошлет Своего пророка Илию, и он примирит отца с

сыном. Он повелел им вспомнить и принять близко к сердцу Закон Моисея с его постановлениями и постановлениями, которые были даны им на горе Хорив. С этими словами голос пророчества смолк.

Писанный Закон, который стал доступен многим благодаря усердию Ездры и который нашел множество приверженцев, сделал продолжение пророческих высказываний ненужным. Писец занял место провидца, и чтение Закона либо на больших собраниях, либо в молитвенных домах было заменено пророческим откровением.

Имел ли Неемия при персидском дворе хоть малейшее представление о том стремлении к его присутствию, которое существовало в этот самый момент в Иерусалиме? Знал ли он хоть сколько-нибудь, что вера Малахии в лучшие дни основывалась на надежде на его возвращение? Невозможно сказать, но, во всяком случае, он внезапно вновь появился в Иерусалиме между 430 и 424 годами, снова получив разрешение короля вернуться в свой духовный дом, и вскоре после своего прибытия он стал, по словам пророка, "подобен очищающему огню и щелоку для обжига". Он очистил общину от нечистых элементов. Он начал с того, что изгнал аммонитянина Товию с места, которое было предоставлено ему его родственником-священником Элиашибом, и отстранил последнего от должности. Затем Он собрал глав общины и горько упрекнул их в том, что они вынудили левитов покинуть Храм, пренебрегая сбором десятины. Призыва Неемии было достаточно, чтобы побудить землевладельцев выполнить свои забытые обязанности, а левитов вернуться к своей службе в Храме. Заботу о собранной десятине и ее справедливом распределении он возложил на четырех добросовестных иудеев, некоторых из своих преданных последователей. Он восстановил в богослужении его прежнюю торжественность и распустил недостойных священников. Самым важным делом в глазах Неемии было расторжение вновь заключенных смешанных браков. Здесь он вступил в прямой конфликт с домом первосвященников. Манассия, сын или родственник первосвященника Иоиады, отказался разлучиться со своей женой-самарянкой Никасо, дочерью Санбаллата, и Неемия проявил достаточную твердость, чтобы изгнать его из страны. Многие другие аарониды и иудеи, которые не подчинились приказам Неемии, также были отправлены в изгнание. После того как в столице были восстановлены мир и порядок, Неемия попытался покончить со злоупотреблениями, которые распространились в провинциях. Везде, где иудеи жили в непосредственной близости от чужеземных племен, таких как ашдоиты, аммонитяне, моавитяне или самаритяне, смешанные браки приводили к почти полному незнанию иврита, поскольку дети от этих браков обычно говорили на языке своих матерей. Это вызвало гнев Неемии и подстегнуло его энергию. Он возмутился иудейским отцам, он даже проклял их и, в конце концов, наказал непокорных. Благодаря такой настойчивой деятельности он смог добиться расторжения смешанных браков и сохранения еврейского языка.

Затем Неемия рассказал о строгом соблюдении субботы, которая до сих пор соблюдалась лишь небрежно. Закон, конечно, запрещал любой труд в этот день, но он не определял, что на самом деле должно рассматриваться как труд. Во всяком случае, иудеи, жившие в провинциях, были невежественны в этом вопросе, поскольку в субботу они прессовали вино, нагружали своих вьючных животных зерном, виноградом, инжиром и гнали их на рынок в город Иерусалим. Как только Неемия обнаружил, что к субботе относятся как к обычному буднему дню, он собрал деревенских жителей и объяснил, что они грешат против Закона Божьего, и они послушались его и последовали его указаниям. Но перед ним стояла более трудная задача - отменить старый

устоявшийся обычай. У тирских купцов было обыкновение появляться в Иерусалиме в субботу, привозя свежую морскую рыбу, и они находили готовых покупателей. Но Неемия приказал, чтобы отныне все ворота были закрыты в канун субботы, чтобы ни один купец не мог войти в город. Эти предписания строго соблюдались, и с тех пор суббота неукоснительно соблюдалась.

На строгом соблюдении Закона, предписанного Ездрой, настаивал Неемия; он воздвиг стену разделения между иудеями и язычниками так надежно, что пробить ее было невозможно. Иудеи, недовольные этим разделением и суровостью Закона, были вынуждены покинуть иудейскую общину и образовать собственную секту. Сам Неемия, вероятно, дожил до того, чтобы увидеть образование первой секты среди евреев, и поскольку он сам мог фактически нести за это ответственность, он счел необходимым оправдать свои действия и указать на свою собственную достойную роль в поднятии падшей общины. Он сочинил своего рода мемуары, в которых рассказал о том, чего он достиг во время своего первого и второго визитов в Иерусалим. Время от времени он вставлял молитву о том, чтобы Бог вспомнил его за то, что он сделал для людей, и за его заслуги перед Святилищем и его сохранением. Это было своего рода самооправдание, написанное им в преклонном возрасте, и его имя навсегда осталось в памяти благодарного народа. Ему и Ездre, создателям того духовного течения, которое с тех пор приобрело непреодолимую силу в еврейском мире, благодарные потомки приписали все благотворные институты, происхождение которых неизвестно.

ГЛАВА XX. СОФЕРИАНСКИЙ ВЕК.

Вражда самаритян к иудеям—Храм на горе Гаризим—Первосвященник Манассия—Смешанный язык самаритян—Их почитание Закона Моисея—Иудаизм теряет свое национальное значение—Юбилейный и субботный год—Раздача милостыни—Совет семидесяти—Ассирийские персонажи—Школы и Соферим—Соблюдение церемоний—Молитвы — Будущая жизнь —Иудеи при Артаксерксах II и III.—Их изгнание к Каспийскому морю—Иоханан и Иисус Навин борются за пост первосвященника-Багоас—Писания того периода—Греки и македоняне—Александр Македонский и иудеи—Иудея считалась провинцией Клеирия—Борьба между преемниками Александра—Захват Иерусалима Птолемеем—Иудея присоединена к Лагидско—Египетскому царству -Иудейские колонии в Египте и Сирии и греческие колонии в Палестине.

420-300 гг. до н. э.

Ненависть, возникающая из-за отвергнутой любви, сильнее и яростнее, чем вражда, возникающая из необъяснимой антипатии, ревности или разногласий. Санбаллат, а также его самаритянские последователи и компаньоны, отдавая предпочтение Богу Израиля, изо всех сил пытались быть принятыми в иудейскую общину. Злобность их вражды к Неемии, который вывел государство из упадочного состояния, на самом деле была безудержным предложением любви, с помощью которого они надеялись обеспечить тесную связь с Иудеей. Но по мере того, как они снова и снова получали отпор, эта страстная любовь превращалась в жгучую ненависть. Когда

Санбаллат, который думал, что достиг своей цели благодаря своей связи с семьей первосвященника, узнал об оскорблении, нанесенном ему изгнанием его зятя Манассии из-за брака этого священника с его дочерью, мера его гнева была полна. Он хитро задумал план дезорганизации иудейской общины с помощью ее собственных членов. Что, если бы он воздвиг храм Богу Израиля, чтобы оспорить верховенство единого в Иерусалиме? Среди его последователей были священники из потомков Аарона, которые могли законно проводить богослужение, как предписано в Торе, в проектируемом святилище. Сан первосвященника вполне мог принять его зять Манассия, и другие Аарониды, изгнанные из Храма, могли совершать богослужения вместе с ним. Все казалось благоприятным для его замысла. И его желание поклоняться Богу Израиля, и его амбиции стать во главе отдельной общины могли быть легко удовлетворены одновременно.

На вершине плодородной горы Гаризим, у подножия города Сихем, в самом сердце земли Палестина, Санбаллат построил свой Храм, вероятно, после смерти Артаксеркса (около 420 г.).

Аронида, которые были изгнаны из Иерусалима и которые были хорошо сведущи во всех догматах Закона, выбрали это место, потому что знали, что, согласно Книге Второзакония, благословения должны были быть произнесены последователям Закона Моисея с этой горы. Но самаритяне дали старым словам новое толкование. Они называли и продолжают называть по сей день гору Гаризим "Горой Благословений", как будто благословение и спасение исходили от самой горы. Даже город Сихем они называли "Благословляющим" (Мабрахта). Санбаллат, или священники этого храма в Гаризиме, заявили, что смешанная раса самаритян не была потомками изгнанников, помещенных в эту страну ассирийским царем, но что, напротив, они были истинными израильтянами, остатком Десяти колен или колен Иосифа и Ефрема. Возможно, среди них действительно были некоторые потомки семей, которые после разрушения царства Десяти колен удержались в Самарии; но то, что многочисленные кутейцы, собравшиеся вокруг Санбаллата, вместе с аммонитянами и аравитянами были потомками Иосифа, Ефрема и израэлитов, было одной из тех остроумных и дерзких выдумок, которые из-за самого своего преувеличения поражают даже тех, кто полностью убежден в их лживости. Однако их язык выдавал их смешанное происхождение; это был конгломерат арамейского и других иностранных элементов, так что по сей день невозможно удовлетворительно определить его происхождение.

Но предприятие оказалось успешным. У самаритян был свой храм, вокруг которого они собирались; у них были священники из дома Аарона; они нагло противопоставляли свой Харгеризим, как они называли свою святую гору, горе Мориа; они интерпретировали Книгу Закона по своему усмотрению, создавая впечатление, что Бог задумал гору Гаризим как место для святилища, и они с гордостью называли себя израильтянами. Санбаллат и его последователи, намереваясь привлечь в свою общину как можно больше иудеев, соблазняли их предложением домов и земли и всячески помогали поддерживать их. Самаряне принимали с распростертыми объятиями тех, кто был виновен в преступлениях в Иудее или Иерусалиме и опасался наказания. Из таких элементов была сформирована новая полуиудейская община или секта. Их дом находился в несколько ограниченном районе Самарии, центром которого был либо город, давший название провинции, либо город Сихем. Члены новой общины стали активными, энергичными, умными людьми, как будто Санбаллат, основатель, вложил в них свой дух. Несмотря на свои миниатюрные размеры, эта секта просуществовала до наших дней. Существование самаритян как общины действительно можно считать знаменательной победой

иудейской веры, поскольку только их религия спланивала столь разношерстный народ ; она стала путеводной звездой их жизни, и ей они оставались верны, несмотря на невзгоды и катастрофы. Самаряне относились к Торе, принесенной им изгнанными священниками, с таким же почтением, как и иудеи, и регулировали свою религиозную и социальную жизнь в соответствии с ее требованиями. Но, несмотря на эту общность основных принципов, иудеи не были в восторге от такого вступления в ряды своей веры. Эта первая иудейская секта причинила им столько же горя, сколько и те, которые в более поздний период выросли среди них. Самаритяне были не только их самыми злейшими врагами, но и фактически отказывали им в праве на существование как общины. Они заявляли, что только они являются потомками Израиля, оспаривая святость Иерусалима и его Храма и утверждая, что все, установленное иудейским народом, было простой подделкой под старые израильские обычаи. Самаряне всегда были начеку, чтобы внедрить в своей стране те усовершенствования, которые были осуществлены в Иудее, хотя, если бы это было в их силах, они уничтожили бы нацию, которая была их образцом. Со стороны иудеев ненависть к своим соседям-самаритянам была столь же велика. Они говорили о них как о "глупых людях, которые жили в Сихеме". Вражда между Иерусалимом и Самарией, существовавшая во времена двух царств, вспыхнула с новой силой; она носила уже не политический, а религиозный характер и поэтому была более жестокой и накаленной.

Существование секты самаритян оказало, однако, стимулирующее воздействие на иудеев: поскольку последние постоянно вступали в столкновения со своими противниками и были вынуждены выслушивать доктрины, в высшей степени им неприятные, они были вынуждены тщательно изучать сущность своей собственной веры. Самаряне помогли им обрести самопознание. Что отличало их не только от языческого мира, но и от тех соседей, которые поклонялись единому Богу и признавали авторитетным то же самое Откровение? Это была мысль о том, что у них особое вероучение, и концепция "иудаизма" приобрела ясность в их умах. Иудаизм больше означал не *национальность*, а религиозные убеждения. Название "иудеянин" утратило свое расовое значение и применялось к любому приверженцу еврейской веры, будь то потомок Иуды или Вениамина, ааронид или левит. Двумя фундаментальными принципами этой веры были признание единого Бога и Тору, в которой Бог открывает себя через посредничество Моисея.

Благоговение и любовь, с которыми стали относиться к Священной Книге после дней Ездры и Неемии, были столь же глубоки, как и всеобщее безразличие к ней в прежние времена. "Мудрый человек доверяет Закону, и Закон для него так же верен, как слова дарующих истину Урима и Туммима". На Тору смотрели как на квинтэссенцию всей мудрости и почитали как таковую. Еврейская поэзия, все еще полная жизни, воспевала ее восторженными восхвалениями. Естественно, из этого следовало, что Тора стала основным законом маленького государства или содружества Иудеев. Прежде чем иудеянин предпринял какое-либо действие или воздержался от него, он должен был спросить, соответствует ли его поступок Закону. Рабство прекратило свое существование; даже если иудеянин хотел продать себя в рабство, он не мог найти покупателя. Поэтому Юбилейный год, задуманный как год освобождения рабов, стал излишним учреждением. С другой стороны, годичный отпуск строго соблюдался. Затем долги бедных были погашены, и поля остались под паром. Вероятно, иудейские фавориты при персидском дворе уже потребовали, чтобы в течение Субботнего года налоги на урожай с полей не взимались. О бедных заботились с большой заботой, ибо Пятикнижие требовало, чтобы в стране не было нуждающихся. В этом новом порядке вещей раздача милостыни

рассматривалась как проявление высшей добродетели. В каждом городе были назначены члены иудейской общины, которые должны были посвятить себя заботе о бедных. Постоянные обвинения пророков и псалмопевцев в жестокосердии, проявляемом по отношению к бедным и беспомощным, больше не имели оправдания. Правосудие отправлялось превосходно, и закон исполнялся так добросовестно, что иудейские блюстители закона могли бы служить образцом для остального мира. Дважды в неделю, по понедельникам и четвергам, в рыночные дни, во всех крупных городах проводились общественные суды.

Было совершенно естественно, что, поскольку жизнь общины регулировалась в соответствии с заповедями Торы, духовные лидеры народа создали верховный суд, обладающий полномочиями принимать и толковать законы. Они всего лишь выполняли слова Второзакония, в котором предписывалось учредить высший суд справедливости, где могло быть вынесено окончательное решение по сомнительным делам. Теперь возник вопрос о количестве членов этого суда. Семьдесят старейшин разделили с Моисеем великое бремя его обязанностей, они были представителями семидесяти главных родов сынов Израилевых. Поэтому было решено, что в состав верховного трибунала и высшей судебной палаты должно входить семьдесят старейшин. Этот особый институт, просуществовавший до разрушения иудейского государства, который стал строгим стражем Закона и временами приобретал большое политическое значение, несомненно, был вызван к жизни в этот период. Ни в какое другое время это не могло возникнуть. Таким образом, великое собрание, которое Неемия первоначально созвал исключительно с целью принятия обязательств по Торе, превратилось в постоянный совет для решения всех религиозных и социальных вопросов. Семьдесят членов верховного совета, вероятно, были избраны из разных знатных семей. Первосвященник, был ли он достоин сана или нет, был поставлен во главе их. Председателя называли "отцом трибунала" (Аб Бет-дин). Как только совет был сформирован, он приступил к осуществлению того, что начали Ездра и Неемия, а именно к применению иудаизма или Закона к жизни и обычаям народа. Этот верховный совет произвел полную революцию.

Все изменения, которые мы замечаем двести лет спустя в иудейском государстве, были его работой; новые правила, которые традиция приписывает Ездre и которые были известны под названием софeрических правил (Dibre Sopherim), были творениями этого органа. Это заложило надежный фундамент для здания, которому предстояло просуществовать тысячи лет. В этот период было введено регулярное чтение Закона; каждую субботу и в каждый Святой день собравшемуся собранию должен был зачитываться отрывок из Пятикнижия. Дважды в неделю, когда сельские жители приезжали из деревень на рынок в соседние города или подавать апелляции в суды, некоторые стихи Пятикнижия, какими бы немногочисленными они ни были, должны были читаться публично. Сначала публичным чтением занимались только ученые, но постепенно, по мере того как принадлежность к образованному классу стала рассматриваться как великая честь, каждый стремился исполнить свой долг чтеца. Но символы, которыми была написана Тора, были препятствием на пути преодоления неграмотности. Текст Торы был написан древним шрифтом финикийскими или старовавилонскими иероглифами, которые могли быть расшифрованы только опытными переписчиками. Для иудеев в Персии, даже в большей степени, чем для иудеев в Палестине, Тора была книгой за семью печатями. Поэтому было необходимо преобразовать старомодные символы еврейских Писаний (Хетаб Ибрит) в другие, которые были знакомы жителям земли между Евфратом и Тигром и которые иудеи Палестины и персидских провинций использовали также для обычных целей повседневной жизни. Чтобы отличить его от старого письма, новый стиль называли ассирийским (Хетаб

ашурит), потому что он возник в одной из ассирийских провинций. Самаряне, движимые духом противоречия, сохранили древнееврейские символы для своего Пятикнижия только для того, чтобы иметь возможность упрекнуть своих оппонентов в том, что они ввели запрещенное нововведение и фальсифицировали Тору. До сегодняшнего дня их священное писание существует в этих старомодных письменах, и оно является закрытой книгой даже для большинства их священников.

Благодаря регулярному чтению Закона и его доступности среди иудеев возникла интеллектуальная деятельность, которая постепенно придала особый характер всему народу. Тора стала их духовной и интеллектуальной собственностью, а также их собственным внутренним святилищем. В это время возникло еще одно важное учреждение, а именно школы для юношества, где преподавался текст Закона и культивировалась любовь к его учениям и принципам. Интеллектуальные лидеры народа постоянно предписывали подрастающему поколению "Воспитывать великое множество учеников". И то, что они так настойчиво предписывали другим, они сами, должно быть, ревностно выполняли. Одна из таких религиозных школ (Бет-Ваад) была основана в Иерусалиме. Учителей называли книжниками (соферим) или мудрецами; учеников - учениками мудрых (Талмиде Хахамим). Мудрецы или книжники занимались двоякой деятельностью: с одной стороны, объясняли Тору, а с другой - делали законы применимыми как к индивидуальной, так и к общественной жизни. Это дополнительное толкование называлось "изложением" (мидраш); оно не было произвольным, а основывалось на определенных правилах, установленных для правильного толкования Закона. Верховный совет и учебные заведения работали вместе, и одно дополняло другое.

Результатом стало важнейшее умственное развитие, которое произвело на потомков патриархов такое сильное впечатление, что это стало казаться их второй натурой: стремление исследовать, интерпретировать и напрягать свою изобретательность, чтобы обнаружить какой-то новый и скрытый смысл либо в слове, либо в сути. Верховный совет, источник этих институтов и этого нового движения, не ограничивался толкованием существующих законов и их применением в повседневной жизни, но он также разработал свой собственный свод законов, который должен был регулировать, стимулировать и укреплять религиозную и социальную жизнь народа. В Иудее была старая максима, пользующаяся большой репутацией: "Воздвигни ограду вокруг Закона". Этой максимой законоучителю предписывалось запрещать определенные вещи, которые сами по себе допустимы, которые, однако, слишком близко касались запрещенных пунктов или могли быть смешаны с ними. Этот метод защиты от любого возможного нарушения Закона с помощью "забора" (Сейаг) имел свое оправдание в беспечных, неустроенных привычках тех первых дней. Было абсолютно необходимо, чтобы масса совершенно необразованных людей приучила себя к исполнению предписаний и обязанностей, предписанных Законом.

Целый свод законов, принятых с целью предотвращения нарушения заповедей Торы, относится к соферическому веку. Например, увеличилось число степеней родства, которые считались незаконными для вступления в брак; чтобы предотвратить нарушение целомудрия, мужчинам было запрещено проводить частные собеседования с замужними женщинами в уединенных местах. Распущенный способ соблюдения субботы во времена Неемии был заменен необычайно строгим соблюдением субботы. Чтобы предотвратить любое возможное нарушение субботы или праздничных дней, все работы должны были прекратиться до захода солнца предыдущего вечера, и было назначено должностное лицо, которое должно было возвестить

звуком рога надлежащий час для отдыха. Но день субботний и праздники были предназначены для того, чтобы вызвать чувство преданности и экзальтации у блюстителей Закона и изгнать из их памяти заботы и невзгоды рабочих дней. Отчасти для того, чтобы выразить это, в те дни вошло в обычай выпивать кубок вина при входе и выходе из праздников и произносить над ними благословение, в их начале заявляя, что эти дни святы и освящены Богом (Кидуш), а в конце - что они имеют особое значение в отличие от рабочих дней (Хабдала). Благодаря подобным законам, которым не разрешалось оставаться мертвой буквой, суббота приобрела священный характер.

Первому вечеру пасхального праздника, приходящемуся на весеннее время, также придавалось особое значение. Он был задуман для того, чтобы каждый год пробуждать и сохранять живыми благодарные воспоминания об освобождении из Египта и сознание того, что мы обладаем драгоценной свободой. Стало то ли законом, то ли обычаем выпивать четыре бокала вина на этом празднике веселья, и даже самым бедным удавалось заполучить напиток, "который радует сердце". Накануне Пасхи члены каждой семьи со своими самыми близкими друзьями собрались за столом не для того, чтобы насладиться роскошной трапезой, а для того, чтобы поблагодарить и восхвалить Бога своих отцов; они ели горькие травы, преломляли пресный хлеб, отведали немного пасхального ягненка в память о своей свободе и выпили четыре кубка вина, чтобы с веселым сердцем отпраздновать этот светлый праздник. Постепенно возник обычай, согласно которому несколько семей отмечали Пасхальный сочельник сообща, всем собранием (Чабура) вкушая ягненка под пение псалмов. Со временем канун Пасхи превратился в восхитительный семейный праздник.

Молитвы, предписанные софериическим авторитетом, не имели строгой формы, но направление мысли, которое они должны были содержать, было, в общем, определено. Форма молитвы, используемая в Храме, стала образцом богослужений во всех молитвенных домах, или домах собраний (Бет-ха-Кенесет). Богослужение совершалось ранним утром во дворе Храма и начиналось с одного или нескольких специально подобранных псалмов хвалы и благодарения. По окончании псалмов все собрание воскликнуло: "Хвала Богу Израиля, который один творит чудеса, и хвала славе имени Его во веки веков, и пусть слава Его наполнит всю землю"; после чего последовала благодарственная молитва за свет солнца, который Бог дал всему миру, и за свет Закона, который Он дал Израилю. За этим последовало чтение нескольких отрывков из Торы, Десяти Заповедей и Схемы: "Слушай, о Израиль, Господа Бога нашего, Господь един", на что все собрание ответило: "Да будет благословенно имя славы царства Его во веки веков". Основная молитва, Тефилла, состояла из шести коротких частей: благодарения за то, что Бог избрал детей Израиля Своими слугами; признания Божественной Силы, проявленной в природе животворящим дождем и в человеке будущим воскресением мертвых; признания святости Бога; мольбы об исполнении всех молитв и принятии жертвы; благодарения за сохранение жизни и, наконец, молитвы о мире, следующей за благословением священника. Днем и вечером прихожане снова собирались на молитву, но служба была короткой, поскольку Псалмы и главы Закона были опущены.

В субботу и праздничные дни утренняя служба существенно не отличалась, за исключением того, что вставлялась особая молитва, в которой особо упоминалась святость дня, а в конце читался более длинный отрывок из Торы. Со временем был прочитан отрывок из пророков, особенно глава, посвященная характеру дня. Оппозиция, в которой иудеи стояли по отношению к самаритянам, побудила их к такому прочтению из пророков. Ибо самаряне, отрицавшие

святость Храма и Иерусалима, отвергали пророческие писания, потому что они содержали постоянные упоминания о святом городе и избранном святилище. Тем более необходимым казалось сторонникам иудаизма опубликовать эти труды. В результате этого постановления слова пророков, к которым при жизни прислушивались крайне редко, теперь читались в каждом иудейском молитвенном доме, и хотя большинство прихожан понимали их лишь частично, тем не менее они стали мощными рычагами для возбуждения энтузиазма нации. Поскольку этими чтениями завершалась утренняя служба, они назывались "заключением" (Хафтара). Таким образом, возникла необходимость составить авторитетное собрание пророческих писаний и решить, какие из книг следует исключить, а какие принять. Этот выбор, вероятно, был сделан законодательным органом софийской эпохи. Коллекция включала четыре исторические книги: "Иисус Навин", "Судьи", "Самуил" и "Цари", которые назывались Ранними Пророками; затем шли три очень интересные книги, носящие имена пророков Исаяи, Иеремии и Иезекииля; и, наконец, двенадцать малых пророков: Осия, Амос, Иоиль, Обадия, Иона, Михей, Наум, Аввакум, Софония, Аггей, Захария и Малахия, эти двенадцать вместе с тремя более великими были названы более Поздними Пророками. Все эти произведения были признаны Священным Писанием, но были помещены рядом с Торой как имеющие второстепенную степень святости.

Таким образом было построено богослужение соферианской эпохи; оно было простым и назидательным; в нем не было ничего лишнего, тревожащего или утомляющего, и оно воплощало мысль и дух этих освященных временем сокровищ - писаний пророков и псалмопевцев. В нем содержался только один посторонний элемент - вера в воскресение мертвых в последний день. За этим исключением все было взято из чистого источника самых ранних учений.

Жители провинциальных городов ввели в своих приходах точную копию богослужения, совершавшегося в Иерусалиме. Их не нужно было подталкивать к этому обязательными постановлениями. Таким образом, в каждом городе были созданы молитвенные дома (синагоги, Моаде-Эль), в которых был введен порядок молитвы, являющийся основой богослужения наших дней. Помимо молитв, в соответствии с буквой Закона приносились жертвы. Эти две формы богослужения были объединены в одно целое; они дополняли друг друга и помогали друг другу. Духовное служение приспособилось к церемониям жертвоприношения; три раза в течение дня, пока священники приносили свои жертвы, прихожане собирались в молитвенных домах, тогда как в субботу и по праздникам, когда в Храме приносились особые жертвы (Корбан Муссаф), прихожане собирались четыре раза для молитвы (Тефиллат Муссаф). Но даже жертвенное служение не могло заслонить живое слово; оно должно было стать, так сказать, более духовным, и стало обычным петь псалмы в промежутках между жертвоприношениями из-за большого влияния, которым обладала эта возвышенная поэзия.

Однако была одна очень заметная черта, связанная с Храмом и жертвоприношениями, которая противоречила по существу духовной тенденции пророческой и псалмопевческой поэзии. Это было то, что относилось к законам, касающимся чистоты и нечистоты. Закон Торы, безусловно, давал очень точные предписания по этим вопросам; нечистый человек не мог приносить подношения, приближаться к святилищу или даже пробовать освященную пищу. Существовало много степеней нечистоты, и Закон предписывал, как нечистые люди могут быть очищены. Последний акт очищения всегда заключался в омовении в свежей проточной воде. Эти законы никогда бы не достигли такого далеко идущего значения, затрагивающего все положения в

жизни, если бы не пребывание иудеев на протяжении стольких веков среди персов, чьи гораздо более строгие законы очищения неукоснительно соблюдались. Законы, касающиеся нечистоты, согласно иранской Авесте персов, жрецами которой были волхвы, были чрезвычайно строгими, а средства, применявшиеся для очищения, вызвали отвращение. Живя среди волхвов, иудеи многое переняли от них. Поразительное сходство многих их законов и обычаев с их собственными не могло ускользнуть от их внимания, и они поддались влиянию магов.

Фундаментальная концепция Божества как единого бестелесного совершенного Бога была настолько прочно внедрена в сердце каждого иудея, что никто не позволил бы себе поддаться влиянию концепции персидского бога света Ахурамазды (Ормузда), какой бы духовной эта концепция ни была. Их проникательные провидцы быстро разгадали ошибочность иранской доктрины признания двух великих соперничающих сил, бога света и добра и бога тьмы и греха Ангро-Майньюса (Аримана). Они противопоставляли эту доктрину своей собственной вере в то, что Бог Израиля сотворил свет и тьму, добро и зло. Они отрицали, что мир и человечество постоянно развиваются в разные стороны двумя соперничающими державами, но им суждено жить в мире и единстве. Духовные лидеры иудеев софериической эпохи выразили эту веру в одной из утренних молитв: "Бог - Творец света и тьмы, Он сотворил мир и сотворил все". Но хотя иудеи сопротивлялись любым изменениям в своей концепции Божества, они все же не могли помешать многим идеям и обычаям персов утвердиться в народе. Они воображали, что приумножают славу Бога, если, подражая иранцам, окружают Его мириадами послушных слуг. "Посланники Бога", о которых мы читаем в Библии как об исполнителях Его воли, стали, по образцу персидских верований, небесными созданиями, наделенными особыми характеристиками и индивидуальностью. Люди представляли себе божественный престол, окруженный бесчисленной толпой небесных существ, или ангелов, ожидающих знака, чтобы исполнить повеление Бога. "Тысячи раз тысячи служили Ему, и мириады раз мириады стояли перед Ним". Подобно персам, иудеи называли ангелов "святыми стражами" (Ирин-Кадишин). Ангелы получили особые имена: Михаил, Гавриил, сильный, Рафаэль, целитель, Уриэль или Суриэль, Мататорон и другие.

Как фантазия превратила язат в ангелов и дала им еврейский характер и еврейские имена, так и злые духи, или дэвы, были представлены среди иудеев. Сатана был копией Ангромайньюса, но он не был противопоставлен Богу Израиля, поскольку это было бы отрицанием фундаментальной доктрины иудеев. Он, Святой, высокий, могущественный и всемогущий, не мог быть ограничен или каким-либо образом подвергнут вмешательству со стороны одного из Своих собственных созданий. Тем не менее, первый шаг был сделан, и со временем сатана стал таким же сильным и могущественным, как его иранский прототип, и был наделен собственным царством тьмы, где он правил как верховная сила зла. Однажды созданный по образу Ангро-Майньюса, сатана должен был быть окружен сонмом сопутствующих демонов или злых духов (Шедим, Мазиким, Малахе Хабалах). Одного демона, как адаптацию иранских имен дэва, звали Ашмодай; другой, по имени Самаэль, возглавлял отряд духов-преследователей. Ангел смерти (Малах-хам Мавет), затаившийся в засаде, готовый лишить людей жизни, был наделен тысячей глаз. Эти порождения воображения вскоре прочно завладели еврейской душой, и вместе с ними многие обычаи, напоминающие обычаи волхвов, вторглись в еврейскую религию; и особенно законы очищения становились все более и более строгими.

Именно в то время в иудаизме была разработана новая доктрина возмездия. Согласно иранской доктрине, вселенная была разделена на два великих царства; царство света и царство тьмы; чистые, или поклоняющиеся Ахура-Мазде, были допущены в область света (Рай), а нечестивые, последователи Ангро-Майньюса, - в царство тьмы (Ад). После смерти душа оставалась в течение трех дней рядом с телом, которое она занимала; затем, в зависимости от ее земной жизни, язаты забирали ее в Рай или даэвы низвергали в Ад. Эта идея о возмездии после смерти была принята иудеями. Эдемский сад (Ган-Эден), куда история Сотворения Мира поместила первых людей, пока они жили в состоянии невинности, был преобразован в Рай, а Долина Хинном (Ге-Хинном), в которой со времен Ахаза приносились в жертву дети, дала название недавно созданному Аду. Каким образом такие новые верования могли проникнуть в иудейскую веру? Это так же мало поддается демонстрации, как и то, каким образом поры кожи пропитываются болезнью, отравившей атмосферу. Однако эти представления об ангелах и сатане с сопутствующими ему духами, о Рае и Аде никогда не приобретали достоинства незыблемых догм, сомневаться в которых было бы смертным грехом, но, напротив, в то время и во все последующие времена их принятие или отрицание было оставлено на усмотрение человека. Только одно верование, исходящее из иранской религии, - вера в воскресение мертвых - стало частью духовной жизни иудеев, пока, наконец, не превратилось в обязательную догму. Волхвы учили этому учению и настаивали на нем. Они верили, что повторное пробуждение мертвых произойдет в будущем, когда Ахура-Мазда победит и уничтожит своего соперника, когда богу тьмы придется отказаться от тел "чистых людей", которые он украл. Иудаизм софистической эпохи принял эту обнадеживающую и вдохновляющую доктрину тем охотнее, что намеки на нее существовали в иудейских писаниях. Пророки постоянно ссылались на день страшного суда, а книжники, сделав вывод, что подразумевалось воскресение мертвых, сделали это символом веры среди своего народа, и в ежедневных молитвах возносилась хвала Богу за пробуждение мертвых к жизни.

Позднее, когда иудейский народ боролся со смертью, провидец, утешая страждущих, сказал:—

"Многие из тех, кто спит в прахе, пробудятся, некоторые к вечной жизни, а некоторые к позору и вечному отвращению". (Daniel xii. 2.)

Таким образом, была разработана своеобразная доктрина возмездия с блестящей картиной будущего, или загробного мира (Олам ха-Ба). Волшебный мир открывался взору, опьяняя верующего. Он видел, что пришло время, когда все жизненные диссонансы сменятся гармонией, когда исчезнут все разочарования, когда благочестивые, верные и справедливые, которые так много страдали на земле, восстанут из своих могил и вступят в вечную жизнь в невинности и чистоте. Даже грешники, которые допустили ошибку только по легкомыслию и слабости, очистятся покаянием в Аду и будут наслаждаться радостями вечной жизни. Но как должно было произойти это воскрешение и как должен был быть организован этот прекрасный новый мир? Воображение не могло найти ответа на такой вопрос. Горячая вера и восторженная надежда не позволяют себе утонченных расспросов; они довольствуются тем, что дают благочестивым утешительную уверенность в том, что их ждет справедливое воздаяние в будущей жизни, и таким образом облегчают печали несчастливого земного существования. Хотя иудаизм воспринял суть этого учения извне, все же сила обогатить его и наделить способностью творить неизмеримое добро исходила изнутри. Поскольку иностранное происхождение этой веры было окончательно уничтожено, она рассматривалась как

оригинальная иудейская доктрина. Только самаряне долгое время возражали против веры в воскресение и идеи будущей жизни.

В течение этого долгого периода, длившегося почти двести лет, пока иудейская община утверждалась, а иудаизм развивался за счет распространения своих собственных доктрин и принятия иностранных элементов — от смерти Неемии до разрушения Персидского царства, — мы не находим ни одного упоминания о персонаже, который помогал в этой великой работе, которая должна была пережить и бросить вызов бурям веков. Было ли это от избытка скромности, что духовные лидеры народа, с которых начался новый порядок вещей, покрыли себя безвестностью, чтобы устранить из своей работы все следы индивидуализма? Или это неблагодарность потомков стерла эти имена? Или, опять же, были ли члены Великого Совета недостаточно одаренными или выдающимися, чтобы заслужить какое-либо особое отличие, и была ли община обязана своей энергией, а иудаизм — своим ростом и развитием исключительно рвению целой общины, в которой воля каждого отдельного человека была полностью поглощена? Какова бы ни была причина, остается удивительным тот факт, что за эти долгие промежутки времени нам стало известно лишь несколько подробностей. Либо о событиях тех лет не велось никаких хроник, либо они были утеряны. Это правда, что не было никаких особо примечательных событий для описания, деятельность иудейской общины была полностью ограничена ее внутренней жизнью; не было ничего, что могло бы показаться достаточно важным, чтобы быть записано для потомков. Историк действительно было не о чем писать: посторонний человек, возможно, был бы поражен изменениями, которые постепенно разворачивались сами по себе, но для тех, кто жил и работал в обществе, что было особенного или экстраординарного, что могло бы заслуживать увековечения в истории?

Иудейский народ почти полностью занимался мирными делами; он мало что понимал в применении оружия; возможно, даже недостаточно для того, чтобы защитить свои собственные территории от нападений соседей. Пророк Иезекииль описал, в каком состоянии будут евреи после их возвращения из плена:

"В последние годы ты придешь в землю, которая отвернулась от меча и собрана из множества народов против гор Израиля". (Ezek. xxxviii. 8.)

Мирное, спокойное существование, естественно, ускользает от любопытных наблюдателей. В войнах, которые часто бушевали на их границах, иудейский народ, безусловно, не принимал участия. При Артаксерксе II по прозвищу Мнемон (404-362) и при Артаксерксе III по прозвищу Ох (361-338) лидеры недовольных египтян, некоторые из которых называли себя царями, пытались освободить свою страну от персидского ига и восстановить ее былую независимость. Чтобы иметь возможность оказать эффективное сопротивление армиям, собранным с целью подавления этих восстаний, эфемерные цари Египта присоединились к персидским сатрапам Финикии, которым также была передана Иудея. Персидские войска часто проходили вдоль иудейского побережья Средиземного моря по направлению к Египту, или египтяне по направлению к Финикии, а греческие наемники, нанятые той и другой державой, маршировали взад и вперед, и весь этот воинственный строй мог постоянно наблюдаться иудеями со своих горных вершин. Они не всегда оставались простыми пассивными зрителями; ибо, хотя их не принуждали вступать в армию, они, конечно, не были освобождены от различных сборов и дани. В то же время отношения между иудеями и персами были несколько нарушены. Последние, находясь под влиянием иностранного примера, начали практиковать

идолопоклонство. Богиня любви, которая под разными именами Белтис, Милитта или Афродита постоянно привлекала внимание персов, обладала завораживающей властью над ними. Победы, которых они достигли, и богатства, которые они приобрели, склоняли их к чувственным удовольствиям, и они легко были очарованы богиней и побуждены служить ей и поклоняться ей. Как только они приняли это новое божество, они дали ей персидское имя Анахита, Анайтида, и включили ее в свою мифологию. Артаксеркс II санкционировал поклонение ей и приказал разместить ее изображения повсюду в своем великом царстве, в трех главных городах - Вавилоне, Сузах и Экбатане, а также в Дамаске, Сардах и во всех городах Персии и Бактрии. Из-за этого нововведения персидской религии был нанесен двойной ущерб. Было допущено появление чужого божества и введено поклонение изображениям. Таким образом, духовная связь, связывавшая персов с последователями иудаизма, — их общее отвращение к идолопоклонству — была разорвана. Бестелесному Богу иудеев больше не приносили "чистого фимиама". Вынудив свой народ поклониться этой новоприобретенной богине любви, Артаксеркс пытался, как представляется, навязать ей поклонение иудеям; с последними жестоко обращались, чтобы заставить их отречься от своей религии, но они предпочли самые суровые наказания и даже саму смерть, чем отречься от веры своих отцов. Рассказывают, что после войны с египтянами и их царем Тахосом (361-360) Артаксеркс изгнал многих иудеев из их страны и отправил их в Гирканию, на берега Каспийского моря. Если этот рассказ можно считать историческим, то изгнание иудеев, несомненно, должно было быть способом преследования, которому они подверглись из-за их верности своим законам и своему Богу; ибо вряд ли следует предполагать, что они принимали участие в восстании против Персии, которое в то время распространялось от Египта до Финикии. В Иерусалиме в то время было много страданий, причиненных одним из тех жалких созданий, которые из-за растущего вырождения персидского двора и растущей слабости королевства восстали из праха и правили обеими странами и тронном. Это был евнух Багоас (Багоз), который при Артаксерксе III. стал настолько могущественным, что смог свергнуть царя и занять трон по своему усмотрению. До достижения этого высшего поста Багоас был командующим войсками, дислоцированными в Сирии и Финикии, и он воспользовался открывшимися ему таким образом возможностями для приобретения огромных богатств. Он получал взятки от Иисуса Навина, честолубивого сына первосвященника, который надеялся таким образом закрепить за собой этот пост. У Иисуса Навина был старший брат, Иоханан, и оба были сыновьями Иоиады, один из родственников которого, связав себя с Санбаллатом, был изгнан из Иерусалима Неемией и впоследствии ввел конкурирующее богослужение на горе Гаризим. После смерти Иоиады младший сын, доверившись лику Багоаса, вышел вперед, чтобы схватить диадему первосвященника. Старший брат пришел в ярость от такой самонадеянности, и в самом Храме между ними произошла драка, закончившаяся кровопролитием. Иоханан убил протеже Багоаса в Святилище. Печальное предзнаменование на будущее! Услышав о том, что произошло в Иерусалиме, евнух немедленно отправился туда, но не для того, чтобы отомстить за смерть Иисуса Навина, а под предлогом заслуженного наказания, чтобы вымогать деньги для себя. За каждого ягненка, который приносили в жертву на ежедневных службах в Храме, людям было приказано платить 50 драхм в качестве искупительной суммы, и эта сумма должна была выплачиваться каждое утро перед совершением жертвоприношения. Багоас также нарушил закон, запрещавший любому мирянину входить в Святилище, и когда священник, в соответствии с запретительным указом, попытался помешать ему войти в Храм, он насмешливо спросил, не был ли он так же чист, как сын первосвященника, который был там убит?

Люди платили искупительные деньги в течение семи лет, когда по какой-то причине они были освобождены от своего бремени. Немилость, в которую иудейский народ впал при последнем персидском царе, была обращена в ответ их недоброжелательными соседями, самаритянами, с целью нанести им максимальный ущерб. Они, по-видимому, силой или хитростью вернули себе пограничные районы Раматаим, Аферема и Лидда, которые ранее были вынуждены покинуть. Иудеи теперь были сведены к борьбе просто за существование. Немногочисленными и краткими были проблески света, озарившие летописи иудейской общины за последние двести лет! Этот свет озарил первые восторженные дни возвращения из плена во время правления Дария, который осыпал их милостями, и во время присутствия Неемии и его ревностной деятельности в Иерусалиме. За этими исключениями их уделом были угнетение, бедность и прискорбная беспомощность. В своей печали и страдании они кажутся нам вечно вопрошающими со слезами на глазах: "Откуда придет к нам помощь?" и следы этой беспомощности и страдания видны в писаниях, дошедших до нас с того периода. Пока длилось изгнание, горе и тоска, которые держали пленников в постоянном, затаившем дыхание ожидании, породили прекраснейшие расцветы пророчеств и поэзии; но как только возбуждение улеглось и надежда стала реальностью, умственная и поэтическая деятельность начала угасать. Более поздние пророческие высказывания, если принять во внимание красоту формы, не выдерживают сравнения с высказываниями о Пленении. Поэзия Псалмов стала слабой и полной повторений или же позаимствовала цветистость более старых произведений. Изящная идиллия книги Руфь составляет исключение в литературе этого периода. Исторические труды по легко объяснимым причинам были полностью забыты. Ездра и Неемия дали лишь краткий и неотшлифованный отчет о событиях, свидетелями которых они были. Совершенно в конце этой эпохи, ближе к закату персидского владычества, по-видимому, некий левит составил исторический труд (Хроники), повествующий о событиях от Сотворения Мира до его собственного времени.

Но при жизни автора "анналов" или вскоре после того, как он закончил свою историю, наступил новый период, который дал толчок новым умственным усилиям среди иудеев и принес доказательства их способностей и ценности. Этот новый период был открыт греками. Они произвели коренные изменения в манерах, обычаях и мышлении других народов и существенно подняли уровень цивилизации среди различных народов, известных тогда в мире. Однако распространение этой цивилизации, ставшее следствием приобретения политической власти и широкомасштабных завоеваний, было обусловлено не чисто греческой расой, а смешанным народом греков и варваров, а именно македонцами. Грация и очарование греков привели к тому, что человечество снисходительно относилось к их недостаткам, но Правитель мира не оставил их без внимания, и их грехи навлекли на них возмездие. Их взаимная ревность, их многочисленные слабости, их беспокойный, неуправляемый нрав легко извлекали выгоду, и Греция была склонна стать жертвой любого амбициозного лидера, который был искусен в искусстве опьяняющей лести, расточал свое золото и поддерживался военной силой. Так было с Филиппом, царем Македонии, который ослеплял всех своей хитростью и богатством, своей доблестью и своей армией. Вся Греция лежала у его ног. Но даже теперь, когда царь предложил, в качестве удовлетворения их национальной гордости, начать войну против Персии, в которой они могли бы сразу наказать последнюю за набеги на их страну и завоевать славу и добычу для себя, мелочное чувство зависти продолжало существовать среди людей и препятствовать совместным действиям. На некоторые штаты повлиять не удалось, и они отказались направить делегатов на ассамблею; в то время как другие штаты или их представителей пришлось

подкупить, чтобы они дали свое согласие на предложенный план. Замысел Филиппа о войне против Персии был прерван рукой наемного убийцы. Затем появился его сын, великий Александр, которому было суждено полностью изменить отношения между различными странами и вовлечь мирных жителей Иудеи в водоворот великих мировых конфликтов. Новые беды и новые испытания обрушились на иудейский народ из-за потрясений, которые ощущались от одного конца известного мира до другого. Иудейский пророк сравнил Александра с леопардом, наделенным крыльями орла. В двух битвах он нанес прогнившей персидской монархии смертельный удар; Малая Азия, Сирия и Финикия лежали у его ног, а короли и принцы, разодетые во всей своей пышности, воздавали почести завоевателю. Тир и Газа, один после семимесячной, другой после двухмесячной осады, были взяты (август и ноябрь 332 г.), и их постигла жестокая участь.

Как справились ничтожные владения Иудеи с непобедимым героем, перед которым Египет, гордая страна фараонов, смиренно пал ниц? Исторические свидетельства о тех временах дошли до нас только в виде легенд и, следовательно, не дают нам достоверного отчета о происходивших событиях. Едва ли правдоподобно, что иудеям помешали засвидетельствовать почтение Александру из-за боязни навлечь на себя какую-либо вину, нарушив присягу своим персидским правителям. Они никогда не давали такой клятвы верности, но даже если бы и давали, после обращения с ними последних персидских царей, они не испытывали бы особых угрызений совести, нарушая ее. Нет сомнения, что история о приближении Александра к Иерусалиму и милостях, которыми он осыпал иудеев вследствие особого видения, основана на легенде. Первосвященник, как рассказывают, облаченный в свои священные одежды, сопровождаемый отрядом священников и левитов, вышел навстречу молодому воину и произвел на него такое сильное и необычайное впечатление, что его гнев сразу сменился добротой и благоволением. Объяснение, данное Александром своим последователям, состояло в том, что Первосвященник, одетый таким образом, явился ему во сне, который он видел в Македонии, и пообещал ему победу. Согласно одной легенде, именно первосвященник Джаддуа, согласно другой, его внук Симон произвел такое впечатление на македонского героя. На самом деле встреча Александра с посланцами иудейской общины, без сомнения, прошла достаточно просто и естественно. Первосвященник, возможно, Ониас I., сын Джаддуи и отец Симона, вышел вперед, подобно королям и принцам страны, со свитой старейшин, чтобы засвидетельствовать почтение и поклясться в верности победителю. Александр был благородным, великодушным завоевателем, который жестоко наказывал только за сопротивление своей воле, но никоим образом не вмешивался в особенности развития, обычаи или религиозные обряды любого народа, находившегося под его властью. Он не навязывал греческую веру ни одному народу, и в милости, которую он оказывал другим народам, он, конечно, не отказывал иудеям. Они были обязаны только платить македонскому правителю такой же налог на свои земли, какой получал персидский сатрап.

Первая встреча Греции и Иудеи, которые по—разному предлагали миру цивилизацию, носила дружественный характер, хотя одна предстала во всей своей славе и могуществе, а другая - в своей слабости и смирении. -Иудея стала частью провинции, которая была ограничена на севере горой Тавр и горой Ливан, а на юге Египтом, и была названа Полной Сирией (ClesLesyria), чтобы отличать ее от Высокогорной Сирии, лежавшей по соседству с Евфратом. Губернатор этой обширной провинции, которая ранее была разделена на множество независимых государств, проживал в Самарии, из чего мы можем заключить, что это был укрепленный и густонаселенный город. Самария, однако, была обязана этим предпочтительным или опасным

положением своему положению в центре провинции и в плодородном регионе. Андромахом звали наместника, которого Александр поставил над кесирийцами. Почему самаритяне были недовольны этим очевидным различием? Чувствовали ли они себя стесненными в передвижениях из-за присутствия правителя, или их гнев был вызван завистью к благосклонности Александра к иудеям, которых они так люто ненавидели? Яростное негодование самаритян или, по крайней мере, их лидеров зашло так далеко, что, не обращая внимания на последствия, они восстали против Андромаха, схватили его и предали огню (331). Гнев Александра, услышавшего об этом зверстве, совершенном над одним из его военачальников, был столь же велик, сколь и справедлив. Осмелился ли этот маленький, ничтожный народ бросить вызов тому, кто покорил весь Египет, гордые жрецы которого падали ниц перед ним, провозглашая его превосходство и славу? По возвращении из Египта, спеша завоевать Персию, он поспешил в Самарию, чтобы отомстить за убийство Андромаха. Виновники этого ужасного деяния были преданы смерти под жестокими пытками, другой правитель по имени Мемнон был поставлен над Самарией, и город наполнился македонцами. Другими способами Александр, по-видимому, умертвил и унизил самаритян, и, зная, что они были врагами иудеев, он благоволил последним, чтобы выразить свое неудовольствие по отношению к первым. Несколько пограничных земель, лежащих между Самарией и Иудеей, которые часто служили причиной раздоров между двумя народами, он даровал иудеям, а также освободил последних от бремени налогов в течение Субботнего года. Эта милость, не имевшая большого значения для того, кто ее оказывал, была большим благом для тех, кто ее получал, и разжигала ненависть самаритян к иудеям; каждый порыв ветра, казалось, подливал новое масло в их вражду, которую, однако, пока был жив Александр, они были вынуждены скрывать. Его удивительно быстрые и победоносные кампании — вплоть до Инда и Кавказа — казалось, околдовали весь мир и парализовали все независимые действия. Когда он не был в состоянии войны, от Греции до Индии и от Эфиопии до берегов Каспийского моря царил безраздельный мир. Александр был первым завоевателем, который счел мудрой политикой сохранение особых обычаев любого завоеванного народа; он настаивал на том, что следует проявлять уважение к их различным религиозным формам богослужения. В Египте он почитал Аписа и Амона, а в Вавилонии — халдейских богов. Таким образом, он решил восстановить храм вавилонского идола Бела, который был разрушен Артаксерксом. Чтобы добиться этого, он приказал своим солдатам расчистить руины, скопившиеся над фундаментом здания. Все подчинились, за исключением иудеев, которые добровольно или по принуждению служили в его армии. Они отказались от помощи в восстановлении идолопоклоннического храма. Вполне естественно, что их неповиновение подверглось суровому наказанию со стороны вышестоящих офицеров, но они мужественно перенесли свое наказание, вместо того чтобы подчиниться приказу, который требовал нарушения одного из главных предписаний их веры. Когда Александр услышал об этом случае с совестью и о религиозной стойкости, проявленной иудейскими солдатами, он был достаточно великодушен, чтобы даровать им свое прощение. Но в этом инциденте мы можем прочесть предзнаменование конфликтов, которые должны были произойти между иудаизмом и гречеством.

В разгар своего грандиозного предприятия — объединения всего мира в единую монархию — молодой герой умер (323), не оставив законного наследника своего трона, преемника своего великого ума. Смятение возникло во всех частях света, так же как и среди армий Александра, — ужасное, как если бы законы природы были нарушены, и последовательность действий на следующий день после сегодняшнего уже не была определенной. Последовали страшные

сражения, напоминавшие войны Титанов. Воины Александра, с опытом, приобретенным на тысячах полей сражений, были бы, если бы они только объединились, способны поддерживать структуру Македонского царства; но, хотя они на самом деле не были греками и даже смотрели на последних свысока, они походили на них своим духом неподчинения, отсутствием дисциплины и страстью к самосовершенствованию, которая значительно превосходила их рвение на благо государства. Подобно грекам, они жаждали власти как средства получения роскоши, позволяющего им предаваться распущенным удовольствиям; короче говоря, они стали адептами коррупционных практик.

Следствием такого положения вещей стал распад Македонского царства и его разделение между противоборствующими лидерами. Птолемей I. Сотер, сын Лагоса, правил в Египте. В результате успешной войны он овладел Целесирией вместе с Иудеей. В 320 году он потребовал сдачи Иерусалима, но его жители отказались открыть свои ворота. Однако в субботу ему удалось захватить город врасплох, и, поскольку иудеи в этот день не стали использовать оружие для защиты, он смог захватить город и взять множество пленных, которых увел в Египет. Многие самаритяне разделили их участь, вероятно, потому, что они также пытались оказать сопротивление. И иудеи, и самаряне могли бы наслаждаться счастьем — по крайней мере, настолько, насколько это было возможно в те тяжелые, жестокие времена, — если бы они оставались подданными лагидийского Птолемея, который был самым мягким из воинственных преемников Александра. Он умел распознавать и ценить заслуги, и когда его собственные интересы не были поставлены на карту, он был справедлив и милосерден; но у Птолемея не было признанных прав на Селезирию. Его приобретение этих земель не было подтверждено различными регентами македонского царства, которые быстро сменяли друг друга и сохраняли видимость единого правительства. Птолемей вызвал зависть военачальников конфедерации, и в особенности у одного из его бывших союзников и соучастников заговора, Антигона. Этот отважный солдат был наделен изобретательным гением и вспыльчивой натурой и решил подчинить всех своих соратников, чтобы захватить и удерживать все Македонское царство в своей собственной сильной руке. После многих лет военных приготовлений наконец состоялась решающая битва между Деметрием, сыном Антигона, и Птолемеем, которая закончилась катастрофически для первого. Битва при Газе, произошедшая весной 312 года, была памятной, поскольку с этого события Селевк, бежавший к Птолемею, датировал начало своего могущества введением новой эры, названной Селевкидской, или греческой, которая также вошла в обиход иудеев и дольше всего сохранялась ими. Вследствие поражения при Газе Деметрий был вынужден отступить на север, оставив всю страну завоевателю. Однако прошло совсем немного времени, прежде чем Антигон и его сын, объединив свои силы, вынудили Птолемея отступить в Египет. Он приказал разрушить укрепленные города на морском побережье и внутри страны, Акко, Иоппию, Газу и Иерусалим, чтобы они не стали местами обороны для его врагов, и Иудея со странами, принадлежавшими Клесирии, оставались в таком незащищенном состоянии до тех пор, пока в битве при Ипсе, в Малой Азии (301 г.), сражавшейся против объединенных армий Птолемея, Лисимаха, Кассандра и Селевка, Антигон не потерял одним ударом и свою славу, и свою жизнь. Четыре полководца разделили царство между собой. Птолемей получил Египет и прилегающие земли, а большая часть Азии перешла к Селевку. Таким образом, Иудея стала частью Птолемеевского, или Лагидийского, царства, и ее судьба на какое-то время была связана с судьбой последнего. Положение иудеев, однако, не претерпело существенных изменений. Дань, которую они были обязаны ранее платить персидскому монарху, теперь требовался египто-македонским двором. Свобода и независимость их

передвижений и действий не были более ограничены, чем они были до сих пор; напротив, их положение можно считать скорее улучшенным, чем иным.

В Иудее первосвященник, отвечавший за уплату налогов, считался политическим лидером и на него смотрели как на жреческого князя. Птолемей I. был наделен мягким характером и склонен приносить пользу своим подданным. У него не было ни желания, ни мотива угнетать иудеев. Александрия, морской порт, основанный Александром и рассматриваемый первым египто-македонским монархом как столица своего царства, приобрела большое население, и для него могло быть только источником удовлетворения видеть, как иудеи из соседней страны обосновываются там. При Александре в этом городе поселилось много иудеев, и, поскольку этот дальновидный герой предоставил равные права македонского гражданства всем желающим, первая иудейская колония в Александрии пользовалась полным равенством с другими жителями и вела мирное существование на новой земле. Большое количество иудеев поселилось там во время беспокойного состояния их страны, вызванного войнами Антигона; они также получили от Птолемея защиту и пользовались равными законами и правами. Так возникла египто-иудейская община, которой было суждено выполнить особую миссию. В других местах также образовались иудейские колонии. Уверенный в доброй воле иудеев, Птолемей распространил их по различным городам Египта и Кирены.

Селевк, основатель Селевкидского царства, центр которого находился в Персии, вдобавок овладел северной частью Сирии, где он основал новый город Антиохию, ставший его столицей. Чтобы заселить этот город, а также другие недавно построенные города, он был вынужден поселить в них жителей, и среди этих частично вынужденных, частично добровольных поселенцев было много иудеев, которым Селевк предоставил полные права македонского гражданства. И, как иудейские колонии возникли в греко-македонских странах, так и греческие колонии были образованы на иудейской земле. Вдоль побережья Средиземного моря были построены новые морские порты или расширены и украшены старые, которым были даны греческие названия.

ГЛАВА XXI. СИМОН ПРАВЕДНЫЙ И ЕГО ПОТОМКИ.

Положение иудеев при Птолемеях—Симон добивается улучшений—Сирах поет Емудифирамбы—Его доктрины—Хасиды и назореи—Дети Симона—Ония II. и восстание против Египта—Иосиф, сын Товии—Его посольство в Александрию—Он назначен сборщиком налогов—Война между Антиохом Великим и Египтом—Поражение Антиоха—Распространение греческих нравов в Иудее—Гиркан—Песнь Песней—Симон II.—Скопас грабит Иерусалим—Борьба между Антиохом Великим и Египтом—Поражение Антиоха—Распространение греческих нравов в Иудее—Гиркан—Песнь Песней—Симон II.—Скопас грабит Иерусалим—Борьба между Антиохом и Рим—Продолжение эллинизации иудеев—Хасиды и эллинисты—Хосе бен Джозер и Хосе бен Йоханан—Ониас III. и Книга Притчей Симона—Илиодора—Сираха, направленная против ошибок его Времени.

300-175 гг. до н. э.

В течение более чем столетия после смерти Неемии внутреннюю жизнь иудейского народа можно было сравнить с жизнью гусеницы, ткущей нити, опутывающие ее, из соков собственного тела, в то время как мир знал ее как мученицу, молча сносящую оскорбления и унижения. В течение того периода она не породила ни одного человека, который в силу своей собственной сильной индивидуальности смог бы задействовать резервную силу нации; не появилось никого, способного указать путь и вызвать энтузиазм. Стимул к развитию и совершенствованию всегда исходил извне, от главных людей Персии или Вавилонии. Но теперь люди, вследствие новых политических обстоятельств, были отделены от своих единоверцев на этих землях. Иудеи Евфрата и Тигра больше не могли поддерживать активные отношения со своими братьями на метрополии. Ибо правящие династии, Селевкиды и Птолемеи, смотрели друг на друга с подозрением, и частые визиты иудеев из провинций Селевкидов к иудеям Иерусалима были бы восприняты в Александрии с немилостью. Если бы нация не смогла сплотиться в своей собственной стране без посторонней помощи, она была бы потеряна; народ, который не может существовать или совершенствоваться сам по себе, рано или поздно должен был бы стать ничтожным. Но нужный человек появился в нужное время. Он спас иудейскую общину от ее падения. Этим человеком был Симон Праведный (около 300-270 гг.). В эпоху, когда не хватает великих людей, он подобен высокому и пышному дереву посреди бесплодной страны. Легендарные предания закрепились за его именем и добавили чудесное к историческому. Восхваление исторического персонажа в романах всегда свидетельствует в пользу его влияния на широкий круг читателей. Подлинная история мало что говорит нам о Симоне I. Тем не менее те немногие характеристики, которые сохранились до нас, изображают его как человека с большим достоинством. Более того, он был единственным первосвященником дома Иисуса Навина бен Йозедека, о котором можно рассказать что-либо похвальное, и тем, кто восстановил честь священства. "Он заботился о своем народе, чтобы уберечь его от падения". Он восстановил стены Иерусалима, которые были разрушены Птолемеем I. И он исправил разрушения, нанесенные Храму за два столетия. Он также осуществил различные меры по обеспечению безопасности и благоустройству столицы. В засушливые сезоны воды из нескольких источников в окрестностях Иерусалима недостаточно для обычных целей. Храму тоже требовалась вода в больших количествах. Чтобы удовлетворить эти требования, Симон распорядился выкопать под Храмом большой резервуар, который питался по подземному каналу и обеспечивал постоянный приток пресной воды из источников Этама. Таким образом, засухи можно было не опасаться даже в случае осады. Поэт Джошуа (Иисус) Сирах, живший позднее, дает нам восторженное описание Симона: —

"Как он выделялся среди народа, когда выходил из Святого Храма! Он был подобен утренней звезде среди облаков и полной луне в весенний период.

"Как солнце, сияющее над храмом Всевышнего, и как радуга, дающая свет в ярких облаках.

"Когда он облекся в одежды чести и был облачен в одежды славы... окруженный своими братьями со всех сторон, как пальмы вокруг ливанского кедра". (Еккл. 1. 5-12.)

Симон Праведный не только был признан в качестве первосвященника главой общины и Верховного совета, но и был главным учителем в доме обучения. Он внушал своим ученикам следующую максиму: "Мир (то есть иудейская община) держится на трех вещах: на Законе, на Богослужении (в Храме) и на благотворительности" (Абот, i. 2). Можно также приписать этому

замечательному человеку некоторую долю следующего высказывания одного из его самых выдающихся учеников, Антигона Сохонского: "Не уподобляйтесь тем рабам, которые служат своему хозяину за ежедневный рацион, но будьте скорее подобны слугам, которые верно служат своему хозяину, не ожидая награды". Хотя Симон Праведный придавал большое значение обрядам жертвоприношения, все же ему не нравился чрезмерный церемониализм, к которому склонялось его поколение, и он не скрывал своего неодобрения. Среди народа были некоторые чрезмерно набожные люди, которые приняли обет назорея воздерживаться от вина в течение определенного времени; они называли себя или были названы строго набожными хасидами. Когда срок их обетов истек, они остригли свои волосы и прошли все церемонии. Возможно, излишества греков и их еврейских последователей, их многочисленные праздники и оргии побудили их навязать себе это назорейское воздержание с сопутствующими ему обрядами. Несомненно, что по мере того, как в Иудее увеличивалось число ищущих удовольствий подражателей греческим обычаям, то же самое происходило и с хасидами. Но Симону Праведному не понравилось это преувеличенное рвение, и он не принимал участия в жертвоприношениях назореев.

У потомков сложилось настолько возвышенное мнение о характере Саймона, что они называли его смерть концом исторического периода божественной благодати. Фактически, печальные и ужасные события, вызванные его собственными потомками и вызвавшие новые испытания для иудеев, последовали после его смерти. Симон Праведный оставил двоих детей, маленького сына по имени Ония и дочь. Последняя была замужем за Товией, довольно выдающимся человеком священнического происхождения. Ония был слишком молод, чтобы исполнять обязанности первосвященника, и родственник по имени Манассия представлял его интересы во время его совершеннолетия. Правление Онии II. стало поворотным моментом в истории иудеев. Постоянная война, продолжавшаяся в течение многих лет между соперничающими домами Селевкидов и Птолемея, повлияла на судьбу Иудеи.

Когда, наконец, был заключен мирный договор (в 240 г.), Кезирия и Иудея остались в составе Египта, но четвертый царь Селевкидов, Антиох Каллиникос, спровоцировал эти провинции на восстание и, похоже, одержал победу над Онией II. встать на его сторону. Ония отказался платить ежегодный налог в размере двадцати талантов Птолемеям. Хотя сумма была небольшой, выплата была расценена как знак покорности, и ее отказ сильно оскорбил египетский суд. Птолемей II, после тщетного требования денежной дани, пригрозил разделить провинцию между различными иностранными колонистами. Он отправил одного из своих фаворитов, Афиниона, специальным посланником в Иерусалим. Иудеи в тревоге и отчаянии умоляли Онию подчиниться, но он не поддавался их мольбам. Когда дело дошло до этого кризиса, на сцене внезапно появился человек по имени Джозеф, обладавший необычайной силой воли и целеустремленностью. Он был племянником Онии и сыном того Товии, который женился на дочери Симона Праведного. Обворожительный своими манерами, умный, хитроумный и беспринципный, сын Товии, казалось, был рожден для правления. К несчастью для него самого, на его пути встал Ониас, первосвященник и правитель государства. Но сейчас, как он думал, настал момент устранить препятствие. Как только Иосифу сообщили о прибытии посланника Птолемея в Иерусалим и о его угрожающем послании, он поспешил с места своего рождения в этот город, осыпал своего дядю Онию упреками за то, что тот подверг его народ опасности, и, увидев, что первосвященник полон решимости сопротивляться, он предложил сам отправиться в Александрию, чтобы там начать переговоры с царем Египта. Как только Ония уполномочил его сделать это, Джозеф собрал людей во дворе Храма, успокоил их возбужденные чувства и дал им

понять, что они должны полностью доверять его способности предотвратить угрожавшую им опасность. Все собрание вознесло ему свою благодарность и сделало его вождем народа (около 230 человек). С этого момента Джозеф проявил столько решимости, что было очевидно, что план уже давно зрел в его голове. Он был хорошо осведомлен о слабости греков и знал, что они не были равнодушны к лести и к роскоши за столом. Поэтому он готовил заманчивые пиршества для Афиниона, очаровывая его своим обаянием манер, делая ему дорогие подарки и уверяя его, что он может вернуться в Египет, обеспеченный денежной данью, которую, как он обещал, должен был выплатить царю. Как только посланник покинул Иерусалим, Иосиф вступил в переговоры с некоторыми самаритянскими друзьями или ростовщиками, чтобы получить ссуду на необходимые расходы. Чтобы с достоинством предстать при египетском дворе, ему требовались роскошные одежды, блестящие экипажи и деньги, чтобы покрыть расходы на свои развлечения. У Иосифа не было собственных средств, и во всей Иудее не было никого, кто мог бы ссудить ему большие суммы денег. В то время люди, поддерживавшие себя сельским хозяйством и не занимавшиеся торговлей, не имели возможности накопить богатство.

Получив возможность произвести впечатление при дворе, Иосиф поспешил в Александрию, где посланник Афиниона уже подготовил ему благоприятный прием. Птолемей Эвергет с нетерпением ожидал его и не был разочарован, когда тот прибыл. Он был очарован осанкой и обращением Иосифа и пригласил его быть его гостем за царским столом. Посланники из палестинских и финикийских городов, которые раньше высмеивали его простую внешность, теперь с завистью отмечали его присутствие при дворе. Вскоре он дал им повод не только завидовать, но и ненавидеть его. Ибо хитроумным ходом ему удалось добиться высокого доверия - должности главного сборщика налогов Клеирии и Финикии. Царь выделил ему отряд в две тысячи солдат, которые должны были, в случае необходимости, оказать помощь в выполнении его обязанностей, и Иосиф фактически стал губернатором всех округов, получивших название Палестина. Его уважали и боялись как фаворита короля, и поэтому он, не колеблясь, применял крайнюю строгость при взимании налогов. В городах Газа и Беф-Шеан (Скифополь) греческие жители осмелились осыпать его оскорблениями и оказать сопротивление. В ответ он обезглавил самых знатных и богатых граждан и конфисковал их имущество в пользу египетской короны. В течение двадцати двух лет Иосиф занимал пост сатрапа и провел это время, накопив необычайное богатство и достигнув великой власти.

После смерти Эвергета (223) его преемник, Птолемей VI Филопатор (222-206), сохранил его на этом посту. Он продолжал действовать тем же бессердечным образом, что вызвало следующее замечание в присутствии Филопатора: "Иосиф снимает плоть с Сирии и оставляет только кости".

В какой-то момент его счастливая звезда, казалось, пошла на убыль; ибо царь Селевкидов Антиох, прозванный своими льстецами Великим (223-187), попытался отторгнуть провинцию Кезирия у Египта (218). Начало атаки предвещало успех. Египетские военачальники оказались вероломными, они перешли на сторону врага и предали гарнизоны в их руки. Иудея и Иерусалим, находившиеся под контролем Иосифа, остались верны Египту. Но как долго они смогут противостоять нападению армии Селевкидов? И если такое нападение было предпринято, чью сторону должен был принять Джозеф? Он, должно быть, пережил это время в сильнейшей тревоге. Наконец пробил решающий час. Весной 217 года Антиох появился на морском побережье близ Газы. Он стоял во главе большой армии, состоящей из представителей различных национальностей. Его маршрут лежал на юг, в сторону Египта. Тем временем Филопатор оторвался от своей беззаботной жизни и потакания своим желаниям и

двинулся в Рафию, чтобы встретиться со своим врагом. Антиох, чрезмерно уверенный в успехе, потерпел жестокое поражение и был вынужден вернуться в Антиохию и отказаться от владения Селезирией. Все города и общины, находившиеся под его властью, превосходили друг друга в лести и преклонении перед завоевателем Филадельфом. Иосиф оставался на своем доверенном посту и продолжал быть фаворитом египетского царя. Благодаря ему и его связи с придворной жизнью Филадельфа в иудейской нации произошла полная перемена, едва заметная в провинциях, но наиболее разительная в столице.

Благодаря огромным богатствам, которые накопил Джозеф, на страну обрушился настоящий золотой дождь; "он вывел людей из бедности и стесненных обстоятельств в легкость и комфорт". Чтобы собирать налоги со стольких разных городов, он был вынужден иметь ответственных агентов, и он предпочитал выбирать их из числа своих соплеменников. Эти агенты обогащались по-своему и вели себя гордо. Уважение, которым пользовался Иосиф при египетском дворе, его быстро нажитое богатство и отряд солдат, всегда находившихся в его распоряжении, с помощью которых он держал в узде людей различных национальностей в Палестине, остатки филистимлян, финикийцев, идумеян и даже греко-македонских колонистов — все это не только придавало ему и его окружению определенный вид собственной значимости, но и подняло людей в целом из того жалкого, покорного положения, которое они занимали по отношению к соседним народам. Кругозор иудеев, особенно тех, кто жил в Иерусалиме, расширился по мере того, как они вступили в контакт с греками. Их вкус стал более утонченным, их жилища — более красивыми, и они начали приобщаться к искусству живописи. Александрийские иудеи, которые в течение столетия находились под греческим влиянием и в определенной степени стали эллинизированными, теперь перенесли свое влияние на своих соотечественников, но вследствие этого пострадала простота иудейских привычек и обычаев.

Золотой дождь не только не приносит плодов, но часто приводит к опустошению и разорению; так было и в данном случае. Богатые выскочки потеряли равновесие; они придавали чрезмерное значение обладанию богатством и предпочитали зарабатывание денег любому другому занятию, но самой прискорбной чертой было то, что они стали слепыми поклонниками греков, чьи экстравагантные привычки и легкомысленные обычаи они вскоре усвоили, что привело к ухудшению их собственных национальных добродетелей. Греки любили веселье, устраивали публичные банкеты и предавались самому безудержному веселью на своих застольях. Иудеи переняли обычай обедать в компании, полулежа на кушетках во время еды и питья, и потакать вину, музыке и песням во время своих увеселений. Все это было достаточно невинно; но, к сожалению, привело к большему, чем просто к тому, что жизнь стала ярче. Греческое легкомыслие и экстравагантность быстро втянули своих подражателей в водоворот распутства.

Иосиф постоянно находился при дворе Птолемея Филадельфа, когда дела привели его в Александрию. Этот двор был рассадником разврата. Дни проходили в разгуле, а ночи — в бесстыдном разврате; господствующий разврат сбивал с толку и народ, и армию.

Филадельф придерживался абсурдной веры в то, что его предки произошли от Бога Вина Диониса (Бахуса); и он считал себя обязанным ввести вакхические разгулы в своем царстве. Любой, желающий снискать расположение царя и его благосклонных спутников, был вынужден принадлежать к братству Диониса. Всякий раз, когда Иосифа вызывали в Александрию, он

пользовался сомнительной честью быть приглашенным на царские оргии и быть принятым последователями Бога Вина. Именно на таком пиршестве он воспылил неистовой страстью к одной из тех распутных танцовщиц, которые никогда не упускали случая присутствовать на подобных мероприятиях.

Иерусалим недолго оставался незапятнанным этой социальной нечистотой. Иосиф, предположим, из дружбы к своему царственному покровителю, ввел в Иудее дионисийские праздники. В переломный момент года, когда зима уступает место весне, когда виноградная лоза распускается, а вино в бочках бродит во второй раз, греки устраивали свой великий праздник в честь Диониса: "праздник открытия бочек". Два дня были посвящены пьянящим оргиям, когда друзья обменивались кувшинами вина в качестве подарков. Тот, кто выпил больше всех, был удостоен наибольших почестей. Этот праздник "открывания бочек" теперь должен был отмечаться почти таким же образом в Иудее. Но, чтобы облечь этот праздник в иудейские одежды, богатые сделали его поводом для раздачи милостыни бедным. Разгул всегда сопутствует чрезмерному употреблению вина. Богатые иудеи вскоре переняли греческие обычаи и, черствые к побуждениям стыда и чести, ввели на этих празднествах певцов, танцовщиц и распутных женщин. Автор стихов возвышает голос предостережения против растущей нецеломудренности нашего времени:

"Не встречайся с блудницей, чтобы не попасть в ее сети. Не слишком часто общайся с певицей, чтобы не быть захваченным ее попытками.... Не отдавай душу твою блудницам, чтобы не лишиться наследства твоего". (Еккл. ix. 3, след.)

Любовь к искусству и красоте, которую Иосиф привнес в Иудею, не компенсировала эту потерю целомудрия и морали. Даже серьезные люди, находясь под греческим влиянием, начали подвергать сомнению свою старую традиционную веру. Они задавались вопросом, были ли учения иудаизма правильными во всем, действительно ли Бог требовал от человека отказа от всякого самоудовлетворения и заботилось ли Божество каким-либо образом о великой вселенной и маленьком мире человечества.

Учение Эпикура, внушавшее бессилие богов и рекомендовавшее человеку потакать своим желаниям, было хорошо воспринято выродившимися греко-македонцами, и особенно высшими кругами александрийцев. Именно из этого города яд распространился по Иудее. В Иерусалиме также появились сомневающиеся, которые пренебрегали учением иудаизма. Эти сомнения могли бы привести к усилению умственной активности, если бы к испорченности нравов не добавился диссонанс. Чувство ревности возникло между семью сыновьями Иосифа от его первого брака и младшим, Гирканом, сыном его второй жены. Последний в юности отличался острым умом, способностями и хитростью - качествами, которые расположили к нему отца. В 210 году у царя Филадельфа родился сын. Различные представители городов Кесиии стремились выразить подарками и поздравлениями свою преданность египетскому царю. Иосиф чувствовал, что ему не следует отсутствовать по такому случаю. Но его растущая немощь не позволяла ему предпринять такое путешествие, и он попросил одного из своих сыновей представлять его интересы. Гиркан был единственным, кто чувствовал себя способным справиться с этой задачей, и его братья единодушно попросили своего отца принять его услуги. В то же время они предложили своим друзьям в Александрии убрать его с дороги. Но юный сын Иосифа мгновенно завоевал расположение при дворе. Его экстравагантные подарки в великий день публичных поздравлений — сто красивых рабов королю и сто прекрасных рабынь

королеве, в руках каждой по таланту, — отодвинули подарки всех остальных в тень. Его остроумие и ловкий язык вскоре сделали его желанным гостем за столом Филопатора. Он вернулся в Иерусалим, преисполненный гордости. Но его вероломные братья подстерегали его на дороге и были полны решимости совершить то, что не удалось александрийцам. Гиркан и его спутники защищались и в завязавшемся бою убили двух его братьев. Отец принял его сурово из-за его расточительности в Египте, возможно, также завидуя его необычайной популярности. Гиркан не осмелился оставаться в Иерусалиме и, вероятно, вернулся в Александрию.

До сих пор этот разлад касался только семьи Иосифа и, казалось, не затрагивал народ в целом или жителей Иерусалима. Никто и представить себе не мог, что жестокие разногласия между членами этого дома и его греческие наклонности закончатся тем, что принесут несчастья всей нации. Настоящее казалось ярким и солнечным; процветание было широко распространено в стране и давало средства для украшения жизни. Соседние народы признавали верховенство иудейского правителя, и никто не осмеливался нападать на нацию или относиться к ней с презрением. Столь мирного положения вещей Иудея не знала со времен Неемии.

Поэтому не было ничего противоестественного в том, что именно в то время появилось стихотворение в форме песни о любви, заливающее эпоху розовым румянцем и отражающее счастливые и радостные дни.

В нем отражаются безоблачное небо, зеленые луга, благоухающие цветы и, прежде всего, беззаботная беззаботность, как будто в жизни нет более серьезного занятия, чем бродить по мировым холмам, отдыхать среди лилий, шептать слова любви и упиваться экстазом момента. В этот период затишья, предшествовавший буре, была написана "Песнь песней" (Шир-ха-ширим). Это было порождение безмятежных, радостных дней. В нем иврит доказал свою способность выражать нежность и глубину чувств, изысканный диалог и живописную поэзию природы. Автор этого стихотворения видел жизнь Греции, почувствовал очарование ее литературы и постиг коварство ее искусства. Но под покровом поэзии он укоризненно указывал на пороки того времени.

В противоположность нечистой и нецеломудренной любви греческого мира, идеал нашего поэта - пастушка Шуламит, прекрасная дочь Аминадава. Она носит в своем сердце глубокую, пылкую, неугасимую любовь к пастуху, который пасет свое стадо среди лилий, и с помощью этой любви она остается чистой и невинной. Ее красота подчеркивается грацией движений, мягким голосом и нежной речью. Как ее глаза подобны голубиным, так и ее сердце полно голубиной невинности. Цветистым языком самой изысканной поэзии автор "Песни песней" осуждает разврат того времени, распутство публичных танцоров и певцов, сладострастие городской жизни и изнуряющие последствия разгульного образа жизни.

Иосиф, внук Симона Справедливого, умер в 208 году, оставив свою семью раздираемой раздорами. Его должность должна была быть передана одному из его сыновей; но Гиркан, младший, был единственным известным человеком при египетском дворе и фаворитом царя, и предпочтение, без сомнения, было отдано ему. Это вызвало ненависть его братьев. Они заняли враждебную позицию по отношению к нему по прибытии в Иерусалим, а поскольку у Гиркана было большое количество последователей, гражданская война казалась неминуемой. Действия первосвященника Симона II, который встал на сторону старших братьев, переломили чашу весов, и Гиркан снова был вынужден бежать из города. Если он намеревался отстаивать свое дело в Александрии, что он, вероятно, и сделал, его ждало разочарование, поскольку он не

смог добиться слушания в египетском суде, поскольку его покровитель Филадельф только что умер (206 г.), и Египет был охвачен беспорядками.

Два честолюбивых царя, соблазненные слабостью дома Птолемеев, захватили Египет и его провинции и разделили их. Это были Антиох Великий из Сирии и Филипп Македонский.

Старшие сыновья Иосифа, или, как их обычно называли, Товиады, из ненависти к своему младшему брату Гиркану, решили встать на сторону Антиоха против Египта. Они собрали селевкидскую партию. Их описывают как насмешников и негодяев, и по ходу дела они показали себя беспринципными людьми, которые пожертвовали богатством своей страны ради своей жажды мести и удовлетворения своих похотей. Они открыли ворота Иерусалима сирийскому царю и выразили ему почтение. Приверженцы Птолемеев и Гиркана сдались или были разгромлены.

Таким образом, Иудея попала под власть Селевкидских царей (203-202). Но этолийский командир наемных войск Скопас выступил против сирийского завоевателя. Вскоре он захватил иорданские и трансйорданские территории, сея ужас среди Товиадесов и их последователей. Отчаянно, но тщетно они боролись со своей неминуемой гибелью. Скопас взял Иерусалим штурмом, опустошил город и Храм и предал мечу тех, на кого указали как на враждебных ему. Многие искали спасения в бегстве.

Чтобы заручиться верностью покоренного народа, Скопас оставил часть войск в крепости Барис, или Акра. Но повторное завоевание Иудеи и Кезирии сыном Птолемея, малолетним Эпифаном, было непродолжительным. Теперь сирийцы вновь появились на сцене. В прекрасной долине у подножия горы Хермон, недалеко от горного города Панион, у истоков Иордана, произошла ужасная битва, в которой Скопас и его войска были полностью разбиты. Иудея снова стала жертвой ужасов войны и внутренних раздоров; она напоминала разбитый штормом корабль, который яростно швыряло из стороны в сторону. Обе стороны нанесли ей беспощадные удары.

Антиоху удалось вновь завоевать большую часть страны, а затем он двинулся на Иерусалим. Народ, возглавляемый Синхедрионом и жрецами, вышел ему навстречу, неся провизию для его войск и слонов. Но этолийский контингент все еще удерживал крепость Акра. Антиох или один из его военачальников с помощью иудеев предпринял осаду крепости. Царь Селевкидов, по-видимому, очень ценил дружбу иудеев, поскольку отдал приказ отстроить их разрушенный город и отремонтировать их Храм. К ним относились с большим вниманием, и им было позволено управлять собой в соответствии с их собственными законами. Никто, кроме иудеев, не имел права входить в Храм; не допускалось, чтобы какие-либо нечистоты оскверняли его, и в Иерусалиме нельзя было разводить нечистых животных.

Антиох оставался в бесспорном владении Кезирией, а следовательно, и Иудеей. Но он бросил жадный взгляд на Египет и соседние с ним провинции, в завоевании которых он был уверен, поскольку они находились под властью мальчика-царя. Но римляне, свободные в действиях после падения Карфагена, стали камнем преткновения на пути его продвижения. Вынужденный отказаться от своих планов в отношении Египта, Антиох задумал начать войну с римлянами, а после победы над ними захватить Малую Азию и Грецию, а также Египет, но его безрассудство и чрезмерная самоуверенность привели к его унижению. Он потерпел столь сокрушительное поражение от рук римлян (190), что был вынужден отказаться от своих завоеваний в Греции и в

части Малой Азии, сдать весь свой флот и выплачивать победителю 15 000 талантов ежегодно в течение двенадцати лет. Он был вынужден отправить в Рим в качестве заложника своего сына, Антиоха Епифана, которому было суждено оставить кровавый след в анналах иудейской истории. Суровым было наказание, которое Антиох заплатил за то, что переоценил силы Селевкидов. Чтобы иметь возможность выплатить тяжелую контрибуцию, сирийские цари грабили храмы; это святотатство сделало их отвратительными и возбудило ненависть у самых терпеливых народов. Антиох, прозванный Великим, встретил свою смерть в результате одного из таких актов грабежа (187).

Святотатства, продолженные его сыном, стали причиной подъема новой силы иудейского народа, а также унижения и упадка Селевкидского царства.

Распад иудейской общины, начавшийся при правлении Иосифа, быстро усилился во время постоянной борьбы между Селевкидами и Птолемеями за обладание Селезирией. Лидеры двух партий не были разборчивы в средствах, которые они использовали для продвижения своего собственного дела или для нанесения ущерба делу своих противников. Дружья Селевкидов были прежде всего полны решимости найти союзников среди иностранных национальностей в Иудее и вокруг нее. Греки, жившие в Палестине, так же как и коренные язычники, ненавидели иудеев из-за унижений, которые они претерпели от рук сборщика налогов Иосифа. Были и другие враждебные расы; старые названия врагов иудеев все еще существовали, напоминая о воинственных днях Судей и царствования Давида. Идумеи и филистимляне владели иудейской территорией, и первые оккупировали даже древний город Хеврон. Оба ненавидели иудеев и заставляли их испытывать эту ненависть при каждом удобном случае, в то время как на севере самаритяне делали то же самое.

Иудейские поселенцы в провинциях Селевкидского царства искали защиты у греко-македонских правителей, военачальников и должностных лиц. Но для того, чтобы выслужиться перед греками, необходимо было постараться уподобиться им в манерах, обычаях и обрядах. Что касается Иерусалима, то те, кто эллинизировался внешне, решили воспитывать иудейскую молодежь по греческому образцу. Таким образом, они учредили гонки и состязания в борьбе. К этой греческой фракции принадлежали самые богатые и выдающиеся среди иудеев, среди прочих, Иисус (Иешуа), сын первосвященника, который называл себя Ясоном, и за которым последовали многие Аарониды. Отряд возглавляли Товиады, или сыновья и внуки сборщика налогов Иосифа. Но поскольку еврейский закон и обычай были категорически против таких нововведений и вызвали особое отвращение к греческому бесстыдству, эти группировки решили уничтожить веру отцов, чтобы народ мог беспрепятственно эллинизироваться.

Их целью было полное объединение с греками-язычниками. Какая польза была от огады, возведенной Ездрой, Неемией и Синхедрионом вокруг иудаизма? Эллинисты снесли забор и изъявили желание повалить и первобытные деревья в лесу.

Как неоднократно случалось в истории мыслящих народов, недостаток умеренности с одной стороны порождал преувеличение с другой. Те иудеи, которые с болью и яростью наблюдали за попытками эллинистов, объединились в партию, которая отчаянно цеплялась за Закон и обычаи своих отцов и берегла их как зеницу ока. Они были "сообществом благочестивых", или хасидами, развитием назореев. Каждый религиозный обычай был для них нерушимой святостью. Более полную противоположность, чем представляли эти две партии, трудно себе представить. Они понимали друг друга так мало, как если бы не были сыновьями одного

племени, людьми одной нации. То, что было самым заветным желанием эллинистов, хасиды осуждали как страшный грех; они называли его авторов "нарушителями Закона", "нарушителями Завета". Опять же, то, что было дорого и священо для хасидов, эллинисты рассматривали как безумие и осуждали как препятствие благополучию и стабильности общины. Среди хасидов были два известных учителя Закона, Иосиф, сын Джозера, из города Зереда, и Иосиф, сын Иоханана из Иерусалима, каждый из которых был основателем школы. Один придавал больше значения теоретическому изучению Закона, другой - исполнению его предписаний. Хосе из Зереда учил своих учеников: "Пусть ваш дом станет местом собрания мудрецов; позвольте себе покрыться пылью с их стоп; жадно впитывайте их слова". Иосиф Иерусалимский, с другой стороны, учил: "Пусть двери твоего дома будут широко открыты; пусть бедняки будут твоими гостями, и не разговаривай с женщинами".

Между двумя широко противоположными партиями, эллинистами и хасидами, или асидеанцами, народ выбрал средний путь. Они, конечно, наслаждались роскошью и утонченностью жизни, привнесенными греками, и не хотели, чтобы суровые хасиды ограничивали их удовольствия; в то же время они не одобряли излишества эллинистов; они отказывались разрывать свою связь с прошлым или уничтожать его с помощью нововведений. Но страстная война, которая велась между эллинистами и хасидами, угрожавшая исчезновением одной из двух партий, вынудила умеренных встать на сторону той или другой из них.

Благочестивые, или патриоты, по-прежнему занимали главенствующее положение в обществе. Во главе их стоял Ония III, первосвященник, сын Симона II. Его описывают как человека с превосходным характером. Несмотря на мягкость по натуре, он был врагом правонарушений, ревностным к Закону, решительным сторонником благочестия и бескомпромиссным противником эллинистических обычаев. Соответственно, эллинисты люто ненавидели его. Его главными врагами, помимо Товиадов, были три брата из знатного рода Вениаминов, которые соперничали друг с другом в дерзости — Симон, Ония по прозвищу Менелай и Лисимах. Они ненавидели первосвященника не только из-за его постоянного противодействия их нововведениям, но и из-за его союза с Гирканом, который все еще страдал от преследований своих братьев и их последователей.

Гиркан пользовался большой популярностью при египетском дворе, и Птолемей V. передал ему контроль над некоторыми трансйорданскими территориями. Вероятно, в его распоряжении были вооруженные войска, которые помогали ему в исполнении его обязанностей. Иудеи, колонизировавшие провинцию, вероятно, были ему лояльны или работали у него. С их помощью он смог взимать контрибуции с арабов, или набатейцев, в провинциях Хесбон и Медаба так же безжалостно, как когда-то его отец Иосиф в Селезии. Таким образом он накопил огромное богатство. Он воздвиг замечательную цитадель из белого мрамора на скале недалеко от Хесбона, по сути, крепость, но непревзойденной красоты. Он назвал этот великолепный дворец Тиром; он окружил его широким рвом большой глубины и построил ворота во внешней стене таких узких размеров, что они пропускали только одного человека одновременно. Гиркан провел несколько лет, вероятно, с 181 по 175 год, в этом горном убежище. Излишки богатств, накопленных Гирканом, время от времени отправлялись на хранение в Иерусалимский храм, который пользовался привилегией неприкосновенности.

Симон, вениамитянин, занимал какую-то должность в Храме, из-за чего вступил в конфликт с первосвященником. Ония изгнал Симона из Иерусалима и, чтобы остановить постоянно растущую анархию в городе, вынес аналогичный приговор об изгнании Тобиадам. Но, сделав это, он только подлил масла в огонь. Саймон разработал дьявольский план мести своему врагу. Он отправился к военачальнику Клесирии и Финикии Аполлонию, сыну Тразея, и сообщил ему о том, что в Иерусалимском храме спрятаны великие сокровища, не принадлежащие Святилищу, и, следовательно, царская собственность. Аполлоний, не теряя времени, сообщил царю Селевку II (187-175) информацию по этому вопросу. Вслед за этим Селевк отправил своего казначея Илиодора в Иерусалим с приказом конфисковать сокровища, спрятанные в Храме. Ония, естественно, воспротивился этому несправедливому требованию. Затем Илиодор предъявил свой королевский ордер и приготовился силой проникнуть в Святилище. Велик был ужас в Иерусалиме при мысли о том, что язычник войдет в Храм и разграбит его сокровища. Однако тем или иным способом это святотатство совершено не было. Нам не сообщается, какие средства были использованы для предотвращения этого, но традиция, порожденная благочестивым почитанием Храма Божьего, придала всему происходящему оттенок чуда.

Но Симон не мог отказаться от своих попыток добиться низвержения ненавистного первосвященника. Он даже прибегнул к помощи наемных убийц. К счастью, ему это не удалось, но теперь Ониас был не на шутку встревожен. Он решил изложить царю Селевку истинное положение дел с описанием конфликтующих сторон и мотивов, побудивших Симона и Товиада составить заговор против него, умоляя царя о защите и помощи. Он назначил своего брата Иисуса Навина, или Ясона, своим представителем и отправился в Антиохию. Во время его отсутствия эллинисты, стремившиеся добиться должности первосвященника для кого-либо из своей партии, удвоили свои интриги. Первосвященник из их числа был бы не только хозяином сокровищ Храма, но и лидером нации. Он мог бы помочь им во введении греческих обычаев и, благодаря своему духовному званию, придать вес усилиям эллинистов, которые были настолько деморализованы, что для них не было ничего святого.

Эти секретные устройства вскоре стали известны и вызвали возмущение многих, кто цеплялся за старые обычаи и традиционные учения. Среди них был поэт и автор притчей, Иисус Сирах по имени, сын Елеазара (200-176). Проступок, свидетелем которого он стал в Иерусалиме, побудил его написать книгу содержательных высказываний, применимых к порокам того времени, которые могли бы оказаться полезными для ее иудейских читателей. Он был преемником авторов пословиц. Он был знаком с Законом, пророками и другими поучительными и духовными трудами, и он внимательно читал старую Книгу Притчей, подражая стилю этого произведения, хотя и не достигая его изящной простоты.

Сирах не принадлежал к более суровым хасидам, которые воздерживались от всех безобидных удовольствий и осуждали других за то, что они ими наслаждались. Напротив, он был сторонником светской трапезы, оживленной музыкой и вином. Тем, кто считал своим долгом мешать невинным удовольствиям и чьи мрачные разговоры положили конец всякому веселью, он адресовал следующий упрек:

"Говори, старейшина на совете, ибо так подобает тебе, но здраво рассуди и не проявляй мудрости несвоевременно. Как изумрудная печатка в золотой оправе, так и мелодия музыки с приятным вином". (Еккл. xxxii. 3, 4, 6.)

Были некоторые чрезмерно набожные иудеи, которые осуждали использование любого медицинского мастерства и помощи; они настаивали на том, что, поскольку все болезни посланы от Бога, Он один может их вылечить. Сирах объяснил в своих "Притчах", что мастерство врача и сила лекарств также являются дарами Бога, созданными для того, чтобы служить цели исцеления.

Но все его рвение воспламенилось при виде социального и религиозного отступничества его братьев и их последующего унижения в глазах соседних народов. Социальная порочность его единоверцев огорчала его больше, чем их политическое угнетение. Сирах хлестко обрушился с сарказмом на высокомерие, обман и похоть богатых эллинистов, поклонявшихся Маммоне. Он также осуждал разврат, предостерегал их от общения с танцовщицами, певицами и раскрашенными женщинами, а портреты дочерей Израиля рисовал в отнюдь не лестных тонах.

Сирах заявил, что корнем всего этого зла было безразличие иудеев к их священному Закону. Его целью было восстановить его в сердцах людей. Он затронул еще одну тему, животрепещущий вопрос дня. Многие в Иерусалиме, особенно в высших кругах, стремились заменить первосвященника Онию кем-нибудь из своей партии, даже если он не был потомком Аарона. Было ли необходимо ограничивать священническую должность одной семьей? Этот вопрос задавали амбициозные люди. Притчи Сираха направлены против возможности революции в священном ордене.

На различных примерах, взятых из истории иудейского народа, он пытался показать, что повиновение Закону и установленному правлению повлечет за собой счастливые последствия, но непослушание должно привести к фатальным результатам. Он дал краткий отчет о знаменитых и печально известных личностях, подробно остановившись на их добродетельных поступках или гнусных поступках, в зависимости от обстоятельств. Он описал восстание семьи Кореев против Аарона, их окончательное уничтожение огнем и возросшую славу первосвященника. Это был намек его единоверцам на то, что ревностным эллинистам не следует позволять провоцировать повторение наказания Кореи. Он также подробно остановился на истории Финееса, внука Аарона, третьего в славе, которому было позволено совершить искупление для Израиля.

Он быстро остановился на разделении двух царств и развращенности людей, остановившись на деятельности и энергии пророков. Он с любовью вспоминал имена Зоровавеля, первосвященника Иисуса Навина и Неемии в дни, последовавшие за Пленением. И, наконец, он завершил блестящим описанием первосвященника Симона Справедливого, его добрых дел и величия его священства, надеясь, что этот пример предка семьи первосвященника и Товиадов может проинструктировать и предостеречь честлюбивых осквернителей священнической диадемы. Но вместо единства, о котором он молился, в конце своей книги разногласия усилились, а заговоры и злоба эллинистов поставили иудейскую нацию на грань уничтожения.

ГЛАВА XXII.

ОБРАЩЕНИЕ ТИРАНОВ В ЭЛЛИНИЗМ И ВОЗВЫШЕНИЕ МАККАВЕЕВ.

Антиох Епифан—Его характер—Его войны с Римом—Он назначает Ясона Первосвященником—Введение Греческих игр—Ясон отправляет послов в Тир для участия в Олимпийских играх—Дела в Иерусалиме—Антиох вторгается в Египет—Сообщение о его смерти в Иерусалиме—Антиох нападает на город и оскверняет Храм—Его замыслы против иудаизма—Его второе вторжение в Египет—Преследование иудеев—Мученики—Маттафия и его пятеро сыновей—Апеллес появляется в Модиине—Хасиды—Смерть Маттафия и назначение Иуды Маккавея Лидером — Его добродетели—Битвы против Аполлония и Героны—Антиох решает истребить иудейский народ—Состав и цель Книги Даниила—Победа Иуды над Лисием.

175-166 гг. до н. э.

Теперь на сцене появилась царственная особа, которой, казалось, было суждено усилить безнадежные беспорядки в Иудее и навлечь на Дом Израиля больше страданий, чем он когда-либо знал прежде. Этим человеком был Антиох Эпифан, которого история справедливо заклеила. Он принадлежал к классу людей с двойной натурой. В нем сочетались злоба и благородные порывы; он был хитер и расчетлив, но в то же время капризен, мелочен в великих предприятиях и велик в мелочах. Его современники даже не могли постичь его характер и понять, был ли врожденный интеллект или симуляция причиной нелепостей, с помощью которых он выставлял себя смешным в глазах людей. Казалось, он жаждал получить имя "Эпиман", или *Безумец*. Раннее воспитание побудило его вести нерегулярный образ жизни. Тринадцать лет он прожил в Риме, куда отец отправил его в качестве заложника для поддержания мира и оплаты военных расходов. Рим только что стал столицей мира. Римляне покорили карфагенян, македонян и сирийцев, и Вечный город переходил от суровой морали Катонов к распущенности Клавдиев. Разврат и противоестественная похоть — безнравственные обычаи греков — быстро пустили там корни. Но чему Антиох научился главным образом в Риме, так это презрению к людям и их любимым обычаям; там же он приобрел не только наглость, но и жестокосердие, не знающее сострадания, и злобу, которая забавляется со своей жертвой, прежде чем задушить ее.

Антиоху удалось добиться разрешения покинуть Рим и отправить вместо себя в качестве заложника своего племянника Деметрия, сына царя Селевка Филадельфа. Он вернулся в Сирию, вероятно, с намерением свергнуть с престола своего брата, но его замысел был предвосхищен Гелиодором, одним из придворных магнатов, который убил Селевка (175) и завладел царством. Может возникнуть вопрос, не был ли Антиох замешан в этом деянии; в то время он находился в Афинах, возвращаясь домой. Враг его отца, Эвмен, царь Пергама, вместе со своим братом Атталом обратил в бегство убийцу Илиодора и провозгласил Антиоха царем Сирии и Азии. Таким образом, Антиох пришел к власти хитростью и узурпацией, ибо Деметрий, ныне заложник в Риме, был законным сувереном. Римляне благоволили узурпатору, поскольку надеялись, усилив раздоры между царскими семьями, привести к падению тех королевств, которые все еще сопротивлялись их власти. Антиох, однако, был полон решимости сорвать эту уловку римлян. Иудейский провидец так наглядно описывает свое восшествие на престол:

"И на его место восстанет презренный человек, которому они не оказали почестей царства; но он придет внезапно и получит царство лостью.... И после заключения с ним союза он будет действовать обманом; ибо он поднимется и станет сильным с небольшим количеством людей. Внезапно он придет даже на самые тучные места провинции; и он сделает то, чего не делали ни его отцы, ни отцы его отцов; он рассеет среди них добычу, награбленное и богатство". (Даниил хі. 21-24.)

Именно во исполнение своих замыслов обмануть римлян он ввел в Антиохии римские гладиаторские бои, в которых военнопленных или рабов заставляли сражаться друг с другом с оружием в руках до тех пор, пока один из них не сдавался или не был убит. Антиох полностью изгнал из своей души страх перед каким-либо божеством; "он не почитал ни богов своих предков, ни какого-либо другого бога вообще, ибо превыше всего он возвеличивал самого себя". Иудеи теперь были в руках этого чудовища, у которого было каменное сердце, и которое одинаково презирало человека и закон, мораль и религию. Если бы в Иудее воцарился мир, страна могла бы ускользнуть от его внимания, но раздор, который там возбудили эллинисты, обратил его внимание на иудейский народ и его землю. Эллинистическая партия сама просила его вмешаться во внутренние дела Иудеи, направив его уведомление Гиркану, которого они ненавидели и который, проживая в своем замке близ Хесбона, собирал налоги с арабских или набатейских жителей страны от имени царя Египта. Гиркан, опасаясь позорной смерти, покончил с собой, и Антиох конфисковал все его имущество.

Затем эллинисты осуществили свой давний план лишения сана другого своего врага, первосвященника Онии. Брат последнего, по имени Иисус или Ясон, пообещал Антиоху крупную сумму, если тот передаст ему сан первосвященника; и нуждающийся царь без колебаний удовлетворил эту просьбу. Ония, который отправился в Антиохию, чтобы выдвинуть обвинения против своих врагов, был объявлен сторонником Птолемеев, и обвинитель, таким образом, стал обвиняемым. Эллинисты, или, скорее, первосвященник, затем обратились к Антиоху с петицией о том, чтобы те иудеи, которые были обучены греческим боям, были зарегистрированы как антиохийцы или македоняне и как таковые имели право на привилегии полного гражданства и допускались на все общественные собрания и игры греков. Игры были для греков серьезным занятием, не просто развлечением, а скорее целью и концом жизни. Греческие поселенцы в Палестине и Финикии поддерживали национальную связь со своими братьями дома, введя олимпийские игры, проводимые каждые четыре года на земле варваров, и те из последних, кому было разрешено участвовать в этих играх, чувствовали себя очень польщенными, будучи допущенными к греческой знати.

Вводя гимназию в Иерусалиме, Ясон и эллинисты надеялись получить право греческого гражданства для иудеев и, таким образом, уменьшить ненависть и презрение, от которых они страдали. Как только Антиох уступил привилегию, о которой просили эллинисты, Ясон проявил большой интерес к надзору за упражнениями, которые должны были быть выполнены до того, как иудеи смогут принять участие в Олимпийских играх. Первосвященник выбрал (174) место для игр в Бире или Акре (Акрополе), к северо-западу от Храма. Он состоял из гимназии для юношества и эфебиона для мальчиков. Греческие мастера, скорее всего, были наняты для обучения иудейских мужчин и юношей их играм, которые заключались в скачках, прыжках, борьбе, метании дисков и боксе. Однако вскоре стало очевидно, что эти игры, обязанные своим происхождением совершенно иному образу жизни, несовместимы с иудаизмом. Согласно греческому обычаю, мужчины, принимавшие участие в этих состязаниях, были обнажены.

Поэтому иудейские юноши, согласившиеся участвовать в соревнованиях, были вынуждены преодолеть чувство стыда и предстать обнаженными перед Храмом. Кроме того, обнажив свои тела, они могли быть немедленно признаны иудеями. Но должны ли они были принять участие в олимпийских играх и подвергнуть себя насмешкам греческих насмешников? Даже этой трудности они избежали, подвергнувшись болезненной операции, чтобы скрыть тот факт, что они иудеи. Вскоре молодежь столпилась в гимнастическом зале, и молодые священники пренебрегли своими обязанностями в Храме, чтобы принять участие в упражнениях в палестре и на стадионе. Благочестивые с ужасом смотрели на это принятие чужеземных обычаев, но хранили спокойствие. Между тем даже сообщники Ясона были недовольны его пристрастием к греческим манерам, когда это привело к отрицанию фундаментальных истин иудаизма. Когда (июнь 172 г.) в Тире праздновались Олимпийские игры, на которых приносились жертвы греческому богу Геркулесу, предполагаемому основателю этих единоборств, Ясон отправил в качестве послов людей, которые были опытны в этих играх и имели право принимать в них участие. Согласно обычаю, им был доверен денежный взнос для жертвоприношений Гераклу. Но послы, хотя и были греками в душе, испытывали угрызения совести из-за того, каким образом была израсходована эта сумма; казалось, это клеймило их как идолопоклонников и доказывало их веру в божественность мраморной статуи. Поэтому они согласились на комиссию при условии, что распоряжение деньгами, которые они взяли с собой, будет предоставлено на их собственное усмотрение. Вера в Бога Израиля слишком глубоко укоренилась даже в сердцах тех людей, которые были равнодушны к греческим обычаям и принадлежали к эллинистической партии, чтобы допустить такое осквернение. Послы Ясона передали эти деньги в качестве взноса на флот, который Антиох снаряжал в Тире.

Между тем раздоры в Иерусалиме усилились настолько сильно, что не могли не последовать пагубные последствия. Эллинисты замыслили интриги, чтобы свергнуть Ясона и поставить должность первосвященника под свой собственный контроль. Их подтолкнуло к этому либо честолюбивое чувство, либо страх, что брат Онии был слишком равнодушен к иудаизму и недостаточно энергичен, чтобы свергнуть патриархальные обычаи. Один из них, Ония Менелай, беспринципный человек и брат того Симона, который донес на Онию и раскрыл существование сокровищ в Храме, должен был стать первосвященником. Ясон отправлял ежегодные пожертвования царю через Менелая, который обещал увеличить их на 300 талантов, если он станет первосвященником. Он хвастался своим большим авторитетом, который позволил бы ему продвигать дело короля более энергично, чем Ясон. Антиох без колебаний передал сан первосвященника тому, кто больше заплатит (172-171). Он немедленно отправил Соклейта, одного из своих офицеров, с отрядом кипрских солдат в Иерусалим, чтобы подавить любое сопротивление, которое могло быть оказано, и проследить за своевременной доставкой обещанных сумм. Соклей разместил солдат в укрепленной Акре, чтобы сдерживать жителей Иерусалима, и объявил об увольнении Ясона в соответствии с приказом царя. Последний был либо изгнан, либо бежал из Иерусалима, откуда переправился через Иордан в землю Аммонитян. Этим районом управлял набатейский принц по имени Арета, который радушно принял его. Это изменение только усилило беспорядки в Иерусалиме; большая часть народа была возмущена тем, что Менелай, который был Вениамитом, а не из семьи первосвященников, и который, кроме того, был известен как противник патриархальных обычаев, был облечен этим святым саном. Даже почитатели греческих обычаев и любители новшеств осудили выбор Менелая.

Как последователи Ясона, так и те, кто не желал полностью порывать с иудаизмом, не одобряли его увольнение. Но недовольные были вынуждены замолчать, потому что они боялись присутствия сирийского офицера и кипрских войск, которыми он командовал; но в умах людей царило сильное возбуждение, и они угрожали вырваться вперед при первой возможности. Менелай довел дело до кульминации. Он пообещал царю больше, чем мог дать в уплату за полученное достоинство. Антиох был возмущен и призвал его прийти и оправдаться. Вынужденный отправиться в Антиохию, он оставил столицу на попечение своего брата Лисимаха, который был таким же недобросовестным, как и он сам, и вынес святыне дары из Храма, намереваясь продать их, чтобы составить требуемую сумму. Не застав царя дома, он подкупил его наместника Андроника частью дорогостоящих сосудов. Достойный первосвященник Ония III, который все еще проживал в Антиохии, услышал об этом преступлении; он также узнал, что Менелай продал утварь из Храма в Тире и других финикийских городах. Возмущенный таким поведением, он обвинил Менелая в ограблении Храма, преступлении, которое считалось отвратительным даже среди греков. Это обвинение ускорило смерть свергнутого первосвященника. Ибо Менелай вступил в сговор с Андроником, чтобы устранить Онию до того, как царю будет сообщено о краже, совершенной в Храме, и об использовании награбленного. Андроникус, будучи сам замешан в этом деле, стремился обезопасить Онию. Он выманил его из храма Аполлона в Дафне, близ Антиохии, где тот укрылся, и убил его (171). Это было еще одно преступление, добавленное к тем, в которых Менелай уже был виновен. Убийство первосвященника произвело большую сенсацию даже среди греков Сирии, и Антиох, вернувшись, был вынужден наказать убийцу Андроника.

Тем временем Менелай, хотя его обвинителя заставили замолчать, был вынужден попытаться умиротворить царя. Чтобы сделать это, он приказал своему брату Лисимаху украсть еще немного сокровищ Храма. Эти кражи, однако, не остались незамеченными; как только они были обнаружены и преступник был разоблачен, возникло чувство большой горечи по отношению к нему, которое вылилось в насилие. Когда о позорном поведении двух братьев стало известно людям за пределами Иерусалима, они поспешили в город и, присоединившись к жителям столицы, пригрозили нарушителю Храма смертью. Лисимах вооружил своих последователей и поставил во главе их человека по имени Авран, старого товарища и товарища по греху. Безоружные люди не испугались солдат, но напали на них с камнями и палками, ослепили кучами пепла, многих убили, а других обратили в бегство. Сам Лисимах был убит в непосредственной близости от сокровищницы Храма. Менелай, естественно, предъявил царю обвинение против иерусалимских мятежников, и последний организовал судебный процесс в Тире для рассмотрения этого дела. Три члена совета, которых народ избрал для этой цели, настолько убедительно доказали вину Лисимаха и его брата в деле об осквернении Храма, что приговор был бы вынесен не в их пользу. Но изобретательный гений Менелая сумел заинтересовать существо аналогичного склада, которому удалось склонить чашу весов в пользу преступника. Антиох со своего места правосудия оправдал преступника Менелая, одновременно приговорив к смерти трех депутатов из Иерусалима, которые так ясно доказали его вину. Тирские свидетели этого нарушения справедливости выразили свое неудовольствие, приняв сочувственное участие в похоронах трех благородных людей, но Менелай и несправедливость восторжествовали. Он сохранил свою вождеденную власть и строил планы мести людям, которые так яростно ненавидели его. Он оклеветал своих врагов, то есть весь народ, перед королем. С одной стороны, он утверждал, что его враги были приверженцами египетского двора и что они преследовали его только потому, что он выступал против их

партийных интриг; с другой стороны, Менелай клеветал на иудаизм; он говорил, что Закон Моисея был полон ненависти к человечеству, поскольку запрещал евреям принимать участие в трапезах других народов или проявлять какую-либо доброту к чужеземцам. Поскольку Антиох в то время сосредоточил все свои мысли на завоевании Египта, он поверил клевете Менелая и относился к иудеям с недоверием. Если бы он предпринял рискованную экспедицию против Египта, было бы опасно оставлять у себя в тылу врага, который мог стать грозным.

Наконец-то он осуществил свой давно вынашиваемый план нападения на Египет. Предлог для войны найти легко, и Антиох вскоре его нашел. Его сестра Клеопатра, вышедшая замуж за Птолемея V. Умерла, оставив двух малолетних сыновей, Филометора и Физкона, первый из которых был номинальным царем, но два его опекуна, Евлей и Леней, правили страной. Антиох притворился, что он всего лишь предвидел войну, которая вскоре будет направлена против него самого, и собрал свои войска, чтобы напасть на Египет. Однако он на некоторое время отложил свою атаку из страха перед римлянами. Но когда последний был вовлечен в новую войну с Персеем, царем Македонии, он, наконец, отважился пересечь египетскую границу (170). Он разбил египетскую армию близ Пелузия и проник вглубь страны.

Двое стражей бежали вместе с молодым царем Филометором. После этого Антиох завладел всем северным Египтом и двинулся к Александрии, чтобы осадить ее. Жители тем временем провозгласили младшего брата Птолемея Физкона царем и защищали город так доблестно, что сирийский царь отчаялся завоевать его. Поэтому он вступил в переговоры со старшим братом, послал за ним, подписал с ним договор и притворился, что продолжает войну в его пользу. Два короля "за одним столом говорили друг другу неправду". В Иудее за последствиями войны следили с напряженным ожиданием. Если египтяне одержат победу, велика вероятность того, что печальным несчастьем, вызванным ненавистным первосвященником, придет конец. Египетский двор благоволил национальной иудейской партии и принимал всех патриотов, бежавших от тирании Антиоха и Менелая. Внезапно распространился слух о том, что Антиох пал, и это известие вызвало большое волнение. Свергнутый первосвященник Ясон покинул аммонитян, у которых он нашел убежище, и поспешил в Иерусалим в сопровождении тысячи человек, с помощью которых он надеялся овладеть городом. Менелай забаррикадировал ворота Иерусалима и сражался с врагом со стен. Так возникла гражданская война из-за амбиций двух мужчин, которые оба искали первосвященства как пути к власти. Но поскольку лишь небольшое количество жителей встало на сторону Менелая, Ясону удалось войти в Иерусалим со своими войсками. Менелай укрылся за стенами Акры.

Тем временем Антиох покинул Египет с богатой добычей (169), возможно, с намерением набрать новые войска. Услышав о событиях в Иерусалиме, он возгорелся гневом против иудеев и Иудейского Завета; его злая, бесчеловечная натура прорвалась против народа. Он внезапно напал на Иерусалим и вырезал жителей, невзирая на возраст и пол, убивая как друзей, так и врагов. Он ворвался в Храм и даже проник в Свята Святых, и в знак презрения к Богу, которому там поклонялись, он унес золотой алтарь, подсвечник, стол, золотые сосуды и все сокровища, которые еще оставались. Менелай руководил разграблением Храма. Антиоххулил Бога Израиля, всемогущество которого воспевали Его последователи, но которого он презирал, потому что Тот не вмешивался в эти святотатственные действия. Чтобы смягчить вину как за массовое убийство невинных людей, так и за осквернение Храма, он изобрел ложь, которая долгое время спустя продолжала приносить иудаизму дурную славу среди всех цивилизованных народов. Антиох заявил, что он видел в Свята Святых статую человека с длинной бородой, сидящего верхом на

осле и держащего в руке книгу. Он верил, что это статуя законодателя Моисея, который дал иудеям бесчеловечные, ужасные законы, чтобы отделить их от всех других народов. Среди греков и римлян распространился слух, что Антиох нашел в Храме голову осла, сделанную из золота, которую иудеи почитали, и что, следовательно, они поклонялись ослам. Антиох, вероятно, был автором другой ужасной лжи, придуманной, чтобы очернить иудеев: говорили, что он обнаружил лежащего в постели в Храме грека, который умолял освободить его, поскольку иудеи имели обыкновение каждый год убивать грека и питаться его внутренностями, одновременно клянясь в ненависти ко всем грекам, которых они были полны решимости уничтожить. Исходила ли эта гнусная клевета непосредственно от Антиоха, или же эти басни были приписаны только ему, нет сомнения, что он очернил репутацию иудеев, распространив слух о том, что иудаизм насаждает ненависть ко всем другим народам. Это был первый плод давно вынашиваемого желания быть связанным с греками.

Завеса скорби опустилась на Иерусалим, и дом Иакова был обещен.

"Вожди и старейшины застонали, юноши и девушки попрятались, красота женщин была обезображена, жених возвысил свой голос в печали вместо радостной песни, и невеста плакала в своем брачном чертоге". (1 Макк. i. 26-28.)

Но это ни в коем случае не было концом; Иудею ожидали еще более печальные дни. Антиох предпринял второй поход против Египта, и иудеям было суждено во второй раз пострадать от его гнева из-за неудачного завершения войны. Два царственных брата Филометор и Физкон примирились друг с другом с помощью своей сестры и римлян; Филометор был провозглашен царем в Александрии. Это привело Антиоха в ярость, ибо его желанием было использовать беспомощного и трусливого Филометора в качестве своего орудия и править Египтом через него. Поскольку римляне все еще были вовлечены в македонскую войну, он подумал, что может рискнуть напасть на Египет во второй раз (168). Он вступил в страну, не встретив сопротивления, и дошел до Александрии; тем временем египетский царь отправил послов в Рим просить помощи у сената. Три римских депутата с наказом оставаться в пути до тех пор, пока они не услышат исход македонской войны, были отправлены к Антиоху, чтобы попросить его воздержаться. После успешной битвы при Пидне, разгрома македонской армии и бегства царя Персея (22 июня 168 г.) три римских депутата поспешили в лагерь Антиоха и передали ему приказ сената покинуть Египет. Когда сирийский царь попросил время на размышление, Попиллий Ленас, очертив своей палкой круг, строго заявил, что, прежде чем выйти из этого круга, Антиох должен заявить, желает ли он мира или войны с Римом. Антиох знал, насколько неумолимы римские приказы, и поэтому решил немедленно отправиться в путь (конец июня 168 г.).

Антиох, "Прославленный", вернулся в свою столицу. Сознание своего унижения мучило его тем сильнее, что ему приходилось изображать дружбу и удовлетворение перед римлянами. Он вымещал свой тайный гнев на иудеях, проявляя неслыханную жестокость. Они, по его словам, выказали удовольствие от его унижения; они громко провозгласили, что Бог, которому они поклоняются, унижает надменных, и поэтому приготовили для него это унижение. Аполлоний, один из его царственных подданных и бывший губернатор Мисии, вошел в столицу Иудеи в сопровождении свирепых войск, очевидно, с мирными намерениями. Однако внезапно, в субботу, когда сопротивление было невозможно, греческие или македонские наемники набросились на жителей, убили мужчин и юношей, взяли в плен женщин и детей и отправили их

на невольничьи рынки. Аполлоний также разрушил много домов в столице и разрушил стены Иерусалима, поскольку хотел, чтобы он исчез из списка важных городов. Что побудило безумца и его дикие войска пощадить Святилище? Они не разрушили его, потому что Антиох хотел использовать Храм для другой цели; но они дали выход своему гневу, напав на его окрестности, подожгли деревянные ворота и разрушили залы "молотком и топором". Внутри Храма больше нечего было красть. Жители, которые не встретили смерти, спаслись, и только самые оголтелые эллинисты, сирийские солдаты и чужеземцы остались в опустевших местах. "Иерусалим стал чужим для своих собственных детей". Храм также был заброшен, потому что верные священники и левиты ушли, и эллинисты не беспокоились о священном здании; Акра была их пристанищем. Здесь был расквартирован сильный сирийский гарнизон, и здесь же проживали эллинисты. Это место было защищено от любого нападения высокими, крепкими стенами и башнями, возвышающимися над Храмом, и было заполнено оружием и провизией.

Опустошение вскоре стало невыносимым для Менелая, зачинщика всех этих ужасов. Какой смысл было быть первосвященником, если в Храм не приходили верующие, или быть правителем нации, если люди отворачивались от него? Не слыша ничего, кроме эха собственного голоса, он помрачнел. Чтобы выйти из этого тягостного положения, он прибегнул к новому позору. Иудаизм с его законами и обычаями должен был быть упразднен, а его последователи должны были быть вынуждены принять греческую веру. Антиох, полный ненависти и гнева как к иудеям, так и к их религии, согласился с планом Менелая и привел его в исполнение со своей обычной непреклонностью. Иудеи должны были стать эллинизированными и, таким образом, быть приведены к повиновению или, если они воспротивятся его воле, быть преданы смерти. Он не только хотел стать повелителем иудейского народа, но и доказать им бессилие Бога, которому они так верно служили. Он, презиравший богов своих предков, счел насмешкой, что иудеи все еще надеются, что их Бог уничтожит его, гордого богохульника, и он решил бросить вызов Богу Израиля и победить его. Вслед за этим Антиох издал указ, который был разослан по всем городам Иудеи, повелевая народу отречься от законов своего Бога и приносить жертвы только греческим богам. Для этой цели повсюду должны были быть воздвигнуты алтари и идола, и, чтобы нанести ощутимый удар по иудаизму, Антиох постановил, что при жертвоприношениях следует использовать нечистых животных, особенно свиней. Он запретил, под страхом сурового наказания, три религиозных обряда, которые внешне отличали иудеев от язычников, а именно обрезание, соблюдение субботы и праздников и воздержание от нечистой пищи. Были назначены чиновники, следившие за тем, чтобы его приказы тщательно выполнялись, и эти чиновники были жестокосердными людьми, которые карали смертью любого человека, нарушающего королевские приказы. Сначала Храм был осквернен, и сам Антиох послал туда знатного антиохийца, чтобы тот посвятил Святилище Юпитеру. Свинья была принесена в жертву на алтаре во дворе, и ее кровь была окроплена в Святая Святых, на камень, который Антиох принял за статую Моисея; мясо было приготовлено, и его сок пролился на листы Священного Писания. Так называемый первосвященник Менелай и другие иудейские эллинисты должны были отведать мяса свиньи. Свиток Закона, который был найден в Храме, был не только забрызган, но и сожжен, потому что этот учитель чистоты и любви ко всему человечеству, — так утверждал Антиох, — внушал ненависть к человечеству. Это было его первое боевое крещение. Затем статуя Юпитера, "мерзости разрушения", была водружена на алтарь, и отныне ему приносились жертвы (17 Таммуз, июль 168 г.).

Таким образом, Иерусалимский храм, единственное святое место на земле, был полностью осквернен, а Бог Израиля, по-видимому, был свергнут эллинским Зевсом. Как народ перенесет

это беспрецедентное насилие? Подчинятся ли они суровому указу бессердечного короля и его чиновников и позволят ли они лишиться своего гражданства и своего Бога? Это было суровое и знаменательное испытание. Смерть грозила всем тем, кто открыто исповедовал иудаизм, а они даже не осмеливались называть себя иудеями. Но гонимые люди вышли из своего испытания победителями, и кровь мучеников скрепила их союз с Богом и Его Законом.

Иудеи, которые были рассеяны по сирийским и финикийским городам, в непосредственной близости от греков, и были включены в это принудительное обращение, притворялись подчиненными ордену, приносили жертвы греческим богам и скрывали или отрицали свою религию. Но даже среди них некоторые остались верными и отдали свои жизни, свидетельствуя об истинности Закона. В Антиохии пожилой человек по имени Елеазар принял мученическую смерть, вместо того чтобы принять участие в идолопоклоннических жертвоприношениях. В еврейских кругах за пределами Иудеи ходили слухи, что мать и семеро сыновей, вопреки угрозам и уговорам, с радостью пошли на смерть за Закон. Эти героические мученики, как молодые, так и старые, подали благородный пример иудеям, и число тех, кто пострадал за свою веру, росло день ото дня. Надзиратели, которых Антиох назначил для исполнения своих указов, обратили свое внимание на небольшие города, куда бежали жители Иерусалима. Здесь они соорудили жертвенники и призвали народ именем царя принести свиней в жертву Юпитеру, а затем съесть мясо и нарушить субботу, работая в день отдыха. Они особенно настаивали на том, чтобы жертвы приносились каждый месяц в день, соответствующий дню рождения Антиоха. На вакхическом празднике Диониса, празднование которого заключалось в открытии бочек с вином, они были вынуждены увивать себя плющом, подобно грекам, устраивать процессии и издавать дикие крики радости в честь греческого Вакха. Когда один из чиновников приехал в провинциальный городок и созвал людей, чтобы привести доказательства их отделения от иудаизма, он нашел лишь немногих желающих встретиться с ним. Многие бежали и искали убежища в пещерах и ущельях Иудейских гор или на пустоши у Мертвого моря. Антиоха сильно раздражало это сопротивление, и он отдавал приказ за приказом, рекомендуя предельную жестокость в наказании непокорных. Поэтому чиновники продолжали свои преследования с удвоенным рвением. Они рвали и сжигали свитки Закона всякий раз, когда находили их, и убивали тех, кто, как было установлено, искал силы и утешения в их чтении. Они разрушили все молитвенные дома и учебные заведения, и если они находили в заключении женщин, которые в отсутствие своих мужей сами делали обрезание своим сыновьям, эти варвары вешали их вместе с младенцами на стенах города.

Но все подобные жестокости, вместо того чтобы запугать людей, только усилили их решительное сопротивление. Смерть утратила свой ужас. Многие предпочитали даже смерть нарушению законов о питании. Эта благородная твердость особенно поощрялась строго религиозной сектой хасидов. Некоторые из них выходили из своих укрытий и, входя в города и деревни, созывали жителей вместе, говорили с теплотой и убежденностью и призывали их быть стойкими и постоянными. Их проповедь была тем более эффективной, что они доказывали неукротимое мужество перед лицом смерти.

Однако вскоре сирийские военачальники в Иерусалиме обнаружили лидеров этого мужественного сопротивления; некоторые нечестивые эллинисты, вероятно, выдали убежище хасидов. Вслед за этим фригиец Филипп, командующий гарнизоном, отправился на поиски скрывшихся беглецов. В субботу он и его солдаты окружили пещеры, в которых искали убежища тысячи мужчин, женщин и детей, он призвал их выйти, повинувшись приказам Антиоха, и

пообещал им безопасность, если они добровольно подчинятся его приказам. Они единодушно ответили: "Мы не подчинимся твоему приказу нарушить субботу". Тогда Филипп приказал своим войскам начать атаку. Хасиды смотрели на это с неустрашимым мужеством, но не пытались ни защититься, ни поднять камень, чтобы закрыть вход в пещеры, опасаясь осквернения Субботы. Призвав таким образом небо и землю в свидетели своей невиновности, все люди погибли в пещерах от рук кровожадных последователей Филиппа. Некоторые погибли от головней, брошенных в пещеры, в то время как другие задохнулись от дыма, проникшего внутрь.

Велико было горе верующих иудеев, когда они узнали об ужасной смерти людей, которые были для них светом и примером. Самые отважные пали духом. Каков же должен был быть исход этого невыносимого положения? Верующие были подавлены мыслью, что Небеса не даровали им никаких видимых признаков надежды в этом беспримерном испытании; ни один пророк не поднялся, чтобы предсказать, когда закончится это страшное испытание.

Когда кровавые преследования иудейского народа достигли такого размаха, что казалось неминуемым либо уничтожение всей нации, либо их покорность от истощения и отчаяния, открытое восстание сменилось пассивным сопротивлением.

Это произошло благодаря семье, члены которой сочетали чистейшее благочестие с мужеством, мудростью и осмотрительностью; это была семья Хасмонеев, или Маккавеев. Престарелый отец и пятеро героических сыновей совершили революцию и зажгли дух энтузиазма, который обеспечил существование иудаизма на все времена. Престарелый отец, Маттафия, был сыном Иоханана, сына Симона Хасмона, Ааронида; он покинул Иерусалим из-за осквернения Храма и обосновался в маленьком городке Модиин, в трех милях к северу от Иерусалима. Его пятеро сыновей, которые все помогли поднять народ из состояния глубокой деградации и нашли свою смерть, защищая свою страну, носили арамейские имена: Иоханан Гади, Симон Тарси, Иуда Маккаби, Елеазар Хавран и Джонатан Хафус. Эта семья хасмонеев, имевшая много последователей, из-за уважения, с которым к ним относились, с глубокой скорбью переживала жалкое положение своей страны. "Что для нас жизнь теперь, когда Святилище осквернено и Иудея превратилась в рабство?" Так говорил Мататьяса своим сыновьям и решил не оставаться тихим и скорбящим в своем убежище, а либо помочь правому делу, либо мужественно умереть за него.

Когда Апеллес, один из сирийских надзирателей, прибыл в Модиин, чтобы призвать жителей отказаться от Закона и стать идолопоклонниками, Маттафия и его сыновья намеренно явились, и когда им было приказано подать пример покорности, первый ответил: "Если все люди в королевстве подчинятся приказу монарха отойти от веры своих отцов, я и мои сыновья будем соблюдать Завет наших предков". Когда один из иудеев подошел к алтарю, чтобы принести жертву Юпитеру, Маттафия больше не мог сдерживать свой гнев, он бросился на отступника и убил его у алтаря. Его сыновья, вооруженные длинными ножами, напали на Апеллеса и его войска, убили их и разрушили алтарь. Этот акт стал поворотным моментом; он подал пример мужественного сопротивления бездейственному отчаянию. Сразу же после этого нападения на должностных лиц Антиоха Маттафия воскликнул: "Всякий, кто ревностно относится к Закону и кто желает поддержать Завет, следуйте за мной". После этого жители Модиина и окрестностей последовали за ним в безопасное убежище, которое он выбрал для них в горах Эфраима; и там к нему присоединились остальные хасиды, избежавшие смерти в пещерах, и все те, кто бежал от притеснений.

Число решительных защитников своей страны с каждым днем увеличивалось. Маттафия не скрывал от них, что им придется вести тяжелые бои, но увещевал их быть готовыми встретить смерть. Предупрежденные преувеличенным благочестием хасидов, которые постеснялись сдвинуть камень в субботу в свою защиту, собрание, окружавшее престарелого хасмонея, решило отразить с оружием в руках любое нападение на них даже в день отдыха. Хасиды приняли это решение, и мирные люди, до сих пор всецело поглощенные Священным Писанием, теперь приготовились вести войну. Полководец, внушающий доверие, создает воинов. Повторилось то безнадежное положение, которое царило во времена Судей и в начале правления Саула. Некоторые жители прятались в пещерах, другие перешли на сторону врага, и лишь немногие были готовы пожертвовать своей жизнью за свою страну; у них не было оружия, и они ничего не знали о войне. Победа казалась теперь более безнадежной, чем в те давние дни. Мататьягу был осторожен, чтобы не вести открытую войну против сирийцев со своим небольшим отрядом. Хорошо знакомый с каждым дюймом страны, он неожиданно вторгся в города со своими сыновьями и последователями, разрушал идолопоклоннические храмы и алтари, наказывал жителей, перешедших на сторону врага, наказывал эллинистов всякий раз, когда натыкался на них, и допускал к Завету детей, оставшихся необрезанными. Время от времени он разбивал небольшие отряды сирийских солдат, с которыми ему случалось сталкиваться, но всякий раз, когда командующий гарнизоном Иерусалима посылал более крупный отряд преследовать восставших иудеев, последние исчезали так же внезапно, как и появились. Короче говоря, Мататаяс вел своего рода мелкую войну против врага, какую можно вести только в горных районах, но которая может измотать самого сильного врага.

Когда приближалась смерть престарелого Маттафии (167 г.), его последователям не нужно было беспокоиться о его преемнике; единственной трудностью был выбор одного из пяти его героических сыновей. Умиравший отец назвал Симона мудрым советником, а Иуду - военачальником и призвал их всех пожертвовать своими жизнями ради Завета своих предков и сражаться в Божьей битве. Как только Иуда Маккавей стал командовать, дела приняли благоприятный оборот. Он был воином, какого дом Израилев не знал со времен Давида и Иоава, которых он был благороднее и чище. Невидимая сила, казалось, исходила от его души героя, которая наполняла всех, кто его окружал, таким же бесстрашным мужеством. Он был наделен инстинктами полководца, и это позволяло ему сражаться в нужный момент, воспользоваться слабостью своего врага и обмануть его с помощью притворных атак. В час битвы "он был подобен льву в своей ярости", а в состоянии покоя - подобен голубю в кротости и простоте. Он был так же покорен воле Божьей, как самые святые люди древности в Израиле, и полагался не на свой меч, а на Божью помощь, молясь Ему перед каждым решительным действием. Иуда Маккавей был истинным героем Израиля, который прибегал к кровопролитию только тогда, когда его вынуждала необходимость, чтобы вернуть утраченную свободу и поднять униженный народ. Он дал свое имя целой эпохе.

Сначала он следовал примеру своего отца и совершал вылазки только тайно или ночью, чтобы наказать отступников, привлечь на свою сторону колеблющихся и преследовать небольшие отряды сирийских войск. Но по мере того, как число его последователей неуклонно росло, дополненное мнимыми обращенными в язычество, которые были рады сбросить свои маски, и теми, кто был излечен от любви к грекам жестокостью и деспотизмом последних, Иуда отважился противостоять сирийской армии под командованием Аполлония. Последний объединил гарнизон в Самарии с другими войсками, которые он собрал для борьбы с мятежниками, поскольку счел неосмотрительным выводить солдат из Иерусалима, или, скорее,

из Акры. Это было первое открытое сражение, в котором участвовал Иуда, и успех вознаграждал его доблесть. Аполлоний был убит, а его солдаты либо погибли на поле боя, либо спаслись бегством. Хотя число побежденных сирийцев было невелико, все же эта победа ободрила иудеев. Они встретились с жестоким врагом лицом к лицу, и их смелость восторжествовала; они считали это доказательством того, что Бог не оставил Свой народ, а по-прежнему присматривал за ним и защищал его. Иуда взял меч, выпавший из руки Аполлония, и сражался им до самой своей смерти.

Сирийский военачальник по имени Херон, ведомый несколькими вероломными эллинистами, преследовал Иуду и его последователей в горах и надеялся сокрушить их своей подавляющей численностью. Когда иудейские воины впервые увидели огромное количество людей, собравшихся близ Вифорона, они воскликнули: "Как мы можем вести войну против такого врага?" Но Иуда знал, как успокоить их страхи, и напомнил им о драгоценных сокровищах, которые они были призваны защищать, — о своей жизни, своих детях и Законе. Была предпринята энергичная атака на сирийцев, которые потерпели полное поражение. Восемьсот человек из армии Герона остались мертвыми на поле боя, а остальные бежали на запад, в землю филистимлян. Эта первая решительная победа Иуды при Вифороне над гораздо большей армией, чем его собственная (166), вселила в иудеев уверенность и повергла в ужас их врагов; они были поражены как храбростью и стратегическим искусством Маккавеев, так и стойкостью народа.

Что тем временем делал Антиох, виновник всех этих бедствий? Сначала он мало беспокоился об иудеях, глупо полагая, что его указов будет достаточно, чтобы подчинить их и обратить в свою веру. Но когда он узнал о потерях своей армии и когда слава об Иуде достигла его ушей, он, наконец, признал, что недооценил силу сопротивления своего врага. В первый момент гнева он решил послать вперед большую армию и покончить со своими упрямыми противниками. Но он не смог осуществить свои планы немедленно; у него осталось мало войск, и он был бы вынужден нанять наемников. Для этой цели он нуждался в деньгах, а его казна была весьма скудно пополнена; ибо его расточительные расходы значительно превышали его доходы, а из-за войны с Иудой налоги в Иудее не собирались. К ним добавились и другие неприятности, поскольку тревожные вести доходили до него с востока и севера. Арсак, его сатрап Парфии, восстал против Сирийско-Вавилонской империи и освободил себя и свой народ. Артаксий, царь Армении, полностью проигнорировал свою клятву верности Антиоху и действовал как независимый государь. Жители Арадуса и других финикийских городов также отказались повиноваться ему, и таким образом его доходы неуклонно сокращались. Чтобы пополнить свою казну, он был бы вынужден вести войну против этих восставших народов, но для продолжения этой войны ему нужны были деньги. Таким образом, он попадал из одной беды в другую; но каким-то образом полубезумному Антиоху удалось нанять несколько отрядов наемников на год. Намереваясь сам повести половину войск против мятежных провинций за Евфратом, он отдал другую половину под командование Лисия, человека царского происхождения, которого он назначил своим наместником в стране между Евфратом и границей с Египтом. Лисию он также доверил воспитание своего сына. Намерения Антиоха относительно Иудеи теперь совершенно изменились. Об эллинизации больше не думали. Его план превратить евреев в граждан Греции был сорван. Они показали себя неисправимыми и совершенно недостойными тех благ, которые он хотел им даровать. Поэтому он решил, что они должны быть уничтожены. Он поручил Лисию выступить против Иудеи с войсками, оставленными под его началом, и, после победы над иудеями, уничтожить и выкорчевать все остатки Израиля и каждый след Иерусалима; а земля

должна была быть колонизирована чужеземными племенами и разделена между ними. Иудейские эллинисты также были вовлечены в этот план уничтожения. Антиох предоставил их их судьбе. Его не заботило небольшое число людей, которые рабски выполняли его приказы. Как только этот план стал известен, всех иудеев охватили ужас и отчаяние, особенно тех, кто жил среди других народов, за пределами Иудеи. Сможет ли маленькая, но героическая армия под предводительством Маккавеев противостоять натиску многочисленной орды, снабженной слонами? "В каждом городе и в каждой стране, где становились известны приказы царя, великий ужас наполнял сердца иудеев, и они постились и плакали. Старейшины облачились в свои покаянные одежды и превратились в пепел". Но этот беспрецедентно жестокий план уничтожения целого народа, мужчин, женщин и детей, пробудил новых борцов за защиту своей страны. Даже наиболее мирски мыслящие люди среди иудеев и те, кто, хотя и стремился к новшествам, не совсем отпал от иудаизма, теперь присоединились к маккавеям, поскольку у них не было другой альтернативы.

Однако фактическое положение дел было достаточно мрачным. Каждую минуту ожидалось, что многочисленная сирийская армия сокрушит иудейских солдат. Поэтому было абсолютно необходимо, чтобы вся нация была воодушевлена энтузиазмом бороться и выстоять. Для достижения этой цели была составлена особая книга, которая была распространена среди наиболее образованных иудеев; это была Книга Даниила. Она, несомненно, была написана одним из хасидов и предназначалась для его партии. Целью этого апокалиптического и художественно составленного произведения, написанного частично на иврите, а частично на халдейском, было дать примеры твердости в следовании религиозным убеждениям, побудить читателя к стойкости и дать ему почувствовать, что это кровавое преследование народа не будет длительным. Даже самые благочестивые и верующие начинали сомневаться в Божьей милости, ибо ни один пророк не явился, чтобы раскрыть причину их жестоких страданий или объявить, когда они прекратятся. Книга Пророка Даниила принесла утешение в этом отношении, показав, что пророчества не полностью исчезли в Израиле, ибо здесь было видение, которое возвещало цель и предсказывало конец их страданиям. "Среди нас все еще есть пророчество" — к этому неоднократно призывают в качестве утешения.

В книге впервые приводятся примеры постоянства в соблюдении религиозных обрядов даже в условиях больших трудностей и опасности, и показано, что это постоянство было вознаграждено чудесным избавлением от смерти; в конце книги также содержатся пророчества на будущее. Далее в книге рассказывается, как цари, осквернявшие Святылище или осуществлявшие религиозный деспотизм, были унижены и вынуждены раскаяться в своих преступлениях. Книга Даниила наполовину скрывает, наполовину раскрывает, в своего рода аллегории, разрушение нечестивой Сирийской империи, которая была наследницей прежних царств. Это предсказывает, что четвертое царство на земле, следующее за царством вавилонян, мидо-персов и македонян, будет произносить глупые слова против Всемогущего, стремиться уничтожить благочестивых и отвратить их от праздников и законов. Благочестивый попадал в его лапы "раз, два и наполовину". Тогда власть перешла бы в руки народа Святого на веки вечные, и все колени преклонились бы перед Ним. В другом видении он увидел четвертую Сирийскую империю, простирающуюся далеко на юг, восток и север, поднимающуюся к небесам, низвергающую звезды на землю и сокрушающую их. Это возвысило бы себя над Царем Небесного Воинства, отменило бы ежедневные жертвоприношения и установило идола в Святылище. На вопрос:

"Как долго продлится видение о постоянном всеожожении и преступлении, приводящем к опустошению, к тому, что и Святилище, и воинство будут растоптаны?" (Даниил viii. 13.)

ответил голос —

"До двух тысяч трехсот вечеров и утр, когда Святилище будет оправдано". (стих 14.)

Книга Даниила с ее мистическими откровениями, несомненно, была прочитана асидаеями с большим интересом. Апокалиптическая форма, придававшая каждой строке особый смысл и отражавшая нынешние условия, придавала ей большую привлекательность. Более того, это решило проблему нынешних бедствий и показало цель ужасных гонений; они были направлены, с одной стороны, на уничтожение греха, а с другой - на облагораживание верующих. Было очевидно, что продолжительность периода страданий была определена с самого начала, и что сама эта продолжительность тоже имела тайный смысл. Мирские царства исчезнут, и в конце этого времени начнется царство Божье, царство святых, и те, кто умер или был убит во время гонений, пробудятся к вечной жизни. Таким образом, хотя ни один пророк не восстал, все же существовало пророчество для настоящего времени.

Между тем опасность для иудеев с каждым днем становилась все более угрожающей. В то время как Антиох продвигался на восток (166) с частью своей армии, его наместник Лисий выбрал полководца по имени Птолемей, сын Доримена (того, кто благоволил Менелая и который был командующим в Кезирии и Финикии), и назначил двух способных и опытных военачальников под его началом, Никанора, сына Патрокла, и Горгия. Последний, получив приказ начать кампанию против иудеев, повел свое подразделение, которое, как говорят, насчитывало 40 000 человек, включая кавалерию, вдоль побережья в самое сердце Иудеи. Самаряне и филистимляне, заклятые враги иудеев, предоставили себя в его распоряжение. Он был настолько уверен в победе, что пригласил работоторговцев прийти в его лагерь и принести с собой деньги и цепи. Сирийский военачальник подумал, что было бы благоразумнее продать пленников в рабство, чем убивать их; но пока он таким образом преждевременно избавлялся от них, иудейские воины численностью 6000 человек собрались вокруг Иуды Маккавея. Прежде чем повести их в бой, командир, чтобы воспитать в них дух героического самопожертвования, организовал торжественное собрание в горном городе Мицпа. Примечательное совпадение заключается в том, что девятьсот лет назад пророк Самуил по аналогичному случаю собрал народ в том же месте, чтобы выбрать лидера для борьбы с врагом, который в то время планировал уничтожение Израиля. Иуда выбрал Массифу, потому что это было центральное место встречи тех иудеев, которые пережили разрушение Храма при Годалии, когда там был небольшой храм. Собрание было глубоко тронато; все его члены соблюдали строгий пост в течение дня, носили траурные одежды и молились со всем пылом своих скорбящих сердец о помощи и сострадании. Свиток Закона, который иудейская армия носила с собой, был развернут и вызвал великий плач, ибо напомнил им, что Антиох хотел заставить их отказаться от Закона и стать язычниками.

Но Иуда старался не только пробудить эмоции, но и пробудить мужество и подготовить людей к трудным и кровавым действиям, которые их ожидали. Он разделил свою армию на четыре части и поставил трех старших братьев командовать дивизией каждому. В соответствии с Законом он издал прокламацию о том, что всем тем, кто недавно женился, кто построил дом или посадил

новый виноградник, или кому не хватало мужества, разрешалось выйти из рядов армии. Затем он двинулся навстречу врагу в Эммаус, расположенный в восьми или девяти часах пути от Массифы. Горгий с примерно 5000 пехотинцами и 1000 кавалеристами расположился лагерем на равнине близ Эммауса, поскольку считал, что оттуда легче проникнуть в горы Иудеи и напасть на армию Маккавеев. Сирийский вождь хотел ночью напасть на иудеев врасплох, но был перехитрен Маккавеем. Как только наступила ночь, Иуда покинул лагерь со своими последователями, двинулся хорошо известными дорогами на запад и зашел врагу в тыл. Когда Горгий обнаружил, что лагерь иудеев опустел, он вообразил, что страх загнал их в горы, и преследовал их там. Это было целью хитрости Иуды. Он последовал за сирийцами, добрался до их лагеря, поджег его и погнался за войсками. Только на рассвете Горгий заметил, что враг, которого он искал в горах, следует за ним с равнины; у него не было времени приказать остановиться только части своей армии и выступить против иудеев.

Тем временем Маккавей привел свое подразделение в идеальный порядок и призвал их сражаться за свою страну, свой Закон и свое Святилище. Его младший брат поспешно прочитал им несколько ободряющих стихов из Закона и произнес воинам лозунг "Божья помощь!". Иудейская армия превосходила по численности единственную дивизию сирийских войск и сражалась с большим энтузиазмом. Таким образом, враг был разбит и обращен в бегство. Иуда запретил своим солдатам захватывать какую-либо добычу, так как им все еще предстояло сражаться с другим подразделением вражеской армии, которое возвращалось с гор. Этвойска вскоре появились, и иудеи были готовы возобновить битву; но она не состоялась, ибо, как только сирийцы увидели дым, поднимающийся над их лагерем, они повернули и побежали на юг, в землю филистимлян. "В тот день произошло великое спасение". Победа при Эммаусе (166 г.), одержанная благодаря умной стратегии и решительной отваге, имела огромное значение. Это нанесло урон врагу и вселило в иудеев уверенность в своих силах. Ни кавалерия, ни пехотинцы в шлемах и щитах больше не вызывали у них беспокойства, и оружие, в котором они нуждались, попало к ним в руки после того, как враг обратился в бегство. Добыча состояла из золота, серебра и пурпура, а также из мешков с деньгами, принадлежавших многочисленным работоторговцам, прибывшим в сирийский лагерь. Всеми этими вещами нельзя было пренебрегать, поскольку они стали для них средством победы в будущей борьбе. Победители вернулись на место своей встречи в Модиине с радостными песнями, припевом которых были: "Хвалите Господа, ибо Он благ, ибо милость Его пребывает вовеки".

Но они еще не могли сложить оружие; они знали, что Лисий, получивший приказ уничтожить иудеев, не допустит, чтобы это первое поражение прошло спокойно, но что он приложит все усилия, чтобы исправить катастрофу. Поэтому они остались вооруженными и имели счастье видеть, что их численность увеличилась до 10 000 человек. Если когда-либо война заслуживала названия "священной", то та, которую вели маккавеи, безусловно, оказалась достойной этого названия. В следующем году (165), когда Лисий напал на Иудею с мощной, отборной армией кавалерии и пехоты, он нашел иудеев более смелыми и решительными, чем когда-либо. Он не рискнул вступить на их землю той же дорогой, что и раньше, а пошел кружным путем, намереваясь вторгнуться в Иудею с территории, занятой идумеями. Он разбил лагерь близ Вефсура, в пяти часах марша к югу от Иерусалима. Маккавей выступил со своими 10 000 человек ему навстречу; последовало регулярное сражение, в котором стремительные атаки иудеев снова одержали победу над стратегией сирийских наемников. Лисий удалился, разъяренный своим поражением; но он льстил себя надеждой, что, увеличив численность своей армии, он в конечном счете одолеет своих противников. Только в Иерусалимской Акре неисправимые

эллинисты во главе с Менелаем и небольшим сирийским гарнизоном все еще сохраняли власть.

ГЛАВА XXIII.

ПОБЕДЫ И СМЕРТЬ ИУДЫ МАККАВЕЯ; ИОНАФАН ХАСМОНЕЯНИН.

Возвращение Иуды в Иерусалим—Восстановление Храма—Праздник Огней—Укрепление столицы—Идумеи и аммонитяне побеждены Иудой—Жестокое обращение с иудеями Галилеи—Меры против Тимофея—Смерть Антиоха—Посольство эллинистов к Антиоху V.— Битва при Вефцуре—Отступление Иуды—Дела в Иерусалиме—Алким—Вмешательство римлян—Беседа Никанора с Иудой—Битва при Адарсе—Смерть Иуды—Результаты его карьеры—Состояние о народе после смерти Иуды —Хасиды, эллинисты и хасмонеи— Ионафан — Его партизанская война против Вакхиды—Смерть первосвященника Алкима— Перемирие между Ионафаном и Вакхидой—Ионафан как первосвященник — Его дальновидная политика —Его пленение и его смерть.

165-143 гг. до н. э.

Две решающие битвы при Эммаусе и Вифороне полностью изменили положение Иудеи. Неминуемая опасность была предотвращена. Три с половиной года прошло с начала религиозных преследований и осквернения Храма (Таммуз, 168—Мархешван, 165), и, как и предсказывалось в Книге Даниила, за катастрофическими волнениями этого периода наступил мир. Маккавей и его последователи воспользовались этим благоприятным моментом, чтобы войти в Иерусалим и положить конец осквернению, которое до сих пор царило там. Состояние святого города глубоко огорчало ее верных сыновей, которые пролили кровь своих сердец, чтобы спасти ее. Город был похож на пустыню — место развлечений его осквернителей. Святилище было опустевшим, его ворота сожжены, залы разрушены; повсюду стояли алтари идолопоклонников; изображение Зевса, мерзости опустошения, возвышалось на алтаре, а статуи Антиоха оскорбляли иудеев. Но у святых воинов не было времени выразить свою скорбь по поводу всеобщего осквернения, поскольку они были вынуждены действовать быстро, опасаясь, что им помешают в их работе по очищению. Их первой обязанностью было уничтожить все статуи Юпитера и убрать все нечистые предметы со дворов Храма (3-й Кислев, 165). Они также убрали алтарь, сочтя его непригодным для их жертвоприношений, поскольку он так часто подвергался осквернению. Совет старейшин постановил поместить камни алтаря в одно из притворов входного двора и хранить их там до тех пор, пока не явится пророк Илия и не прикажет, что с ними делать. Тем временем был построен новый алтарь, установлены новые двери, и в Храм были принесены новые сосуды взамен старых. Все эти приготовления были закончены за три недели, и ранним утром 25 Кислева (ноября) 165 года Храм был освящен жертвоприношениями и благодарственными молебнами. Два предыдущих посвящения, конечно, не могли быть проведены с большим рвением и преданностью. Самые чистые чувства одушевляли прихожан, и смертельные муки, которые они терпели в течение трех с половиной лет, теперь уступили место чувствам радости и надежды.

Освящение Храма означало не только победу слабого над сильным, верующего над грешником, но также, и особенно, победу иудаизма над эллинским язычеством, Бога Израиля над идолами. Люди из каждого города Иудеи приняли участие в празднике, и жители Иерусалима зажгли яркие лампы перед своими домами как символ Закона, который поэты называют "Светом". Братья Хасмонеи и другие члены Великого Совета решили, что в будущем неделя, начинающаяся 25 числа Кислева, должна проводиться как радостный праздник в ознаменование освящения Храма. Год за годом членам Дома Израиля должны были напоминать о победе немногих над многими и о восстановлении Святилища. Это постановление добросовестно выполнялось. На протяжении двух тысяч лет эти дни отмечались как "Дни освящения" (Ханука) путем зажигания ламп в каждом доме Израиля. От этого обычая дни получили свое название "Праздник огней". Естественно, в Храме был восстановлен старый порядок вещей. Священники и левиты были восстановлены в своих должностях; только те Аарониды, которые принимали участие в идолопоклонническом богослужении, были исключены из Святилища. Эта суровость, какой бы она ни была, привела к плохим результатам и увеличила трудность положения иудеев. Жрецы среди эллинистов и последователей Менелая, отчаявшись примириться с представителями народа, все больше и больше озлоблялись в своей ненависти к патриотической, благочестивой партии. Маккавей поставил своих солдат на стражу, пока восстанавливался Храм, чтобы эллинисты не мешали людям выполнять их работу, и теперь, когда освящение закончилось, он укрепил Храмовую гору с помощью высокой стены с двумя мощными башнями и разместил в них гарнизон, чтобы защитить ее от внезапных нападений из соседних Биры или Акры. Предвидя, что людям придется вести еще больше сражений, прежде чем они смогут обеспечить себе свободу, он принял меры предосторожности, защищая страну различными способами, среди которых было укрепление Вефсура, города, из которого Лисий пытался проникнуть в Иудею со своей армией. Он должен был стать, в частности, оплотом против идумеев. Победа героев Израиля над хорошо вооруженными сирийскими войсками усилила жгучую ненависть соседних народов к иудеям и подтолкнула их к жестокой вражде против представителей народа, которые жили среди них или бежали к ним в поисках убежища. Они либо завидовали их победе, либо боялись их превосходства. Филистимляне на юго-западе; финикийцы на северо-западе; аммонитяне по другую сторону Иордана; сирийцы и македоняне повсюду по соседству и идумеи на юге были проникнуты ненавистью к иудеям.

Когда набатеи изгнали идумеян из их домов, они поселились на старой иудейской территории и даже овладели Хевроном. Они показали себя злейшими врагами иудеев во времена Антиоха, точно так же, как и при деспотизме Навуходоносора; они постоянно высматривали беглецов, с которыми жестоко обращались, а иногда даже убивали. Поэтому было очень важно подчинить их. Сначала Иуда предпринял поход против сыновей Исава в Акрабат-Тине, нанес им поражение и изгнал их из мест их обитания. Затем он перешел Иордан со своей армией и сразился с аммонитянами, которых возглавлял сирийский воин Тимофей, непримиримый и неутомимый враг иудеев. Когда Иуда победил его и аммонитян и овладел их столицей Раббат-Аммон (Филадельфия), Тимофей укрылся в соседней крепости Язер, которой командовал его брат Хайреас. Сообщается, что двадцать иудейских юношей проявили удивительную доблесть, взобравшись на стены этой труднопроходимой крепости и пробив брешь, через которую могли войти войска. Иуда достиг своей цели, взяв Язер и его "дочерние города"; он добился мира для иудеев, проживающих в этой части страны, и внушил народам уважение к имени Израиль.

Едва иудейские войска вернулись в Иерусалим, как до них дошли сведения о других случаях жестокого обращения с их иудейскими братьями со стороны их соседей-язычников. Иудеи в своем горе обратились к Маккавею, как в древности израильтяне обратились к Саулу. Жители Галаада и Васана уведомили его письмом, что языческие племена собрались во главе с Тимофеем с намерением полностью уничтожить их; что 1000 иудеев были убиты в провинции Товиена; что женщины и дети были уведены в плен, а их имущество разграблено врагом. Гонцы в разодранных одеждах последовали за этим посланием, доставив письма от галилейских иудеев, в которых им также угрожали смертью жители Акко, Тира и Сидона. Они умоляли Иуду прийти к ним на помощь, пока не стало слишком поздно. Ему не было необходимости, подобно Саулу, посылать гонцов со словами угрозы, чтобы собрать армию на помощь находящимся под угрозой Иавису-Галаадитянам, ибо его преданные последователи составляли всю боевую мощь страны. Маккавей передал командование одной частью своей армии своему брату Симону с приказом выступить на помощь иудеям Галилеи, в то время как он и его брат Ионафан с другим подразделением готовились спасти своих угнетенных братьев за Иорданом. Остальные иудейские силы под командованием двух вождей должны были охранять западную границу Иудеи от набегов филистимлян. Симон выполнил свою задачу быстро и удачно. Он начал с того, что поспешил в Акко, иудейские жители которого больше всего пострадали от рук греков или македонян. Его хорошо обученные солдаты, встретившись с некоторыми враждебными силами, легко разгромили их, обратили в бегство и преследовали до самых стен их портового города. Этот успешный ратный подвиг избавил его от необходимости дальнейших сражений, поскольку македоняне из соседних городов не отважились столкнуться с войсками маккавеев. Таким образом, Симону удалось беспрепятственно пройти через Галилею и убедить иудеев этой провинции переселиться в Иудею.

Более тяжелое сражение ожидало Иуду в трансиорданских провинциях, поскольку во время своего похода он снова столкнулся с упрямой враждебностью Тимофея. Как и в прежние века, высоты все еще были увенчаны крепостями. Однако Иуде удалось взять под контроль некоторые из них; он сравнял их стены с землей, обезоружил их защитников и освободил своих плененных соотечественников. Затем он собрал иудейское население, повел их через Иордан, через дружественный город Вифсаин (Скифополь), и незадолго до празднования праздника Пятидесятницы (май 164 г.) он вернулся в Иерусалим с несколькими иудеями-эмигрантами из Галаада. Из всех городов Иудеи устремились восторженные люди, чтобы встретить победителей и отпраздновать праздник с чувством радости и благодарности. В Храме зазвучали новые хвалебные песни.

Но вскоре Иуда снова выступил в поход, чтобы отомстить за обиду, полученную во время его отсутствия. Два его военачальника, Иосиф, сын Захарии, и Азария, которых он оставил охранять землю на западе, вопреки его приказу напали на Горгия, который с войском занимал Джамнию; но они потерпели поражение и были отброшены обратно в Иудейские горы. Поэтому Иуда предпринял новый поход. Его оружие снова увенчалось успехом, он разрушил несколько городов на морском побережье вместе с их храмами и идолами.

В то время как герой Маккавеев делал бесстрашных воинов из своих несчастных и дрожащих соотечественников, прятавшихся в пещерах, в то время как он вселял в свой народ уверенность в себе и побеждал врагов повсюду, сирийский двор оставался окутанным полнейшим безразличием. Что могло побудить Лисия, державшего в руках бразды правления, оставаться пассивным перед лицом этого дерзкого неповиновения? Не было ли у него средств нанять

наемников; или он считал иудеев непобедимыми? Говорят, что выдающийся человек при сирийском дворе по имени Птолемей Макрон защищал дело иудеев и заявил, что наложенные на них религиозные ограничения несправедливы.

Внезапно в Палестину пришли важные известия об Антиохе Епифане. Продвижение этого монарха по Парфии не ознаменовалось каким-либо военным успехом; он также не смог пополнить свою казну. Движимый нехваткой денег, он предпринял экспедицию в город Сузы в Элимаиде, чтобы разграбить храм богини Анаитиды; но жители оказали сопротивление захватчику и вынудили его отступить. Он заболел в персидском городе Табе и, находясь в состоянии бреда, скончался (164). Тот, кто высмеивал идею Божественного Существа и Божественной справедливости, кто намеренно посягал на все, что люди считают священным, в конце концов потерял уверенность в себе вследствие крушения всех своих планов. Вполне возможно, что на смертном одре он раскаялся в своем осквернении Храма или, как гласит другое сообщение, что его приступ безумия был вызван угрызениями совести. Во всяком случае, его последние приказы отдают безумием, поскольку он назначил одного из своих фаворитов, Филиппа, регентом своего королевства и опекуном своего малолетнего сына Антиоха V. Хотя перед своим отъездом в Персию он наделил Лисия абсолютной властью. Этот его предсмертный акт натравливания двух соперничающих правителей друг на друга, разделив таким образом его страну на фракции, оказался фатальным для сирио-македонского царства и для дома Селевкидов.

Смерть Антиоха не произвела никаких изменений в положении иудеев. Лисий, который был опекуном молодого царя Антиоха V. (Евпатор, с 164 по 162 год), не предпринимал экспедиции против иудеев. Иуда Маккавей воспользовался этим бездействием, чтобы улучшить неудовлетворительное внутреннее состояние своей страны. В то время в Иерусалиме существовали два соседних укрепленных места, которые ежедневно враждовали друг с другом, а именно Святилище и крепость Акра, занятые эллинистами, которые вместе со своим мнимым первосвященником Менелаем продолжали свои военные действия против патриотически настроенных и лояльных иудеев, совершая нападения на укрепления Храма. Иуда Маккавей принял меры, чтобы положить конец этому невыносимому положению дел. Он предпринял официальную осаду Акры и возвел земляные укрепления, на которых установил катапульты для обстрела стен камнями.

В этой чрезвычайной ситуации некоторые из эллинистов решили обратиться за помощью к молодому царю Антиоху V. (Евпатору) и, ускользнув от осаждающих, отправились с этой целью в Антиохию. По прибытии они заявили, что иудейская партия жестоко обошлась с ними из-за их преданности царскому делу; что у них отняли имущество и угрожали смертью. Они также сообщили царю и его опекуну, что, если Акре будет позволено попасть в руки хасмонеев, мятежные иудеи станут совершенно непобедимыми. Вслед за этим при сирийском дворе был созван совет, на котором было решено начать враждебное разбирательство против хасмонеев. Птолемей Макрон, который единственный высказался в пользу мирных мер, не смог добиться того, чтобы его выслушали.

Пламя войны снова вспыхнуло весной 163 года до н.э. Это было неудачное время для иудеев, поскольку это был год Творческого отпуска, который строго соблюдался теми, кто был готов пожертвовать своей жизнью ради Закона. Не было ни сева, ни жатвы, и людям приходилось довольствоваться плодами деревьев, самопроизвольным зарастанием почвы или тем, что было

посажено до начала Творческого отпуска. Гарнизоны крепостей не могли быть снабжены продовольствием.

Лисий в сопровождении царственного сына Евпатора и во главе большой армии со слонами двинулся к южной стороне Иудеи. Иуда мог послать в поле боя лишь небольшую армию, поскольку ему требовалось большее количество своих сил для защиты Храма и крепости Вефсур. Таким образом, он был вынужден ограничиться оборонительными операциями. Гарнизон Бетзура храбро сражался и попытался уничтожить осадный обоз захватчиков. К сожалению, нехватка провизии не позволила осажденным выдержать длительную осаду, и, более того, они были преданы предателем Родоком, которого обвиняют в том, что он раскрыл врагу тайные пути, по которым в крепость доставлялось продовольствие. В конце концов голод и предательство вынудили гарнизон Вефсура сдаться; но им разрешили беспрепятственно покинуть крепость. Получив облегчение с этой стороны, сирийская армия теперь могла двинуться на Иерусалим. Маккавею ничего не оставалось, как встретить их в поле. Он двинулся во главе своего войска к Беф-Захарию, недалеко от Вефсура, где поджидал врага. Иудеи снова проявили чудеса доблести. Елеазар, один из братьев Хасмонеев, думая, что великолепно одетый всадник на слоне - это сам царь, смело подкрался под животное, заколол его на смерть и упал, раздавленный его огромным весом. Но, несмотря на мужество и отвагу иудеев, они были вынуждены отступить перед превосходящими силами сирийцев. Иуда отступил в Иерусалим и окопался со своей армией в крепости Храма. Вскоре за ним последовал Лисий и начал официальную осаду Святилища. Иуда не преминул защититься и тоже соорудил катапульты. Поскольку осада продолжалась долго, припасы, которых не было в изобилии из-за Творческого отпуска, вскоре были израсходованы гарнизоном. Измученные голодом, войска начали покидать крепость по подземным ходам. Только Иуда Маккавей, три его брата и небольшая группа преданных последователей стойко оставались на своем опасном посту, невзирая на муки голода. Иерусалим, или, точнее говоря, его последнее убежище, Храм, был готов пасть, как во времена Навуходоносора, из-за нехватки продовольствия; но помощь пришла неожиданно.

Филипп, которого умирающий царь Антиох Епифан назначил регентом Сирии, собрал большую армию мидо-персов и двинулся на Антиохию, чтобы лишить Лисия власти. Как только Лисий услышал о наступлении своего соперника, он был вынужден вывести свои войска из Иерусалима, чтобы повести их против этого нового врага. Поэтому он убедил молодого царя заключить мир с иудеями, и таким образом был заключен договор, главным условием которого было то, что иудеи должны пользоваться полной религиозной свободой и что крепость Храма должна оставаться неприкосновенной. Лисий клятвенно согласился на эти условия, но как только ворота крепости были открыты, он приказал своим солдатам сравнять стены и башни с землей. Однако никаким другим способом он не пытался досажать иудеям, поскольку он не разрушал и не осквернял Святилище, и вскоре он начал свой поход в Сирию, где Филипп овладел столицей. Таким образом, многочисленные битвы хасмонеев в конце концов увенчались успехом, и иудеям снова было позволено пользоваться религиозной свободой, и их больше не принуждали приносить жертвы Юпитеру.

Но эти войны имели еще один удачный результат: сирийский двор отказался от защиты эллинистов, которые были вынуждены покинуть свою крепость в Акре. Менелай, узурпатор-первосвященник, виновник невыразимых страданий, был принесен в жертву Лисием. Последний считал его подстрекателем и приказал казнить в Берде (Алеппо) после того, как он в течение десяти лет унижал свою священническую диадему самым отвратительным поведением.

Ясон, который на самом деле не был таким великим преступником, как Менелай, но который сделал все возможное, чтобы нарушить мир в своей стране, скончался несколько раньше на чужбине. Преследуемый Антиохом Эпифаном и изгнанный набатейским царевичем Аретой из своей страны, он бежал в Египет, но, не найдя там безопасности, скитался из города в город, пока, наконец, не нашел могилу в Спарте.

Перемирие между сирийским двором и иудейским народом сделало возможным возвращение к старому порядку вещей, и было необходимо избрать нового первосвященника в качестве политического руководителя, и кого можно было найти более достойным этой должности, чем Иуду Маккавея? Великий герой-хасмонеи, скорее всего, был возведен в это достоинство Антиохом Евпатором или его опекуном Лисием.

В эти мирные дни воин мог сложить оружие, крестьянин - возделывать свои поля, а писец - посвятить себя изучению и толкованию Закона; кровоточащие раны государства начали наконец затягиваться и заживать. Но миру не суждено было продлиться долго.

Волнение, возникшее в результате многолетней гражданской войны, было не так легко развеять, чтобы можно было приоткрыть завесу над прошлым. Все еще оставались явные и тайные эллинисты, которые ненавидели Иуду Маккавея и его преданных приверженцев, особенно хасидов, из-за наложенных на них ограничений и безуспешности их усилий. Они воспользовались поворотом политической ситуации, чтобы удовлетворить свою ожесточенную вражду. Принц Деметрий, которого его дядя Антиох Эпифан лишил права наследования сирийского престола и который был оставлен этим монархом в качестве заложника в Риме, воспользовался благоприятной возможностью покинуть этот город, чтобы свергнуть сына узурпатора и его опекунов.

Лисий безрассудно и публично содержал дрессированных слонов и строил военные корабли, хотя римский сенат запретил и то, и другое. Вслед за этим Рим отправил в Сирию одного из своих самых суровых цензоров, посланника Цнея Октавия, не только для того, чтобы сделать строгий выговор регенту, но и для того, чтобы приказать перебить его слонов и сжечь его флот. Приказ был выполнен без сопротивления, но Октавий встретил свою смерть от руки патриота в бане в Лаодикии. Таким образом, власти Рима, недовольные двором Антиоха, не обратили внимания на побег Деметрия. Когда этот принц появился как захватчик в Сирии, он привлек на свою сторону народ и армию и предал смерти короля и регента (162). Недовольная иудейская партия воспользовалась этой сменой правителей, чтобы подать свои жалобы на хасмонеев. Их возглавлял священник по имени Иаким, или по-гречески Алким, племянник одного из законоучителей Иосифа, сына Иозера, но сам приверженец новаторов. Алким и его приверженцы, озлобленные тем, что их не допустили в Храм и к алтарю, отправились к царю Сирии — как говорят, с золотым предисловием, — которому они обрисовали мрачную картину состояния Иудеи, приписывая несчастья страны Иуде и его последователям. Обвинение было выдвинуто главным образом против Маккавея. Они сказали, что, пока он жив, земля не получит благословений мира. Это обвинение было приятно Деметрию, поскольку давало ему возможность утвердить свою власть над маленькой, полунезависимой провинцией. Хотя он и не собирался идти по стопам своего родственника Антиоха Эпифана в вопросе религиозных преследований, тем не менее, тот факт, что он мог назвать Алкима первосвященником и политическим главой иудейского государства, был бы признаком того, что он был хозяином народа. Чтобы предотвратить любое противодействие своим желаниям, он послал Вакхида,

грубого, неумолимого воина, с большим отрядом сирийцев в Иерусалим. Он прибыл с мирными заверениями на устах. Но Иуда и его братья не были обмануты. Убежденные, что на карту поставлены их свобода и жизни, они покинули свой любимый город и удалились в горы.

Однако ничего не подозревающие хасиды позволили обмануть себя; они доверяли Алкиму, потому что он был из дома Аарона. Большое собрание выдающихся писцов, возможно, весь Синедрион, отправилось к Вакхиду и Алкиму, заверяя их в своем дружелюбии и преданности, и умоляло их принять меры для восстановления спокойствия в их стране. Алким, новый первосвященник, торжественно поклялся, что таково было его намерение; но как только он овладел городом, он приказал убить шестьдесят хасидов, причем его дядя Джозе, вероятно, был одной из жертв. Это возмущение вкупе с его лжесвидетельством посеяло ужас и скорбь по всей стране. Снова все сердца обратились к Маккавеям, и многие из тех, кто присоединился к фракции Алкима, оставили его и искали братьев-хасмонеев в Модиине.

Едва ли требовалось новое злодеяние, учиненное Вакхидом, чтобы зажечь факел гражданской войны. Сирийская армия перехватила марш нескольких иудеев, которые в полном составе покидали Алкимус, окружила их недалеко от Иерусалима, в Бет-Захариин, и, перебив их, сбросила их трупы в водоем. Все, кто любил свою свободу и свою страну, теперь собрались вокруг хасмонеев. Но Алкиму удалось привлечь на свою сторону амбициозных, роскошествующих и нарушающих законы иудеев. Нация снова была разделена на две соперничающие группировки. Поначалу эллинисты были сильнее, поскольку находились под защитой иностранных войск. Алким, не теряя времени, прошел маршем по стране, чтобы заставить жителей подчиниться Деметрию и повиноваться себе как первосвященнику. Тем временем армия Маккавеев росла в силе и численности. Иуда снова смог выступить против эллинистов и наказать дезертиров, и он посеял такой ужас, что приверженцы Алкима не осмеливались показываться за пределами Иерусалима.

Алким основывал свои надежды на конечном успехе на преданности, которую он проявлял сирийскому двору, больше, чем на своей популярности в народе. Поэтому он поспешил в Антиохию с новыми обвинениями против хасмонеев. Деметрий думал, что сможет легко справиться с восстанием своих иудейских подданных. Он послал Никанора, одного из воинов, бежавших вместе с ним из Рима, в Иудею, приказав ему обращаться с повстанцами с предельной суровостью. Этот лидер тоже считал необходимым поначалу действовать осторожно, хотя бы для того, чтобы выиграть время до прибытия войск, предоставленных в его распоряжение. Говорят, что, услышав о доблести и героизме великого иудейского полководца, он пожелал добиться примирения между Иудой и царем и с этой целью предложил отправить трех доверенных посланников для переговоров с Маккавеем. Предложения Посидония, Феодота и Маттафии были приемлемы для Иуды и его приверженцев, и между ним и Никанором состоялась беседа. Последний был так очарован иудейским героем, что посоветовал ему после заключения мира взять жену и произвести на свет героический род. Алким, однако, положил конец этому хорошему взаимопониманию, сообщив царю, что Никанор играл ложную роль, что он благоволил своему врагу Иуде и намеревался возвести его на должность первосвященника. После этого царь послал Никанору строгий приказ прекратить все переговоры и отправить Иуду в цепях в Антиохию.

Тем временем Иуда, которого предупредили не доверять Никанору, отступил в свои горные крепости, куда за ним последовал Никанор и его армия. Завязалась битва при Кафар-Саламе,

на границе Самарии, где армия Никанора потерпела поражение и была отброшена обратно в крепость Акра. Разгневанный таким отпором, сириец возобновил военные действия с неутомимой энергией, его главной целью было взять Иуду в плен.

Он отправился на гору Святилища, чтобы там сообщить о своем приказе доставить героя к нему. Тщетно Советники выходили ему навстречу, уверяя его в своей преданности царю, ради блага которого они ежедневно приносили жертвы; он относился ко всем им с грубым презрением и клялся, что сожжет Храм дотла, если Иуда не будет передан в его руки.

Чтобы побудить иудеев выдать его, Никанор приказал схватить и держать в качестве заложника самого уважаемого человека в Иерусалиме, Рагеша, или Разиса, которого все называли "Отцом иудеев", но Рагеш, как говорят, покончил с собой при приближении предполагаемого тюремщика. Теперь Никанор был полон решимости победить Маккавеев. Он выступил из Иерусалима во главе огромной армии, разбив свой лагерь в Вифороне, в то время как Иуда, окруженный 3000 своими самыми храбрыми последователями, занял свой пост в Адарсе. Доблесть иудеев еще раз восторжествовала над численным превосходством сирийцев. Никанор пал на поле боя, и его армия бежала в полном замешательстве. Жители городов и деревень бросились в погоню за беглыми сирийцами и отрезали им путь к Газаре, так что ни один человек не добрался до этого города. Битва при Адарсе (160 г.) носила настолько решающий характер, что ее годовщина впоследствии отмечалась под названием "день Никанора". Голова и одна из рук сирийского командира были отделены от тела и вывешены в качестве трофеев на стенах Иерусалима. Иуда и хасмонеи снова стали хозяевами Иерусалима, поскольку Алким отступил еще до битвы.

На этом этапе Иуда, предвидя, что Деметрий отомстит за уничтожение его армии, и чувствуя ненадежность своего положения, предпринял шаг сомнительной мудрости — сделал предложение всемогущему государству Рим. Он доверил важную миссию двум своим соотечественникам — Евполему, сыну Иоханана из священнической семьи, и Ясону, сыну Елеазара. Они оба хорошо владели греческим языком. Но едва они достигли конца своего путешествия, как Иуде снова пришлось обнажить свой меч.

Деметрий, услышав о поражении Никанора, послал в Иудею огромную армию под командованием безжалостного Вакхида. Этот полководец прошел маршем через Галилею, перебил всех иудеев, которых встретил на своем пути, и весной того же года расположился лагерем перед Иерусалимом. Иуде снова пришлось покинуть столицу, потому что, лишенная своих стен, она не давала убежища. Он обратился к мужчинам и молодежи Иудеи с призывом выйти вперед и сражаться за свое отечество, свой Закон и свою свободу, но только 3000 человек откликнулись на этот призыв. Возглавляемые Иудой, эти войска двинулись на юг, расположившись лагерем близ Элеасы, потому что горы на севере больше не были безопасными. Вакхид последовал за иудейской армией с 20 000 пеших и 2000 конных солдат, заняв свою позицию в Бирафе, недалеко от Вифлеема. Столкнувшись с этим огромным войском, иудейские воины пали духом. Они отказались дать сражение в данный момент, но настояли на том, чтобы рассеяться в ожидании подкрепления. Напрасно Иуда использовал все свое красноречие, чтобы призвать их к стойкости. Большая часть дезертировала, оставив только восемьсот человек для поддержки Иуды. Выбрав самых доблестных из этого маленького отряда, он успешно атаковал правое крыло Вакхида и отбросил врага к границам Ашдода. Но оставшийся позади небольшой отряд иудейских солдат, неспособный противостоять

отчаянному натиску левого крыла сирийской армии, был разбит, и когда Иуда вернулся из преследования, он был вынужден возобновить сражение с последним. Он и его отряд отборных людей проявляли чудеса храбрости. С обеих сторон падали убитые и раненые, и битва длилась с утра до вечера. Но иудейская армия становилась все меньше и меньше, и ее выжившие были полностью окружены врагом. Наконец даже Иуда Маккавей пал с мечом в руке. Немногие оставшиеся солдаты бежали с поля битвы, братьям Маккавеям посчастливилось спасти тело своего героического командира от позора.

Поражение при Элеасе или Бирате (160 г.), казалось, сделало неэффективными все предыдущие победы евреев. Отряд хасмонецев с львиным сердцем был рассеян. Алким снова завладел Храмом и Святым Городом и мог злорадствовать над своими противниками.

Но долгие годы войны Маккавеев не прошли даром. Они вывели нацию из оцепенения и омолодили ее. Говорят, что кровь мучеников залечивает раны. По правде говоря, все старые раны были залечены этой добровольной жертвой стольких жизней. Что касается мира в целом, то клеймо, которое было наложено на иудейское имя, исчезло. Презрительные греки, почувствовавшие силу руки Иуды, больше не высмеивали иудейских солдат, и иудеям больше не требовалось доказывать свое равенство с греками, участвуя в олимпийских играх. Сами иудеи научились осознавать свою собственную доблесть и свою миссию; они доказали, что являются народом Божиим, предназначенным охранять Его закон и Его учение и способным защитить эти драгоценные дары. Самоотверженность, которой пророк Илия научил нескольких учеников и которую второй Исайя с пламенным красноречием внушил, благодаря действиям маккавейских воинов и мучеников стала признанным долгом всего народа.

Иуда Маккавей испустил дух героя на поле битвы при Элеасе. Вся нация оплакивала его, и вполне справедливо, потому что осиротела из-за его потери.

Возвышенный энтузиазм, который привел к доблестным деяниям Маккавеев, который побудил певцов восхвалять Господа "в новых песнях", не мог длиться долго. Это было результатом благородного возбуждения, и должна была последовать реакция. Целая нация, воспитанная на земледелии и скотоводстве, не может продолжать вооружаться из года в год. Кроме того, основная причина, вызвавшая военное восстание, перестала существовать. От них больше не требовали отрицать Бога Израиля или приносить жертвы Юпитеру. Одним из условий перемирия, которое Иуда Маккавей заключил с молодым царем Антиохом Евпатором или с его главным опекуном Лисием, была религиозная свобода иудеев. Деметрий I не препятствовал этой уступке; в Иерусалимском храме жертвы приносились в соответствии с законом, и хотя первосвященник, Иаким или Алким, не был любимцем народа, все же, в отличие от своего предшественника Менелая, он происходил из священнического рода.

Это правда, партия эллинистов все еще удерживала крепость Акра в Иерусалиме, откуда они угрожали верующим разрушением их города и осквернением их Храма. Победитель Вакхид после смерти Иуды сделал их хозяевами земли, и они были полны решимости использовать свою власть для того, чтобы добиться падения благочестивых иудеев. Но такие действия, как бы хорошо они ни были приспособлены для того, чтобы побудить благородные натуры к активным действиям, не кажутся достаточно важными, чтобы оправдать близоруких и, прежде всего, миролюбивых людей предпринимать какие-либо решительные шаги против своего врага и подвергать опасности свою собственную безопасность и безопасность своих семей, если только голос власти не призовет их к действию.

Но после смерти Иуды Маккавея не осталось никого, кто мог бы претендовать на такую власть.

Хотя братья Хасмонеи были любимы народом, у них не было власти призвать всю нацию под свои знамена, и на них смотрели только как на лидеров фракции.

Фактически, после смерти Иуды можно было различить зарождение трех различных партий в народе; партийный дух, всегда являющийся признаком жизнеспособности нации, имел, насколько это касалось Иудеи, истоки в Маккавейских войнах. Во-первых, это были благочестивые хасиды, или ассидеи, как их чаще называют. Они подчинялись не только Закону, но и дополнительным постановлениям, обнародованным Ездрой и Верховным Советом. Затем появились их постоянные противники, эллинисты, которые, в резкую противоположность первым, презирали искреннюю иудейскую жизнь и стремились ввести греческие обычаи. Они были презираемы народом, который называл их "Предателями Завета". Несмотря на это, они насчитывали среди своих приверженцев храмовых чиновников, священников, древнюю и знатную семью Одура и сыновей Фазирона. Наконец, были хасмонеи, которые за короткое время достигли большой власти, и лидерами которых были трое оставшихся сыновей Маттафии: Ионафан, Симеон и Иоханан. Хасмонеи походили на ассидеев в своей любви к иудаизму и Святилищу, но они отличались от них более широким кругозором, практическими суждениями и мужественной энергией, которую никакие неблагоприятные обстоятельства не могли отвести от ее цели. Они не были удовлетворены тем, что предотвратили посягательство на Святилище, или тем, что добились признания своей религиозной свободы; но они страстно желали избавиться от причин, которые принесли несчастье их стране. Псалмопевец наиболее точно описывает их такими словами: "Хвала Божья в устах их, и обоюдоострый меч в руках их". Они не могли вынести, чтобы иудеи оставались под ненавистным игом греков, или знать, что само существование иудаизма зависело от прихоти сирийского деспота или интриг вероломной партии. Они не довольствовались простой религиозной свободой; они хотели установить политическую независимость. Но хасмонеи опасались, что им не хватит сил для достижения этой цели. Поэтому они решили полагаться на постороннюю помощь и с этой целью пожелали установить связи с римским правительством и, по-видимому, также с парфянами, которые освободились от сирийского владычества. Но именно эта мирская политика привела в ярость ассидеев. Они полагались только на Бога и могли представить себе войну возможной, только если она будет вестись в соответствии с библейским прецедентом; они верили, что Бог чудесным образом повергнет врага в замешательство, и, по их мнению, обращаться за иностранной помощью означало ставить под сомнение всемогущество Бога. "Лучше уповать на Господа, чем доверять людям, - цитировали они, - лучше уповать на Господа, чем доверять князьям". Можно предположить, что это недовольство стало причиной отделения ассидов от хасмонеев, что привело к сокращению числа воинов-маккавеев. Это обстоятельство, возможно, и привело к смерти Иуды.

Из этих трех партий только у хасмонеев был шанс стать в конечном счете лидерами нации. Эллинисты разрушили их планы, полностью пренебрегая обычаями или предрассудками народа; в то время как ассидейцы придерживались крайне узких взглядов и слишком любили покой, чтобы нарушать его попытками исправить состояние анархии, в которое была погружена Иудея.

В то время действительно царила полная неразбериха. Где бы эллинисты и хасмонеи ни встречались, результатом был позорный конфликт; никакой голос власти не запрещал

подобную практику; не было даже суда справедливости. Голод лишь усугубил это жалкое положение вещей. "В Израиле было великое бедствие, подобного которому не видели с тех пор, как среди них побывал пророк".

В своей тоске несчастные люди обратились к Джонатану Хафусу, надеясь, что он унизит эллинистов и восстановит мир в стране. Но Ионафан не обладал воинственной энергией своего брата Иуды, и его не поддерживал весь народ. Он был скорее политиком, чем генералом. Слишком слабый, чтобы атаковать армию, расквартированную Вакхидом в Иудее, он был способен лишь принять меры защиты. Находясь под угрозой со стороны сирийского войска, хасмонеи укрепились в лесной местности на берегах Иордана; но, сознавая свою слабость, они послали своих жен и детей присоединиться к дружественным набатеям. Однако по дороге этот мирный отряд был внезапно атакован воинственным племенем Бене Амри из города Мадаба, и вместе с их вождем, хасмонеем Иохананом, был предан мечу — позорное деяние, за которое впоследствии отомстил Ионафан.

Но даже в своих укрытиях в долине Иордана хасмонеи не находили покоя. Вакхид разыскал их, напал на них в день субботний, когда им действительно не запрещалось защищаться, но когда юридические тонкости слишком мешали им вступить в бой со всей силой, и вынудил их переплыть реку и найти безопасность на противоположном берегу. Теперь вся страна была во власти врага. Вакхид восстановил крепости, укрепил опорные пункты Акры, Вефсура и Газары, снабдив их провизией и оружием. Он укрепил лояльность народа, захватив детей из самых знатных семей и поместив их в качестве заложников в Акре. Таким образом, в течение одного года (160-159) Вакхиду удалось полностью подавить всю вооруженную оппозицию сирийскому правлению - подвиг, которого предыдущие сирийские командиры не смогли совершить за шесть лет.

Нам очень не хватало сильной руки героя-маккавеянина. Если бы царь Деметрий пожелал внести какие-либо важные изменения в религиозное состояние иудеев, он не смог бы выбрать более подходящего момента; сила народа была сломлена, а его вожди были изгнаны с места событий. Но преемник Антиоха Епифана, погрязший в распутстве, был доволен тем, что обеспечил себе верховную власть над Иудеей и ежегодную выплату денежной дани. Сирийский двор, даже после смерти Алкима, мало заботился, если вообще заботился, о религии иудеев. Несмотря на неприязнь народа, первосвященник Алким не принадлежал к крайним эллинистам. Он был просто амбициозным человеком, который всегда поклонялся растущей власти. Проступок, в котором его упрекали, при тщательном рассмотрении вряд ли можно было назвать грехом против религии иудеев. По-видимому, между внутренним и внешним дворами Храма было что-то вроде деревянного решетчатого экрана, называемого "Сорег". Этот экран, работа пророков, как его называли, был границей, за которую не мог переступить ни язычник, ни любой другой человек, ставший нечистым от соприкосновения с трупом. Но Алким отдал приказ разрушить эту перегородку, вероятно, с намерением впустить язычников в священные пределы. Благочестивые иудеи были так сильно разгневаны этим, что, когда Алким сразу после этого приказа охватил паралич речи и конечностей, от которого он так и не оправился, они приписали его смертельную болезнь гневу Небес.

После смерти Алкима сирийский двор оставил должность первосвященника незаполненной, очевидно, с намерением устранить даже это подобие независимости Иудеи. В течение семи лет в Храме не было первосвященника, а в стране - политического руководителя. Вероятно,

жреческие функции выполнял заместитель первосвященника по имени Саган. Мы ничего не слышим о дальнейшем вмешательстве Сирии. Вакхид покинул страну, и в Иудее на два года (159-157) воцарился мир.

Ионафан и Симон, вожди хасмонеев, воспользовались этой паузой, чтобы укрепиться и вооружить своих последователей. Они укрепили оазис Вифагла в пустыне Иерихон, в благодатной тени леса, рядом с источником с обильным запасом сладкой и прозрачной воды. Река Иордан защищала их тыл.

В ведении этой войны Ионафан не пользовался никаким иным авторитетом, кроме авторитета бедуинского вождя, который требует перемирие у правящей державы; но поскольку симпатии народа были на его стороне и поскольку он нес свой меч на святое дело, он достиг большей власти. Без сомнения, вред, который он причинил эллинистам, был значительным, поскольку мы слышим о том, что они направили новые жалобы сирийскому двору. Но поскольку Деметрий был безнадежно равнодушен, а Вакхид устал вести партизанскую войну в крайне невыгодных условиях, они бездействовали, в то время как эллинисты предложили вероломно напасть на Ионафана и Симона и передать их в плен сирийцам. На двух командиров была устроена засада, но заговор был раскрыт, и маккавеи смогли принять меры защиты в этом случае. Пятьдесят эллинистов были схвачены и казнены. Вакхид, рассчитывавший на быстрый успех заговора, почувствовал себя вовлеченным в новую войну и приступил к осаде хасмонеев в их крепости Вифагле. Но последний привлек к себе достаточно большое количество сторонников, чтобы позволить им разделить свои силы. Ионафан и его сторонники защищали крепость, в то время как Симон со своим подразделением, совершив вылазку по неохраняемой дороге, атаковал сирийцев с тыла и, разгромив эллинистов, сжег осадные машины врага. Находясь под угрозой с обеих сторон, Вакхид был вынужден, не без значительных потерь солдат, снять осаду Вифаглы и в качестве выхода своему гневу казнил многих эллинистов из своей армии. Это был подходящий момент для Джонатана, чтобы потребовать перемирия, которое было предоставлено. Согласованное условие состояло в том, что Ионафан, после предоставления заложников в качестве залогов мира, мог беспрепятственно вернуться в Иудею, но ему не должно быть позволено жить в Иерусалиме. Был произведен обмен пленными, и Вакхид выступил из страны, оставив своих союзников, эллинистов, без защиты.

Ионафан занял свою позицию в крепости Михмаш, где когда-то располагался штаб Саула. Он был молчаливо признан главой иудейского народа и обращался с его врагами с неослабевающей суровостью. Почти четыре года "меч пребывал в Израиле". Трудно сказать, чем бы в конце концов закончилось это неопределенное положение вещей, но несомненно, что без помощи неожиданной удачи мечта хасмонеев никогда бы не осуществилась.

Революция в Сирийском царстве произвела счастливую перемену в судьбе Иудеи и усилила могущество Ионафана и нации.

Неизвестный юноша из Смирны, Александр Балас, был причиной этой революции. Так случилось, что он имел необычайное сходство с покойным царем Сирии Антиохом Евпатором. Это сходство побудило Атталу, царя Пергама, уговорить Александра сыграть роль претендента на сирийский престол. Александр, щедро снабженный Атталом деньгами и войсками, был признан римским сенатом наследником Сирийского королевства. Деметрий, очнувшись от своей лени, начал искать вокруг себя союзников. Больше всего он стремился привлечь Ионафана на свою сторону. Это побудило его написать лестное послание хасмонейскому

военачальнику, в котором он называл его своим союзником и уполномочивал собирать войска и закупать оружие. Иудейские заложники должны были быть немедленно освобождены.

Ионафан не пренебрег столь благоприятной возможностью. Он поспешил в Иерусалим, отремонтировал стены и укрепил город. Эллинисты искали убежища в крепости Вефсур. Но Александр, который тоже нуждался в помощи, в равной степени стремился к союзу с Ионафаном и преуспел в его заключении. Он назначил Ионафана первосвященником, послал ему пурпурную мантию и золотую корону, тем самым объявив его принцем-данником сирийского царства и другом его монарха.

Ионафан облачился в свое священническое одеяние и впервые совершил служение в качестве первосвященника в Храме на Праздник Кущей (152); он был первым из хасмонеев, удостоившимся столь большого отличия.

Таким образом, Иудея, благодаря доблести и самопожертвованию горстки воинов, после почти двадцатилетней войны поднялась с грани разрушения до влиятельного положения. Роль страдальницы, которую она так долго играла, теперь должна была быть заменена на активную и героическую.

Ионафан внес большой вклад в рост могущества нации во время своего правления (152-144). Он справедливо предугадал, чью сторону ему следует принять в борьбе за сирийскую корону. Он вступил в союз с Александром, хотя Деметрий, как и все, кому нечего терять, был щедр на самые щедрые предложения. Игнорируя первосвященника, Деметрий написал "иудейскому народу", обещая освободить его от большей части налогов и податей, вернуть под их юрисдикцию три округа, которые были присоединены к Самарии, признать Иерусалим убежищем и даже отказаться от важной Акры. Он заявил, что возьмет на себя расходы по проведению богослужения в Храме из царской казны, зарезервировав для этой цели доходы города Птолемаида. Иудейская армия должна была набираться за счет Сирии, продвижение по службе и награды должны были выдаваться в соответствии с сирийскими обычаями, а войска, состоящие из 30 000 человек, естественно, должны были служить его союзниками. Даже иудеи, поселившиеся в сирийских провинциях, должны были, с учетом этого союза, быть защищены от притеснения своих соседей и освобождаться во все субботы и праздники, а также на три дня до и после праздников от исполнения обязанностей в любом суде.

Но ничто не могло подкупить иудейский народ, чтобы он покинул Ионафана; они не были ослеплены этими блестящими перспективами, а их вождь был слишком хорошо знаком с характером Деметрия, чтобы прислушаться к его обещаниям. Он вступил в союз с Александром, помог ему сокрушить своего соперника, и у него никогда не было причин сожалеть о сделанном шаге. Узурпатор осыпал Ионафана знаками расположения и явно выказывал свою благодарность вождю маккавеев. Когда он въехал в город Птолемаида, чтобы принять дочь египетского монарха Птолемея VI. Филопатор, как его невеста, пригласил Ионафана встретиться с ним, и два царя приняли иудейского воина как равного себе.

Во время правления Александра Баласа (152-146) Иудея оправилась от жестоких ударов, нанесенных ей деспотизмом и предательством, и вскоре смогла призвать в бой 10 000 человек. Джонатан, со своей стороны, отплатил Александру неизменной преданностью. Ибо, когда Деметрий II, сын Деметрия I, оспаривал, как законный наследник трона, суверенитет Сирии,

Ионафан самым решительным образом поддерживал дело Александра, хотя Египет и Рим покинули этого монарха.

Вождь Маккавеев начал с противодействия наступлению полководца Деметрия Аполлония на берегах Средиземного моря. Он осадил и взял крепость морского порта Иоппия, разрушил старый филистимский город Ашдод, который перешел на сторону Аполлония, и сжег Храм бога Дагона. В награду за свои услуги Ионафан получил от Александра город Экрон с прилегающей территорией, который с того времени был включен в состав Иудеи (147).

Сирийский народ теперь разделился в своей верности: одни из них признавали законного царя Деметрия II, другие цеплялись за дом узурпатора Александра даже после того, как последний был предательски убит. В этой всеобщей неразберихе Ионафану удалось осадить Акру, оплот эллинистов.

Осажденные обратились за помощью к сирийскому царю, и Деметрий II, стремившийся свергнуть могущественного Маккавеянина, внял их мольбам, выступил им на выручку и приказал Ионафану встретить его в Птолемаиде. Но когда Ионафан подчинился и пришел с богатыми подарками, Деметрий подумал, что его союз может быть полезен ему самому, и не только отказался от похода на Акру, но и утвердил Ионафана в его священническом сане.

Ионафан, прекрасно понимая, что царь остро нуждается в деньгах, предложил ему 300 талантов в обмен на несколько земельных участков и обещание освободить иудеев от всех налогов. Договор был составлен, записан и помещен для сохранности в Храме; но Деметрий, несмотря на свой торжественный протест, вскоре пожалел о том, что освободил иудеев от их податей. Никогда не было известно ни одного сирийского монарха, который был бы верен своему слову или воздерживался от напоминания о милостях, оказанных в какой-нибудь острый момент опасности. Между тем иудейской армии вскоре предстояло насладиться неожиданным триумфом, вызвав в сирийской столице такое же унижение, какое сирийцы так часто причиняли Иерусалиму. Деметрий возбудил недовольство своего народа до такой степени, что они фактически осадили его в его собственном дворце в Антиохии, а его войска, требовавшие платы, отказались помочь в его освобождении. Таким образом, он оказался в неприятном положении, вынужденный искать помощи у иудейских войск Ионафана. 3000 человек, посланных первосвященником, сожгли часть сирийской столицы и вынудили жителей и взбунтовавшихся солдат освободить своего короля и просить о помиловании. Но как только Деметрий оказался на свободе, он обошелся со своим избавителем с величайшей неблагодарностью. Поэтому Ионафан отказался прийти ему на помощь, когда полководец Александра Баласа, Диодот Трифон по имени, устроил против него заговор, пытаясь посадить Антиоха VI, младшего сына Александра Баласа, на трон Сирии. Деметрий был вынужден бежать из своей столицы. Озлобленный вероломством сирийского монарха и благодарный памяти Александра, Ионафан поддержал дело молодого царя и его регента Трифона. Последний утвердил его в сане священника и разрешил носить золотую застежку - отличительный знак независимого князя. Симон, его брат, был назначен командующим сирийскими войсками на берегах Средиземного моря, от Тирской лестницы до границ Египта.

Храбро сражались братья-хасмонеи за Антиоха, от победы дела которого зависела свобода иудеев. Победы и поражения следовали друг за другом; но в конце концов хасмонеи остались победителями; они осадили и взяли несколько городов на побережье и, наконец, вошли в Дамаск. Они изгнали эллинистов из Вефсура и разместили в нем гарнизон. Но их

самым большим желанием было сделать Иерусалим неприступным. Они увеличили высоту стен, распространив их на восток до долины Кедрон, создав таким образом защиту Святой горы; они возвели вал в центре города, лицом к Акре, чтобы не впускать эллинистов, и они засыпали ров "Чапената", который отделял Святую гору от города и через который был лишь частично перекинут мост, таким образом практически приблизив Храм к городу.

Ионафан не стал бы предпринимать попытку осады Акры, отчасти потому, что он мог бы обидеть своих сирийских союзников, а отчасти потому, что он не осмеливался сосредоточить все свои силы в одном месте, пока генералы павшего Деметрия сохраняли угрожающую позицию. В то время Иудея могла похвастаться армией численностью в 40 000 человек (144-143).

Последующие события слишком ясно показали, что предусмотрительность, проявленная хасмонеями при укреплении страны и поддержании мощной армии в начале этой кампании, не была излишней. Как только мятежный полководец Диодот Трифон овладел верховной властью в Сирии, он решил свергнуть царя-марионетку Антиоха и возложить корону на свою собственную голову. Но самым большим препятствием для достижения этих целей был сам Ионафан, который, верный памяти Александра, был преданным защитником прав Антиоха и который, более того, владел значительной частью морского побережья. Трифон прекрасно понимал, что Ионафан не станет соучастником его предательства, поэтому он решил избавиться от первосвященника и таким образом ослабить сторонников молодого царя. Но поскольку открытое насилие было невозможно, он прибегнул к хитрости, и ему действительно удалось перехитрить самого осторожного из всех хасмонеев и заполучить его в свою власть. Получив известие о вступлении Трифона в Скифополь во главе мощной армии, Ионафан поспешил выступить против него с 40 000 отборными воинами. К его изумлению, сирийский командующий принял его весьма учтиво и осыпал подарками. Полностью обманутый столь лестным приемом, Трифон убедил его распустить большую часть своих войск и последовать за своим войском в укрепленный портовый город Акко (Птолемаида), который Трифон обещал ему сдать. Из 3000 солдат, оставшихся с Ионафаном, 2000 были отправлены в Галилею, и только 1000 последовали за своим командиром. Но едва они миновали ворота крепости, как Ионафан был схвачен и взят в плен вероломным Трифоном, в то время как сирийский гарнизон напал на его людей и перебил их. После совершения этого позорного деяния войска бросились в погоню за иудейскими солдатами, которые были расквартированы на равнине Изреель и в Галилее. Но иудеи уже слышали об участии, постигшей их братьев, и они повернулись и дали бой сирийцам, обратив их в бегство. Получив весть о смерти Ионафана, они вошли в Иерусалим, и велик был ужас их убитых горем братьев. Они верили, что их возлюбленный Ионафан пал, как и тысячи его последователей в Акко, жертвой вероломного командира. Казалось, надвигается сирийское господство с его обычными ужасными последствиями. Эллинистов подозревали в причастности к этим катастрофическим событиям, и, фактически, между Трифоном и остатками эллинистов существовало тайное соглашение; сирийский командующий, по-видимому, пообещал им помощь извне, в то время как они должны были помогать ему изнутри, в случае осады иудейской столицы. Но Симон Тарси, последний из хасмонеев, успешно предотвратил эту двойную опасность. Несмотря на свой преклонный возраст, он был человеком высокого энтузиазма и исключительного героизма, так что смог пробудить людей от отчаяния к надежде. Когда он воскликнул перед толпой, собравшейся во внешнем дворе Храма: "Я ничем не лучше моих братьев, которые погибли за Святилище и свободу", иудеи в один голос ответили: "Будь нашим вождем, как Иуда и Ионафан, твои братья". Поставленный во главе нации самим народом, Симон был полон решимости обезопасить Иерусалим от внезапного нападения со

стороны эллинистов и в то же время воспрепятствовать проникновению Трифона в Иудею. Он послал иудейский контингент под предводительством Ионафана бен Авессалома в Иоппию, чтобы предотвратить высадку сирийской армии, пока сам собирал свои силы в Адиде.

Трифон в сопровождении своего пленника Ионафана уже вышел из Акко с намерением напасть на Иудею, которая, как он думал, будет парализована его актом предательства. Более того, он был полон решимости запугать иудеев и подчинить их себе, угрожая убить их первосвященника. Но, услышав, к своему изумлению, что вся Иудея вооружена и что Симон является вождем народа, он начал искусно вступать в переговоры с врагом. Он притворился, что взял Ионафана в плен только с целью получения ста талантов дани, которую иудеи ранее платили Сирии, и пообещал, что, если это возмещение будет получено и двое сыновей Ионафана будут переданы в качестве заложников, он освободит своего пленника. Симон ни в коей мере не был обманут этой уловкой Трифона, но, боясь навлечь на себя упрек в том, что он стал причиной смерти своего брата, он заплатил дань и выдал заложников. Трифон, однако, не имел намерения заключать мир с иудеями; напротив, в тот самый момент он направлялся в Иерусалим кружным путем, не осмеливаясь рисковать встретиться с иудейскими войсками в открытом поле. Он мог бы благополучно добраться до столицы, если бы сильный снегопад, весьма необычный в том жарком климате, не сделал горные дороги Иудеи непроходимыми и не вынудил его отправиться в Трансиорданию.

Разгневанный таким провалом своих планов, он приказал казнить Ионафана в Баскаме (143). Останки великого первосвященника и военачальника Маккавеев были в конце концов найдены и похоронены Симоном и всем народом в Модиине, в гробнице хасмонеев. Так закончился четвертый из братьев Хасмонеев. Он достиг большего, чем сделали его предшественники, и большего, чем могли бы сделать его преемники; ибо он поднял Иудейскую республику с самых низов до высоты, откуда, если бы фортуна не покинула ее полностью, она легко могла бы подняться еще выше. Это правда, что Иуда Маккавей совершил более многочисленные доблестные поступки и снискал более блестящую военную славу, чем Ионафан, но младший брат дал своему народу власть и значение и благодаря своему священническому сану обеспечил своей семье длительное отличие.

После смерти Иуды иудейская нация была так же близка к распаду, как и во времена кровавого правления Антиоха; но после смерти Ионафана существовали фундаментальные условия, на которых может быть основано государство.

Если мы можем сравнить Иуду Маккавея с Судьями библейской эпохи, то мы можем сравнить Ионафана с царем Саулом, который смог предотвратить гибель и достичь безопасности. Как Саул с помощью царской короны объединил разрозненные племена и превратил их в могущественный народ, так и Ионафан своей митрой объединил разрозненные фракции и сделал из них сильную и уверенную в себе нацию. И хотя народ глубоко оплакивал обоих, ни смерть царя Саула, ни смерть первосвященника Ионафана не положили конец единству нации, потому что ни в одном из этих параллельных случаев единство Иудеи основывалось не на одном человеке, а на всей нации, сознающей свои ресурсы. Как Саул нашел достойного преемника в своем зяте Давиде, так и Ионафан - в своем брате Симоне.

Из потомков Джонатана упоминается только одна дочь. Она была замужем за Маттафией бен Симоном Пселлом и стала прародительницей историка Иосифа Флавия.

В период, когда Иудейское государство развивалось через политические испытания, еврейская религия достигала на другом театре военных действий суверенного положения, откуда она влияла на цивилизацию всего мира. Политически иудаизм созрел в Иудее, интеллектуально - в Египте.

ГЛАВА XXIV. ИУДЕИ В АЛЕКСАНДРИИ И ПРАВИТЕЛЬСТВО СИМОНА.

Иудейские колонии в Египте и Кирене—Внутренние дела александрийской общины—Царь Филометор благоволит иудеям—Ония и Досифей—Храм Онии—Перевод Пятикнижия на греческий—Борьба между иудеями и самаритянами в Александрии—Дела в Иудее—Независимость Иудеи—Союз Симона с римлянами—Свержение Акры и эллинистов—Чеканка монет Симона—Ссора между Симоном и сирийским царем—Вторжение Кендевея—Убийство Симона.

160-135 гг. до н. э.

Волшебная страна Нила, некогда школа страданий детей Израиля и колыбель израильской религии, стала в этот период школой мудрости для иудейского народа.

Поселение иудеев в Египте поощрялось греческими правителями этой страны так же, как в прежние века фараонами. Они распространились по всему району между Ливийской пустыней на севере и границами Эфиопии на юге. Они увеличивались так же быстро, как и во времена своих предков, и по истечении столетия с момента их первого прибытия в приемную страну насчитывали миллион душ.

В Египте и Кирене иудеи пользовались правами, подобными правам греческих колонистов. Они так гордились этим равенством, что ревниво следили за своими привилегиями. Невозможно сказать, от кого они первоначально унаследовали их, от Александра ли или его преемников. Иудейская колония в Египте начала играть активную роль в то время, когда египетский и сирийский дворы были враждебны друг другу, когда оба стремились к обладанию Иудеей, и каждый, следовательно, стремился обеспечить союз иудеев. Но египетские иудеи всегда были верными приверженцами царского дома Птолемеев, и Филометор, шестой принц этой династии, сердечно принял многочисленных беглецов, бежавших из Иудеи во время гонений Антиоха.

Среди этих эмигрантов выделялись несколько иудеев из знатных семей, а также сын первосвященника Онии. Египетские правители относились к ним с уважением, и позже они смогли представить доказательства своего интеллекта и образованности. Политическое благоразумие требовало самого дружелюбного приема иудейских недовольных, чтобы быть уверенным в их безраздельной поддержке в повторном отвоевании Иудеи у Сирии. Однако ни Египет, ни Сирия не могли предположить, что противостояние иудейских патриотов сирийским армиям приведет к независимости Иудеи.

Иудеи были в основном сосредоточены в Александрии, уступавшей только Риму по политическому значению и торговле, и Афинам по любви к искусству и знаниям. Из пяти частей, или округов Александрии, которые обозначались первыми буквами греческого алфавита, иудеи заняли почти все две; район Дельты, лежащий на морском побережье, действительно стал исключительно иудейской колонией, и ее господствующее положение определяло род занятий ее жителей. Грузы зерна, которые Рим импортировал для своих легионов с богатых равнин Египта, несомненно, были погружены на иудейские корабли и доставлены на рынок иудейскими купцами. Они переносили богатые урожаи Египта в менее плодородные страны, как это делал до них их предок Иосиф. Плодами их предприятия были процветание и утонченность. Но торговля не была монополизирована иудеями, и это не было их единственным занятием. Их стремление учиться и способности позволили им овладеть мастерством греков и преуспеть в изготовлении тонких тканей. Иудейские ремесленники и квалифицированные рабочие были объединены в своего рода гильдию, и когда в Иерусалимском храме требовалась рабочая сила, александрийско-иудейская община предоставляла мастеров. Более того, александрийские иудеи применяли греческое военное искусство и государственное управление. Они овладели мелодичным греческим языком и углубленно изучали греческий язык, многие из них читали и понимали Гомера и Платона так же легко, как книги Моисея и труды царя Соломона.

Процветание, достойные занятия и культура внушали александрийским иудеям чувство собственного достоинства, и в этом их можно сравнить с их потомками в Испании гораздо более позднего периода.

Александрийская община считалась центром иудейской колонии в Египте, и другие иудейские колонии, и даже сама Иудея, были рады иногда опереться на этот прочный столп иудаизма. Молитвенные дома, носившие название Просеуче, были построены во всех частях города. Среди них была главная синагога, отличавшаяся изящной архитектурой и великолепным интерьером. Эти молитвенные дома были в то же время учебными заведениями, где самые опытные изучающие Закон вставали по субботам и праздничным дням, чтобы разъяснить ту часть Пятикнижия, которая только что была прочитана собранию.

Но самым блестящим украшением александрийско-иудейского мира были выдающиеся беглецы, прибывшие в Александрию во время сирийских гонений. Самым прославленным из них был Ония IV, младший сын последнего законного первосвященника из рода Иисуса Навина бен Джозадака.

После того, как его отец был предательски убит из-за его решительного антагонизма к эллинистам и поддержки Гиркана, юный Ония бежал в поисках безопасности в Египет. Там он был любезно принят кротким царем Филометором, потому что он представлял партию, которая смотрела на него как на законного преемника священнического сана, и шестой Птолемей, надеясь в конечном итоге вырвать Кесрию и Иудею из-под власти Сирии, полагал, что в конечном итоге он может рассчитывать на поддержку этой партии.

Как только Ония, который к тому времени достиг поместья Мэна, услышал, что нечестивый первосвященник Менелай был убит по приказу сирийского двора и что царевич Деметрий бежал из Рима и завоевал Сирию, он льстил себя надеждой, что ему будет позволено вернуться первосвященником в Иудею. Его покровитель, царь Филометор, тем временем стал союзником Деметрия и, вероятно, замолвил словечко за своего фаворита. Но когда Алким был избран первосвященником и получил поддержку вооруженных сил даже против хасмонеев, Ония

оставил всякую надежду получить священническое наследство своего отца и поселился на постоянное жительство в Египте.

Онию, по-видимому, сопровождал очень выдающийся человек по имени Досифей, и эти двое сыграли влиятельную роль во время правления Филометора. Им была предоставлена возможность отличиться во время беспорядков, возникших из-за соперничества двух царственных братьев, кроткого Филометора и неистового Эвергета, который был чудовищем телом и умом и которого из-за его огромных размеров называли "*Толстобрюхий*" (Physcon), а из-за его дьявольской порочности - "Какер-гет".

Оба брата вместе со своей сестрой Клеопатрой, которая была женой своего старшего брата, претендовали на трон в период, когда Египет и Сирия находились в состоянии войны друг с другом. Но Физкон, младший брат, захватил трон для себя, вытеснив старшего, который бежал в качестве просителя в Рим. Римский сенат признал права Филометора, но, всегда стремившийся к расширению власти, решил воспользоваться этой возможностью, чтобы ослабить Египет. Поэтому он постановил, что северо-западная провинция Кирена должна быть отделена от египетского царства и передана под власть Физкона. Но этот принц, недовольный своей маленькой территорией, неоднократно устраивал заговоры против Филометора, и вскоре между двумя братьями начались открытые разногласия. Филометор осмелился бросить вызов Риму, который встал на сторону Физкона; но, к несчастью, его солдаты были ненадежны, поскольку александрийско-греческое население, помимо обычных греческих недостатков, отличалось неверием и капризом. Филометору еще больше не хватало командиров. В этот критический час он доверил иудейским эмигрантам Онии и Досифею командование кампанией против своего брата. Все еврейско-египетское население поддержало Филометора. Способности двух иудейских лидеров позволили ему эффективно ослабить их физически. С того дня Ония и Досифей пользовались большим расположением Филометора и оставались командующими всей армией.

Ония был признан иудеями главой, или князем расы (этноархом). Возможно, он был единогласно избран на этот пост своими соотечественниками и утвержден в нем из благодарности царя, или Филометор, возможно, проявил инициативу и возвысил его до этого достоинства.

Со временем этот офис стал очень важным. В обязанности этнарха входило контролировать все дела общины, выполнять обязанности судьи и защищать целостность контрактов. Он представлял свой народ в суде. Должность этнарха, которую Ония занял первым, давала египетским иудеям слишком много привилегий, чтобы они могли возражать против этого.

В результате теперь они находились в удачном положении, имея лидера королевского достоинства, который смог сформировать из них единое сильное тело. Их сила должна была быть усилена новым творением среди них. Несмотря на уважение, которым Ония пользовался при дворе Филометора и среди своего народа, он не мог забыть, что из-за событий, произошедших в Иудее, он потерял свой законный сан первосвященника.

Во время неопределенного положения вещей в его собственной стране, когда Алким был поставлен выше законных представителей священства, и после его смерти, когда это достоинство, казалось, исчезло, Онии пришла в голову идея построить Храм в Египте, который должен был занять место оскверненного святилища в Иерусалиме, и в котором он был бы законным первосвященником.

Было ли его побуждение к такому начинанию благочестием или честолюбием?

Сокровеннейшие действия сердца не раскрыты в истории. Чтобы заручиться одобрением иудеев, Ония сослался на пророчество Исаяи хіх. 19: "В тот день будет жертвенник Господу в Египте". Филометор, которому он выразил свое желание, из благодарности за его военные заслуги подарил ему участок земли в районе Гелиополиса, в четырех с половиной географических милях к северо-востоку от Мемфиса, в земле Гесем, где некогда жили потомки Иакова до исхода из Египта. В маленьком городке Леонтополис, на развалинах языческого храма, где раньше поклонялись животным, Ония построил иудейское святилище (154-152). Внешне он не совсем походил на Иерусалимский храм, потому что был сделан из кирпича и возвышался в форме башни. Но все необходимые приборы в интерьере были точно такими же, как в Иерусалиме, за исключением того, что семирукий подсвечник был заменен золотой лампадой, свисающей с золотой цепочки. Священники и левиты, бежавшие от преследований в Иудее, совершали богослужения в этом Храме Онии. Царь великодушно распорядился, чтобы доходы всего района Гелиополиса направлялись на нужды Храма и священников. Эта маленькая провинция была образована в маленькое жреческое государство и называлась Луковой.

Хотя община смотрела на Храм Онии как на свой религиозный центр, посещая его во время праздников и принося жертвы во дворах, все же, в отличие от самаритян, они не отказывались от своей верности иерусалимскому святилищу и никоим образом не принижали его; напротив, они почитали Иерусалим как свою священную столицу, а Храм - как божественную резиденцию. Но чудесное исполнение пророческих слов о том, что "в Египте воздвигнется храм Господень", было для них источником великой гордости. Они называли Гелиополис "Городом Справедливости" (Ир-хазедек), применяя к нему этот стих пророков: "Пять египетских городов в тот день признают Бога Израиля, и один из них будет называться Городом Ерес", но они читали Ир-ха-Цедек.

Если бы Иудея наслаждалась состоянием мира и процветания, она возмутилась бы этим нововведением и наложила запрет на храм Онии, как она это сделала с храмом Гаризима, и египетско-иудейская община была бы исключена из общины, как это было в случае с самаритянами. Но опустошение Иерусалимского храма было столь велико, расчленение государства - столь полным, что не могло быть никакой веской причины, препятствующей осуществлению замысла, исходящего из самых чистых намерений. Основатель Храма происходил из длинного рода первосвященников, который вел свое начало во времена Давида и Соломона. Его предки сыграли важную роль в восстановлении Храма после вавилонского изгнания; он мог считать своим предком Симона Справедливого, а его отцом был благочестивый Ония III. Позже, когда хасмонецкий первосвященник восстановил богослужение в Иерусалиме во всей его чистоте, иудеи метрополии с сожалением смотрели на Храм, который существовал в чужой стране, и бескомпромиссно набожная партия никогда не могла забыть, что его существование было нарушением Закона. Но к тому времени Храм Онии прочно утвердился.

Филометор разрешил Онии построить крепость для защиты Храма в провинции Онион и передал крепость и ее гарнизон под его командование. Ония был в то же время военным комендантом округа Гелиополис, называемого Аравийской провинцией; отсюда его титул арабарх. В Александрии Ониас был общинным и судебным главой проживавшего там еврейского населения, в то время как в провинции Онион и Аравийском Египте он был командующим поселившимися там иудейскими солдатами.

Полная уверенность в том, что этот царь покоится на Онии и его единоверцах, побудила его возвысить первосвященника на другой важный пост. Морские порты и устья Нила имели важнейшее значение для сбора королевских доходов. Налоги, взимаемые здесь со всего поступающего и вывозимого сырья и промышленных товаров, сделали Египет самой богатой страной во времена правления Птолемеев, а позже и римлян. Онии была поручена охрана портов, и александрийские иудеи, жившие на морском побережье, без сомнения, имели привилегию выбирать чиновников для таможен.

В этот период Египет был ареной события чрезвычайной важности в мировой истории, хотя и породившего в то время взгляды, диаметрально противоположные друг другу. Преданность иудейских беглецов Закону, ради которого они бежали из своих домов в Палестине, возможно, пробудила в образованном царе Филометоре желание познакомиться с освященными веками Торой Моисея; или, возможно, те иудеи, которым был разрешен доступ к особе царя, настолько пробудили его интерес к их законам, столь постыдно поносимым Антиохом Епифаном, что Филометор, наконец, захотел сам прочитать их в переводе.

Также возможно, что оскорбительная клевета на иудеев и их происхождение, написанная на греческом языке, по-видимому, египетским священником Манефоном (который описывает израильтян как известную расу пастухов в Египте (гиксосов), изгнанных как больных проказой под предводительством Мойса), возможно, побудила царя захотеть узнать историю этого народа из его собственных источников. Какова бы ни была природа побуждения, для александрийских евреев было очень важно, чтобы возвышенное Пятикнижие было переведено на отточенный греческий язык.

У нас нет подробностей о том, каким образом была осуществлена эта работа. Очевидно, с целью облегчения задачи она была разделена между пятью толкователями, так что у каждой книги Пятикнижия был свой переводчик. Существующий перевод, хотя из-за различных искажений он во многом утратил свой первоначальный характер, самим отсутствием единообразия показывает, что он не мог выйти из-под одного пера.

Греческий перевод Торы был, так сказать, еще одним святилищем, воздвигнутым во славу Божью на чужбине. Выполнение этой задачи наполнило александрийских и египетских иудеев глубоким восторгом; и они с немалой гордостью думали, что теперь тщеславные греки наконец будут вынуждены признать, что мудрость, которой учил иудаизм, была одновременно и более возвышенной, и более древней, чем философия Греции. Их удовлетворение, несомненно, было усилено тем фактом, что благородная работа частично была обязана своим успешным завершением теплоте сочувствия дружественного царя и что таким образом был открыт путь для истинного понимания иудаизма среди греков. Поэтому было естественно, что в день представления версии царю среди египетских иудеев произошло великое ликование и что его годовщина отмечалась как праздник. В этот день у иудеев было принято отправляться на остров Фарос, где они возносили радостные благодарственные молитвы. После религиозной церемонии они принимали участие в праздничной трапезе либо в палатках, либо под свободным небесным сводом, каждый по своим средствам. Позже эта годовщина стала национальным праздником, в котором принимали участие даже язычники-александрийцы.

Но совершенно иное впечатление произвел перевод Торы на греческий язык на благочестивых жителей Иудеи. Греция не только была объектом их ненависти из-за страданий, которые они перенесли от ее рук, и унижений, которым она подвергла их религию; но они, что вполне

естественно, опасались, что Закон, переведенный на другой язык, может быть искажен и неправильно понят. Только еврейский язык, на котором Бог явил Себя на горе Синай, казался им достойным проводником Божественной мысли. Представленный в новом облачении, сам иудаизм казался благочестивым иудеям отчужденным и оскверненным. Следовательно, день, который иудеи отмечали как праздник в Египте, рассматривался их братьями в Иудее как день национального бедствия, подобный тому, когда в пустыне поклонялись золотому тельцу, и даже говорят, что этот день был причислен к их постам.

Какими бы разными ни были точки зрения, с которых рассматривался этот труд, если судить по результатам греческого перевода, были причины как для радости александрийцев, так и для печали палестинских иудеев. Благодаря своему греческому одеянию иудаизм стал известен грекам, которые были цивилизаторами мира; и не прошло и пяти столетий, какосновные нации познакомились с его учением. Греческий перевод был первым апостолом иудаизма, посланным языческому миру, чтобы исцелить его от порочности и безбожия. Посредством этого две противоположные системы — иудейская и греческая - были сближены. Благодаря их последующему распространению по миру посредством второго апостола, христианства, догматы иудаизма вошли в мышление и язык различных народов, и в настоящее время нет ни одного цивилизованного языка, который не заимствовал бы посредством этого греческого перевода слова и идеи из иудейской литературы. Таким образом, иудаизм был введен в мировую литературу, и его доктрины были популяризированы.

Однако, с другой стороны, это невинно привело к ошибочному взгляду на Иудейский закон, став в какой-то мере лжепророком, распространяющим ошибки от имени Бога. Трудность перевода с иврита на греческий, радикально отличающийся язык, и без того нелегкая задача, в тот период значительно возросла из-за отсутствия точного знания иврита и истинной природы иудаизма, что делало невозможным для переводчика всегда правильно передавать смысл оригинала. Более того, греческий текст охранялся не так тщательно, но время от времени в него могли вноситься произвольные исправления. Вдобавок к этому, перевод, вероятно, использовался переводчиком в качестве руководства по субботам и святым дням, и вносить те изменения, которые ему нравились, зависело от его вкуса, образованности и осмотрительности. И действительно, греческий текст полон дополнений и так называемых исправлений, которых позже, во времена конфликтов между иудаизмом и христианством, стало еще больше, так что оригинальную форму перевода не всегда можно узнать в его нынешнем измененном состоянии. Тем не менее александрийские иудеи последующих поколений так твердо верили в совершенство этого перевода, что постепенно пришли к выводу, что без оригинала можно обойтись, и полностью зависели от перевода. Таким образом, они стали смотреть на ошибки, которые вкрались в греческую Библию либо из-за невежества, неспособности справиться с грамматическими трудностями, либо из-за произвольных дополнений, как на слово Божье, и от имени иудаизма преподавались вещи, которые были совершенно чужды ему или даже противоречили ему. Одним словом, все победы, которые иудаизм одержал по прошествии лет над цивилизованным язычеством, а также все неправильные толкования, от которых он пострадал, были результатом этого перевода.

Высокая оценка этого труда грекоязычными иудеями, а со временем и язычниками, породила легендарные прославления, которые, наконец, примерно столетие спустя, оформились в историю, повествующую о том, что происхождение перевода было связано с шагами, предпринятыми Птолемеем Филадельфом, чье внимание привлек к ценности Книги Закона его

библиотекарь Деметрий. Деметрий объявил ее достойной места в Царской библиотеке при условии, что она будет переведена на греческий. После этого царь отправил своих послов к первосвященнику Елеазару с дорогими подарками, прося его выбрать нескольких мудрецов, одинаково сведущих в древнееврейском и греческом языках, и приказать им прибыть к его двору. Первосвященник отобрал семьдесят два ученых человека, взяв представителей от двенадцати колен, по шесть от каждого, и отправил их в Александрию, где они были приняты царем с большой помпой. Семьдесят два делегата закончили перевод Торы за семьдесят два дня и прочитали его вслух перед царем и всеми собравшимися иудеями. Именно из этой легенды, до недавнего времени считавшейся историческим фактом, перевод получил название Семидесяти двух, или, если быть более кратким, *Семидесяти* Септуагинты.

После того как было положено начало, естественно, возникло желание сделать другую литературу по иудаизму доступной для греческих читателей, и так постепенно исторические книгоевреев также появились в греческом одеянии. Из-за больших трудностей, которые они представляли, поэтические и пророческие книги были последними, кто нашел свой путь в греческий мир. Эти переводы положили начало новому искусству в египетском сообществе — ораторскому искусству с кафедры. Возможно, в Иудее было принято при чтении Закона не только переводить эту часть на язык, который тогда использовался среди людей (халдейский или арамейский), но и разъяснять ее для невежественных, и была ли эта практика введена также в молитвенных домах египетских иудеев? Или он был принят последними потому, что иврит стал для них чужим? Однако, было ли это подражанием или возникло у египетских иудеев, этот обычай переводить и объяснять непонятные стихи и части, которые нелегко понять, создал новое искусство. Переводчики, обладавшие беглостью речи, полученной в результате их работы, не удовлетворились простым переводом оригинального текста, а расширили его, добавив размышления по этому поводу и взяв из него приложения к современным событиям, а также заметки предостережения. Таким образом, из объяснения Священного Писания возникла проповедь, которая в греческом духе придания всему привлекательной и прекрасной формы постепенно получила художественное развитие. Ораторское искусство с кафедры — детище александрийско-иудейской общины. Она родилась в ее среде, выросла и совершенствовалась, став впоследствии образцом для других народов.

Очарование, которое иудеи-эллинисты находили в библейских писаниях, ставших теперь доступными для них, пробудило среди ученых желание обратиться к самим этим писаниям, пролить свет на содержащиеся в них доктрины или прояснить их кажущуюся грубость и противоречия. Так возникла иудео-греческая литература, которая распространялась и приносила плоды, оказывая влияние на все более широкий круг. Но мало что известно о зарождении этой своеобразной литературы, которая как бы держала в тесных объятиях две столь непохожие национальности. Эта литература, по-видимому, также подтверждает прошлый опыт, что ритмичные и размеренные предложения более приятны, чем простая проза. До наших дней сохранилось несколько фрагментов этих произведений, которые рассказывают греческими стихами древнееврейскую историю. Эта литературная деятельность вновь пробудила в Египте старый гнев самаритян против иудеев. Эти два народа, согласные в своей приверженности Закону, в своем признании единого Бога и в своем осуждении идолопоклонства, все еще сохраняли свою старую ненависть друг к другу. Хотя самаритяне, как и евреи, были вынуждены военачальниками Антиоха отказаться от поклонения Богу Израиля, тем не менее они не помогали иудеям в борьбе с их общим врагом, а скорее встали на сторону последнего против своих единоверцев.

Во время религиозных преследований многие самаритяне, по-видимому, эмигрировали в Египет и присоединились к потомкам своего собственного племени, которое обосновалось там со времен Александра. Эти египетские самаритяне, подобно иудеям, переняли обычаи и язык греков, которые преобладали в Египте, и теперь вражда, существовавшая между приверженцами Иерусалима и Гаризима, перенеслась в чужую страну, где они противостояли друг другу с тем яростным рвением, которое единоверцы в чужой стране обычно проявляют в поддержку заветных традиций. Перевод Торы на греческий язык, осуществленный под покровительством царя Филометора, по-видимому, подлил масла в огонь среди них. Какой яростный гнев самаритян должен был вызвать пропуск в тексте Септуагинты того стиха, который они считали доказательством святости своего Храма: "Ты построишь жертвенник в Гаризиме"! Самаритяне в Александрии хотели выразить протест против перевода или, скорее, против предполагаемой фальсификации текста, и поскольку некоторые из них пользовались благосклонностью при дворе, они убедили мягкого Филометора назначить конференцию между двумя религиозными сектами, на которой должен быть решен вопрос о высшей святости Самаритянского или Иудейского храма. Это был первый религиозный диспут, состоявшийся перед светским правителем. Обе стороны выбрали наиболее образованных людей среди себя в качестве своих защитников. На стороне иудеев выступил некий Андроник, сын Мессалама, в то время как у самаритян было два защитника, Саббай и Феодосий. Каким образом проводилась религиозная конференция и каковы были ее последствия, сейчас установить невозможно, поскольку дошедшие до нас отчеты приняли легендарную форму; каждая сторона заявляла о победе, и обе преувеличивали ее последствия. Религиозные споры еще никогда не приводили к каким-либо реальным результатам. Иудейские историки утверждают, что была достигнута договоренность о том, что предавать смерти тех, кто потерпел поражение в споре, должно быть правом и обязанностью царя — утверждение, для которого нет никаких оснований. Когда иудейские защитники указали на длинный список первосвященников от Аарона до их времени, которые служили в Иерусалимском храме, и на то, как этот Храм был обогащен святыми дарами от царей Азии, — преимуществами и отличиями, которыми Храм в Гаризиме не мог похвастаться, - самаритяне были публично объявлены побежденными и, согласно соглашению, преданы смерти. Самаритянские свидетельства, относящиеся к гораздо более позднему времени и более запутанные, приписывают победу их стороне.

Этот спор о высшей святости Иерусалима или Сихема, по-видимому, велся в греческих стихах. Самаритянский поэт Феодот восхвалял плодородие местности вокруг Сихема и, чтобы преувеличить значение этого города, рассказал историю Иакова, описав, как он отдыхал там; а также жестокое обращение, которому подверглась его дочь Дина от молодых вельмож Сихема, и месть, совершенную над ними ее братьями Симеоном и Левием. В противовес Феодоту иудейский поэт Филон Старший в стихотворении превозносил величие Иерусалима. Он превозносил плодородие иудейской столицы и говорил о ее вечно текущих подземных водах, которые текли по каналам из источника Первосвященника. Поэт стремился подчеркнуть святость Иерусалимского храма, стоявшего на горе Мориа, на вершине которой Авраам собирался принести в жертву своего сына Исаака — поступок, проливший вечную славу на всех его потомков.

Между тем небо, которое во время правления Филометора так ярко сияло над иудеями в Александрии, стало темным и угрожающим. Казалось, что материнское государство и его ответвление были связаны друг с другом во благо или во зло. Дни процветания и невзгод, казалось, посещали два сообщества почти в одинаковом чередовании. Из-за несчастья

Ионафана Иудея попала в бедственное положение, и новое правление в Египте принесло беду иудеям в Александрии. Тот самый Птолемей VII. (Физкон), который много лет правил вместе с Филометором и составил заговор с целью его уничтожения, стремился после его смерти получить корону, несмотря на существование законного наследника. Любящее новизну, непостоянное и глупое население Александрии было склонно признать королем уродливого и порочного Физкона. У овдовевшей царицы Клеопатры, правившей во время несовершеннолетия своего сына, также было много приверженцев, и в особенности Оний был предан ее делу. Когда разразилась война между Клеопатрой и ее враждебно настроенным братом, Ония со своей иудейской армией получили в качестве своей доли добычи один округ или провинцию. Наконец был достигнут компромисс, в силу которого Физкон должен был жениться на своей сестре, и оба должны были править вместе. Этот вдвойне кровосмесительный брак был самым несчастливым. Как только бесчеловечный Физкон вступил в Александрию, он предал смерти не только последователей законного наследника, но и самого юношу, который был убит в тот самый день, когда Физкон женился на Клеопатре. Ожесточенная вражда между королем и королевой, братом и сестрой стала следствием этого жестокого поступка. Чувственный и варварский монстр надругался над дочерью своей жены и наполнил Александрию ужасом и кровопролитием, в результате чего большая часть жителей бежала из города. Было ли вероятно, что он пощадит иудеев, которые, как он хорошо знал, были сторонниками его ненавистных сестры и жены? Услышав, что Ония ведет армию ей на помощь, он приказал своим солдатам схватить всех иудеев в Александрии вместе с их женами и детьми и бросить их связанными и обнаженными в общественном месте, чтобы их насмерть затоптали слоны. Животных опьяняли вином, чтобы разозлить и возбудить их против своих беспомощных жертв. Но последние были спасены от неминуемой смерти способом, который казался чудом дрожащим, несчастным иудеям. Разъяренные звери бросились в ту сторону, где сидели люди царя, ожидавшие жестокого зрелища, и многие из них были убиты, в то время как иудеи не пострадали. Александрийские иудеи сохранили день своего ниспосланного небом освобождения как вечный памятник. С этого времени, действительно, Physcon, по-видимому, не причинял иудеям вреда. Действительно, в течение оставшейся части его правления их литературный пыл и рвение к приобретению знаний значительно возросли, и их писатели, по-видимому, без помех занимались своими произведениями. Физкон сам был писателем и писал мемуары и памятные вещи, посвященные историческим событиям и фактам естественной истории. Говорят, что иудеянин по имени Иуда Аристокбул был его учителем или учительницей его брата.

В то время как александрийско-иудейская община занимала высокое интеллектуальное положение, иудейский народ на своей собственной земле достиг высокого политического положения, с которого он мог с гордостью оглядываться на свое прежнее жалкое состояние. Какого прогресса они достигли во время правления Ионафана, ясно видно из простого сравнения их состояния после его смерти с тем, в котором они оказались после падения Иуды. Преемник Иуды поначалу смог собрать вокруг себя лишь горстку верных последователей; лидер без прав или титула, он не обладал ни крепостями, ни средствами защиты или нападения и подвергался жесткому давлению врагов дома и за границей. Преемник Ионафана, напротив, Симон Тарси, последний из героических сыновей Маттафии, унаследовавший признанный титул и облеченный саном первосвященника, сразу же стал правителем могущественного народа. Он нашел сильные крепости на земле и всего одного врага на своем пути, который уже был сильно ослаблен его предшественником. Таким образом, смерть Ионафана не привела к

катастрофическим последствиям для нации, но подтолкнула весь народ к тому, чтобы отомстить благородному первосвященнику-Хасмонею за его коварного убийцу. Саймону оставалось только занять вакантное место лидера. Хотя в то время, когда он стал лидером своего народа, он приближался к старости, он все еще обладал свежестью юности и пламенной отвагой, которые отличали его, когда умирающий отец назначил его мудрым советником в надвигавшейся войне против сирийского деспотизма. Раса хасмонеев была настолько сильна, что действительно немногих из их представителей можно было обвинить в трусости или слабости, и большинство из них до последнего вздоха проявляли силу и мужество юности. Рядом с Симоном стояли его четверо сыновей: Ионафан, Иуда, Маттафия и еще один, чье имя неизвестно, - все они превратились в воинов в результате постоянных сражений, в которых они участвовали. Симон, следуя политике своих братьев, воспользовался слабостью врага, чтобы усилить обороноспособность и мощь своей страны и расширить владычество Иудеи; но он добился еще большего, поскольку полностью освободил свой народ от сирийского владычества и возвел Иудею в ранг независимой нации. Таким образом, правление Саймона, длившееся почти девять лет, по праву было названо славным. Старикам было позволено спокойно наслаждаться своими последними днями, в то время как молодежь радовалась проявлению своей активности и силы; "они сидели каждый под своей виноградной лозой и смоковницей, и никто не пугал их".

Первым шагом Саймона был акт независимости. Не дожидаясь, как это было принято до сих пор, утверждения сирийских князей, он сразу же принял должность первосвященника, предложенную ему народом. Чтобы подготовиться к войне, к которой мог привести этот его шаг, он поспешил подготовить и привести в состояние обороны крепости Иудеи. Он также начал переговоры со свергнутым с престола королем Деметрием II, хотя последний отплатил Ионафану за помощь низкой неблагодарностью. Симон послал ему через торжественное посольство золотую корону в знак признания его королевской власти и пообещал ему помощь против Трифона при условии, что независимость Иудеи будет полностью признана путем полного освобождения от уплаты налогов и повинностей. Результат оправдал его расчеты. Деметрий охотно принял предложение Симона, надеясь обрести верного союзника, который помог бы ему в возможной войне против Трифона. Он написал "первосвященнику и Другу царя, старейшинам и народу Иудеи" следующее: "Мы получили золотую корону, которую вы прислали нам, и мы готовы заключить с вами прочный мирный договор и написать нашим администраторам, чтобы мы перечислили вам налоги. То, что мы даровали вам, останется вашим. Крепости, которые вы возвели, будут вашими. Мы отпускаем вам грехи за все преступления, как преднамеренные, так и непреднамеренные, которые вы совершили против нас до сего дня; мы освобождаем вас от короны, которую вы нам должны, и мы возвращаем налоги, которые были наложены на Иерусалим. Если среди вас найдутся желающие вступить в нашу армию, они могут быть зачислены, и пусть между нами будет мир". День, в который был предоставлен этот иммунитет, считался иудеями настолько важным и ценным в эпоху, что его дата, 27 Ияра (мая), была отмечена среди полупраздников, посвященных победе.

Народ воспринял эти уступки Деметрия как торжественное открытие своей независимости, и с той эпохи обычный способ отсчета времени в соответствии с годами правления сирийского царя был отменен. Теперь они отсчитывали время от даты прихода Саймона к власти. Все юридические документы 142 года датировались "первым годом правления Симона, Первосвященника, командующего Армией и Князя Нации". Уверенный в своей силе, народ предоставил эту королевскую прерогативу своему лидеру, который в то время не имел на нее права, поскольку он еще не был признан законным принцем ни Сирией, ни нацией. Сам

Саймон, по-видимому, не считал полученные уступки достаточными для предоставления полной независимости своей стране, но датировал свое правление более поздним годом, когда он получил право чеканить деньги. Радость, испытанная жителями Иерусалима по поводу обретения свободы, потерю которой они горько оплакивали с момента разрушения Иудейского царства при их последнем царе Седекии, была настолько велика, что старейшины или члены Великого Совета почувствовали побуждение сообщить о чрезвычайно важном событии иудеям в Египте. Однако при этом им пришлось преодолеть серьезную трудность: сформулировать свое сообщение так, чтобы не оскорбить Онию, основателя Храма Онии, потомка семьи первосвященников, которая из-за действий хасмонеев в Иудее была полностью и безнадежно вытеснена. Даже если предположить, что Ония или его сыновья полностью отказались от перспективы когда-либо занять должность первосвященника, должно быть, было больно напоминать им и их последователям в Египте, что их семья была отвергнута народом Иудеи.

Представителям нации удалось легко обойти стороной эту трудную тему и остановиться на том факте, что после их долгих страданий и преследований Бог услышал их молитву и снова дал им силу приносить жертвы, вновь зажигать священные огни и класть хлебы в Храме, который был испорчен врагом и осквернен пролитием невинной крови. Это деликатное заявление, в котором тщательно избегалось какого-либо оскорбления иудеев в Египте, по-видимому, произвело на них очень благоприятное впечатление. Они также радовались обретенной независимости Иудеи и придавали большое значение году, в котором она была получена.

Второй заслуживающий внимания поступок Симона состоял в изгнании оставшихся эллинистов из их различных укрытий в Акре под Иерусалимом и в крепостях Газара и Вефсур и в полном уничтожении любого влияния, которым они могли обладать. Газара безоговорочно сдался. Симон позволил эллинистам покинуть это место и приказал очистить их жилища от идолопоклоннических изображений. Однако эллинисты в Акре так хорошо укрепили свои позиции, что Симону пришлось осадить ее и умертвить ее защитников голодом. Наконец они были побеждены, и победители вошли в Акру под звуки музыки и торжественные хвалебные гимны. В ознаменование взятия Акры было приказано впредь отмечать 23-й ияр (17 мая) как день ликования. Взятие Бетсура, по-видимому, не вызвало особых трудностей. Из изгнанных эллинистов некоторые, по-видимому, нашли убежище в Египте, другие отказались от своих идолопоклоннических обрядов и были снова приняты в общину, в то время как те, кто остался неизменным, пали жертвами религиозного рвения завоевателей. Рассказывают, что 22-й Элул (сентябрь) был выделен среди дней победы, потому что в этот день погибли те идолопоклонники, которые позволили истечь трехдневной передышке, не вернувшись к своей вере. Так, наконец, исчезли последние остатки той партии, которая в течение почти сорока лет сотрясала основы иудаизма и которая в своем вероотступническом рвении навлекла на народ бедствия гражданских распр и жестоких религиозных преследований и поставила страну на грань разорения. Крепости, отнятые Симоном у эллинистов, Вефсур и Газара, были перестроены таким образом, чтобы служить оборонительными сооружениями. Большое значение также имело взятие Иоппии (Яффы), от приобретения этого морского порта государство получало большой доход; экспортные и импортные пошлины, введенные сирийскими царями, теперь легли на долю Иудеи.

Акра претерпела странные изменения от рук последнего из братьев Хасмонеев. Гнев народа против этой крепости был слишком силен, чтобы позволить ей устоять в целости. Помимо политических соображений, существовало также религиозное чувство, препятствующее его

сохранению в неизменном виде. Крепость с ее высокими башнями, которую сирийцы возвели, чтобы держать город в узде, возвышалась над самой горой, увенчанной Храмом, а этому не суждено было сбыться. Согласно пророчествам Исайи, "в последние дни Гора Дома Господня должна была утвердиться на вершине гор и возвыситься над холмами". Это было буквально объяснено как означающее, что никакая гора или здание не должны были возвышаться над Храмом, и Симон, даже если сам не был убежден, был вынужден склониться перед этой верой. Однако, с другой стороны, казалось неблагоприятным разрушать крепость, которая, подобно Акре, была так удобно расположена для размещения войск и так хорошо приспособлена для хранения оружия. Саймон и его советники избрали средний путь в решении этой проблемы. Башни и бастионы крепости были снесены — разрушительная работа, которая, как говорят, стоила народу трех лет; стены, дворы и залы, напротив, остались стоять, но ненавистное название Акра или Акраполис больше не использовалось, а было заменено на Бира (Барис), которое впервые было введено Неемией. В этом преобразованном здании были расквартированы иудейские солдаты, и там они хранили свое оружие. Сам Симон жил в Бире среди своих солдат, в то время как его сын Иоханан (Иоанн), как губернатор морского побережья, проживал в Газаре.

Несмотря на выгодное положение, в котором он оказался, Саймон был вынужден оставаться вооруженным и готовым к войне. В настоящее время два претендента на трон, ослабляя друг друга, оставили его в покое. Demetrius II. (Никатор), предоставивший независимость Иудее, теперь был занят авантюрной экспедицией на восток против Персии. Его брат, Антиох Сидет, правил вместо него и враждовал с Диодотом Трифоном, который, предательски убив Ионафана и молодого Антиоха, сына Александра Баласа, сделал себя правителем Сирии. Симон, побуждаемый политическими мотивами ослабить этого хитрого, коварно мыслящего врага, помог Антиоху Сидету и получил от него подтверждение привилегий, дарованных Иудее его братом в час его нужды. В дополнение к этому Антиох дал Симону право чеканить деньги, что было особым признаком независимости.

К сожалению, как это слишком часто бывает, рука, посадившая дерево свободы, также поместила грызущего червя в благородный цветок. Лишенный той дальновидности, которая принадлежала гению пророков древности, и руководствуясь только нынешними чрезвычайными ситуациями, Саймон верил, что обеспечит с таким трудом завоеванную независимость своей страны, если заручится защитой этого народа, который, никогда не уставая совершать завоевания и возвеличивать себя, постоянно и повсюду был врагом свободы. Чтобы положить конец непрекращающимся провокациям, устраиваемым мелкими сирийскими тиранами, Симон доверил благополучие своей страны могущественному тирану Риму, в тесных объятиях которого народы, искавшие защиты, неизменно задыхались. Симон отправил в качестве делегатов Нумения, сына Антиоха, и Антипатра, сына Ясона. Они носили с собой тяжелый золотой щит и золотую цепь, которые в надежде снискать расположение иудеев и быть принятыми как союзники Рима, они должны были преподнести им в знак уважения.

Римский сенат был не прочь зачислить самую незначительную нацию в число своих союзников, прекрасно понимая, что, предоставив им покровительство, они сделали первый шаг к превращению ее в вассалитет. Рим напоминает неверного опекуна, который бесконечно заботится об имуществе своего подопечного только для того, чтобы накопить богатство для себя. Римский сенат сообщил своим друзьям и вассалам, что они приняли Иудею как своего союзника, и сирийским правителям было запрещено нападать на нее (140). Не пройдет и

двухсот лет, как бесстыдный, кровожадный римский император будет настаивать на том, чтобы ему поклонялись в Иерусалимском храме, а по прошествии еще тридцати лет Рим сломит силу иудейского народа, убьет его героев и будет охотиться на его сыновей, как на диких зверей. Но ни Симон, ни его современники не подозревали о таких ужасных результатах римского союза, которые радовались тому, что их называли друзьями, братьями и союзниками великой римской нации. Чтобы выразить свою благодарность своему лидеру за благо, которое он оказал им, еврейский народ с великой торжественностью передал ему высшую и постоянную власть над собой.

Едва ли можно найти во всей древности подобный пример абсолютной власти, дарованной таким образом князю, и тихого, мирного преобразования республики в монархию, подобного тому, что было осуществлено народом Иудеи в то время. Акт, подтверждавший этот дар монархии Симону, сохранился в летописи, которая поразительно наглядно демонстрирует нам благодарность, которую новообразованная нация испытывала к хасмонеям.

28-го Элула (сентября) 140 года, на третий год пребывания Симона на посту первосвященства, священники, старейшины и представители нации, а также все жители Иерусалима собрались, вероятно, на Храмовой горе, и там договорились, в знак признания великих услуг, оказанных Симоном и хасмонеями народу и Святилищу, считать его и его потомков своим лидером (Наси) и Первосвященником, "до тех пор, пока не восстанет пророк". В качестве внешнего знака своего достоинства Саймон должен был носить пурпурную мантию с золотой застежкой. Все общественные действия должны были совершаться от его имени; он должен был принимать решения о мире и войне; он должен был обладать единоличной властью назначать командующих армией и крепостями, а также управляющих Храмом и всеми его священными фондами. Всякий, кто выступал против него, подлежал наказанию.

Этот народный указ, копия которого хранилась в архивах Храма, был выгравирован на медных табличках, которые были размещены на видном месте во дворе Храма; кроме того, на горе Сион были воздвигнуты мемориальные колонны в его честь. Несмотря на свою антипатию к обычаям соседних греков, иудеи научились у них искусству увековечивать свои деяния в камне и металле. Однако, в отличие от греков, они не были капризны в почестях и милостях, которые оказывали. Те, кому в один прекрасный день были воздвигнуты памятники, на следующий день не были забрызганы грязью, а, наоборот, навсегда остались жить в благодарных сердцах своих соотечественников. Теперь у Израиля снова был законно избранный народом князь, который был лишен правителя на протяжении девяти юбилеев, начиная с пленения Седекии. Если народ дал Симону титул не царя, а только принца, то это было сделано не для того, чтобы каким-либо образом уменьшить его власть, а для того, чтобы они могли оставаться верными дому Давида. Согласно взглядам, существовавшим в то время в Иудее, только потомок Давида мог быть царем, поскольку он также был ожидаемым Мессией. Акт, передавший Симону верховную власть, содержал условие, что он должен, следовательно, сохранять ее до явления истинного пророка Илии, который, как ожидалось, станет предшественником Мессии.

Только после того, как Симон был официально признан правителем, он воспользовался правом чеканить деньги, предоставленным ему Антиохом Сидетом. Это был первый раз, когда были отчеканены иудейские монеты. На одной стороне монеты был оттиснут номинал с надписью "Шекель Израиля"; на другой - слова "Иерусалим Святой" (Джерушалаим Хакке-доша), дата была обозначена аббревиатурой. В качестве украшений на монетах использовались эмблемы

первосвященства Израиля; на одной стороне была выгравирована цветущая ветвь (посох Аарона); на другой - что-то вроде чаши, вероятно, представляющей сосуд для благовоний. Но имени или сана Симона, его титула принца или первосвященника на них не было. Буквы, использованные в надписях, были древнееврейскими или самаритянскими, вероятно, потому, что эти символы были знакомы окружающим народам, в то время как новые они не смогли бы расшифровать. Самая ранняя дата, которую мы находим на монетах Симона, относится к четвертому году его правления, из чего мы можем сделать вывод, что он начал чеканить деньги только через несколько лет после того, как принял королевскую власть (около 139 года).

Каким бы дружелюбным ни был Антиох Сидет по отношению к Симону, пока у него было мало надежды победить узурпатора Трифона, его поведение полностью изменилось, как только с помощью иудеев он почти достиг своей цели, и он стал таким же холодным, каким был раньше, был милостивым и доброжелательно настроенным. Чтобы избежать проявления неблагодарности в своем последующем поведении, Антиох отослал обратно две тысячи солдат, а также деньги, которыми Симон снабдил его для осады города Дора (139). Сирийский царь отправил своего полководца Кендебея к Симону, чтобы упрекнуть его в том, что он переступил границы предоставленной ему независимости и захватил сирийские владения, Иоппию, Газару и Акру в Иерусалиме, не предложив никакой компенсации. Поэтому он призвал Симона восстановить эти места или заплатить тысячу талантов серебра. Симон ответил, что он вернул только бывшее наследство своих отцов, но готов отдать сто талантов за Иоппию и Газару. Спор, однако, не мог быть разрешен дружественными средствами, и был оставлен на усмотрение меча.

В то время как сам Антиох преследовал Трифона, бежавшего из крепости Дора, он послал отряды пехоты и кавалерии под командованием генерала Кендебея, гирканца, вторгнуться в Иудею и снова подчинить всю страну сирийской власти. Симон приготовился к тяжелой борьбе. К счастью, он смог собрать значительную армию, 20 000 человек, и он смог собрать кавалерийские отряды, нехватка которых в прежних случаях была столь катастрофической для Иудеи. Симон, будучи слишком стар, чтобы принимать активное участие в войне, назвал своими генералами двух своих сыновей, Иоханана (Иоанна) и Иуду, которые выступили из Газары против врага. Тем временем Кендебей проник в страну до самого Экрона, грабя жителей и уводя в плен тех, кто жил в низинах. На равнине, расположенной между Экроном (который Кендебей укрепил) и Модином, произошла битва, в которой иудеи одержали победу. Кендебей и его армия были разбиты и преследовались до Азота, город которого, оказав сопротивление, был уничтожен огнем. Иоханан, которому главным образом был обязан успехом кампании, получил в ознаменование своей победы над гирканцами имя Гиркан. Это была последняя война, произошедшая во времена Симона (137-136), и она вселила в него уверенность в способности его сыновей поддержать стремящуюся к власти Иудею. Антиох был еще более озлоблен против Симона поражением, которое потерпели его войска, но, будучи слишком слабым, чтобы предпринять новую атаку, он теперь прибегнул к военной хитрости и надеялся с помощью хитрого заговора смести со своего пути всю семью Хасмонеев, упорных и удачливых врагов его дома. Для достижения этой цели он стремился пробудить честолюбие и алчность в том, кто, будучи зятем Саймона, мог легко найти возможности для совершения желаемого преступления. Этого бесстыдного человека, Птолемея бен Хабуба, не сдерживали ни благодарность, ни узы семейной привязанности, ни чувство почтения к человеку, состарившемуся в подвигах героизма, ни любовь к своей стране. Рукой своей дочери Симон наделил его богатством и назначил губернатором Иерихона и окрестностей, но честолюбивый

дух его зятя остался неудовлетворенным, и он горел желанием завладеть наследством Иудеи и с помощью чужеземца править царством. Птолемею было легко осуществить задуманный им злодейский план, ибо самый бдительный и дальновидный ум вряд ли мог заподозрить столь низменный поступок. Несмотря на преклонный возраст Саймона, у него вошло в обычай посещать все уголки страны, чтобы лично ознакомиться с нуждами народа и с тем, как исполняются законы. Во время одного из таких путешествий он прибыл в крепость Док, недалеко от Иерихона, где проживал его зять. Его сопровождали жена и двое младших сыновей, Иуда и Маттафия, но старший, Иоанн, остался на своем посту в Газаре.

Птолемей оказал дружеское гостеприимство жертвам, которых он намеревался принести в жертву; он приготовил для них великолепный пир, и пока они наслаждались пиршеством, Птолемей и его спутники напали на Симона и его сыновей и убили их (Шебат, февраль 135 г.).

Как только преступление было совершено, убийца отправил гонцов к сирийскому царю с просьбой прислать войска для осуществления его честолюбивых замыслов. Он также отправил солдат в Газару, чтобы убить Иоанна, и в Иерусалим, чтобы завладеть городом и Храмом. Но Птолемею не суждено было пожать ожидаемую награду за свое предательство. Друг, которому удалось сбежать из крепости Док, поспешил в Газару и предупредил Джона о надвигающейся опасности, и как только убийцы достигли города, они понесли должное наказание за свое преступление. Иоанну также удалось достичь Иерусалима раньше Птолемея, и ему было нетрудно убедить народ поддержать его. Ожидаемая помощь от Антиоха также не принесла результатов, несомненно, потому, что этот царь был занят военными действиями в другом месте, так что Птолемею пришлось запереться в своей собственной крепости. Здесь он держал свою тещу в заточении в качестве заложницы и готовился защищаться от нападений, которые, вероятно, были бы совершены на него.

Так погиб Симон, последний из братьев-Хасмонеев, ни один из которых не умер естественной смертью, все как один отдали свои жизни на службе своей стране и своей вере. Иуда и Елеазар были убиты на поле битвы, в то время как Иоанну, Ионафану и Симону повезло меньше, чем их братьям, и они пали жертвой жестокого предательства врагов своего народа.

КОНЕЦ ТОМА I.

СНОСКИ

1 На иврите слово *Абир* означает *быка, могучего и, следовательно, Бога*. Это связано с египетским *абром* (бык), от которого происходит *Апис*. Конф. Иеремия xlv. 15.

2 Levit. xvii. 7. Отправка козла отпущения Азazelю ознаменовала мерзость, в которой проводился этот похотливый культ.

3 Конференция. Иезекииль xxiii. 7, 8.

4 Михей, vi. 4, упоминает также Мариам и ее братьев как избавительниц.

5 Местоположение Синая следует искать не на так называемом Синайском полуострове, а вблизи земли Эдом, на границах которой находилась пустыня Паран. Ни Джебель-Муса с

прилегающими вершинами Джебель-Катрин и Рас-эс-Суфсафех, ни гора Джербал не были настоящим Синаем. См. "Monatsschrift" Френкеля-Греца, 1878, стр. 337.

6 Иисус Навин х. 12, 13.

7 Deut. viii. 7–9.

8 Deut. xxxiii. 13, 14.

9 Амос iv. 13.

10 Судей vi. 13.

11 Судьи iii. 8 и 10 следует читать "царь Эдома" (𐤀 𐤕𐤌) вместо Арама (𐤀𐤕𐤌).

12 Судей xi. 7.

13 Бытие, xlii. 16, 17.

14 См. Псалом lxxviii. 60-64; Иеремия vii. 12.

15 Иеремия xv. 1; Псалом xcix. 6.

16 I Царств XIV. 12.

17 I Царств xiv. 45.

18 I Царств xv. с 12 по 33. В 32 - м стихе читаем *мар мар хаммавет*.

19 I Царств xv. 28.

20 Амос vi. 4-6.

Примечания переписчика

Пунктуация и орфография были приведены в соответствие, когда в этой книге было обнаружено преобладающее предпочтение; в остальном они не изменялись.

Были исправлены простые типографские ошибки.

Двусмысленные дефисы в концах строк были сохранены.

Непоследовательное использование заглавных букв и букв собственного имени в именах без изменений.

В тексте используются как "таблицы", так и "таблички".

В тексте используются как 'Bethzur', так и 'Bethsur'.

В тексте используются как "Кедешот", так и "Кедесоф".

В основном тексте используется 'mashal', а в индексе - 'maschal'. Индекс изменен, чтобы соответствовать основному тексту.

Расположение номеров страниц в таблице содержания было немного изменено для удобства использования на устройствах с небольшим экраном.

Индекс не был проверен на наличие правильных ссылок на страницы.

Не все считывающие устройства будут отображать слова на иврите в этом тексте.

Страница 536: В указателе используется слово "Бет-хорон", но в основном тексте оно не пишется через дефис.

Страница 543: Запись "Иисус Навин, книга" относится к странице 35. Ссылка сделана на сноску⁶, которая была перенесена в конец этого текста.